

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK № 35 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

AJALOO-KEELETEADUSKONNA TÖID
ТРУДЫ ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1954

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
VIINIK 35 ВЫПУСК

AJALOO-KEELETEADUSKONNA TÖID

**ТРУДЫ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

EESTI RIIKLIK KIRJASTUS
TALLINN 1954

Redaktsiooni-kolleegium:

P. Ariste, H. Kadari, E. Martinson
(vastutav toimetaja), H. Moosberg, V. Reiman.
K. Aben, B. Jegorov (sekretärid).

Редакционная коллегия:

П. Аристе, Х. Кадари, Э. Мартинсон
(ответственный редактор), Х. Мосберг, В. Рейман.
К. Абен, Б. Егоров (секретари).

Pärast lühikest vaheaega (1951—1953) uuesti alustades „Toimetiste” väljaandmist, mis asutati 1893. a., jätkab Ulikool vihikute numeratsiooni lähtudes nende koguarvust, mis ilmunud ajavahemikul 1946—1950, kusjuures edaspidi „Toimetiste” jaotamine sarjadeks jääb ära ja „Toimetised” ilmuvad teaduskondade eri kogumikkudena või monograafiatena pideva numeratsiooni all.

Возобновляя после короткого перерыва (1951—1953 гг.) издание своих «Ученых Записок», основанных в 1893 году, Университет продолжает их нумерацию, считая от общего числа всех изданных выпусков в период 1946—1950 гг. по всем отдельно выходившим сериям, упразднив деление на них и выпуская в дальнейшем «Ученые Записки», в форме сборников работ по отдельным факультетам и в виде отдельных монографий, под общей нумерацией.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ СРЕДИ ТАРТУСКИХ СТУДЕНТОВ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Э. Янсен

Научный сотрудник Института Истории АН ЭССР

I

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ СРЕДИ ТАРТУСКИХ СТУДЕНТОВ

Уже в дворянский период освободительного движения в русских университетах возникали революционные кружки. Но еще больше появилось их во второй половине XIX века, в разночинный период революционного движения. В это же время в университетах царской России началось массовое движение студентов.

Кроме противоречий, свойственных капитализму, в русском обществе после 1861 г. еще в значительной мере существовали противоречия между быстро развивающимся капитализмом и многочисленными пережитками феодализма, препятствовавшими росту производительных сил. В. И. Ленин показывает, что путь развития капитализма в сельском хозяйстве может быть двояким. Первый путь — это путь, который означал бы решительную ликвидацию всех остатков феодализма. Другой путь — это путь развития капитализма в условиях политического и экономического господства помещиков, путем частичных реформ. Идеологию крестьянских масс России, которые боролись за революционный путь развития капитализма, выражали вначале революционные демократы, позднее — революционное народничество. Большинство в народнических кружках составляла именно интеллигенция, в первую очередь студенты.

В 70-ых и особенно 80-ых годах XIX в. в России рабочий класс начал пробуждаться. Борьба рабочих с капиталистами оказала революционизирующее влияние на другие демократические слои русского общества.

Во второй половине XIX в. во всех университетах царской России увеличилось количество студентов, поскольку капитализм все больше нуждался в обслуживающей его интеллигенции. В уни-

верситеты стал проникать теперь разночинный элемент, а также некоторые представители крестьянства и рабочего класса. Появился тип нуждающегося, перебивавшегося «с хлеба на квас» русского студента.

Но царская политика «народного» просвещения была глубоко реакционной. Деятельность царского министерства просвещения была, говорит Ленин, явной насмешкой над гражданскими правами, над народом.¹ Студенты были лишены свободы собраний и организаций, в университетах царил полицейский режим. Прием в университеты был ограничен факторами политической благонадежности, пола, национальности и т. д. Обучение носило казенный, глубоко реакционный характер. Целью просвещения при царизме было воспитание для царя и капиталистов угодливых, тупых и преданных прислужников. Очень метко говорилось в одной из листовок, распространявшихся среди демократической части тартуского студенчества, что правительство хочет сделать из студентов только лишь подмастерьев по медицинскому, правовому и другим ремеслам, чиновников, которые должны преклоняться перед религией и самодержавием.²

Царская политика в области просвещения неизбежно вызвала протест демократической части учащейся молодежи. Поэтому во второй половине XIX века, в связи с общим подъемом революционного движения и началом борьбы рабочего класса, в российских университетах учащаются массовые выступления студенчества.

В 1880-х годах, в условиях общей политической реакции, усугубилась реакция и в области просвещения. Еще больше усилился надзор за студентами. Начиная с 1882 г. высшие учебные заведения были обязаны в начале каждого учебного года представлять списки учащихся в департамент полиции. В 1884 году был введен новый университетский устав, ликвидировавший существовавшую с 1863 г. профессорскую автономию. Указом 1885 г. запрещались все студенческие организации, за исключением научных обществ. В 1887 году был запрещен прием в университеты лиц, которым школа не выдавала «положительной» характеристики относительно «склада и направления их мыслей». На все эти меры царского правительства студенчество отвечало ростом массового движения протеста, принявшего особый размах во второй половине 1880 г., в связи с общим революционным подъемом в России.

Неразрывно связаны с общим студенческим движением в царской России были и выступления демократической части тартуских студентов в конце XIX и начале XX вв.

Основанный в 1802 году Тартуский университет по своей организации отличался от других университетов царской России, пользуюсь специальными уставами об автономии.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 68.

² Центральный Государственный Исторический Архив ЭССР (ЦГИА), ф. 296, д. 18, II, 1902, л. 62.

Идеологи прибалтийско-немецкого дворянства всячески старались превратить Тартуский университет в центр пропаганды своей реакционной феодальной «культуры». Эту превозносимую прибалтийско-немецкими историографами и эстонскими буржуазными националистами «культуру» метко охарактеризовал Маркс: «Старые сословные перегородки, ортодоксальная лютеранская вера, высасывание соков из крестьянства — это они называют немецкой культурой».¹

Однако, благодаря своим связям с демократической русской культурой, Тартуский университет стал замечательным центром передовой русской науки. Кроме феодального прибалтийско-немецкого Тарту, этого, по словам Герцена, «наиболее узкого, теологического и эксклюзивного болота германизма»,² существовал и еще другой Тарту — Тарту Пирогова, Бэра, Струве, Якоби и других, завоевавших мировую известность русских ученых.

Развитие капитализма, обострение борьбы пролетариата и рост крестьянского движения заставили царское правительство в 1880-х годах приступить к осуществлению реформ в Прибалтике. Хотя эти реформы преследовали цель укрепления позиции царизма, они, как буржуазные по содержанию реформы, все же имели известное прогрессивное значение, подрывая устои «Прибалтийского особого порядка» и содействуя развитию капитализма. А с другой стороны, царское правительство усугубляло национальное угнетение, проводя на окраинах жестокую политику руссификации.

Составной частью этих реформ явилось и преобразование Тартуского университета, начавшееся с 1889 г. На Тартуский университет было распространено действие общероссийского университетского устава 1884 г., чем была ликвидирована его автономия. В последующие годы на всех факультетах, исключая богословский, был введен русский язык преподавания, уравнены кафедры и порядок проведения экзаменов. Была учреждена инспектура — внутренний полицейский орган университета. В 1893 г. Universitas Dorpatensis переименовали в Юрьевский Императорский Университет.

Несмотря на реакционные устремления самодержавия, университетская реформа привела объективно к ряду положительных результатов. Обучение на русском языке дало возможность эстонской интеллигенции ближе познакомиться с достижениями передовой русской культуры. В связи с реформой произошел перелом в социальном и национальном составе тартуского студенчества: русский язык обучения сделал Тартуский университет доступным для молодежи и из других губерний России, в основном выходцев из более бедных слоев населения.

До 1890-х годов большинство тартуского студенчества составляли выходцы из среды прибалтийско-немецкого дворянства и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 233.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. X, Петроград, 1919, стр. 92.

реакционной буржуазии. Но на протяжении XIX столетия неуклонно росло количество студентов русской и других национальностей царской России. Уже в середине XIX в. выходцы из других губерний России составляли, примерно, $\frac{1}{3}$ тартуского студенчества. В 1860-х годах это число несколько понизилось (до $\frac{1}{5}$), но в 1880-х годах снова стало возрастать. При этом существенным фактором было то, что к Тартускому университету, по сравнению с другими университетами, не применялись некоторые ограничения, в первую очередь, запрещение принимать студентов, исключенных из других высших учебных заведений России. Здесь не было также ограничения в приеме евреев и поляков, которые в других университетах принимались лишь в размере 5% к общему числу студентов. В связи с этим в 1880-х годах, особенно к концу десятилетия, в Тартуском университете стало возрастать число студентов-разночинцев, исключенных из других университетов за революционную деятельность. В архиве царской полиции все чаще попадаются упоминания о прибытии сюда из других университетских городов студентов, находившихся под надзором полиции.

Массовый приток студентов в Тартуский университет из других губерний России начался именно в 1890-х годах. В 1890 г. они составляли 38,3% из общего числа студентов; в 1899 г. — 72,2%; в 1900 г. — 76,2%.¹

Соответственно этому тартуское студенчество принимало, по сравнению с прошлым, все более демократический облик. Начиная с 1897 г. в Тартуский университет было разрешено принимать и лиц, окончивших духовные семинарии, прием которых в другие университеты был запрещен. Духовные семинарии по составу учащихся были более демократическими, чем гимназии, ибо здесь нередко учились и выходцы из бедных слоев населения. Представители русского дворянства и крупной буржуазии в Тартуский университет поступали сравнительно редко. С другой стороны, университет с русским языком обучения был не по вкусу прибалтийско-немецким дворянам и они часто направлялись учиться в Германию.

Имеющиеся материалы о сословном составе студентов показывают, что к концу 1890-х годов большинство составляли мелкобуржуазные элементы.

В 1890-х годах в Тартуском университете возросло и количество студентов-эстонцев, примерно, до 150 человек.² Однако, в большинстве своем это были выходцы из кулацких семей.

Одной из особенностей состава тартуского студенчества было то, что здесь социальные противоречия тесно переплетались со сложными национальными взаимоотношениями. Содержанием национальной политики самодержавия было безжалостное угнетение отдельных народов, руссификация национальных меньшинств, на-

¹ «Личный состав Юрьевского Императорского Университета».

² Там же.

травливание национальностей друг на друга. Царское правительство, облегчая русским студентам доступ в Тартуский университет, преследовало, несомненно, свои руссификаторские цели. Но результаты оказались совершенно противоположными.

Демократически настроенные студенты русской и других национальностей, имея самые тесные связи с другими университетами царской России, принесли с собой в Тарту революционные идеи и явились зачинщиками массовых выступлений местного студенчества. Они сыграли большую роль в деле воспитания эстонских и латышских студентов в революционном духе.

Рука об руку с питомцами Тартуского университета в студенческом движении принимала участие и демократическая часть студентов другого высшего учебного заведения г. Тарту — Ветеринарного института, основанного в 1848 г., в котором с самого начала училось значительное количество молодежи из бедных слоев населения.

Отдельные представители демократически настроенной молодежи различных национальностей царской России поступали в Тартуский университет уже с начала XIX века. Здесь учились: знаменитый армянский писатель Х. Абовян, латышские прогрессивные деятели К. Биезбардис и Ю. Алунан и др. Отдельные выходцы из эстонского крестьянства, попавшие в университет, стали выдающимися борцами против феодализма и явились основоположниками эстонской демократической культуры, — напр. Кр. Я. Петерсон, Фр. Р. Фельман, Фр. Р. Крейцвальд, Р. Петерсон и др.

В середине XIX в. русский писатель В. А. Соллогуб констатирует наличие революционного, по его выражению «нигилистского» ядра среди тартуского студенчества.¹

В середине 1880-х годов в Тарту оживилась деятельность народников.

В 80-х годах народничество в России уже вырождалось. Рабочее движение все возрастало, охватывая постепенно новые районы. В острой борьбе с ошибочными концепциями народников началось распространение марксистских идей. В 1883 году Плеханов основал группу «Освобождение труда». Марксистские кружки стали возникать и среди студентов, в первую очередь петербургского, а затем и других университетов.

К этому времени на путь стихийной борьбы встал и эстонский пролетариат — составная часть российского пролетариата. Это видно по Кренгольмской забастовке в 1872 г., по следующим за ней в 80-х годах забастовкам в Кренгольме, Кунда, Таллине и др.

Центрами рабочего движения в Эстонии становятся промышленные города — Нарва и Таллин. В Тарту же преобладало ремесленное производство, крупной промышленности здесь почти совсем не было. В 1890 г. в Тарту на предприятиях, с количеством

¹ В. А. Соллогуб, Воспоминания. Москва-Ленинград, 1931, стр. 491.

рабочих свыше 16, работало всего лишь 219 человек. Таким образом, большинство составляли ремесленники, и рабочее движение было слабо развито. Мелкобуржуазный, отсталый Тарту служил в 80-х годах благоприятной почвой для пропаганды народничества, которое к тому времени в крупных городах, промышленных центрах отжило уже свой век.

Тарту стал в 80-х годах главным центром народнического движения в Прибалтике. Это подтверждается тем фактом, что, например, в 1883 г., в Лифляндии из 12 человек, находившихся за «политические преступления» и революционную пропаганду под надзором полиции, 7 были тартуские студенты.¹ В середине 80-х годов тартуские студенты основали местную организацию «Народной воли», руководителем которой считался студент В. Переляев, поступивший в университет в 1882 г. В организацию входили студент Александров, студенты-ветеринары Ткаченко, Иванов и др. В 1885 г. полиция обнаружила на квартире Переляева тайную типографию,² где было найдено множество свежееотпечатанных брошюр организации «Народной воли» и другой нелегальной литературы; была обнаружена и работа К. Маркса «Гражданская война во Франции». Народники использовали в Тарту научное общество русских студентов («Общество русских студентов»), в котором Переляев был наиболее активным и влиятельным членом.³ Несмотря на то, что в 1885 г. царской полиции удалось захватить, повидимому, ядро народнической организации, деятельность народников в Тарту продолжалась. Так, при обыске в 1886 г. здесь были найдены подписные листы по сбору денег в пользу «Народной воли» и запрещенная литература.⁴

Революционная деятельность, выражавшаяся в распространении нелегальной литературы и листовок, продолжалась и еще более оживилась в Тарту в конце 80-х годов в связи с подъемом рабочего движения в России (Морозовская стачка в 1885 г. и др.) и многочисленными студенческими выступлениями в Петербурге и Казани в 1887 г. В Тартуском университете наблюдался массовый наплыв студентов, исключенных из других университетов: только из Казани прибыло сюда 55 человек.⁵ Значительно длиннее стали списки студентов, находившихся под тайным надзором полиции: если в 1887 г. их было 23 чел.,⁶ то в 1888 г. — 54,⁷ а в 1890 г. — 62.⁸ Все прочнее становилась связь с другими университетами царской России, где в это время уже возникали марксистские кружки (в Петербурге, Казани). В 1888 г. и позднее в

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 1, 1884, л. 105—116.

² Типография была обнаружена в связи с неожиданной смертью В. Переляева.

³ ЦГИА ЭССР, д. 8, 1885, л. 2—4, 7—8; ф. 451, д. 5, 1885, л. 7—8.

⁴ Там же, ф. 296, д. 8, 1877—1891, л. 357.

⁵ Там же, ф. 325, д. 973, л. 13.

⁶ Там же, ф. 296, д. 1, 1887, л. 110—127.

⁷ Там же, д. 1, 1889, л. 12—36.

⁸ Там же, д. 1, 1891, л. 39—56.

Тарту распространялись составленные в других университетах прокламации, в которых студенты призывались к продолжению борьбы за академические свободы.¹

Кроме «Общества русских студентов», подпольную работу проводили и различные другие студенческие научные организации. Так, общества русских студентов университета и ветеринарного института «Societas» и «Concordia» имели связи с другими высшими учебными заведениями царской России, откуда им присылали, по выражению начальника жандармского управления Лифляндской губернии, «мятежного содержания листовки».² В библиотеках этих организаций имелись лучшие произведения классиков русской литературы, и поэтому они оказали большое влияние на формирование мировоззрения эстонской демократической интеллигенции. «Concordia» вела переписку с А. П. Чеховым.³

Студенты русской и других национальностей вели в Тарту пропаганду среди эстонских и латышских студентов, вообще среди всей местной молодежи. Малочисленные в 80-х годах представители эстонской демократической интеллигенции именно через русских студентов в Тарту впервые знакомились с марксистской литературой. Соприкосновение с демократически настроенными русскими студентами оказалось, несомненно, большое влияние на многих представителей передовой эстонской интеллигенции.

Всякая пропаганда прогрессивных идей среди студентов Тартуского университета могла происходить лишь в острой борьбе с представителями прибалтийского дворянства.

Баронские сынки с самого начала делали все, чтобы задушить всякое проявление прогрессивной мысли, каждый зародыш революционного движения среди студенчества. Своей «деятельностью» они заслужили полное одобрение правящих кругов. Так, Лифляндский губернатор в своих отчетах министру внутренних дел подчеркивал, что тартуские студенческие корпорации всячески поддерживают «порядок» в университете и активно борются против революционного движения.⁴

Русский студент-разночинец того периода со своим революционным идеализмом, со своей любовью к народу был прямой противоположностью реакционно настроенному, всегда пьяному, грубому прибалтийско-немецкому корпоранту-дуэлянту. Известный писатель и литератор, лауреат Сталинской премии В. В. Вересаев, поступивший в 1888 г. в Тартуский университет, следующим образом характеризует прибалтийско-немецких корпорантов: «Дух немецкого буршества был нам страшно чужд. Никаких общественных интересов, презрение к «политике», узкий национа-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 404, д. 4012, л. 1.

² Там же, ф. 296, д. 5, 1888, л. 1.

³ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, т. 14, Москва, 1949, стр. 542.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, ед. хр. 89, ч. 52, 1888, л. 9.

лизм, кутежи, дуэли, любовные аферы — этим заполнялась жизнь, об этом пелось в их песнях». ¹

Эта кажущаяся аполитичность прибалтийско-немецких буршей фактически означала преданность интересам царского правительства.

90-е годы в России характеризуются бурным развитием промышленности, количественным ростом промышленного пролетариата и большим подъемом рабочего движения. В 1895 году Ленин основал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», исторической задачей которого стал переход к массовой агитации среди рабочих и соединение социализма с рабочим движением. В связи с этим марксистское учение распространялось и вширь. Ленин отмечает всеобщий интерес к марксизму среди образованной русской молодежи в середине 90-х годов. ²

Эстонский пролетариат продолжал в этот период стихийную борьбу. В 90-х годах в Таллине и Нарве марксистские кружки имели связь с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

Подъем рабочего движения и распространение марксистских идей вдохновляли и демократическую часть русского студенчества к борьбе за академические свободы. Студенческое движение 90-х годов выдвигало требования университетской автономии, т. е. изменения устава 1884 г., отмены ограничений при приеме в университет и т. д. При этом студенческие выступления становились все более организованными, все более крепла связь между университетами царской России. Особенно значительные массовые выступления — забастовки и т. п., — в которых участвовало большинство российских университетов, происходили в 1896 г. Царское правительство жестоко преследовало протестовавших студентов. Под влиянием марксистских идей в академических выступлениях студентов все чаще стали проявляться элементы протеста против всего самодержавного режима.

В конце 80-х годов марксистские идеи стали распространяться и среди тартуских студентов; и здесь стали возникать марксистские кружки. Марксистская литература изучалась и в основном латышскими прогрессивными студентами в 1888 году обществе «Pirkaloniņa», куда входил Фр. Розин, позднее известный латышский революционер, пролетарский поэт Э. Вейденбаум и др.

Первый марксистский кружок был основан в Тарту русскими студентами в 1893 г. ³ Во главе этого кружка вскоре встал В. Шанцер, поступивший в Тартуский университет в 1895 г. и бывший впоследствии видным большевиком, одним из руководителей борьбы на Красной Пресне в декабре 1905 г. в Москве. ⁴ Среди демо-

¹ В. Вересаев, Воспоминания, ОГИЗ, 1946, стр. 314.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 347.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 11, 1893, л. 1.

⁴ А. Н. Панкратова, Первая русская революция 1905—1907 гг., ГИПЛ, 1951, стр. 178.

кратически настроенных тартуских студентов Шанцер быстро приобрел большую популярность и авторитет. Под его руководством в марксистском кружке русских студентов проводилась напряженная работа по усвоению теории марксизма. Кружок ставил своей целью распространение марксистской литературы, популяризацию идей марксизма в более широких кругах молодежи, в том числе среди студентов эстонской и латышской национальностей. Для получения права на участие в собраниях, студенты поступали в члены общества «Concordia». С точки зрения пропаганды марксистских идей большое значение имели организованные этим обществом дискуссионные вечера по субботам.¹

Русские студенты-марксисты имели огромное воспитательное влияние на демократическую часть эстонского студенчества. Конкретным примером здесь может служить выдающийся демократический писатель Эдуард Вильде, который именно в среде передовых русских и латышских студентов усвоил основы материалистического мировоззрения. Вильде писал в 1895 г.: «... у нас в Тарту в частных кругах (происходит) оживленная духовная жизнь; я обнаружил совершенно иной кругозор и круг мыслей... Я в последнее время читал научную литературу, которая делает человека мыслящим человеком. История, политэкономия, социальная политика, философия — все встает передо мною в совершенно новом свете».² Внутренний рост Э. Вильде подтверждается появлением в 90-х годах таких его произведений, как «В суровый край», «Железные руки» и др., освещавшие острые классовые противоречия в эстонской деревне и в городе. Эти произведения помогали воспитывать сознание эстонских трудящихся и готовить почву для распространения марксистских идей в Эстонии.

В 1894 г. организовалась демократическая группа эстонских студентов, которая изучала марксистскую литературу. Этот кружок вел борьбу с организацией кудачских сынков, очагом агрессивного буржуазного национализма — «Обществом эстонских студентов».

В конце 90-х годов эстонские студенты П. Аавакиви, А. Альвер, Ю. Юргенс и другие представители прогрессивной интеллигенции (например, О. Мюнтер) издали сборник «Развлечение и наука» («Lõbu ja teadus»), а позднее журнал «Народное развлечение» («Rahva Lõbuleht»), в которых популяризировали естественные науки с материалистических позиций и знакомили студентов с прогрессивными русскими писателями (А. П. Чеховым и др.).

Марксистские кружки тартуских студентов в 90-х годах не были связаны с рабочим движением. Но их деятельность по распростра-

¹ В. М., Дерптская группа марксистов 1894—1896 гг. и В. Шанцер, «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 597—600.

² Письмо Э. Вильде Вахтрику от 2 окт. 1895 г. Литературный Музей АН ЭССР, Вильде 1 : 18 а.

нению марксистских идей в Эстонии имела все же очень большое значение.

Марксистские кружки русских и латышских студентов в Тарту были разгромлены жандармерией во второй половине 90-х годов.

В 1899 г. во многих университетских городах царской России происходили массовые забастовки и даже демонстрации студентов, правда, с академическими требованиями. Деятельность марксистских кружков в Тарту была одной из предпосылок к тому, что в 1899 г., в обстановке всеобщего большого революционного подъема, ко всероссийскому массовому студенческому движению присоединилась и демократическая часть студентов Тартуского университета и Ветеринарного института.

К этому времени большинство тартуского студенчества составляли, как выше уже отмечалось, демократические элементы, прибывшие из центральных губерний России. Эти демократически настроенные русские студенты основали в 90-х годах и в Тарту свои нелегальные организации — землячества. Землячества сформировали свой координирующий центральный орган — «Союзный Совет Дерптских объединенных землячеств и организаций», ставший руководителем студенческих выступлений. Тем самым в противовес хорошо организованному реакционному элементу укрепились и организация демократической части студенчества.

Несмотря на то, что студенческие организации, кроме научных обществ, были запрещены, преданные царизму прибалтийско-немецкие студенты сохранили свои корпорации в виде полулегальных, терпимых правительством организаций, с центральным органом «Chargierten Convent». Полную солидарность корпорациям выражало «Общество Эстонских Студентов». В связи с общим подъемом революционного движения обострялась борьба между демократическим и реакционным лагерями тартуского студенчества.

8 февраля 1899 г. в Петербурге вооруженная нагайками царская полиция напала на демонстрацию, которая была организована демократически настроенными студентами. В ответ на это 11 февраля петербургские студенты объявили забастовку, организовав обструкцию лекций. К протесту петербургских студентов присоединилась передовая часть почти всех русских, в том числе и Тартуского, университетов. 23 февраля под руководством Союзного Совета в Тартуском университете и в Ветеринарном институте происходили студенческие собрания — сходки. Здесь был выдвинут целый ряд требований академического характера: удовлетворение требований избитых нагайками петербургских студентов; защита студентов от полицейского произвола; автономия университетов; свобода собраний; одинаковые правила приема для оканчивающих средние школы разных типов; отмена ограничений при приеме евреев и поляков; отмена или уменьшение платы за обучение. До выполнения властями предъявленных требований

студенты объявили забастовку, то есть прекратили посещение лекций.¹

В результате деятельности марксистских кружков в движении тартуского студенчества в 1899 г. уже заметно проявляются нотки политического протеста. Так, среди тартуских студентов распространялись сатирические песни, пьесы, памфлеты, в которых остро критиковались университетские порядки, а также и весь самодержавный строй. Для примера можно привести распространенную в то время в Тарту песенку, сочиненную по поводу петербургских событий:

Над широкой рекой
Молчаливой четой
Двое сфинксов сидят — ухмыляются.

Фараоны кругом
Бьют народ все кнутом,
Пирамидов подлец — отличается...

По стране каждый год
Недород, Недород,
А на помощь папирус — марается.

А намедни твердил
Наш один крокодил,
Что законом страна управляется.

Так неужто же я
Не в Египте, друзья,
Иль то сон на яву — совершается...²

Но в основном движение тартуских студентов в 1899 году не выходило, как видно по требованиям сходов 23 февраля, из академических рамок.

С самого начала прибалтийско-немецкие корпоранты и члены Общества эстонских студентов объявили себя противниками движения³ и всячески старались препятствовать расширению студенческой забастовки. Но несмотря на противодействие реакционных элементов, тартуские студенты бастовали с 24 февраля до 4 марта 1899 года. С 27 марта сходы и обструкции возобновились и продолжались целый месяц.⁴

Правительство сразу же перешло к репрессиям. Тартуский университет и Ветеринарный институт закрыли, всех студентов объявили исключенными; в университет обратно их принимали только по индивидуальным заявлениям.⁵ Без права поступления

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 10, 1899—1904, л. 1—2.

² Там же, ф. 325, 1896—1900, л. 67.

³ Фунд. Библиот. ТГУ, ф. 5-с, д. 66325, л. 4.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 10, 1899—1902, л. 19—31; ф. 404, д. 4020, л. 135—139.

⁵ Там же, ф. 296, д. 10, 1899—1902, л. 10; ф. 325, д. 7, 1896—1900, л. 20—22.

вообще в этом году исключили из университета около 500 студентов, 250 человек выселили из Тарту. Оставшиеся провожали их на вокзал с пением похоронного марша.¹

В результате многочисленных исключений и арестов, с помощью полиции и солдат удалось, наконец, возобновить учебную работу 26 апреля. По соседству с университетом и ветеринарным институтом были размещены солдаты и полицейские части; полицейские насильно приводили студентов из квартир на экзамены.² Таким образом, царские власти задушили забастовку тартуских студентов в 1899 году — как и в других университетских городах — с помощью полицейского и военного насилия.

1880—1890 годы были в Тартуском университете периодом, когда среди студентов началось распространение марксистских идей, когда зарождалось и массовое студенческое движение. Большое значение имела деятельность марксистских кружков студентов русской и других национальностей, содействовавшая подготовке почвы для широкого распространения марксистских идей в Эстонии. Демократическая часть русского студенчества сыграла выдающуюся роль в деле приобщения эстонского общества к достижениям передовой русской культуры.

II

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ТАРТУСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ В ГОДЫ НАЗРЕВАНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

(1901—1904)

В конце XIX и начале XX вв. в России происходит смена до-монополистического капитализма его последней и загнивающей стадией — империализмом. Но в России, однако, сохранилось очень много пережитков феодализма. В. И. Ленин и И. В. Сталин показали, что Россия была очагом всякого гнета — капиталистического, колониального, феодального и военного. Но в то же время в России имелась и реальная сила, способная разрешить все эти противоречия революционным путем. Это был российский пролетариат, самый революционный пролетариат в мире, имевший союзника в лице революционного крестьянства царской России. В начале XX в. в России назревала величайшая народная революция. В Россию переместился центр мирового революционного движения.

На рубеже столетий рабочее движение в России вступило в новую, высшую фазу. К этому времени под руководством Ленина осуществилось соединение социализма с рабочим движением. В 1901—1902 гг. В. И. Ленин боролся за создание революцион-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 10, 1899—1902, л. 68, 71—76; 81—83; 117.

² Там же, ф. 325, д. 1899—1900 гг., л. 49; 71—73.

ной марксистской партии нового типа, за создание настоящей боевой партии рабочего класса в России. Особенно большую роль в этой борьбе сыграла ленинская газета «Искра».

В связи с разразившимся в 1900—1903 гг. экономическим кризисом борьба русских рабочих принимала все более революционный характер. «От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: «Долой царское самодержавие!»¹ В 1901—1902 гг. в России происходили такие грандиозные выступления рабочих, как Обуховская, Батумская и Ростовская стачки. Одновременно оживляется и крестьянское движение.

В Таллине, который к этому времени стал главным центром рабочего движения в Эстонии, под руководством прибывшего сюда М. И. Калинина, началось в то время соединение социализма с рабочим движением. Организованные Калининым марксистские кружки заложили основу Таллинской организации РСДРП.

Могучий подъем рабочего движения в России оказал влияние на демократические слои и в других классах русского общества, в том числе и на студенчество. Студенчество — это самая «отзывчивая» часть интеллигенции, отражение всех общественных классов и слоев, а также соответствующих им политических группировок. Ленин говорит об этом времени: «Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения».² В 1901—1902 гг. в России заметно расширилось и студенческое движение, причем студенты от академического протеста переходили к политическому. Демократическая часть студенчества была готова идти с рабочими вплоть до буржуазно-демократической революции.

Растущее студенческое движение было одной из форм проявления общественного недовольства в царской России.

В начале XX века Россия вступила в первый этап революции, когда основной задачей пролетариата было свержение самодержавия и полная ликвидация остатков феодализма. На этом этапе революции всякий протест против самодержавия имел большое общественное значение. Движущей силой революции — пролетариату приходилось тогда, как подчеркивает Ленин, «использовать активную деятельность различных оппозиционных слоев».³

Ленин указал правильный путь для дальнейшей борьбы и российскому демократическому студенчеству. Ленинская газета «Искра» сыграла решающую роль в переходе студентов от ограниченных протестов академического характера к протесту против всего самодержавного режима. Оценивая студенческое движение

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 27.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 484.

³ Там же, стр. 398.

как одно из проявлений общенационального недовольства, Ленин внимательно следил за развитием студенческого движения. Социал-демократы, подчёркивал Ленин, должны позаботиться о том, чтобы «... наталкивать людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка». ¹

Соответственно этому принципу Ленин в «Искре» разъяснял студентам, что самодержавие — смертельный враг академической свободы, и призывал социал-демократов использовать и руководить студенческими демонстрациями. И, действительно, среди студенчества царской России возникли организации с.-д. партии, распространявшие ленинскую «Искру» и руководившие студенческими выступлениями. Ленин позднее говорит о деятельности «Искры»: «... мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой...» ²

Конкретно анализируя развитие студенческого движения в России в первых годах XX века, мы видим на каждом шагу руководящее влияние ленинской «Искры».

Репрессии самодержавия против недовольных студентов становились, начиная с 1899 года, все более грубыми, что, в свою очередь, еще более усугубляло недовольство среди широких масс студентов и убеждало их в правильности слов Ленина, что от царского самодержавия им нечего ожидать. В 1899 году, в ответ на студенческие забастовки, царское правительство издало «временные правила», согласно которым впредь студентов, принимающих участие в «беспорядках», следовало сдавать в солдаты. В конце 1900 г. эти «правила» были применены к киевским студентам — 183 протестовавших студента были сданы в солдаты. Ленин, называя этот указ жестоким и унижительным наказанием, призывал через «Искру» всех российских студентов к массовому протесту, а всех сознательных элементов во главе с рабочими — поддержать студентов. ³

И весной 1901 г. во всех университетах России происходили студенческие обструкции и уличные демонстрации. Правда, и до этого демократически настроенные студенты организовывали демонстрации для поддержания своих академических требований, но теперь эти демонстрации под руководством социал-демократов приняли политический характер. Особенно широкие демонстрации, в которых студенты выступали вместе с рабочими, происходили в начале 1901 года в Петербурге, Москве, Харькове. Следуя призыву «Искры», рабочие выступили на помощь студентам с лозунгом «Долой самодержавие!»

Под влиянием таких событий царское правительство в борьбе со студенческим движением решило прибегнуть, наряду с крова-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 398.

² Там же, стр. 405.

³ Там же, стр. 383—387.

вым насилием, к тактике обещаний. Осуществление этой типичной для самодержавия политики кнута и пряника было поручено Ванновскому, царскому генералу, назначенному весной 1901 г. министром просвещения. Ванновский, с одной стороны, декларировал свое «сердечное отношение» к учащейся молодежи и обещал реорганизовать весь учебный процесс, с другой же стороны, царское правительство подтверждало свою «сердечность» все новыми и новыми фактами грубого насилия. Демократическая часть студентов ответила на это осенью 1901 г. новыми и более массовыми обструкциями и демонстрациями. Одним из основных маневров Ванновского был опубликованный в конце 1901 года временный указ о студенческих организациях, согласно которому студентам разрешалась организация литературных и научных обществ под непосредственным контролем попечителей. Фактически же этот указ не гарантировал никакой свободы организаций. Ленин разоблачил в «Искре» новый временный указ как карикатуру на свободу организаций.¹ Этот указ и послужил поводом для новых студенческих выступлений уже в первые месяцы 1902 года.

Названным выступлениям предшествовал всероссийский съезд демократических студентов в Риге в феврале 1902 г. — яркий пример углубления содружества демократических студентов России. Здесь подчеркивался политический характер студенческого движения. Как видно из манифеста съезда, руководящую роль на нем играли социал-демократы. Съезд констатировал, что поскольку университетская автономия в самодержавной системе невозможна, постольку студенческое движение неизбежно направлено против всего самодержавного режима. В манифесте подчеркивалась необходимость общей борьбы пролетариата и демократической части студенчества за свободу.² Интересно отметить тот факт, что этот съезд предполагалось вначале собрать в Тарту.³

Студенческие стачки и общие с рабочими демонстрации весной 1902 г. были более мощными, чем когда либо раньше, и охватили все университеты. Все они проходили под лозунгом: «Долой самодержавие!»

Выступления 1902 года наглядно показывали, что агитация социал-демократии и, в первую очередь, ленинской «Искры» среди студентов принесла плоды. Ленин писал в «Искре» об этом периоде: «Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота».⁴

Агитационное и организующее влияние «Искры» в 1901—1902 гг. проникало и в Эстонию и в среду тартуских студентов.

К началу XX в. произошло известное изменение и в тартуской промышленности. Количество промышленных рабочих, по сравнению с 1890 годом, возросло к 1900 г. более чем в два раза, пре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 63.

² ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 18, I, 1902, л. 231—233.

³ Там же, д. 18, II, 1902, л. 308.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 64.

вышая 500 человек. Если в 1890 г. в Тарту крупнейшими предприятиями были табачная фабрика и пивоваренный завод, то в первые годы XX в. крупнейшим предприятием стал машиностроительный завод Фауре. Кроме того, здесь имелся ряд типографий с несколькими сотнями рабочих и значительное число железнодорожных рабочих. Но в основном Тарту сохранил свой мелкопромышленный облик. Поэтому в начале XX в. он не стал центром рабочего движения и социал-демократической идеологии в Эстонии, хотя эстонские буржуазные националисты с целью восхваления деятельности некоторых подвизавшихся в Тарту эстонских мелкобуржуазных интеллигентов, позднее предателей эстонских трудящихся, и стремились доказать обратное.

Основы марксистской партии в Эстонии заложил М. И. Калинин в 1901—1902 гг. в Таллине. Социал-демократы в эти годы начали работу и среди тартуских рабочих и студентов. С самого начала революционная агитация социал-демократии здесь происходила в обстановке упорной борьбы с различными оппортунистами и эстонскими буржуазными националистами.

Деятельность тех студентов — социал-демократов русской, грузинской, латышской и др. национальностей, которые в 1901—1904 гг. работали среди тартуских рабочих, ремесленников, военнослужащих и студентов была очень плодотворной. Руководящую роль сыграли здесь именно русские и грузинские социал-демократические студенты, под влиянием которых становились революционерами и эстонские студенты. Из последних следует выделить эстонского студента Э. Сырмуса, впоследствии известного скрипача. Э. Сырмус поступил в Тартуский университет в 1899 г., и здесь сложилось его революционное мировоззрение. Он принимал активное участие в движении 1902 г. Э. Сырмус уверенно встал на сторону пролетариата и всю жизнь служил рабочему классу.

Очень большое значение имеет факт распространения в Тарту социал-демократическими студентами ленинской «Искры». ¹ На страницах «Искры» в свою очередь печатались сообщения из Тарту. ² Поскольку представителем «Искры» в Эстонии был М. И. Калинин, то вполне ясно, что тартуские студенты — социал-демократы имели связь с Калининым в Таллине. Тартуские студенты — социал-демократы с самого начала имели тесную связь с петербургским, ³ тбилиским ⁴ и рижским ⁵ комитетами РСДРП.

¹ Фундам. Биб-ка ТГУ, ф. 5-с, д. 66325, л. 45; ЦГИА ЭССР, ф. 236, д. 18, I, 1902, стр. 339.

² См., напр., «Искра» № 34, 15 III 1903 г.

³ Э. Отт, О революционном движении в Тарту до октября. «Пролетарская революция в Эстонии» (на эстонск. языке), Л., 1927, № 2, стр. 21, 23; О политическом движении в Тарту до 1905 г. по архивным документам царского правительства, там же, стр. 28—29.

⁴ ЦГИА ЭССР, д. 18, 1901, л. 283—284.

⁵ Фунд. Биб-ка ТГУ, ф. 5-с, д. 66325, л. 61.

В революционном движении тартуского студенчества в этот период видную роль сыграли и грузинские студенты. Среди руководителей студенческих выступлений в Тарту были грузины Г. Хундадзе, Кавтарадзе и др. Тартуские студенты социал-демократы распространяли у себя издания тбилисского комитета РСДРП.

Социал-демократы распространяли в Тарту марксистскую литературу — произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, сочинения Плеханова и др., издания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С целью агитации среди рабочих и ремесленников распространялись, начиная с 1901 года, листовки на эстонском и немецком языках, как например первомайские прокламации 1901, 1902 гг.¹ Велась работа и среди солдат, расположенных в Тарту; так, среди них распространялось воззвание тбилисского комитета РСДРП «К солдатам», в котором указывалось, что настоящими врагами солдат являются царское правительство и их непосредственное начальство. Солдат призывали не выступать против своих братьев — рабочих и крестьян.²

Для работы среди студентов тартуские социал-демократы использовали существовавшие тогда различные студенческие литературные и научные общества, а также нелегальные землячества. Наиболее выдающейся из таких организаций было, например, «Общество русских студентов», избравшее в 1900 году своим почетным членом Максима Горького. Студент — современник, В. А. Десницкий (в настоящее время профессор-филолог в Ленинграде), активно участвовавший в студенческих выступлениях в Тарту, подчеркивает, что «Общество русских студентов» было одним из первых, сумевших оценить революционную деятельность М. Горького.³ Пользовалось известностью и общество «Societas», на собрания которого приезжали с докладами товарищи из Петербурга и других городов. Социал-демократы использовали происходившие здесь диспуты для разоблачения мелкобуржуазных партий.⁴

Социал-демократы завоевали влияние и в Союзном Совете демократических студенческих организаций.

Через Союзный Совет социал-демократы развертывали последовательную и целеустремленную агитацию среди демократической части тартуского студенчества, чтобы довести его до понимания необходимости политической борьбы. Эта агитация означала борьбу за влияние в широких массах демократических студентов.

Союзный Совет имел тесный контакт с другими университетами России. В 1901 и 1902 гг. он систематически и в массовом

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 18, 1901, л. 451.

² Там же, л. 283—284.

³ В. А. Десницкий, М. Горький, Очерки жизни и творчества, Л.-д. 1940, стр. 10—11.

⁴ Э. Отт, цитир. ст. стр. 21, 23.

масштабе распространял листовки, как свои, так и составленные в других университетах. В них регулярно знакомили тартуских студентов с событиями в других университетских городах и последовательно разоблачали политику самодержавия. В листовках Союзного Совета руководящим был принцип: «Необходим единодушный протест против всего существующего строя, своеволия и насилия». ¹ В связи с общим подъемом революционного движения, с подъемом студенческого движения оживилась и агитация Союзного Совета, особенно в 1902 г. Теперь листовки уже с полной остротой и ясностью призывали к свержению самодержавия. Это воззвание стало раздаваться все более настойчиво. Указывалось, что уничтожение самодержавия неизбежно, что по отношению к нему мыслим лишь один лозунг: «пусть будет война». ²

Таким образом, тартуские социал-демократы распространяли через Союзный Совет указания Ленина, призывавшего студентов к последовательной борьбе против царизма.

В результате агитации социал-демократов и тартуское демократическое студенчество пришло в 1901—1902 гг. к массовому политическому протесту против всего самодержавного режима.

Весной 1901 г. в Тартуском университете и Ветеринарном институте, как и в других университетах России, студенты прекратили посещение лекций в знак протеста против сдачи киевских студентов в солдаты, выступая с лозунгом изменения временного указа 1899 г. ³ Осенью 1901 г. тартуские студенты на своих бурных сходках выставляли требования, в числе которые впервые выдвигалось открыто политическое требование свободы печати. ⁴ В 1902 г. тартуские студенты уже организовали политические демонстрации.

Выступления Тартуского студенчества начались под руководством Союзного Совета сразу после всероссийского съезда студентов в Риге в феврале 1902 г. Резолюция общего собрания студентов от 17 II 1902 г. показывает, что и демократические студенты Тарту поняли необходимость политического протеста.

В резолюции говорилось: «События последних десятилетий показали нам, что достижение академической свободы, этой основной цели студенческого движения, немислимо при существующем политическом режиме. Поэтому, повторяя все ранее выраженные требования, мы добавляем к ним глубочайший протест против всего существующего общественно-политического строя» ⁵ (разрядка моя — Э. Я.). Тартуские демократические студенты требовали свободы слова и печати, автономии университета и т. д., объявив до их выполнения

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 18, I, 1901, стр. 279.

² Там же, д. 18, I, 1902, стр. 262.

³ Там же, д. 4021, д. 18 и след.; ф. 296, д. 18, 1901, л. 101.

⁴ Там же, ф. 196, д. 18, 1901, л. 318—320; ф. 404, д. 4021, л. 96—98.

⁵ Там же, ф. 296, д. 18, II, 1902, л. 116.

обструкцию лекций. В резолюции мы видим ярко выраженный политический протест.

Такую же резолюцию приняли 19 февраля и студенты Тартуского Ветеринарного института.¹

В движении демократического студенчества Тарту намечался новый этап. Лучшим доказательством этого, помимо вышеуказанной резолюции, был переход передовых студентов к уличным демонстрациям. Первая политическая демонстрация в Тарту происходила 19 февраля. С пением «Марсельезы» студенты направились от главного здания университета к Каменному мосту, причем один из студентов — грузин Каберидзе — поднял красное знамя.²

В грандиозную демонстрацию вылилось торжественное заседание 21 февраля, посвященное памяти Гоголя. Студенты в актовом зале университета сбрасывали с балкона прокламации; раздавались возгласы «Долой самодержавие!», «Долой Романовых!» После торжественного заседания состоялась демонстрация с участием 200—250 студентов, распевавших «Марсельезу» и другие революционные песни. Собиравшемуся вокруг народа студенты разъясняли на русском, эстонском и немецком языках необходимость борьбы за политические свободы. Среди демонстрантов раздался даже клич: «К восстанию!» Для разгона демонстрации на место были вызваны солдаты Красноярского полка.³ В тартуских условиях такая демонстрация имела очень большое значение.

Быстро росло количество распространяемых в этот период листовок и бюллетеней, что указывало на интенсификацию организационной и агитационной деятельности Союзного Совета. Поскольку университетская администрация лекций не прекратила, то 20 февраля начались обструкции, которые фактически прервали учебную работу.⁴ Большею частью проводились так называемые «химические обструкции» — в аудиториях разбивали бутылки с едко пахнувшей жидкостью.

Власти немедленно приступили к обычным репрессиям. В течение февраля и марта происходили массовые обыски и аресты. Среди арестованных были Г. Хундадзе, В. А. Десницкий, К. И. Покровско-Водоватовский, Н. К. Пиксанов (ныне профессор-филолог в Ленинграде), Э. Сырмус и многие другие. Университет и Ветеринарный институт были закрыты; началось массовое исключение студентов.⁵

В этот период, когда студенческое движение носило остро выраженный антиправительственный характер, в Тарту обострилась борьба и в среде самого студенчества. Реакционные, националистические группировки во главе с прибалтийско-немецкими корпорантами стали организовывать «антистачечные партии». Начали

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 404, д. 4021, л. 124.

² Там же, ф. 296, д. 18, I, 1902, л. 274 и д. 28, II, 1902, л. 117.

³ Там же, ф. 296, д. 18, II, 1902, л. 118.

⁴ Там же, л. 117—118; ф. 404, д. 4021, л. 149 и др.

⁵ Там же, д. 18, II, 1902, л. 251; ф. 404, д. 4021, л. 339, 334.

появляться листовки с паролем «*audiatur et altera pars*»,¹ в которых с помощью демагогии и клеветы стремились подрывать авторитет Союзного Совета. Корпоранты помогали полицейским выявлять и арестовывать лиц, принимавших активное участие в стачках и обструкциях.

Союзный Совет в своих листовках разоблачал реакционеров как активных сотрудников царской жандармерии и призывал студентов к борьбе против них. Несмотря на массовые аресты, исключения, выселения, привод в университет полицейских — «вооруженных бандитов», как их называли в прокламации Союзного Совета,² — обструкции и срывы лекций продолжались в течение всего марта. Одновременно с этим демократические студенты организовали и новые уличные демонстрации.³

Вследствие ареста и исключения большинства активных борцов, — что означало разгром Союзного Совета, — учебная работа была, наконец, возобновлена 27 марта. Лекции проводились лишь «благодаря охране полиции», — констатировали сами представители власти.⁴

Движение тартуских студентов в 1902 г. было составной частью обширного студенческого движения во всей России, являвшегося, по словам Ленина, одним из признаков явного банкротства самодержавного режима.⁵

В 1903 г. происходил дальнейший подъем революционного движения в России, на что указывали всеобщая забастовка летом 1903 г. в Закавказье и на Украине, многочисленные политические демонстрации. Ленинская «Искра» объединила социал-демократические кружки в одну социал-демократическую партию. На II съезде партии в 1903 году была фактически основана Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

В проекте резолюции II съезда РСДРП Ленин точно сформулировал отношение социал-демократии к студенческому движению и дал определенное направление деятельности студентов — социал-демократов. Ленин рекомендовал всем группам и кружкам учащейся демократической молодежи усвоение цельного социалистического мировоззрения и налаживание самой тесной связи с социал-демократическими организациями, чтобы в практической деятельности руководствоваться их указаниями.⁶

1903 и 1904 годы, канун первой Русской революции, характеризуются углублением работы социал-демократов среди студенчества царской России.

¹ «Выслушайте и другую сторону».

² ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 18, II, л. 14—15.

³ Там же, л. 26 и 39.

⁴ Там же, ф. 296, д. 18, II, л. 14—15.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 66—67.

⁶ Там же, стр. 427.

В связи с общим подъемом революционного движения и превращением студенческого движения в политическое движение, происходила все более глубокая дифференциация студенчества, т. е. все рельефнее вырисовывались контуры соответствовавших отдельным классам и прослойкам политических группировок. Ленин показал, что в российском студенчестве были представлены все основные политические группы от явных реакционеров и либералов — «культурников», до убежденных социал-демократов, настоящих революционеров. Ленин призывал студентов социал-демократов к последовательному размежеванию от других политических группировок, но в то же время и проведению обширной социал-демократической пропаганды во всех студенческих организациях.¹ Расширявшаяся среди студентов социал-демократическая агитация свидетельствовала о том, что студенты социал-демократы следовали указаниям Ленина.

И среди тартуского студенчества к этому времени уже ясно определились отдельные политические группы. В 1903 г. в Тарту была основана организация социал-демократической партии — Тартуская группа РСДРП, состоявшая в основном из эстонских и русских студентов.

Одновременно оживлялась оппортунистическая деятельность эстонских мелкобуржуазных интеллигентов. Чем более обострялся революционный кризис, тем более эстонская национальная буржуазия стремилась проводить среди рабочих — открыто и через оппортунистов — националистическую демагогию. Мелкобуржуазный Тарту являлся более благоприятной почвой для этой демагогии, чем промышленные центры. Кроме того, Тарту был главной ставкой лидера открытой реакции — Яна Тыниссона. Следует резко разграничить оппортунистические элементы от революционных студентов социал-демократов русской, эстонской и др. национальностей. Последние в 1903—04 гг. провели большую агитационную работу среди тартуских рабочих с целью повышения их сознательности. Тартуская революционная социал-демократия усилила борьбу за изоляцию националистических и оппортунистических элементов от рабочих, а также от демократической части студенчества.

Одновременно с фактическим образованием РСДРП в 1903 г. начался и распад русской социал-демократии на два принципиально различных направления — на большевиков, последовательных борцов за освобождение трудящихся, и на оппортунистов-меньшевиков, являвшихся буржуазной агентурой в рабочем движении. В рядах тартуских социал-демократических студентов боролись такие большевики, как П. И. Лебедев, известный под псевдонимом Валериан Полянский или товарищ Валериан, вступивший в 1902 г. в члены Петербургской организации РСДРП, позднее

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 41.

академик; ¹ Н. Чудовский, прокламации которого эстонские студенты переводили на эстонский язык и др. Но вследствие мелкобуржуазного облика Тарту здесь преобладающим стало влияние меньшевиков.

Тартуские социал-демократы более интенсивно стали использовать в своих целях организации, например, «Societas»,² в помещении которой проводились партийные собрания. В Ветеринарном институте оформился свой центральный орган — «Организационный Комитет студентов Тартуского Ветеринарного Института», действовавший под руководством социал-демократов.³ В Союзном Совете, пополнившем после разгрома 1902 г. свои ряды свежими силами, в 1903 и 1904 гг. руководящее большинство составляли социал-демократы. Влияние социал-демократов отражалось прежде всего в программе Союзного Совета, обнаруженной в апреле 1903 г. при аресте у одного из студентов Ветеринарного института. Программа Союзного Совета предусматривала организацию интенсивной агитации среди рабочих, студентов и учащихся средних школ с целью их революционизирования. Предусматривались распространение листовок на эстонском, русском и немецком языках и организация тайных кружков и уличных демонстраций.

В программе подчеркивалась и необходимость последовательной организации академических форм протеста.⁴

Такая программа была, бесспорно, шагом вперед в деятельности Союзного Совета. Если раньше Союзный Совет лишь декларировал о необходимости протеста против самодержавного режима, то теперь он ставил конкретные задачи по агитации среди местного населения. Это объясняется влиянием социал-демократов. Союзный Совет был, по сути дела, органом социал-демократии. Об этом свидетельствует и такой факт, что на большинстве листовок ставились два штампа: Тартуской социал-демократической группы и Союзного Совета.

Начиная с весны 1903 г., согласно программе Союзного Совета, активизировалась работа социал-демократических студентов среди тартуских рабочих, к которой все больше привлекались студенты-эстонцы и учащиеся средних школ. Эстонские студенты и учащиеся средних школ активно работали в тех студенческих организациях, которыми руководили социал-демократы (например, «Societas»), по указанию русских социал-демократов они составляли прокламации и т. д. Все больше и больше издавалось прокламаций, которые выдвигая лозунг «Долой самодержавие!», призывали к борьбе с царизмом; на промышленных предприятиях всё больше распространялось листовок на эстонском языке. К

¹ Литературное наследство, т. 55, В. Г. Белинский I, Москва, 1948, стр. 579—594.

² Э. Отт, цит. статья, стр. 23.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 404, л. 4018, л. 40—41.

⁴ ЦГИА, ф. 296, л. 18, 1903, л. 34—35.

примеру можно привести прокламацию «Открытое письмо всем тартуским рабочим и ремесленникам», в которой говорилось о тяжелом положении рабочих в России, конкретно указывалось на нечеловеческие условия работы на крупных предприятиях Тарту (машиностроительный завод Фауре, пивоваренный завод «Тиволи»). Прокламация призывала тартуских рабочих к борьбе с фабрикантами, призывала рабочих присоединиться к общим требованиям восьмичасового рабочего дня, повышения зарплаты и т. д.¹ Такие прокламации показывают, что тартуские социал-демократические студенты конкретно знали о положении рабочих в городе, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении связи между студентами и рабочими.

Союзный Совет в различных изданиях распространял решения III съезда РСДРП.²

Агитационная работа проводилась и в армии,³ а также среди учителей народных школ и гимназий.⁴

В прокламациях Союзного Совета разоблачалась национальная политика самодержавия. Так, например, в листовках «Товарищи эстонцы» описывалось, как царское правительство преследовало эстонский язык и школу, как самодержавие травливал один народ против другого.⁵

Союзный Совет поддерживал тесный контакт с другими университетами царской России, особенно со студентами Петербурга, Киева и Риги.

В 1904 г. началась русско-японская война. Война резко ухудшила и без того нищенское положение народных масс и окончательно разоблачила перед народом гнилость царизма. «Царь хотел войной задушить революцию. Он добился обратного. Русско-японская война ускорила революцию».⁶

Весной 1904 г., в связи с разразившейся войной, активизировалось революционное движение среди демократической части студенчества. Агитация социал-демократов в Тарту становилась все более интенсивной. В это время тартуский полицмейстер почти ежедневно сообщал о находке революционных прокламаций с лозунгом «Долой войну!»

Усиливая работу среди рабочих, социал-демократические студенты распространяли такие, например, листовки на эстонском языке, как «Почему царское правительство начало войну?», «Война войне!», «За что должен умирать наш русский солдат?» и др., в которых разоблачался империалистический характер

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, 1903, л. 199—201.

² Там же, 1904, л. 197; 440—441.

³ Там же, ф. 296, д. 22, 103, л. 143—145.

⁴ Там же, л. 239, 297.

⁵ Там же, л. 134.

⁶ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 54.

русско-японской войны, срывалась маска с правительственной демагогии об «обороне отечества», указывалось, что война выгодна лишь капиталистам и попам. Прокламации разоблачали гнилость всего царского режима и призывали народ к решительной борьбе за свержение самодержавия.¹ Тартуские социал-демократы выдвинули лозунг: «Да здравствует революция!» и требовали демократической республики.² «Долой войну», «Долой самодержавие!», «Да здравствует народная республика!» — призывали листовки тартуской социал-демократической группы и Союзного Совета.³

Социал-демократическая группа развернула работу и среди окрестных крестьян, призывая их к борьбе за свое освобождение. Так, например, в листовке от 26 марта 1904 г. «Ко дню свободы» указывалось, что эстонское крестьянство попрежнему поработано. Листовка кончалась призывом к борьбе против угнетателей.⁴

Параллельно с агитацией, направленной прямо против войны и самодержавия, в листовках Союзного Совета и Организационного Комитета студентов-ветеринаров попрежнему давалась регулярная информация о революционном движении в других городах и университетах, а также обращалось внимание и на вопросы своей внутренней жизни.

Наряду с систематической агитацией, в Тарту имели место и политические демонстрации, руководимые социал-демократами и направленные против войны и самодержавия. Так, например, 19 февраля, в связи с годовщиной «освобождения крестьян», была организована демонстрация после лекции одного из либеральных профессоров. После окончания лекции в университетском актовом зале послышались призывы студентов: «Долой самодержавие!». С балкона сбрасывались прокламации с лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!» Студенты в количестве 200—250 человек с песней «Вставай, поднимайся, рабочий народ!» вышли на улицу. Полиция разогнала демонстрацию, арестовав на месте 28 студентов; позднее последовали еще массовые аресты и обыски.⁵ 19 февраля в городе во многих местах были обнаружены прокламации революционного и антивоенного содержания.⁶ Среди арестованных 19 февраля был большевик П. И. Лебедев-Полянский, которого по решению Рижской судебной палаты осенью выслали во Владимир.⁷

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, I, 1904, л. 299, 314, 315, 342, 480, 580 и след.; ф. 404, д. 4021, л. 304, 305 и след.

² Там же, л. 325—326.

³ Там же, ф. 296, д. 22, II, 1904, л. 698.

⁴ Там же, ф. 404, д. 4021, л. 336—337.

⁵ Там же, ф. 296, д. 22, I, 1904, л. 250.

⁶ Там же, ф. 296, д. 22, I, 1904, л. 257.

⁷ Литературное наследство, т. 55, стр. 580.

Новые аресты осенью 1904 г., перед началом семестра, не смогли приостановить агитационную работу социал-демократической группы, проводившуюся через Союзный Совет и другие организации. Для листовок Союзного Совета был типичным в то время лозунг: «Долой самодержавие, да здравствует свободная Россия!»¹

В результате социал-демократической агитации тартуские революционные студенты присоединились осенью 1904 г. к студентам Москвы, Петербурга, Киева и др. университетских городов, которые на многочисленных собраниях и демонстрациях выставляли свои политические требования. По инициативе Союзного Совета 6 ноября было проведено общее собрание студентов Тартуского университета и Ветеринарного института. На этом собрании демократические студенты Тарту приняли сформулированную Союзным Советом политическую программу, требовали прекращения бессмысленной войны, демократических свобод, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, тайного и прямого избирательного права.²

В 1901—1902 гг. тартуские демократические студенты, руководимые социал-демократией, дошли до политического протеста против самодержавия. 1903—1904 гг. были периодом, когда значительно расширилась работа социал-демократии и среди тартуских рабочих и студентов. В 1903 г. была основана в Тарту социал-демократическая группа. Студенты социал-демократы, в первую очередь русской национальности, прилагали все больше усилий в деле повышения сознательности тартуского пролетариата. В связи с обострением общего революционного кризиса и усилением агитационной работы тартуской социал-демократии все более революционизировались пролетариат и демократическая часть студенчества Тарту. Все это подготовило тартуских рабочих, ремесленников, а также и демократических студентов к участию в революции 1905—1907 гг.

III

УЧАСТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ ТАРТУ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Началом первой Русской революции послужили события 9-го января 1905 г. в Петербурге — «Кровавое воскресенье», вызвавшее грандиозные стачки протеста по всей стране. «Передовые отряды рабочих своими стачками раскачивали менее сознательные слои, поднимали на борьбу весь рабочий класс. Влияние социал-демократии быстро росло».³

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 404, д. 4022, л. 11—12.

² Там же.

³ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 56.

В Эстонии в авангарде революции шли таллинские рабочие под руководством Таллинского комитета РСДРП. 12 января рабочие Таллина, в знак протеста против кровавого расстрела в Петербурге, объявили всеобщую забастовку. Примеру Таллина вскоре последовали другие промышленные центры Эстонии.

В обстановке всеобщего революционного подъема к авангарду революции — рабочему классу — примкнула и демократическая часть студенчества царской России. А в Тарту, как мелкобуржуазном городе, именно демократические студенты, руководимые революционной социал-демократией, были зачинщиками первых выступлений.

После «Кровавого воскресенья» тартуские социал-демократы, имевшие тесные связи с Петербургом,¹ стали издавать листовки, в которых описывалось кровавое насилие 9-го января в Петербурге, нищенское положение рабочего класса; листовки призывали рабочих к свержению самодержавия и установлению демократической республики,² причем подчеркивалось, что следует готовиться к решительной битве с царизмом, от чего будет зависеть достижение свободы.³

Тартуские демократические студенты решили по случаю событий 9-го января организовать народный митинг. 13-го января на улицах Тарту собрались студенты, рабочие и ремесленники. Митинг перерос в демонстрацию; звучали революционные песни и раздавались возгласы: «Долой самодержавие!»⁴ Демонстрации продолжались и в следующие вечера; дело доходило даже до мелких стычек с полицией.⁵ С помощью полиции и усиленной воинской охраны тартускому полицмейстеру удалось «успокоить» народ.⁶

В январе 1905 г. работа на тартуских предприятиях не прекращалась. Но очень большое значение имело то обстоятельство, что рабочие и ремесленники Тарту впервые вышли вместе со студентами на демонстрацию. Это означало укрепление революционного содружества между демократическими студентами и рабочими. «Январьские события, — пишет один из тартуских студентов, современник событий, большевик Н. Чудовский, — создали нам более прочные связи с рабочими...»⁷

Подобно тому, как в других университетских городах России, так и в Тарту революционно настроенные студенты решили прекратить учебную работу в университете, вернее, не начинать занятий после зимних каникул. Студенты университета и Ветеринар-

¹ Э. Отт, О движении молодежи в Тарту 1902—1905 гг. «1905-ый год в Эстонии», Ленинград, 1926, стр. 125.

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905, д. 005, л. 33—34.

³ Там же, ч. 33, л. 14—15.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 70; ф. 404, д. 4022, л. 34.

⁵ Там же, л. 19.

⁶ Там же, л. 28, 52 и след.

⁷ Н. Чудовский, Страница воспоминаний о Тарту, «1905-ый год в Эстонии», Ленинград, 1926, стр. 134.

ного института обратились к своим профессорам, призывая их к забастовке. Под влиянием растущего революционного движения студенчества ряд либеральных профессоров также объявил, что продолжение лекций невозможно по причинам, кроющимся вне университета, как сказано в постановлениях Ученых советов университета и Ветеринарного института. Занятия в университете в I семестре 1905 г. не начались.¹

В конце января и начале февраля среди революционных студентов намечался большой подъем революционного настроения. С разрешения учебного начальства в обоих учебных заведениях были созданы и собрания студентов по вопросу о продолжении учебной работы. Эти собрания приняли остро выраженный политический характер. Студенты университета и Ветеринарного института требовали на своих собраниях 4 и 6 февраля созыва учредительного собрания и объявили занятия прекращенными до 1 сентября.² Начальство было вынуждено сообщить официально о закрытии университета.

Либеральные профессора решили воспользоваться созданным положением для получения университетской автономии. На это указывают резолюции некоторых заседаний ученого совета Тартуского университета, состоявшихся в феврале 1905 года. В резолюциях подчеркивалось, что отказ студентов от слушания лекций обуславливался, якобы, только отсутствием автономии.

Социал-демократическая часть студенчества продолжала агитацию среди рабочих Тарту. В начале февраля тартуский полицмейстер писал губернатору, что многие студенты, прекратив учебу, занимаются стимулированием рабочих к выступлениям.

Стачки на многих промышленных предприятиях Эстонии в феврале были прямым продолжением январских стачек. Видя рост сознательности рабочих, эстонская буржуазия усилила свою демагогию. В Тарту особенно активно действовал Я. Тыниссон, который, организуя с разрешения губернатора собрания рабочих, пытался направить рабочее движение на путь подачи царю угодливых петиций. Но разбуженные борьбой товарищей в передовых промышленных центрах и агитацией социал-демократии тартуские рабочие начали стачечную борьбу. 7 февраля в Тарту происходила всеобщая стачка с требованием сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы и др.³ Так и тартуские рабочие включились в активную борьбу.

Январско-февральские выступления тартуских рабочих и студентов в 1905 году были небольшой составной частью тех событий, о которых писал Ленин:

«Пролетарское движение все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охваты-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д. 003, ч. 44, 1905—1912, л. 3.

² ЦГИА ЭССР, ф. 404, д. 4022, л. 50; ф. 325, д. 1235, л. 74.

³ Там же, ф. 325, д. 1235, л. 73 и след.

вает самые разнообразные и самые отсталые слои общества. Парализована торгово-промышленная жизнь, закрыты учебные заведения, бастуют, по примеру рабочих, земцы». ¹

Весной и летом 1905 г. массовая революционная борьба обострилась во всей России. Первомайские демонстрации во многих местах превратились в вооруженные столкновения с полицией. Летом 1905 г. происходили такие грандиозные стачки, как Иваново-Вознесенская и др. Политические забастовки рабочих разбудили всю страну. Пришло в движение и крестьянство, и даже опора царизма — армия, заколебалась: в июне 1905 г. вспыхнуло восстание в Черноморском флоте, на броненосце «Потемкин». Назревали условия для вооруженного восстания.

Активизировалась руководящая и организующая деятельность социал-демократии. Большое значение для дальнейшего развития революции имел III съезд РСДРП, на котором под руководством Ленина была выработана тактика большевиков в первой русской буржуазно-демократической революции.

И в Эстонии революционная социал-демократия все последовательнее руководила борьбой масс. Весной и летом продолжались демонстрации, собрания и политические забастовки в Таллине и других местах. Царские власти, предпринимавшие отчаянные попытки подавления революционного движения с помощью полицейского и военного насилия, арестовали в начале июля 1905 г. часть членов комитета РСДРП. Но рабочие Таллина ответили на это общими стачками и демонстрациями. Арестованных заменили новые силы, выявившиеся в ходе революционных событий.

В ходе развертывания революционной борьбы в эстонских организациях РСДРП обострилась борьба между большевиками и меньшевиками.

Летом 1905 года и в Тарту был организован комитет РСДРП. Но, соответственно мелкобуржуазно-интеллигентскому облику Тарту, он стал меньшевистским. В комитет входил ряд эстонских, русских, еврейских и латышских студентов, а также и несколько рабочих.

Весной и летом 1905 года оживилась революционная агитация среди тартуского студенчества и рабочих. Проводились тайные собрания рабочих в Тяхтвереском лесу. Боевое настроение тартуских рабочих, несмотря на враждебное влияние меньшевиков, усиливалось, подготавливая почву для революционного выступления осенью 1905 года.

Революционное движение в царской России ширилось с громадной силой, охватив осенью 1905 г. всю страну.

Создавшаяся политическая обстановка и нажим со стороны международной буржуазии принудили правительство пойти на известные уступки крупной буржуазии. 6 августа 1905 г. был объявлен подготовленный Булыгиным манифест о созыве совеща-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 117.

тельной думы. В то время, когда либеральная буржуазия, напуганная революционным движением народа, торговалась с самодержавием о некотором разделении власти, народные массы России готовились к окончательной борьбе с деспотами царизма.

Революционная часть российского студенчества выступала вместе с рабочими массами.

Царское правительство старалось «успокоить» студентов и обеспечить начало занятий в осеннем семестре предоставлением университетам частичной автономии. Соответствующим указом от 27 августа 1905 года ученым советам университетов было разрешено избирать ректора. Студентам предоставлялось право, с разрешения ректора, проводить собрания.¹

Автономия никого не удовлетворила, исключая лишь некоторых либеральных профессоров. Наоборот, эта маленькая уступка, являясь маленькой брешью, как указывает В. И. Ленин, в самодержавно-крепостнической системе, была одним из поводов к обострению борьбы.² Студенты, используя полученную возможность организации собраний, стали во всех российских университетах проводить частые собрания, которые фактически превращались в народные собрания.

На основе права автономии ректором Тартуского университета был избран осенью 1905 г. либеральный профессор-юрист Пассек.

С разрешения ректора Пассека в актовом зале университета с 13 сентября стали проводиться студенческие собрания. 13, 20 и 22 сентября обсуждался вопрос о начале занятий. На собраниях происходили острые столкновения между революционными и реакционными студентами. Прибалтийско-немецкие корпорации и буржуазно-националистические эстонские студенты требовали возобновления занятий, а революционные студенты требовали участия студенчества в революционном движении, продолжения борьбы.

22 сентября при поддержке большинства была принята резолюция следующего содержания:

«Тартуские студенты, относясь с недоверием к распоряжениям и начинаниям правительства и видя спасение России лишь в народном представительстве, требуют созыва учредительного собрания». На собрании решили открыть университет, но не для занятий, а для того, чтобы студенты могли проводить, совместно с трудящимися политические митинги, собрания и т. д.³ Таким образом, революционные студенты Тартуского университета также решили открыть актовый зал и аудитории для народных масс, осуществляя тем самым, по примеру петербургских, московских и др. студентов, лозунг социал-демократии: открыть университеты для народных собраний. В залах и аудиториях университетов царской

¹ Указ царя Сенату об установлении Временных Правил о высших учебных заведениях от 27 VIII 1905.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 347.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 341.

России начались, по словам Ленина, революционные народные митинги, на которых доминировал борющийся за свободу класс — пролетариат.¹ На этих собраниях проводилась неустанная агитация за всеобщую политическую стачку.

С конца сентября в актовом зале Тартуского университета почти ежедневно происходили митинги. Принимая во внимание слабую политическую сознательность тартуских трудящихся, эти митинги имели большое значение, так как помогали изолировать эстонских буржуазных националистов и оппортунистов от трудового народа и подготовить рабочих и ремесленников Тарту к участию в октябрьской всеобщей стачке.

Собрания в актовом зале становились все более многочисленными, сюда все больше и больше приходило рабочих и ремесленников, причем активнее становились выступления рабочих. Тартуские полицейские констатировали, что на собраниях выступают только «крайне революционного направления ораторы».² Контрреволюционные элементы не имели здесь никакой поддержки. В перерывах распевались революционные песни. Все это свидетельствует о том, что собрания в Тартуском университете превращались в настоящие революционные митинги.

Существенным моментом в подъеме революционного настроения среди тартуских рабочих и студентов являлся их тесный контакт с другими городами России, в первую очередь, с Петербургом. Например, на митинге в актовом зале университета 3 октября резко была осуждена Булыгинская дума. Здесь выступали с речами и рефератами представители петербургских студентов.³ А революционные студенты Петербурга, отмечал Ленин, первыми среди студенчества приняли резолюцию, заклеившую Булыгинскую думу и призывавшую к борьбе за республику.⁴ Революционные рабочие и студенчество Тарту на своих митингах также присоединились к требованию созыва учредительного собрания, что стало лозунгом октябрьской всеобщей стачки.

За собраниями иногда следовали демонстрации, на что полиция отвечала все новыми и новыми арестами студентов. На митингах в актовом зале решительно выдвигалось требование освобождения арестованных студентов. Быстро росли революционные настроения народа; тартуский полицмейстер опасался даже атаки тюрьмы.

В октябре 1905 г. всю Россию охватила грандиозная всеобщая забастовка. К рабочим присоединились служащие, учащиеся, интеллигенция. Эта забастовка показала огромную силу российского пролетариата, подтвердила правильность тактики большевиков и явилась непосредственным прологом вооруженного восстания.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 347—348.

² ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, д. 443—447.

³ Там же, ф. 325, д. 1235, л. 390 и след.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 309.

Ленин писал в октябрьские дни: «Барометр показывает бурю!... Революция идет вперед с поразительной быстротой...»¹

В октябрьской забастовке демократическая часть российского студенчества во главе со студентами Петербурга и Москвы встала на сторону пролетариата. Радикальное студенчество Петербурга и Москвы, принявшее лозунг революционной социал-демократии, являлось, как указывал Ленин, авангардом всех демократических сил, «которые гнушаются подлостью конституционно-демократических реформистов, пошедших в Государственную думу, которые тяготеют к настоящей решительной борьбе с проклятым врагом русского народа, а не к маклерству с самодержавием».²

Эстонский пролетариат был достаточно подготовлен к всеобщей забастовке и единодушно включился в нее. Следуя примеру таллинских рабочих, вскоре забастовали рабочие по всей Эстонии.

Октябрьская всеобщая забастовка, приведя в движение широкие общественные слои, показала, что и тартуские трудящиеся проснулись к самостоятельной борьбе. Октябрьские события в Тарту подтвердили, что проводимая социал-демократическая агитация, несмотря на вредное влияние эстонской буржуазии, меньшевиков и федералистов, дала свои результаты.

Прологом всеобщей забастовки в Тарту явились все более бурные революционные митинги в актовом зале университета.

Университетское начальство назначило, наконец, начало занятий на 10 октября. Но на собрании 14 октября студенты приняли решение бастовать до созыва учредительного собрания.³ За студенческими собраниями последовали демонстрации.⁴ 15 октября собрание студентов-ветеринаров постановило: «Сейчас, когда Россия переживает последнюю стадию в борьбе с самодержавием, должны мы, как истинные граждане, стоять в рядах пролетариата, которому предопределено окончательно свергнуть веками длившиеся иго царизма...»⁵

Все это показывает нам, что передовая часть тартуского студенчества была готова присоединиться к рабочему классу России.

16 октября на общем митинге рабочих и студентов в актовом зале было решено начать всеобщую забастовку в Тарту. Царские портреты в актовом зале заменили красными флагами. Вместо портрета Александра I на стене был вывешен лозунг на черном полотне: «Слава павшим, смерть кровопийцам!» Из университетских окон развевались красные знамена с лозунгами: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует республика!»

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 361.

² Там же, стр. 324.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 402.

⁴ Там же, л. 404.

⁵ Там же.

16 октября во всем городе наблюдалось беспокойство и возбуждение.¹

Утром 17 октября на ряде тартуских предприятий началась забастовка. Группы рабочих и студентов ходили по предприятиям и останавливали работу на фабриках и заводах. Одновременно улицы заполнялись народными массами, охваченными революционным порывом. Уже к вечеру 17-го октября бастовали все промышленные и торговые предприятия Тарту.²

В 4 часа на ратушной площади собралась демонстрация. С наступлением темноты демонстранты двинулись к зданию почты, намереваясь повредить телефонную и телеграфную связь с целью парализовать деятельность местных властей. Вызванный на место 95-ый Красноярский пехотный полк открыл огонь по народу, в результате чего был убит служитель реального училища Адамсон и 3 человека ранены.³

Местные власти, напуганные ходом событий, стали быстро готовиться к подавлению революционного движения. Для ликвидации «беспорядков» было решено прибегнуть к самым суровым мерам:⁴ город разделили на два военных округа, в «самых опасных местах» были размещены полицейские и военная охрана и т. д.⁵

Всероссийская октябрьская политическая забастовка так сильно напугала царя, что он издал 17 октября манифест, в котором народам России были обещаны «гражданские свободы» и созыв законодательной думы.

Манифест был первой победой революции, показавшей, что царизм не в состоянии больше управлять прежними методами. Но обещаниями царь хотел лишь обмануть народ, чтобы собраться с силами и нанести решительный удар революции. Сразу же после издания манифеста по всей России начали свою кровавую деятельность черносотенные банды и царская полиция, началось дикое разжигание национальной розни.

Дальнейшая борьба была неизбежна. Большевики под руководством Ленина и Сталина призывали российский пролетариат продолжать борьбу за свержение самодержавия путем вооруженного восстания и установления демократической республики.

И. В. Сталин писал в октябре 1905 года: «Всенародное вооруженное восстание — вот та великая задача, которая стоит в настоящее время перед российским пролетариатом и властно требует своего разрешения!»⁶

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 405. Воспоминания проф. В. Г. Алексеева, «Пролетарская революция в Эстонии», 1933, № 13, стр. 43.

² ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 443.

³ Там же, л. 430—431.

⁴ Там же, л. 444.

⁵ Там же, л. 406 и след.

⁶ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 186.

И эстонские рабочие, почерпнувшие суровый урок из кровавого злодеяния самодержавия в Таллине 16 октября, продолжали борьбу, готовясь под руководством большевиков к захвату оружия.

Тартуские рабочие и студенты ответили на объявление манифеста демонстрацией 18 октября, принявшей ярко выраженный революционный характер. Демонстранты с красными знаменами и пением марсельезы двинулись к тюрьме и освободили политических заключенных. Рабочие вынесли на плечах из тюрьмы арестованного Н. Чудовского. Местные власти вынуждены были снять в городе военные патрули.¹

18 октября вечером происходили многолюдные митинги в актовом зале университета и Тоомеорге. На собраниях в Тоомеорге народ требовал выдачи архива жандармской канцелярии. Революционно настроенные студенты призывали народ к продолжению борьбы.²

19 октября народные выступления в Тарту приняли еще более острый характер. Революционный народ, шествуя по городу с красными знаменами, приостановил работу в государственных учреждениях. Со зданий срывались царские портреты и «царские орлы». Всюду выдвигалось требование демократической республики.

Начальник тартуской жандармерии Покрошинский писал в департамент полиции министерства внутренних дел: «Положение серьезное... Ожидаются насилие и вооруженные столкновения».³

В октябрьские дни в Тарту заметно обострилась борьба между трудящимися и эстонской контрреволюционной буржуазией. Уже 18 октября революционный народ разогнал буржуазную «патриотическую манифестацию». 19 октября Я. Тыниссон пытался снова организовать демонстрацию членов эстонских буржуазных обществ, среди них и «Общества эстонских студентов», с целью выражения своего верноподданничества царю. Перед университетом произошло столкновение с революционным народом, в первую очередь со студентами. В следующие дни на митингах в актовом зале разоблачалась контрреволюционная черносотенная деятельность Я. Тыниссона и «Общества эстонских студентов».⁴

В грандиозную демонстрацию превратились 20 октября вечером похороны убитого царскими палачами Адамсона. Развевались красные знамена; на венках красовались надписи: «Жертве царизма» и «Жертве произвола».⁵

Царское правительство предприняло все меры для подавления революционного движения. И местные власти концентрировали в

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 444—446.

² Там же, л. 445.

³ ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, 1905, д. 001350, ч. 22, л. 143.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 442.

⁵ Там же, л. 428, 440.

городе воинские силы и снова ввели полицейскую и военную «охрану».¹

21 октября тартуские рабочие прекратили забастовку.

Октябрьские события показали, что трудящиеся Тарту сделали большой шаг вперед, приняв активное участие в борьбе трудящихся всей России за свержение самодержавия. В эти дни проявилась также тесная связь между тартускими рабочими и демократическими студентами.

После октябрьской всеобщей забастовки рабочий класс России, в том числе и Эстонии, готовился к вооруженному восстанию.

В ноябре продолжались митинги в актовом зале, на которых рабочие и революционные студенты обсуждали вопрос о вооруженном восстании.² В Тарту продолжалось также и забастовочное движение: например, 16 ноября тартуские почтовые и телеграфные служащие присоединились к всероссийской забастовке работников связи. В ноябре забастовали и учащиеся средних школ.³

В конце ноября в Тарту произошло событие, имевшее большое значение для дальнейшего развития революции в Эстонии: с 27 по 29 ноября состоялось собрание всеэстонских народных представителей. Эстонская буржуазия всячески напрягала силы, чтобы провести это собрание под своими лозунгами, но это ей не удалось. Революционное крыло отделилось от буржуазных депутатов и провело свое собрание в актовом зале университета. Здесь были приняты революционного содержания решения: конфискация корпоративных, рыцарских, казенных и церковных земель, установление демократических свобод, вооружение народа, введение революционного самоуправления и т. д.

Но одновременно мобилизовала свои силы и контрреволюция. Еще до октябрьских событий в Тарту стали сколачиваться черносотенные реакционные ударные группы: был сформирован так называемый «бюргервер», куда входили прибалтийско-немецкие купцы, реакционные профессора и эстонские буржуазно-националистические элементы во главе с Тыниссоном. «Бюргервер» начал активную борьбу против революции. По ночам члены «бюргервера» патрулировали по городу, вооруженные револьверами и особого рода резиновыми дубинками — «смертобойцами».

Эстонская буржуазия делала отчаянные усилия в борьбе против революции, используя сложившуюся после манифеста обстановку для организации своих сил. Формировалась первая политическая партия эстонской буржуазии — «Партия эстонских прогрессистов» — во главе с Я. Тыниссоном. «Прогрессисты» в основном присоединились к политической программе кадетов.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1235, л. 421, 429.

² Там же, ф. 404, д. 4022, л. 93.

³ Там же, ф. 325, д. 1235, л. 481.

Классовая сознательность эстонских трудящихся к этому времени настолько уже выросла, что для открытой буржуазной демагогии не было достаточно почвы. Именно поэтому после объявления манифеста еще интенсивнее приступили к деятельности мелкобуржуазные, меньшевистско-оппортунистические элементы, выступая агентурой эстонской буржуазии в рабочем движении. Летом 1905 года организовалась партия эстонских федералистов. Пропагандируя организацию рабочего класса отдельно по национальностям, федералисты стремились к расколу единого фронта трудящихся России. Лидерами партии федералистов стали П. Спеек, издатель мелкобуржуазной газеты «Новости» („Uudised“) в Тарту, и студент Г. Аст. Деятельность федералистов фактически была направлена на отвлечение трудящихся от революции.

Благоприятной почвой для федералистов был именно мелкобуржуазный Тарту. Направляемые П. Спееком и Г. Астом, федералисты проводили частые собрания с целью раскола трудящихся масс. На этих собраниях не говорилось о самом важном — о вооруженном восстании.

Федералистам удалось вовлечь в свою партию известное количество малосознательных рабочих, главным образом в Тарту. Здесь сконцентрировалась, конечно, и эстонская буржуазно-националистическая интеллигенция. Но в более крупных промышленных центрах федералистам не удалось сколько-нибудь распространить свое влияние: таллинские рабочие просто-напросто изгнали их представителей со своих собраний.

Эстонские большевики последовательно разоблачали предательскую роль федералистов и продолжали подготовку масс к вооруженному восстанию.

В Тарту против федералистов боролась тартуская организация РСДРП, но вследствие меньшевистского большинства эта борьба не могла быть успешной. Между федералистами и меньшевиками не было по сути дела никакой разницы.

Высшей точкой первой русской революции было вооруженное восстание рабочих Москвы в декабре 1905 года.

В результате раскольнической деятельности меньшевиков и федералистов в Эстонии подготовка к вооруженному восстанию не была достаточно последовательной; к тому же в середине декабря началось широкое наступление реакции: в Лифляндской губернии уже 22 ноября было введено военное положение; 10 декабря оно было распространено и на часть Эстляндской губернии. 11 декабря был арестован в полном составе таллинский комитет РСДРП. Вследствие всего этого в Таллине и других городах Эстонии не произошло вооруженного восстания. Вооруженные отряды эстонских рабочих направились в деревню, где началось восстание крестьян против прибалтийских баронов.

В Тарту революционная социал-демократия старалась довести наиболее революционную часть студенчества до понимания не-

обходимости вооруженной борьбы за политические свободы. Революционно настроенные студенты университета и Ветеринарного института предъявили ученым советам резолюцию, в которой чувствуется влияние революционной социал-демократии. В ней резко подчеркивалось требование прекращения военного положения и устранения военной охраны в городе. В резолюции подчеркивалось, что тартуское студенчество стоит на точке зрения пролетариата, и указывалось:

«Мы можем следовать только одному лозунгу — свобода и борьба за нее с оружием в руках»¹ (разрядка моя — Э. Я.).

Но мелкобуржуазные колебания среди демократической части студенчества, засилие оппортунистов мешали осуществлению этого лозунга.

12 декабря в Тарту началась новая всеобщая забастовка. Опять группы рабочих и студентов приостановили работу на всех предприятиях. В 12 часов на Ратушной площади началась демонстрация. Но силы контрреволюции были подготовлены: полиция и «бюргервер» сразу же напали на демонстрантов, открыв по народу огонь. 11 человек было ранено. Объединенным силам казаков, полиции и «бюргервера» удалось, наконец, разогнать народ.²

Это поражение означало переход реакции к наступлению и в Тарту.

Подавив с бесчеловечной жестокостью вооруженные выступления рабочего класса по всей стране, царское правительство предприняло решительную атаку на революционный народ. Началось отступление революции: с декабря «подъем революции сменился ее постепенной убылью».³

Когда меньшевик Плеханов после декабрьского вооруженного восстания бросил упрек, что «не нужно было братья за оружие», Ленин ответил ему: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно братья за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»⁴ Основной ошибкой и в работе эстонской социал-демократии, прежде всего в Тарту, было то, что она не сумела в достаточной степени разъяснить народным массам необходимость вооруженного восстания.

19 декабря в северную Эстонию прибыли первые карательные отряды. Начались массовые аресты, дикое избиение и убийства рабочих, крестьян и передовых представителей интеллигенции.

Трудящиеся царской России отступали медленно, с боями. Следует лишь вспомнить факт, что в 1906 году в России басто-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 404, д. 4022, л. 90.

² Там же, ф. 325, д. 1235, л. 495 и след.

³ Краткий курс, стр. 80.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 147.

вало еще свыше миллиона рабочих, в 1907 году — 740 000. Продолжалось крестьянское движение, а также волнения в армии.

И в Эстонии большевики продолжали руководить борьбой масс. Весной 1906 года в Эстонии с новой силой возобновилось забастовочное движение. Большую работу развернули большевики в армии и во флоте; об этом свидетельствует оживление революционного движения среди солдат и прежде всего восстание на крейсере «Память Азова». После разгрома эстонские организации РСДРП пополнились новыми силами. Росло влияние большевиков на рабочих, что ясно проявилось на Териокской конференции эстонских организаций РСДРП в октябре 1907 года.

В конце 1905 г. царские войска приступили к безжалостному преследованию революционных студентов и их организаций. Документы говорят о широкой кампании арестов и обысков среди тартуского революционного студенчества, предпринятой в январе 1906 года.¹

Но, несмотря на это, революционное движение среди тартуского студенчества продолжалось и в 1906 г.² Вследствие революционного настроения среди студентов в Тартуском университете не удалось начать занятий в I семестре 1906 г. Лекции в университете и в Ветеринарном институте возобновились лишь в осеннем семестре 1906 г.

Несмотря на разгул реакции, революционная социал-демократия продолжала в 1906 и 1907 гг. агитацию среди тартуских рабочих и студентов. И здесь возросло влияние большевиков. Факты показывают, что тартуские революционно настроенные студенты социал-демократы сохранили тесную связь с Петербургом, в первую очередь, с военной организацией петербургского комитета РСДРП, продолжая по ее инструкции работу среди воинских частей, расположенных в Тарту. Так, в 1906 г. в Тарту распространялись такие большевистские издания РСДРП, как газета «Солдатский путь»; большевистские листовки «О присяге», «Присяга»; прокламация «О кронштадском восстании» и др.³, разъяснявшие солдатам, что их настоящими врагами являются царское правительство, помещики и капиталисты.

На активную революционную агитацию в Тарту указывает хотя бы такой факт, что лишь при одном обыске в октябре полиция обнаружила в помещении общества демократических студентов „Societas” около тысячи экземпляров революционных листовок и брошюр!⁴

В 1906 и 1907 гг. продолжались политические митинги студентов и рабочих. Так, в декабре 1906 г. тартуские демократи-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, 1906—1907, л. 26, 59 и след.

² ЦГИАМ, ф. 102, оп. 5, д. 003, ч. 49, 1905—1909 гг., л. 159.

³ Фундаментальная библиотека ТГУ, ф. 5-с, д. 66325, л. 37, 41 и след.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, 1906—1907, л. 889, 902.

ческие студенты ознаменовали митингом годовщину московского вооруженного восстания.¹

Объявленную в 1905 г. университетскую автономию тартуские студенты использовали для укрепления своих организаций: создавались новые или легализировались старые. В 1907 г. в Тартуском университете было 34 различных общества и землячества, 8 корпораций. В Ветеринарном институте было 3 корпорации и 1 общество. Легализировалась группировка эстонской мелкобуржуазной интеллигенции «Объединение» („Ühendus”), ставшая позднее очагом оппортунизма.²

В борьбе против революции царское правительство прибегло к обману народа, создав в 1906 году «законодательную» государственную думу, которая, однако, оказавшись недостаточно послушной, вскоре была разогнана самим же правительством. Контрреволюция усиливала наступление. 3 июня 1907 г. новый царский премьер-министр Столыпин произвел государственный переворот, разгнав и вторую государственную думу. Это событие знаменовало поражение первой русской революции. Начались годы мрачной столыпинской реакции.

Несмотря на то, что революция 1905—1907 гг. окончилась поражением, она имеет огромное значение в истории освободительного движения российского пролетариата. Она была политической школой для пролетариата, такой школой, которую рабочий класс не смог бы получить в течение десятков лет мирного развития; она убедила трудящиеся массы в правильности большевистской тактики; она была генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

В боях 1905—1907 гг. значительное место занимала революционная интеллигенция — как отдельные представители интеллигенции, признавшие теорию революционного марксизма, так и самостоятельная группировка демократической части студенчества. Но с ростом классовой сознательности пролетариата и обострением его борьбы все более сокращается размах и уменьшается значение выступлений российского студенчества. Демократическая часть студенчества в 1905 г. хотя и была революционно настроена и присоединилась к рабочему движению, но ее борьба не имела в общественной жизни страны того значения, какое она имела в период назревания революционного кризиса, особенно в 1901—1905 гг.

В революции 1905—1907 гг., по примеру петербургских, московских и других студентов, к борьбе рабочего класса примкнула и демократическая часть тартуского студенчества. Революция разбудила к самостоятельной борьбе и тартуских, малосознательных еще, рабочих и ремесленников. Участие рабочих Тарту в ре-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, 1907—1908, л. 87.

² Там же, д. 5, 1907—1908 гг., л. 54.

волюции показало также, что агитационная работа социал-демократии, проведенная в предыдущие годы, не пропала.

События 1905—1907 гг. в Тарту особенно ярко показывают, какое большое значение для тартуских трудящихся имела связь социал-демократических студентов Тарту с Петербургом и другими центрами революционного движения России.

IV

ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ТАРТУСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

(1908—1912 гг.)

В период столыпинской реакции царское правительство беспощадно мстило рабочим и крестьянам за революцию. Ленин охарактеризовал период столыпинской реакции как годы, полные «... разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны».¹

Одновременно царское правительство усугубляло национальное угнетение на окраинах и разжигало национальную рознь, травлявая народы друг против друга.

В связи с общим упадком революционного движения началось глубокое разложение в среде мелкобуржуазной интеллигенции — попутчиков революции. Начался раскол мелкобуржуазных партий. Меньшевики стремились «приспособить» рабочее движение к столыпинскому режиму. Стали расцветать провокации и предательство. Усилились попытки «ревизии» марксизма с идеалистических позиций. Контрреволюция перешла в наступление и на идеологическом фронте.

В период столыпинской реакции только большевики, руководимые Лениным, остались на правильных позициях. Твердо уверенные в том, что царизм победил лишь временно, они отступали в полном порядке, без паники, и, борясь с врагами марксизма, продолжали готовить массы к новой революции.

После поражения революции начался разгул реакции и в области просвещения. В высших учебных заведениях были уволены прогрессивные профессора и заменены черносотенными. Верный «соратник» Столыпина, черносотенный министр Шварц, начал кампанию против свободы студенческих организаций и собраний, против и без того ограниченной автономии, данной студентам осенью 1905 года. Ленин отмечал тогда, что самодержавие, оставаясь самодержавием, не могло не начать отнимать у студентов автономию.² В высших школах снова водворялся полицейский режим; продолжались массовые исключения и аресты студентов.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 325.

² Там же, т. 15, стр. 191.

Новое соотношение классовых сил и идейное разложение мелкобуржуазной интеллигенции со всей наготой проявились в среде российского студенчества. Более активные борцы были истреблены, арестованы или сосланы. В университеты пришло новое поколение, которое в условиях реакции не смогло перенять боевых традиций своих предшественников. А черносотенные силы разрывали все более бешенное наступление.

Террор и полицейский режим в высших учебных заведениях неизбежно вызвали массовый протест демократической части студенчества. Но в обстановке продолжающегося разгрома организаций РСДРП, идейного разложения мелкобуржуазной интеллигенции, раскольнической деятельности ликвидаторов и кадетов-согласителей, студенческое движение в этот период снова превратилось в «только академическое» движение.

Царское правительство наиболее беспощадно преследовало организации РСДРП. Для рабочего движения в Эстонии большим ударом явился арест таллинского комитета РСДРП в 1907 г. и в начале 1908 г. В 1908 г. были разгромлены также партийные организации в северной Лифляндии и в Тарту.¹ Продолжались аресты, бесчинствовали военно-полевые суды.

В то же время в некоторой степени изменялся социальный и национальный облик тартуского студенчества. В Тартуском университете, как и во всех других университетах, в этот период значительно возросло количество учащихся, поскольку в 1906 г. было разрешено принимать в университеты оканчивающих все типы средних школ. В Тартуском университете теперь значительно увеличилось количество студентов эстонской национальности: в начале 1909 г. было уже 700 студентов-эстонцев.²

В 1908 году в Тарту было открыто новое высшее учебное заведение — частные курсы Ростовцева с медицинским, естественным и историко-филологическим факультетами, — в котором учились как мужчины, так и женщины.

Но в Тартуском университете свирепствовала реакция. Тарту долго оставался на военном положении: если в остальных частях Эстонии военное положение отменили в сентябре 1908 года, то в Тарту лишь в июне 1909 года.³ Архивные материалы указывают на непрерывные аресты студентов в 1908, 1909 и последующие годы.⁴ В 1909 г. министр просвещения Шварц отдал под суд либерального ректора Пассека, обвиняя его в «допущении мятежа» в университете.⁵ Упорно преследовались демократические студенческие организации, подвергавшиеся систематическому разгрому.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 219, 1908, л. 2; д. 131, 1908, л. 1—2.

² «Päevaleht», № 22, от 28 I 1909.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 325, л. 1031, 1908—1910, л. 228—229.

⁴ Там же, д. 1027, 1908, л. 28, 142—243; д. 1031, 1909—1910, л. 45—65.

⁵ «Päevaleht», № 9, от 13 I 1909; № 21 от 27 I 1909; № 43 от 23 II 1909.

В обстановке идейного упадка мелкобуржуазной интеллигенции в среде тартуского студенчества известное влияние получили левые эсеры — максималисты, скатившиеся на позиции беспринципного террора. В 1907—1908 гг. в Тарту развертывала свою деятельность местная организация партии эсеров, куда входил ряд русских, эстонских и кавказских студентов.¹ Среди эстонской интеллигенции в Тарту имелись попытки «ревизии» марксизма. Объединившись в 1903—1905 гг. в группировку «Ноор-Ээсти», эстонские буржуазно-националистические писатели стали теперь еще более активно распространять в искусстве вредные идеи декадентства.

Тем не менее тартуские революционные социал-демократы, объединяя и пополняя свои ряды, и в условиях террора продолжали агитацию среди рабочих и студентов, а также среди беднейшего крестьянства ближайших окрестностей. В 1908 и последующие годы в Тарту широко распространялись революционные прокламации и брошюры. Из архивных материалов выясняется, что они составлялись, в первую очередь, русскими социал-демократическими студентами, имевшими тесную связь с Петербургом.² Они работали в тесном контакте с эстонскими студентами. Среди эстонских рабочих и крестьян распространялись, например, такие брошюры: «О чем говорят русские социал-демократы крестьянской бедноте?», «Что хотят люди, выступавшие с красными знаменами?» и др.³ О деятельности революционной социал-демократии свидетельствует хотя бы такой факт, как организация в Тарту лекции А. Коллонтай 17 февраля 1908 г. Тартуская полиция охарактеризовала лекцию А. Коллонтай (на тему: «Семейный вопрос») как открытую пропаганду социалистических идей и призыв к насильственному изменению существующего порядка.⁴

Тартуские революционные социал-демократы, работая среди рабочих и студентов, разоблачали ликвидаторов, демагогию реакционных буржуазно-националистических студенческих организаций и боролись за изоляцию кадетских элементов.

Для агитации среди студентов попрежнему использовались демократические студенческие организации: «Общество русских студентов», общество грузинских студентов и др.⁵ Социал-демократы занимали руководящие посты и в новом центральном органе демократических студенческих организаций — Коалиционном Совете или Комитете, который был, повидимому, организован уже осенью 1905 г. и стал в тот период руководителем студенческих выступлений.⁶ В целях налаживания связей с эстонскими рабочими в некоторой степени использовалась и эстонская студен-

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1027, 1908, л. 133—134; 226—229, 242—243 и след.

² ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 20, 1908, л. 4.

³ Там же, ф. 325, д. 1027, 1908, л. 3, 4, 8 и след.

⁴ Там же, л. 100—102.

⁵ Там же, л. 32; ф. 325, д. 1039, л. 15.

⁶ Там же, ф. 296, д. 20, 1908, л. 20.

ческая организация «Ühendus». ¹ Здесь следует отметить, что и легальные студенческие организации были для большевиков одной из форм связи с массами.

Отголоском революции были политические митинги тартуских студентов и рабочих осенью 1907 г. Одновременно они были и ответом на новый реакционный закон царского правительства от 11 июня 1907 г. о студенческих организациях и собраниях; по этому закону строго запрещалось участие «посторонних» на студенческих собраниях и обсуждение вопросов не академического характера. В сентябре-октябре 1907 г. во всех университетских городах России начались митинги и стачки студентов. В ноябре 1907 г. по инициативе Коалиционного комитета в Тарту проводится общее собрание студентов университета и Ветеринарного института, на котором присутствовали и рабочие; на собрании обсуждались острые политические вопросы, как например, отношение к III думе. «Собрания в Тартуском университете, — сообщил генерал-губернатор Прибалтики, — снова становятся революционными митингами». ²

Летом 1907 г. Шварц издал новые указы, еще более ограничивавшие деятельность студенческих организаций. В знак протеста против усиления реакции в области просвещения началась по инициативе петербургских студентов в сентябре 1908 года всероссийская студенческая забастовка. Но в условиях столыпинской реакции она приняла академический характер.

Ленин уделял большое внимание забастовке студентов 1908 года, давая подробные указания для понимания ее сущности. «Назад к старине! Назад к дореволюционной России» ³ — писал Ленин по поводу этой забастовки. Но одновременно Ленин отмечал, что в данный момент это единственное массовое выступление и что социал-демократы должны всячески использовать академический протест студентов и стремиться к превращению его в политический протест.

К забастовке 1908 г. присоединились и тартуские демократические студенты. Вместе с прибывшим из Петербурга студентом-агитатором Коалиционный комитет уже в начале сентября развернул агитацию с целью организации стачки. И 25 сентября, одновременно с петербургскими студентами, тартуские студенты прекратили занятия почти на три недели, несмотря на сильное противодействие черносотенных элементов студенчества. Лозунги этой стачки указывают на академический характер выступления: студенты требовали университетской автономии, свободы организаций, чтения лекций на местных языках, и т. п. ⁴

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 22, 1907, л. 345.

² Там же, ф. 404, д. 4024, стр. 6.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 191.

⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 20, 1908, л. 15, 17 и след.

На осеннюю забастовку студентов в 1908 г. самодержавие ответило новыми арестами и преследованиями, дальнейшим усилением полицейского режима в высших учебных заведениях.

1909—1910 годы характеризуются заметными изменениями в экономической и политической жизни царской России. В связи с новым промышленным подъемом в 1910 г. началось оживление рабочего движения и возросло влияние большевиков среди рабочих.

Ленин писал в декабре 1910 г.: «Полоса полного господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступавший — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в наступление.»¹

Подъем рабочего движения вызвал оживление и среди других демократических слоев русского общества. Одним из симптомов нового революционного подъема были массовые выступления демократических студентов России в 1910 и 1911 гг. Студенческое движение снова стало принимать политическую окраску.

В Эстонии в эти годы оживилась деятельность социал-демократических организаций. Неоднократно подвергавшиеся разгрому партийные организации сплывали ряды и заметно улучшали свою работу.

Поводом для многочисленных выступлений студентов и рабочих России послужили смерть и похороны Льва Николаевича Толстого в ноябре 1910 года. Общественное движение, вызванное смертью Л. Н. Толстого, объяснялось, как указывал Ленин, большим общественным значением творчества Толстого.²

Прежде всего в Москве и Петербурге, а потом и во всех других городах начались в ноябре митинги и демонстрации рабочих и студентов. 17 ноября происходила в Тарту демонстрация студентов всех трех высших учебных заведений под общим лозунгом российского студенчества: «Долой смертную казнь!» Демонстрация была разогнана полицией.³ Как повсюду, так и в Тарту, за ноябрьской демонстрацией последовала новая волна разнузданного террора против студентов и рабочих.

Ленин оценил осенние события 1910 г. как верный симптом подъема революционного движения.⁴

В 1911 г. признаки, указывавшие на подъем революционного движения, проявились еще заметнее: количество стачечников возросло, по сравнению с 1910 г., с 50 000 до 100 000 человек и т. д. В связи с этим выступления демократического студенчества становились все более многочисленными и решительными.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 327.

² Там же, т. 14, стр. 293 и след.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 13, л. 7—8; д. 7, л. 235—296; «Päevaleht», № 266, от 19 XI 1910.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 327.

В 1911 г. заметно оживилась агитационная работа тартуских социал-демократов. Усилившаяся тартуская организация РСДРП распространяла революционные прокламации с большевистскими лозунгами.¹

Между тем новый, но не менее реакционный, министр просвещения Кассо решил окончательно ликвидировать остатки университетской автономии. 11 января 1911 г. совет министров, по предложению Кассо, утвердил постановление, которое совершенно запрещало студенческие сходки и организации. Теперь полиция могла в любой момент вмешаться в университетские дела. Российское студенчество ответило на это решительным протестом. Студенты требовали отмены вышеуказанного постановления.

Несмотря на то, что местные власти поспешили опередить события массовыми арестами студентов,² в Тартуском университете 4 февраля началась обструкция лекций с требованием университетской автономии. Обструкции парализовали целиком учебную работу.³ К забастовке вскоре присоединились студенты Ветеринарного института и курсов Ростовцева.⁴ Забастовка проходила в обстановке острой борьбы с прибалтийско-немецкими и эстонскими буржуазно-националистическими элементами, которых представители царской власти непосредственно натравливали против демократического студенчества.⁵

Во всех университетах России революционная социал-демократия использовала студенческие забастовки 1911 г. для расширения агитационной работы, организуя митинги, выпуская листовки, выражавшие резкий протест против всего самодержавного строя. На движение демократического студенчества обратила внимание и социал-демократическая фракция III думы, потребовав разъяснения причин усиления репрессий против высших учебных заведений.

В Тарту выступлением студентов руководил Коалиционный Совет. Широко распространялись издаваемые им прокламации, разъяснявшие необходимость продолжения забастовки и призывавшие студентов до конца бороться за свои права.⁶

В ходе забастовки выступления демократических студентов в Тарту принимали все более острый характер. В политическую демонстрацию переросли похороны Щепкина, слушателя ростовцевских курсов, замученного до смерти в царской тюрьме.⁷

В результате диких репрессий со стороны правительства забастовка тартуских студентов была прекращена в конце февраля.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1039, 1911—1912, л. 174, 184 и след.

² «Tallinna Teataja», № 28, от 4 II 1911.

³ «Päevaleht», № 36 от 14 II 1911.

⁴ Там же, № 32, от 9 II 1911.

⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 325, д. 1039, 1911—1912, л. I, 148 и след.

⁶ Там же, 1911—1912, л. 13—18 и след.

⁷ Там же, л. 154; ф. 296, д. 7, 1911, л. 33.

Царское правительство подавило студенческие выступления в 1911 г. при помощи систематического и жестокого террора. Значение студенческих забастовок и демонстраций в 1910-и 1911 гг. заключалось прежде всего в том, что они выражали революционное настроение масс, предвещали назревавший в царской России подъем революционного движения.

Конкретные факты показывают, что демократическая часть тартуского студенчества, как и всех русских университетов, в период столыпинской реакции, в условиях террора и идейного разложения в среде мелкобуржуазной интеллигенции, перешла от массового политического протеста к академическому протесту. На это указывает обструкция лекций в Тарту в 1908 г. и другие вышеприведенные факты. Но одновременно с этим среди революционно настроенных тартуских студентов и рабочих продолжалась агитация студентов социал-демократов. В 1910 и 1911 гг., когда появились первые симптомы начинавшегося революционного подъема, выступления демократического студенчества Тарту показали, что их борьба была составной частью борьбы всего русского студенчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ развития студенческого движения в царской России во второй половине XIX и начале XX вв. доказывает правильность оценки Лениным и Сталиным роли демократического студенчества в революционном движении в России. Это подтверждается также конкретными фактами выступлений демократического студенчества в одном из университетских городов России — в Тарту. Эти факты показывают, что отдельные представители интеллигенции усвоили марксистскую теорию и стали последовательными революционерами; что основная часть демократического студенчества, как группа мелкобуржуазной интеллигенции, шла вместе с рабочим классом до буржуазно-демократической революции. Эти факты показывают, что в первой русской революции, когда основной задачей было свержение царизма, борьба студенчества имела известное общественное значение. Но чем решительнее становилась революционная борьба пролетариата, тем меньшую роль играла интеллигенция, в том числе демократическая часть студенчества, в русском революционном движении.

Революционное движение среди тартуских студентов было неотделимой частью революционного движения студенчества всей России. Руководящее место в революционном движении тартуских студентов занимали студенты русской и других национальностей, которые часто прибывали в Тарту из других университетов России. Тартуское демократическое студенчество было тесно связано с другими российскими университетами; на что указывает постоянное распространение листовок, присылаемых в Тарту из Петербурга, Москвы и других городов. Огромное влияние на Тар-

ту оказывали те университетские города России, где революционное движение было больше всего развито, а именно Петербург, Москва и Киев. Выступления студентов этих городов служили примером для выступления тартуского студенчества.

Уже в 1880 г. среди демократического студенчества Тарту были отдельные революционеры. В пролетарский период революционного движения, в конце XIX и начале XX века, Тарту со своей слабо развитой промышленностью не играл существенной роли в революционном движении Эстонии. Но революционные студенты русской, грузинской, эстонской и др. национальностей оказали большую помощь в распространения марксистских идей в Эстонии. Начиная уже с 1880 гг., русские студенты распространяли марксистскую литературу среди эстонской интеллигенции. В начале 1890 гг. русские студенты организовали первый марксистский кружок в Тарту. С 1901 г. русские и грузинские студенты социал-демократы проводили агитацию среди тартуских рабочих и ремесленников, распространяли ленинскую «Искру» и иную марксистскую литературу. Из отдельных листовок видно, что работа проводилась и среди крестьянской бедноты, а также в воинских частях, расположенных в Тарту, особенно в 1903—1904 гг.

Под активным влиянием русских студентов революционизировались и эстонские студенты, а также учащиеся средних школ. В 1903 г. в Тарту была основана группа РСДРП, куда входили в основном русские и эстонские студенты.

Студенческое движение в Тарту, агитация социал-демократических студентов, студенческие стачки, происходившие с 1899 г., и особенно уличные демонстрации в 1902 г., повышали сознательность тартуских трудящихся. В связи с общим подъемом революционного движения все более оживлялась борьба тартуских рабочих, особенно во время революции 1905—1907 гг. Значительную роль в первой русской революции сыграли здесь демократические студенты. Они были первыми организаторами демонстраций в январе 1905 г., митингов в актовом зале университета осенью 1905 г. К осени 1905 г. революционная сознательность тартуских рабочих значительно выросла и привела их к активным выступлениям в октябре, ноябре, декабре. Рабочие и революционные студенты боролись совместно. Тартуские студенты — революционные социал-демократы — проводили революционную агитацию среди рабочих и в период отступления революции и столыпинской реакции.

Русские студенты в Тарту сыграли большую роль в деле приобщения местного населения к марксизму. Их влияние сказалось в первую очередь, в эстонской пролетарской печати.

Совместная борьба русских и эстонских революционных студентов и рабочих Тарту является выражением революционного союза русского и эстонского народов.

К началу нового, мощного подъема рабочего движения тартуский пролетариат вырос как количественно, так и качественно.

К 1913 году в Тарту, согласно статистическим данным, было промышленных рабочих в два раза больше, чем в предреволюционный период. В связи с этим значительно возросла и революционная активность тартуских рабочих.

В 1912—1914 гг. по всей Эстонии усилилось стачечное движение рабочих под большевистскими лозунгами. В руководстве борьбой рабочего класса Эстонии большую роль сыграла «Правда» и издававшаяся по ее примеру газета эстонских рабочих «Кийр». В Тарту в то время происходили такие довольно крупные события, как участие тартуских печатников во всеобщей стачке печатников Прибалтики, продолжавшейся с октября 1912 по январь 1913 года; забастовки на многих промышленных предприятиях в 1913 г. и др. Массовых выступлений тартуского студенчества, за исключением отдельных обструкций,¹ в это время не происходило.

Нельзя, конечно, при этом отрицать значение деятельности тех тартуских студентов-большевиков, которые в 1912—1914 гг. активизировали агитационную работу среди рабочих, ремесленников и студентов.²

Особую активность большевистская организация г. Тарту проявила во время первой мировой войны, став к началу февральской революции ведущей большевистской организацией в Эстонии. Здесь работал ряд выдающихся большевиков, как, например, корреспондент «Правды» Еремеев, литовский революционер-большевик Владас Рекашиус, литовские студенты-революционеры Казис Рямша, Каролис Пожела и др.³

После победы февральской революции в Петербурге и Таллине начались собрания, митинги рабочих и студентов также и в Тарту. Вместе с перешедшими на сторону революции солдатами тартуского гарнизона трудящиеся Тарту захватили 3 марта в свои руки важнейшие учреждения города и почту. Вся власть перешла в руки избранного Тартуского Совета Рабочих, Солдатских и Студенческих Депутатов.

После февральской революции народные массы России под руководством большевиков, на основе Апрельских тезисов Ленина, стали готовиться к социалистической революции. Эту задачу осуществлял и Тартуский комитет большевиков, проводя при этом непримиримую борьбу против контрреволюционной буржуазии.

Ключ к пониманию роли интеллигенции в период борьбы и победы Великой Октябрьской социалистической революции мы находим в отчетном докладе И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Наиболее влиятельная и квалифицированная часть ста-

¹ «Päevaleht», № 56 от 9 III 1913.

² ЦГИА ЭССР, ф. 296, д. 7, 1913, л. 10, 50, 52; ф. 325, д. 1045, л. 27 и след.

³ И. Саат, Эстонские большевики в период подготовки проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Известия Академии Наук Эстонской ССР, 1952, № 1, стр. 7.

рой интеллигенции, указывал И. В. Сталин, уже в первые дни революции объявила борьбу Советской власти. Другая, менее квалифицированная, но более многочисленная часть интеллигенции долго еще продолжала топтаться на месте, но потом решила пойти на службу Советской власти. Третья часть старой интеллигенции, еще менее квалифицированная, присоединилась к народу и пошла за Советской властью.¹ После установления Советской власти сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов трудящихся масс, пошли учиться в новые, советские высшие учебные заведения. Теперь у всех свободных народов Страны Советов создалась своя собственная интеллигенция, которая, по словам И. В. Сталина, вышла «... из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой».²

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, XI изд., стр. 608.

² Там же, стр. 589.

REVOLUTSIOONILISEST LIIKUMISEST TARTU ÜLIÕPILASTE HULGAS XIX SAJANDI LÕPUL JA XX ALGUL

E. Jansen

ENSV TA Ajaloo Instituudi teaduslik töötaja

Resümee

Revolutsiooniline liikumine tsaristliku Venemaa üliõpilaste, sealhulgas ka Tartu üliõpilaste seas oli üheks osaks üldisest revolutsioonilisest liikumisest Venemaal, oli lahutamatu seotud tööliklassi revolutsioonilise võitlusega.

XIX sajandi teisel poolel, Venemaa revolutsioonilise liikumise raznotšinetniklikul perioodil võtsid üliõpilased ulatuslikult osa revolutsiooniliste narodniklike ringide tegevusest; ühtlasi algasid sellal demokraatlike üliõpilaste massilised „akadeemilised“ väljaastumised protestiks tsaarivalitsuse reaktsioonilise hariduspoliitika vastu kõrgemate koolide suhtes. 1880-ndate aastate lõpul algas ka Venemaa demokraatlike üliõpilaste hulgas marksistlike ideede levik.

Tartu ülikooli peamiseks iseärasuseks oli asjaolu, et see tegutses „balti erikorra tingimustes“.

Kuni 1880-ndate aastateni moodustasid Tartu üliõpilaskonna enamiku balti-saksa parunite pojad. Kuid demokraatlike üliõpilaste arv siin üha kasvas. 1880—1890-ndatel aastatel teostus murang Tartu üliõpilaste sotsiaalses ja rahvuslikus koosseisus: 1899. aastaks saavutasid siin enamuse eeskätt teistest Venemaa kubermangudest (väljastpoolt Baltimaid) pärinevad demokraatlikud elemendid.

Tartu ülikooli üliõpilased astusid välja käsikäes Tartu teise kõrgema õppeasutuse — Tartu Veterinaaria Instituudi üliõpilastega.

1880-ndatel aastatel tegutses Tartu üliõpilaste seas „Narodnaja Volja“ organisatsioon. Aastad 1880—1890 olid nii marksistlike ideede levimise kui ka massilise üliõpilaskäitumise algusaastaiks Tartu ülikoolis. 1880-ndatel aastatel said eesti demokraatlikud haritlased vene üliõpilastelt esimesi marksistlikke teoseid. Eriti oluline oli vene jt. rahvustest üliõpilaste marksistlike ringide tege-

vus, mis aitas valmistada ette pinda marksistlike ideede levikule Eestis. Demokraatlikel vene üliõpilastel oli väljapaistev osa vene eesrindliku kultuuri tutvustajatena eesti ühiskonnale.

1899. a. ühinesid Tartu demokraatlikud üliõpilased esmakordselt ülevenemaalise üliõpilasstreigiga, mille põhinõuete olemuseks oli ülikoolide demokratiseerimine.

1890-ndate aastate teisel poolel algas Venemaa rahvaste vabastusliikumise proletaarne periood. Seoses Venemaa jõudmisega XIX/XX sajandi vahetusel imperialismi, alustas Venemaa tööliklass bolševike partei juhtimisel lõplikku võitlust tsaristliku isevalitsuse kukutamiseks, ja edasi, kapitalistide purustamiseks ja igasuguse ekspluateerimise hävitamiseks. Venemaal valmis suurim rahvarevolutsioon, mida ajalugu seni oli tundnud. Selle revolutsiooni esimesel etapil, XX sajandi algusest kuni 1917. a., oli Venemaa proletariaadi ülesandeks tsarismi kukutamine. Võitluses tsarismi kukutamiseks kasutas proletariaat ja ta partei vastavalt Lenini juhendeile ka teiste ühiskonna klasside ja kihtide, sealhulgas demokraatlike üliõpilaste protesti isevalitsuse vastu. Tööliikumise tõusu mõjul laieneski XX sajandi algul tunduvalt ka üliõpilasliikumine Venemaa ülikoolides. Tänu sotsiaaldemokraatia juhtimisele jõudsid Venemaa demokraatlikud üliõpilased XX sajandi akadeemiliselt protestilt poliitilise protestini — protestini kogu isevalitsusliku režiimi vastu.

Tartus algas XX sajandi esimestel aastatel üliõpilaste-sotsiaaldemokraatide agitatsioon Tartu tööliste ja üliõpilaste hulgas. Tööks üliõpilaste hulgas kasutasid Tartu sotsiaaldemokraadid demokraatlikke üliõpilasorganisatsioone, eeskätt nende keskust — Tartu ühendatud organisatsioonide ja zemljatšestvote liidu Nõukogu, kelle laialt levitatavais lendlehtedes püstitati loosung: maha isevalitsus! Liidu Nõukogu juhtimisel toimusid Tartus eriti 1902. a. ulatuslikud loengute streigid ja poliitilised demonstratsioonid, mis näitasid, et ka Tartu üliõpilaskonna demokraatlik osa oli jõudnud poliitilise protestini. Tunduvalt laienes sotsiaaldemokraatia töö Tartu tööliste ja üliõpilaste hulgas a. 1903—1904. 1903. a. rajati Tartus sotsiaaldemokraatlik rühm.

Hakkas arenema koostöö tööliste ja demokraatlike üliõpilaste vahel.

Sotsiaaldemokraatlik agitatsioon Tartus toimus üha teravnevas võitluses eesti kodanliku natsionalismi ja mitut laadi oportunistmiga. Seoses üldise revolutsioonilise kriisi teravnemisega ja sotsiaaldemokraatia agitatsiooni süvenemisega revolutsioneerus ikka enam nii Tartu proletariaat kui ka Tartu üliõpilaskonna demokraatlik osa.

Tuleb aga siiski arvestada, et erinevalt teistest Venemaa ülikoolilinnadest oli Tartu väikekodanlik linn, kus puudus tugev tööstusproletariaat. Ilmekalt avaldus neil aastail Tartus mitmesugustest rahvustest (vene, gruusia, eesti jt.) demokraatlike ja revolutsiooniliste üliõpilaste koostöö ja Tartu tihe seos Venemaa

revolutsioonilise liikumise tsentrumitega (Peterburi, Tbilisi jt.). Niimoodi ettevalmistatuna võtsid Tartu töölised ja demokraatlikud üliõpilased 1905.—1907. a. revolutsioonist aktiivselt osa.

1905.—1907. a. võitlustes oli revolutsioonilisel intelligentsil — nii intelligentsi üksikesindajail, kes võtsid omaks revolutsioonilise marksismi teooria, kui ka demokraatlikul osal üliõpilaskonnast kui rühmitusel — küllaltki silmapaistev koht. Tartus olid just demokraatlikud üliõpilased revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia juhtimisel esimeste väljaastumiste algatajaks. 1905. a. jaanuaris toimusid Tartus vastuseks 9. jaanuari veretööle Peterburis üliõpilaste ja tööliste ühised poliitilised demonstratsioonid. Revolutsioonilise liikumise mõjul üliõpilaskonnas katkes õppetöö ülikoolis; Tartu ülikool, samuti Veterinaaria Instituut suleti. 1905. a. veebruaris streikisid Tartu tööstusettevõtted. 1905. a. kevadel ja suvel, kui kogu Venemaal teravnes massiline revolutsiooniline võitlus, kasvas ka Tartus töörahva ning üliõpilaskonna demokraatliku osa revolutsioonilisus. Moodustati VSDTP Tartu komitee.

1905. a. sügisel Venemaa ülikoolidele annetatud autonoomia ei „rahustanud” revolutsioonilisi üliõpilasi — vastupidi, võitlus süvenes. Eriti olulised oktoobrikuu üldstreigi ettevalmistamisel ja eesti kodanlike natsionalistide ning oportunistide isoleerimisel Tartu töörahvast olid Tartu ülikooli aulas 1905. a. sügisel toimunud tööliste ja üliõpilaste miitingud. Need muutusid siin nagu teisteski Venemaa ülikoolilinnades tõelisteks revolutsioonilisteks rahvakoosolekuteks. 16. oktoobril ühinesid Tartu töölised ülevenemaalise üldstreigiga. Pärast 17. oktoobri manifesti arenes Tartus, teravas võitluses mustsajalise balti-saksa reaktsiooni, eesti kodanlik-natsionalistliku kontrrevolutsiooni ja oportunistidega, ettevalmistus relvastatud ülestõusuks. Jätkuvatel koosolekutel ülikooli aulas arutati relvastatud ülestõusu küsimust. Menševike ja eesti föderalistide lõhestava tegevuse tõttu ei toimunud aga Tartus, nagu teisteski Eesti linnades, relvastatud ülestõusu.

Pärast Moskva ülestõusu lüüasaamist taganes Venemaa töötav rahvas aeglaselt, võideldes. Hoolimata meeletust jälitamisest jätkus revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia tegevus 1906. ja 1907. a. ka Tartu töölise ja üliõpilaste hulgas. Faktid viitavad bolševike mõju süvenemisele neil aastail Tartus. Jätkusid tööliste ja üliõpilaste poliitilised miitingud.

Stolõpini reaktsiooni süngetal aastatel märatses terror ka Tartu üliõpilaste hulgas. 1908. a. algul rüüstati Tartu sotsiaaldemokraatlik rühm. Täie teravusega ilmnes Tartu üliõpilaskonnas väikekodanliku intelligentsi ideeline laostumine: õilmitsesid dekadentism ja müstitsism, esines katseid revideerida marksismi, märatsesid esseerid. Siiski jätkus siin revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia, eeskätt vene üliõpilaste agitatsioon. Üheks bolševike legaalse ja illegaalse töö ühendamise vormiks sel perioodil oli ka töö demokraatlikes üliõpilasorganisatsioonides. Kuid antud olukorras taandus üliõpilasliikumine Tartus, nagu teisteski Venemaa

linnades, jälle „ainult” akadeemiliseks liikumiseks, nagu seda näitab Tartu üliõpilaste loengute streik 1908. a. sügisel. Seoses tööliikumise uue tõusu esimeste sümptomidega a. 1910—1911 elavnes Tartus uuesti revolutsioonilise sotsiaaldemokraatia tegevus ja laienesid üliõpilaste massilised väljaastumised. Eriti ulatuslik loengute streik toimus siin 1911. a. kevadtalvel.

1912. a. alates arendas Venemaa proletariaat üha teravamalt ja otsustavamalt võitlust isevalitsuse kukutamiseks. Kuni kodanlik-demokraatliku revolutsiooni teostamiseni oli aga ka väikekodanliku intelligentsi väljaastumistel — üliõpilasliikumisel — ühiskondlik tähendus. Sel perioodil tõusis Tartu tööliste revolutsiooniline aktiivsus, mida näitasid streigid 1912. ja ka 1913. a. I maailmasõja ajal tõusis Tartus esile silmapaistvaid bolševikke-üliõpilasi. Tartu bolševistlik organisatsioon osutas sel perioodil suurt aktiivsust. Tartu revolutsioonilistel üliõpilastel oli teatud osatähtsus veebruarirevolutsiooni teostamisel. Võitluses nõukogude võimu eest tuli aga töölisklassiga kaasa ainult väike osa haritlasi.

Tuleb kõrgelt hinnata ka demokraatlike Vene üliõpilaste olulist osa Tartus progressiivse vene kultuuri vahendajatena. Selle mõju ilmekaks näitajaks on nii eesti realistlik kirjandus (E. Vilde) kui ka proletaarne kirjandus.

Vene ja eesti revolutsiooniliste üliõpilaste ning tööliste koostöö Tartus on üheks näiteks vene ja eesti rahva ajaloolisest võitlusliidust.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ТАРТУСКОМ (ДЕРПТСКОМ-ЮРЬЕВСКОМ) УНИВЕРСИТЕТЕ

В. Э. Грабарь

Проф., доктор юридич. наук

Мне свыше 87 лет. Из них 25 лет я провел в Тарту (Юрьеве). Время, проведенное мною в этом городе, было счастливейшим временем в моей жизни и наиболее плодотворным в моей научной деятельности. Доныне вспоминаю его с благодарностью. Назначенный на должность доцента международного права 1 июля 1893 г., я приехал в Юрьев в сентябре, покинул его в июле 1918 года, когда Балтийский край был занят германскими войсками и весь личный состав университета двинулся в специальном поезде в Воронеж, где он положил основание созданному Советским правительством новому Воронежскому государственному университету.

Выдержав в Московском университете испытание на научную степень магистра и приобрет звание приват-доцента международного права, я получил от юридического факультета Тартуского университета приглашение занять штатную доцентуру международного права. Я охотно дал согласие как потому, что считал полезным для молодого ученого начать свое поприще в провинциальном университете, так, в особенности, еще потому, что мне было приятно стать продолжателем последовательно позитивного направления в науке международного права, которое утвердилось в Тартуском университете больше, чем в других.

Мне очень понравился город, старинный, с остатками средневековых построек, поразивший меня своей чистотой. На Домской горе возвышались развалины собора XIV века, приютившие в своей реставрированной алтарной части великолепную библиотеку университета, а в долине, плавно протекала река Эмба (Амовжа, Emaõgi).

Небольшой городок, насчитывавший всего 60 000 жителей, был просветительным центром края. Его называли «Афинами на Эмбахе». В нем имелось два высших учебных заведения: университет и ветеринарный институт; впоследствии к ним прибавился еще частный университет; имелась учительская семинария

и ряд средних школ: классические гимназии и реальное училище, к которым позднее прибавилась женская гимназия, — и четыре частных средних школ, из них одна эстонская мужская школа Гуго Треффнера. Вся городская жизнь строилась применительно к потребностям учащихся. Летом жизнь замирала, город пустел; с осени он оживал снова. Комнаты сдавались студентам не помесячно, как в других городах России, а по семестрам, но от этого обычая пришлось отказаться, когда с конца девяностых годов состав студенчества резко изменился благодаря наплыву русских студентов из духовных семинарий, которые, в своем большинстве бедняки, оставались на месте месяц или два и затем покидали город в поисках заработка. Чтобы не отвлекать учащихся от занятий, в городе не было постоянного театра.¹ Только на время летних каникул приезжала немецкая труппа, большей частью с репертуаром из оперетт и водевилей. Она давала свои спектакли в помещении Ремесленного союза (Handwerkerverein). Позднее, когда в университете был введен русский язык, изменился состав профессоров, и студенчество в своем огромном большинстве стало русским по национальности, — изредка в течение учебного времени приезжала из Петербурга труппа Александринского театра и давала три-четыре спектакля в другом имевшемся в городе помещении для общественных собраний, в Vürgermusse. Только спустя много времени, когда эстонской общественности удалось воздвигнуть на Садовой улице здание культуры Ванемуйне, эти и другие случайные спектакли перенесены были в его помещение. Немецкая часть общест-венности города бойкотировала Ванемуйне. С наплывом студентов из внутренних губерний России часто устраивались студенческие вечеринки. Было много концертов зарубежных знаменитостей, по пути в Петербург обязательно заезжавших в Тарту.

Жизнь в Тарту была очень дешева; по сравнению с Москвой цены были почти вдвое ниже. Будучи уже профессором, но еще одиноким, я занимал квартиру в пять комнат, весь нижний этаж дома, с садом сзади него и палисадником спереди. Этот тихий уют обходился мне всего в 400 рублей в год.

В городе имелась превосходная картинная галерея, принадлежавшая частному лицу, Липгарту², но доступная для обозрения, а рядом с городом раскинулась усадьба Фаддея Булгарина с ценнейшими рукописями писателей — его современников.

При мне, приблизительно с 1900 года, город начал разрастаться: Звездная улица протянулась вдоль Ропкойской аллеи до самого Ропка; начало застраиваться поле между Мельничной

¹ Это объяснялось не столько заботой об успешных занятиях студентов, сколько стремлением представителей лютеранской церкви оградить молодежь от влияния светской культуры, особенно русской. (Примечание ред. — Э. М.)

² Из семейства, с одним из представителей которого, талантливым юношей, был в дружественных отношениях Н. И. Пирогов в годы своей специализации в Тарту. (Примечание ред. — Э. М.)

улицей, Тяхтвере и вокзалом, где раскинулось здание частного университета; распланировано было для будущего университетского городка поле по правую сторону Рижского шоссе.

По установившемуся обычаю, каждый вновь прибывший член университетской коллегии делал официальные визиты всем другим наличным его членам. Обычно визиты делались по воскресным дням. Обойти нужно было человек шестьдесят. Это можно было сделать, имея в виду небольшие расстояния в городе, в четыре воскресных дня, нанося по пятнадцати визитов в день, но для этого надо было распланировать визиты по улицам. Я взял издававшийся университетом ежегодно «Личный состав» и расписал всех лиц по улицам и домам, где они жили. Оказалось, что в день приходилось обходить не более двух-трех улиц, притом коротеньких, а были дома, в которых жили несколько членов университетской коллегии. В заречной части города жил только один профессор, директор психиатрической клиники, находившейся за рекой.

Устроившись на «Авоське», получившей это название потому, что земельный участок был куплен владельцем его «на авось», я начал свои визиты. Визиты не обошлись без инцидентов. При одном из них я попал в неловкое положение. Я позвонил. Дверь отворила прелестная девушка лет 17. Я спросил по-немецки, дома ли профессор Шмидт? Профессоров с этим именем было два, один—химик, из школы которого вышли знаменитые ученые Оствальд, Вальден и Тамман, другой физиолог. Последнего прозвали Blutschmidt, так как он занимался исследованием крови; прозвище химика, который был известен своими исследованиями воды, было Wasserschmidt. Физиолог уже не значился в списке профессоров: он скончался. Скончался, оказалось, и химик, но это случилось незадолго до моего приезда, и он еще значился в «Личном составе 1892 г.», которым я руководствовался, делая свои визиты. Я был крайне сконфужен, когда на мой вопрос, дома ли профессор Шмидт, услышал из уст девушки, оказавшейся дочерью профессора, что отец ее скончался: «Aber, mein Vater ist ja gestorben».

У меня остался в памяти другой визит, о котором, с моих слов, рассказал в своих «Воспоминаниях» В. В. Вересаев. Я попал в огромный зал, весь пол которого был покрыт огромными фолиантами в развернутом виде, через которые пришлось осторожно переступать. В дверях соседней комнаты показалась стройная высокая фигура с головой, обрамленной длинными черными волосами в кудрях, с большой бородой и устремленными на меня большими искрившимися глазами. Таким обыкновенно изображают на картинах Иоанна Крестителя. Я невольно залюбовался им. Перешагнув через ряд книг, я приблизился к нему, и поздоровавшись, назвал себя. Он приветствовал меня, как своего ближайшего по науке коллегу. Я был в недоумении, так как знал, что с визитом я был у медика. Кто же из медиков

мог быть близок мне по науке? Естественно было предполагать, что я нахожусь у психиатра, ибо кто из медиков, кроме психиатра, мог быть близок мне по науке? Недоумение, отразившееся на моем лице, очевидно, было слишком явно, и мой собеседник постарался рассеять его. «Ведь мы оба изучаем человека» (Wir studieren ja beide den Menschen), — поспешил разъяснить он. Собеседник мой был всемирно известный анатом Раубер. Он, действительно, интересовался общественными науками. Заинтересовался он и моей вступительной лекцией и просил своего ассистента перевести ее на немецкий язык, а затем поднес мне этот перевод, предполагая, что я захочу воспользоваться им для напечатания в немецком журнале.

Все, кого я посещал, отдавали мне визит, но большей частью не заставляли меня, так как я еще продолжал по воскресеньям обходить своих коллег. Они оставляли свои визитные карточки.

Университет

Я приехал в Юрьев в период реформы университета, связанной, в частности, с введением в нем преподавания на русском языке вместо немецкого и распространением на него общего устава русских университетов.

Для проведения реформы попечителем Рижского округа, которому были подчинены все учебные заведения Прибалтийского края, был назначен директор Демидовского Юридического Лицея, известный профессор-юрист М. Н. Капустин. Опытный администратор, высоко ценивший науку, он проводил реформу, однако, умеренным темпом.¹ Прежний ректор университета, немец Мейков, благожелательно относившийся к реформе, продолжал оставаться в должности. Вскоре, однако, Капустина в должности попечителя сменил бывший профессор Варшавского университета, а затем попечитель Варшавского учебного округа, славист Н. А. Лавровский. Ректором был назначен соратник Лавровского, видный славист, профессор и ректор Варшавского университета А. С. Будилович.

Профессура

Когда я приехал в Тарту, профессура в огромном большинстве своем состояла еще из лиц немецкой национальности. Вновь назначенных русских профессоров пока было всего 16. Из них 10 (при трех доцентах, включая меня) числились на юридическом

¹ Однако, эта умеренность не оградила Капустина от враждебных выпадов немецко-балтийской печати. (Примечание ред. — Э. М.)

факультете, трое — на медицинском, двое — на историко-филологическом и один — на физико-математическом. На историко-филологическом факультете с основания университета существовала кафедра русского языка и славяноведения, на которой лекции всегда читались на русском языке. Ее занимал после А. А. Котляревского известный историк литературы П. А. Висковатов. Кроме него на факультете был еще профессор-поляк И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и профессор-латыш — Я. Ф. Озе.

Профессоры немецкой национальности не представляли сплоченной группы. Балты и иностранцы не во всем были солидарны. Больше всего их разделяли вопросы местной политики. Это сказалось в особенности в восьмидесятых и девяностых годах, в годы реформы университета, смены немецкого языка преподавания на русский. Большинство балтийских немцев были яростными противниками реформы, видя в ней посягательство на свои приобретенные права. Иностранцы смотрели на реформу иначе; они относились к ней спокойнее, притом не только потому, что она не задевала их интересов (им предоставлено было право продолжать чтение лекций до окончания срока, на который они были законтрактованы), но и по соображениям государственным, так как большинство их признавало действия русского правительства правомерными и справедливыми. Такое мнение открыто высказывали профессора анатомии — Раубер и офтальмологии — Рельман. Балты за это их не любили.

Среди немцев-балтов тоже встречались отдельные профессора, вполне осознававшие необходимость реформы (Мейков).

С продвижением реформы число немецких профессоров таяло и влияние их в Совете ослабевало. Русская профессура тоже не представляла сплоченного единства. Были правые и левые профессора, как во всех русских университетах.

Профессоры, входившие в разные группировки, сходились вместе только во время официальных заседаний Совета и факультетов; других встреч не было. Но каждая группа поддерживала сношения в своей среде.

Когда в 1904 году образовался «Академический Союз», охвативший все высшие учебные заведения, включая Консерваторию и Академию Художеств, во главе с Академией Наук, вся прогрессивная группа профессоров Гартуского Университета также включилась в него, и делегаты ее принимали участие во всех съездах Союза, на которых вырабатывались основы будущего устава высших учебных заведений на базе академической автономии. В 1905 году правительство вынуждено было признать автономию.

В Юрьевской группе Союза вскоре произошел раскол, притом по маловажному поводу. Часть профессоров (Яроцкий, Писаржевский, Кузнецов, Сент-Илер) считала необходимым участие ассистентов и ординаторов в Совете университета с решающим голосом, чего большинство допустить не желало, находя, что эта категория университетского персонала еще мало срослась с универ-

ситетом и не учитывает всех его интересов. Отпадение этой группы значительно ослабило прогрессивную часть профессуры. Это сказалось, между прочим, и в следующем факте. Одному из отколовшихся профессоров, Ростовцеву, удалось на местные средства построить здание и основать частный университет (медицинский факультет); преподавателями в этот университет, в силу создавшегося антагонизма, к сожалению, шли исключительно правые профессуры.

Первым выборным ректором университета по избранию Совета был член прогрессивной группы профессоров Е. В. Пассек. За него, под влиянием общего подъема либерального настроения, голосовала и некоторая часть правых профессоров. Новое направление университетской жизни сказалось, прежде всего, в полной свободе студенческих сходок и в приеме в студенты университета лиц женского пола. Последняя мера была впервые принята Тартуским университетом, и вскоре от ректора Московского университета пришел запрос, каким образом Совету Юрьевского университета удалось провести эту меру. Удалось же это самым простым способом — путем толкования университетского устава. В уставе было сказано, что в университет принимаются лица, удовлетворяющие известным условиям, причем пол не был указан, а слово «лицо», по толкованию юристов, обнимает одинаково и мужчин, и женщин.

Когда миновали дни «свободы», Министерство народного просвещения привлекло ректора Пассека к уголовной ответственности. Как лицо, находящееся в должности IV класса, ректор подлежал суду Сената. Начато было следствие. Часть правых профессоров, в особенности проф. Чи ж, которому Правление университета с ректором во главе ставили на вид его свободное обращение с имуществом клиники, которой он заведовал, охотно давали требуемые показания против ректора. Составлен был обширный обвинительный акт о привлечении Е. В. П а с с е к а к уголовной ответственности, с одной стороны, за «бездействие власти» (непринятие мер против студенческих сходок), с другой, «за превышение власти» (допущение женщин в студенты университета). Дело тянулось, и обвиняемый, страдавший пороком сердца, не выдержал длительного терзания и скончался в 1912 году, прежде, чем могло начаться судебное разбирательство его дела в Сенате.

Говоря о привлечении министерством к судебной ответственности проф. Пассека, скажу еще о привлечении к ответственности, не судебной, а административной, профессора М. Я. Пергамента в 1904—05 учебн. году.

М. Я. Пергамент читал в актовом зале университета публичную лекцию. По окончании лекции была объявлена сходка, и студенты, выйдя из университета, прошли по городу с демонстрацией. Очевидно по какому-то доносу, демонстрация была поставлена в связь с лекцией. Последовал запрос из министерства и отписка со

стороны профессора и университета. Дело могло кончиться неприятностями для профессора, но наступил 1905 год, и профессору был дан только совет осторожнее выбирать темы для публичных лекций. Интересно то, что тема лекции была самая невинная — «Рецепция римского права». Лекция не имела никакого отношения к сходке и к демонстрации, но студенты приурочили свое выступление к лекции проф. Пергамента, ибо на его лекции всегда собиралось много студентов.

Перехожу к характеристике профессорского состава по факультетам в связи с реформой преподавания.

Раньше других факультетов преподавание на русском языке было введено на юридическом. Это было связано с введением в Прибалтийском крае судебной реформы с судоговорением на русском языке вместо немецкого. К моему приезду все преподавание на факультете велось уже на русском языке. Преобразование закончилось еще при попечителе Капустине; оно совершилось легко и безболезненно. На факультете было всего пять кафедр, в то время, как в других русских университетах их было не менее тринадцати. Все пять кафедр были заняты балтийскими немцами, русскими подданными, которым было предложено в определенный срок перейти к преподаванию на русском языке. Немцев — иностранцев, с которыми при их приглашении в Россию правительством заключались договоры на определенный срок, до истечения которого они не могли быть уволены, на юридическом факультете не было. Профессоры из прибалтийских немцев, отказавшиеся читать лекции по-русски, перешли на пенсию. Единственный крупный ученый — юрист из балтийских немцев, И. Е. Энгельман, остался на кафедре и стал деканом факультета. Он окончил Петербургский университет, там же защитил магистерскую диссертацию и прекрасно владел русским языком. Другой видный ученый из балтийских немцев, Карл Бергбом, принял приглашение на одну из университетских кафедр в Германии.

Факультет ожил, получив новых двенадцать кафедр и сохранив не имевшуюся в других русских университетах кафедру местного (остзейского) права. К оставшемуся на кафедре Энгельману присоединился ряд молодых дарований: будущий академик М. А. Дьяконов, Н. А. Карышев, Е. В. Пассек, А. Н. Филиппов, Л. А. Кассо, В. М. Нечаев. Позднее привлечены были такие видные ученые, как А. Н. Миклашевский, М. Я. Пергамент, Ф. В. Тарановский, Л. А. Шалланд. Новый состав факультета и по специализации кафедр, и по дарованиям профессоров с честью заменил собою прежний.

Другие факультеты находились только в начальном периоде своего преобразования, а богословский вовсе не был затронут в своем составе. Причин было две. Во-первых, преподавание на богословском факультете должно было оставаться попрежнему на немецком языке, ибо факультет был протестантский, и немецких богословов русские профессора из православных духов-

ных академий заменить не могли. Во-вторых, на факультете был только один предмет, который можно было поручить русскому профессору. Предмет этот — история церкви, но профессора духовных академий не могли читать лекций на немецком языке, не говоря уже о том, что иноверцу-православному неудобно было вести преподавание на протестантском богословском факультете. Все, что можно было сделать, было сделано: освободившаяся кафедра «исторического богословия» была заменена славянином И. И. Квачалой, известным своими работами о Яне Амосе Коменском.

Медицинский факультет насчитывал ко времени моего приезда в Юрьев всего двух русских профессоров: терапевта С. М. Васильева, который был деканом факультета, и психиатра В. Ф. Чижа.

Психиатр Чиж, в бытность свою приват-доцентом Петербургского университета, пользовался большой популярностью среди студенчества. Эту популярность он сохранил на первых порах и в Тарту. Лекции его были интересны и привлекали студентов со всех факультетов, но постепенно научный интерес погасал в нем; он заботился только о популярности. Появились странности в его поведении. Многие из них объяснялись, повидимому, началом психической болезни, от которой он впоследствии умер.

Среди профессоров медицинского факультета, вначале большей частью иностранцев, были крупные специалисты, видные ученые своего времени: терапевт Унферрихт, психиатр Крепелин, кафедру которого занял Чи ж, физиолог А. Шмидт, хирург Бергман, гистолог и эмбриолог Барфурт, профессор фармации Драгендорф, фармакогнозии — Коберт, акушерства и гинекологии — Кюстнер. Все они, за исключением А. Шмидта, русского подданного и уроженца Прибалтики, переехали в Германию, откуда они происходили. Драгендорф был заменен видным русским специалистом И. Л. Кондаковым. Из среды профессоров, занявших другие кафедры медицинского факультета, вышли также выдающиеся русские ученые-клиницисты и медики-теоретики. При мне последовательно сменялись профессора: четыре раза на кафедре акушерства (А. П. Губарев, А. А. Муратов, А. Н. Соловьев и С. Д. Михнов) и на кафедре государственного врачебно-ведения, т. е. гигиены (С. Ф. Бубнов, А. С. Игнатовский, Г. В. Хлопин, Е. А. Шепилевский), три раза на кафедре гистологии (Н. К. Черняк, П. А. Поляков, П. Я. Рубашкин). Многие профессора перешли в Московский и другие университеты (Бубнов, Соловьев, Муратов, Хлопин, Лавров). В Тарту начал свою профессорскую деятельность приобретший впоследствии мировое имя хирург Н. Н. Бурденко, окончивший Тартуский университет. Одна только кафедра анатомии была бессменно занята с 1886 г. более 30 лет ученым, читавшим лекции не на русском языке, а на смеси немецкого и латинского; ее занимал известнейший анатом А. С. Раубер. Его называли «последним анатомом».

На историко-филологическом факультете при моем приезде в Юрьев только две кафедры были замещены новыми преподавателями: весьма известных профессоров Бодуэна-де-Куртенэ и Брюкнера заменили тоже видные ученые, — славист А. С. Будилевич, одновременно назначенный ректором университета вместо Мейкова, и русский историк Е. Ф. Шмурло. В дальнейшем постепенно освобождавшиеся кафедры заняли видные ученые, профессора: классической филологии М. Н. Крашенинников и А. В. Никитский и историки А. Н. Ясинский и П. Н. Ардашев; затем эти кафедры заняли В. Э. Регель и нынешний академик Е. В. Тарле. На кафедру русской литературы был назначен Е. В. Петухов, на кафедру классической филологии — В. К. Мальмберг, на кафедру сравнительного языкознания Д. Н. Кудрявский. Мальмберга сменил Фельсберг, впоследствии ректор Рижского университета; рядом с Петуховым кафедру русского языка занял впоследствии Г. А. Ильинский. Профессора Шмурло, назначенного ученым корреспондентом Академии Наук в Италии, сменил известный историк Литвы, И. И. Лаппо; Никитского — выдающийся исследователь греческой литературы, Г. Ф. Церетели. На кафедру русского языка и литературы был назначен, наряду с Петуховым, Н. К. Груньский.

Новый русский состав факультета смело мог выдержать конкуренцию со старым. Но в его среде было всего три профессора прогрессивного направления — Шмурло, Кудрявский и Тарле.

Кудрявский был единственным социал-демократом в составе Юрьевских профессоров; он был сотрудником М. И. Ульяновой по распространению знаний среди рабочих Петербурга; в специальной литературе он известен как первый филолог-марксист.

Наименее затронут реорганизацией был к моему приезду в Юрьев факультет физико-математический. На нем был перешедший из Петербургского университета профессор Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, занимавший кафедру геологии и минералогии, впоследствии член Академии Наук. Он был назначен деканом факультета. Виднейший ученый определенного прогрессивного направления, он привлек на факультет таких известнейших ученых, как физик Б. Н. Голицын, геолог Н. И. Андрусов, зоолог А. Н. Северцев и ботаник Н. И. Кузнецов; все они были впоследствии избраны членами Академии Наук. Голицына сменил А. И. Садовский, Левинсон-Лессинга — В. Е. Тарасенко, Андрусова — Г. П. Михайловский, потом Н. Н. Боголюбов, Северцева — К. К. Сент-Илер. Из представителей естественных наук следует указать еще на метеоролога В. М. Срезневского и астронома Г. В. Левицкого, которого сменил бывший астроном-наблюдатель К. Д. Покровский; кафедру сельского хозяйства занял ученик Докучаева, С. К. Богушевский. Кафедру химии после смерти профессора Карла Шмидта в 1892 г. занял один из трех его виднейших учеников Г. Г. Тамман, читавший все отрасли химии и в 1902 г. переехавший в Геттинген, где для него был создан специальный институт; его сменил Л. В. Пи-

саржевский, а последнего — Г. А. Ландезен и А. Д. Богоявленский. Кафедру чистой математики при мне занимали Л. К. Лахтин, В. Г. Алексеев и П. П. Граве, прикладной — Г. В. Колосов и Л. С. Лейбензон, впоследствии избранный членом Академии Наук.

Физико-математический факультет, стоявший высоко и прежде, достиг в преобразованном университете особенного блеска.

Студенчество

Численность и состав студенчества подвергались за период моего пребывания в Тарту сильным колебаниям. Ко времени моего приезда в начале 1893/94 учебного года в университете числилось 1670 студентов, не считая слушателей фармации; число это упало в 1896 г. до 932, но затем стало расти и в 1909 году достигло 2825 человек, значительно превысив прежнее рекордное число. Чем вызваны были эти перемены? Было две причины: уменьшение числа студентов было вызвано отливом немецкого студенчества в связи с реформой университета; увеличение было следствием открытия доступа в Тартуский университет воспитанникам православных семинарий. Прилив начался с 1897 г. и достиг своего высшего уровня в 1909 г., когда все курсы уже заполнились семинаристами.

Пояснением могут служить цифры, показывающие этнический и религиозный состав студенчества. Что касается первого, то студентов из трех прибалтийских губерний, т. е. немцев, эстов и латвийцев, в 1890 г. было 1111; в 1901 г. число это упало до 395; убыль более 600 человек падает на немецкую молодежь, которой был дан лозунг покинуть «руссифицированный университет». Оставшаяся треть студентов, уроженцев прибалтийского края, состояла из эстов, латвийцев, отчасти поляков из Курляндии, и очень незначительного числа немцев. Число студентов из внутренних губерний России было в 1892 г. 653; оно сократилось в 1896 г. до 442; убыль более 200 человек падает, конечно, на немцев внутренних губерний России, которые тоже подчинялись бойкоту, объявленному университету немцами.

О религиозном составе отчеты университета дают сведения только с 1895 г. В этом году лютеран было в университете 626 человек, православных 89; русских, следовательно, было всего никак не более 89 человек. Число это в следующие годы начинает расти и достигает своего максимума в 1536 человек в 1907 году. Этот рост в 1450 человек падает на долю семинаристов, но увеличение общего числа студентов следует приписать помимо этого, возвращению в университет студентов-немцев, ибо бойкот с университета был снят и немцам был дан клич возвращаться в Тартуский университет, так как оказалось, что немецкая молодежь в русских университетах усваивает русские нравы.

Студенчество разных национальностей, отличаясь друг от друга по своему воспитанию, по нравам, привычкам и средствам, жило обособленной жизнью, редко сближаясь между собою.

Наиболее обособленно жило немецкое студенчество, располагавшее и наибольшими средствами. Оно жило замкнуто, распределяясь по традиционным для немецкого студенчества «корпорациям». Немецких корпораций было пять. Четыре из них были своего рода землячествами, объединяя студентов по месту их происхождения из трех губерний — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской — и особо еще города Риги. Они, соответственно, носили названия: «Estonia», «Livonia», «Curonia» и «Fraternitas Rigensis». Три первых в значительной своей части состояли из детей местного немецкого дворянства. «Fraternitas Rigensis» — из детей более или менее зажиточного купечества г. Риги. Пятая корпорация: «Neobaltia» — давала приют менее зажиточным элементам всего Прибалтийского края.

Кроме пяти немецких корпораций, существовала еще корпорация латвийская — «Lettonia», объединявшая более состоятельное латвийское студенчество. Многие из студентов этой корпорации заняли впоследствии, с образованием латвийской буржуазной республики, посты министров.

Две прежних корпораций: русская, «Ruthenia», и польская, «Polonia», — ко времени моего приезда в Юрьев уже прекратили свое существование: корпоративная дисциплина не соответствовала вольнолюбивой славянской природе. Поляки, однако, желали восстановить свою корпорацию и обратились ко мне, тогдашнему декану юридического факультета, за советом. Каждая корпорация имела определенных цветов шапочку и ленту через плечо. Полякам хотелось иметь свой национальный цвет, — малиновый, по-польски, «амарантовый», но они боялись просить об этом, будучи уверены в отказе, ибо в Варшаве полиция строго преследовала ношение этой эмблемы польской национальности. «Вам очень хочется получить амарантовый цвет?» — спросил я. «Хотелось бы, но не можем об этом мечтать», — был ответ. — «Изложите свои желания; вы слишком высокого мнения об осведомленности Петербургского чиновничества; я уверен, что ходатайство Ваше будет удовлетворено». Я был прав: разрешение, действительно, вскоре последовало. Студенты были вне себя от восторга и не знали, как благодарить нас, — меня и ректора университета Е. В. Пассека, отправившего их ходатайство в Петербург со своим положительным заключением. Приглашенные на торжественное открытие корпорации, мы с ректором и с профессором Ф. В. Тарановским, воспитанником Варшавского университета, приветствовавшим студентов на польском языке, провели в корпорации несколько часов в товарищеской беседе и возвратились домой уже на рассвете.

Студенты — эсты тоже желали иметь свою корпорацию, и они получили разрешение на нее одновременно с поляками. Она

получила название «Fraternitas Estica». В нее входили наиболее состоятельные студенты.

О жизни корпораций, в защиту их и против них, писалось так много, что останавливаться на этом вопросе мне не приходится.

Большинство студентов в корпорации не входило; русские и евреи стояли совсем в стороне. Эта часть студенчества носила название «диких»: она вела борьбу с корпорациями и в свое время сумела отвоевать свою независимость от их центрального представительного органа (Chargierten-Konvent).

Русское студенчество старого времени, до реформы университета, начавшейся в конце восьмидесятых годов прошлого века, состояло почти исключительно из «беспокойных элементов», «политически неблагонадежных», уволенных из других университетов и даже побывавших «в отдаленных местах России». Товарищ Н. И. Пирогова по университету, автор «Тарантаса», сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», граф В. А. Соллогуб (1814—1882) в своих воспоминаниях о Тартуском университете говорит, что «значительный кружок русских студентов внес в него зачинающееся зерно нигилизма» и что русская молодежь «яростно примкнула к новому учению».

«Нигде в России, — вспоминает Пирогов, — не жилось так привольно, как в Дерпте. Главным начальством города был ректор. Полицеймейстер слушался его, а жандармский полковник показывался только за карточным столом». Студенческая инспекция была введена в Тартуском университете, по образцу прочих университетов, согласно общему университетскому уставу 1884 года, с осени 1895 года. Новый инспектор был сыном знаменитого химика и общественного деятеля А. М. Бутлерова. До своего назначения в Юрьев он был директором Псковского реального училища. С детства воспитанный в лучших университетских традициях, привыкший прислушиваться к общественному мнению, он сблизился с прогрессивной частью юрьевской профессуры и действовал в ее духе. Повидимому, под его влиянием и полицеймейстер А. В. Литвинов, начавший было свою деятельность рядом самодурств, стал более осмотрительным. Они благожелательно относились к студенчеству. Никаких столкновений у инспекции со студенчеством не было, как это имело место в других университетах, особенно в Москве при инспекторе Брызгалове, сумевшем в 1887 г. восстановить против себя все студенчество. Юрьевские студенты сохраняли с инспекцией хорошие отношения. Правая профессура в насмешку дала Бутлерову кличку «либерального профессора». Об отношении студентов к Бутлерову может свидетельствовать факт избрания его почетным членом «Общества русских студентов».

Облик русского студенчества сильно изменился, когда последовало разрешение принимать в университет воспитанников православных семинарий после окончания ими четырех классов. Вопрос о приеме семинаристов был возбужден попечителем Риж-

ского округа Лавровским еще в 1894 году. Цель его была пополнить убыль учащихся, происшедшую вследствие отлива немецких студентов; в то же время прилив русских студентов из внутренних губерний России подкреплял и ускорял преобразование университета. Прием семинаристов был разрешен правительством в 1897 году.

Наплыв был огромный, и русское студенчество вскоре заняло преобладающее место в университете.

Новое русское студенчество группировалось, как и в других русских университетах, по землячествам. Наибольшей известностью пользовались два областных землячества, — украинское и кавказское, и одно из более узких, — нижегородское. Каждое из них имело свой особый облик: в украинском преобладали националистические настроения; в двух других землячествах большинство членов были социал-демократы, в кавказском — меньшевики (Хундадзе, казненный в 1905 г. в Тифлисе, Керсели), в нижегородском — большевики во главе с В. А. Десницким (Строевым), ныне профессором русской литературы в Ленинграде, пробывшим в университете, с небольшим промежутком, когда он был выслан, более десяти лет; он был главным руководителем студенческих движений в Тарту. В том же Нижегородском землячестве состоял и другой видный член партии, один из талантливейших студентов, К. И. Покровский-Водоватовский, трагически впоследствии погибший.

Помимо землячества, русские студенты объединялись еще в двух более широких обществах. Одно из них — «Общество русских студентов», — объединяло студентов университета, другое — «Socpogdia» — было обществом студентов Ветеринарного института, но принимало в свою среду и студентов университета; членом его состоял в бытность свою студентом медицинского факультета В. В. Смидович (Вересаев). Он кончал университет при мне, но я с ним познакомился позднее, хотя с товарищами его по курсу я встречался в «Обществе русских студентов».

«Общество русских студентов» было основано задолго до «русификации» университета, 24 марта 1862 г., но в том же году, 28 ноября, в виду столкновений с представительством корпораций, было закрыто. Новое разрешение на его открытие последовало только 2 октября 1885 года. Это была эпоха народничества, и общество некоторое время носило этот облик. Общество студентов-ветеринаров считалось в 1880-х годах более радикальным. Впоследствии облик «Общества русских студентов» менялся, появились марксисты, и начались бесконечные споры с ними народников; было время, когда в обществе было много кадетов, но правого облика в целом оно никогда не имело, и в почетные члены его избирались одни только прогрессивные профессора. Внутри общества бывали партийные трения. Вспоминается суд Общества над большевиками-нижегородцами по поводу передачи ими в летние каникулы библиотеки одной из рабочих организаций.

«Общество русских студентов», и, вообще, все русское студенчество в университете имело, помимо общестуденческого гимна «Gaudeamus», свой русский студенческий гимн; им стала застольная песня бывшего студента Тартуского университета поэта Языкова:

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради вольности, труда,
Собралися мы сюда и т. п.

Ни одно собрание русского студенчества не обходилось без того, чтобы не раздавались звуки этого гимна.

В «Бюргермуссе», позднее и в помещении «Ванемуйне», довольно часто устраивались благотворительные студенческие вечера, сбор с которых поступал в пользу «недостаточных» студентов. Распорядителем всегда бывал кто-нибудь из профессоров, а литературная программа утверждалась, минуя общую цензуру, ректором университета. Большим успехом пользовались вечера студентов-кавказцев.

Отношения между студенчеством и профессурой были самые лучшие. Не было той отчужденности, которая была характерна для столичных университетов, где профессор был для студентов недосыгаем. Я не помню, чтобы кто-либо из профессоров — я имею в виду профессоров прогрессивной группы — когда-либо отказывал студенту в приеме его на дому. Приемы эти были для студентов очень доступны, притом в любое время.

Но были и исключения. Вновь приехавший профессор М. сделал визит профессору К-ву. Дверь открыла домработница. Пришедший осведомился, дома ли профессор; домработница удалась. Находясь за дверьми, проф. М. слышит крайне нелюбезное распоряжение хозяина: «Гони в шею», которое он принял на свой счет. Оказалось, что домработница приняла его, моложавого и брюнета, за студента-фармацевта, которого проф. К-в принять в воскресный день не хотел.

Чаще всего посещения студентами профессоров на дому вызывались существовавшей в Тартуском университете весьма полезной системой досрочных экзаменов, которые продолжали называться немецким термином «Фортерминов». Студент, подготовившийся по любому предмету ранее срока, назначенного для экзаменов, обращался к соответствующему профессору и подвергался испытанию, обычно у профессора на дому, в назначенный им день. Это сближало студентов с профессорами и давало последним возможность, не опасаясь неблагоприятных для студентов последствий, признавать его ответ неудовлетворительным, ибо студент мог приходиться сдавать экзамен второй и третий раз, как это нередко случалось. Профессор русского языка П. А. Висковатов, у которого все студенты нерусской национальности обязаны были

сдавать экзамен, рассказывал, что он однажды очень быстро провёл экзамен на дому. Он встретил студентов у входа и спросил их, что им надо. «Пришли экзаминироваться по русскому языку». «Не выдержали», — ответил он, — «приходите в другой раз».

Особые события в жизни университета

Остановлюсь только на двух наиболее важных событиях в жизни Тартуского университета: на праздновании в 1902 году его столетнего юбилея и на последних днях его жизни как университета русского.

На юбилей съехались представители науки со всех стран света. Приезд был столь значителен, что размещать гостей пришлось по частным домам. У меня поселился представитель французских университетов, профессор славянских языков, хорошо говоривший по-русски, Поль Боайе. Самым знаменитым среди гостей был известный химик Д. И. Менделеев. По его словам он воспользовался юбилеем, чтобы свидеться лично с нашим профессором химии, Тамманом, и побеседовать с ним о его работах, которые его чрезвычайно заинтересовали. В одном из сделанных Тамманом открытий он усомнился и пожелал узнать о нем подробнее. Собрались в химической аудитории, и Тамман с мелом в руках стал писать на доске свои доказательства. Менделеев внимательно следил за выкладками Таммана, относясь к ним сперва с недоверием, но к концу оживился, радостно закивал головой в знак согласия и, встав, поздравил Таммана с его важным открытием.

Последовал короткий диалог. Менделеев: «Поздравляю. Но недолго уже придется Вам заниматься наукой; будете отливать пушки для Круппа». Дело в том, что Тамман прощался с Тартуским университетом и собирался ехать в Германию, куда он был приглашен и где, в Геттингене, для него был сооружен специальный институт. «Два года вы еще будете продолжать свою научную работу — добавил Менделеев, — а там — прощай наука!».

Большим событием было избрание Советом университета, в связи с юбилеем, Л. Н. Толстого в почетные члены университета, так как это произошло почти одновременно с преданием его анафеме со стороны Синода.

Последним событием в жизни Юрьевского-Тартуского университета была ликвидация, прекращение его существования как русского университета.

В первую мировую войну, когда Прибалтийскому краю грозила опасность занятия его германскими войсками, университет принял меры к спасению наиболее ценного своего имущества, в первую очередь — библиотеки, представлявшей одно из лучших книгохранилищ тогдашней России. Особенно ценным было един-

ственное в России собрание диссертаций почти всех университетов Европы; оно насчитывало около 230 000 названий. Библиотека вместе с другим ценным имуществом была отправлена в Пермь. Оттуда она была вытребована в Воронеж, когда там развернулся созданный Советской властью, использовавшей для этой цели научные силы Юрьевского университета, новый Воронежский Государственный университет. Вскоре, однако, согласно договору Советского Правительства с Эстонией, библиотека была возвращена в Юрьев.

Опасения сбылись: весной 1918 года Тарту был занят германскими войсками. Нам, однако, недолго пришлось оставаться на занятой немцами территории. Тяжелы были последние дни, которые доживал университет при германской оккупации. По отношению к университету военные власти действовали незаконно, и вскоре деятельность его прекратилась.

7 марта 1918 г. командующий германскими оккупационными войсками, генерал-лейтенант Адамс сделал распоряжение касающееся дальнейшей судьбы университета. Первый пункт гласил: «Ich bestimme. Die Universität Dorpat ist deutsche Universität» «Я постановляю: Дерптский университет — немецкий университет». Лекции и экзамены должны были закончиться не позднее 20 марта. Предлагалось принять меры, чтобы с ближайшего семестра университет мог развернуться как немецкий университет. Заведывание им было поручено профессору медицинского факультета Дегио. Все сношения университета должны были вестись через него.

Совет не остался равнодушным к распоряжению Адамса. Мною был составлен проект «Памятной записки», которую Совет одобрил и через делегацию представил немецкому коменданту города для передачи верховному главнокомандующему, принцу Баварскому.

Из пространной «Записки» приведу ее два основных пункта первой части:

«Совет не усматривает правового основания для подобных мероприятий, ибо, как бы ни смотреть на современное правовое положение Лифляндии и Эстляндии, не подлежит спору, что меры, предложенные по отношению к Юрьевскому университету, не могут быть обоснованы ни на власти оккупанта в стране, занятой неприятелем, ни на договорных правах, вытекающих из мирного соглашения, заключенного Германской империей и ее союзниками с Петроградским правительством, поскольку это соглашение известно Совету из опубликованных текстов ультиматума и мирного договора.

1. Если исходить из понятия военного занятия неприятельской страны (*occupatio bellica*), то в силу международного обычая и конвенций, оккупант вправе нарушать существующие в стране законы лишь в случае «неодолимых препятствий» к их сохранению («*empêchement absolu*»). Этот международный за-

кон, закрепленный в ст. 43 IV Гагской конвенции 1907 г., представляет не новую норму, а укоренившийся обычай. Уже полвека тому назад, во время войны германских государств с Францией, это правило было провозглашено в германской прокламации 30 августа 1870 г. в следующих выражениях: «Soweit die kriegerischen Operationen es gestatten, wird das Gesetz des Landes in Kraft bleiben» («Поскольку это позволяют военные действия, закон страны останется в силе»). Такое уважение к существующим законам было в 1870 г. признано необходимым в Эльзас-Лотарингии той области, которую имелось ввиду присоединить к Германской империи. Тем более, казалось бы, необходимо уважение к существующим законам в таких областях, относительно которых сделано прямое заявление германским имперским канцлером, что обосноваться в них Германия не имеет намерения («Ich betone, dass wir gar nicht daran denken, uns in Livland oder Estland festzusetzen»). В единственном современном руководстве по международному праву, имеющемся в Германии, выдержавшем десять изданий и написанном известным профессором Берлинского университета, Franz von Liszt, по данному вопросу говорится следующее: «Gesetzgebung, Rechtspflege, Verwaltung werden, soweit es möglich ist, wie bisher fortgeführt. Doch hat die besetzende Staatsgewalt das Recht, alle Massregeln zu treffen, die erforderlich sind, um die besetzenden Truppen und die Zwecke der Kriegführung zu sichern (Verkündung des Standrechts, Einschränkung der Pressefreiheit, des Hausrechts usw.)». ¹ Совершенно ясно, что сохранение законов, касающихся школьного дела, в частности университета, не может встретить «неодолимых препятствий» в смысле обеспечения свободы военных операций или безопасности войск, расположенных в занятой стране. Университет, как научное учреждение, находится, кроме того, под особым покровительством права, ибо по отношению к его имуществу, хотя последнее и принадлежит государству, права оккупанта таковы же как к имуществу частных лиц.

2. Трудно найти правовое основание для предположенных мероприятий и в условиях мирного договора, заключенного Германской империей и ее союзниками с Петроградским правительством. Ни в этом договоре, ни в предшествовавшем ему ультиматуме нет ничего такого, что могло бы оправдать подобные мероприятия. Ст. 3 ультиматума и ст. 6 мирного договора устанавливают в пределах Лифляндии и Эстляндии лишь полицейскую власть, притом власть эта ограничена во времени, ибо она должна прекратиться как только собственные учреждения края смогут сами гарантировать безопасность, и государственный по-

¹ «Законодательство, судопроизводство, управление, насколько это возможно, проводятся попрежнему. Однако оккупирующая государственная власть имеет право принимать все меры, чтобы обеспечить оккупирующие отряды и цели ведения войны (объявление осадного положения, ограничение свободы печати, домашнего права и т. д.)» (перевод ред. Э. М.).

рядок будет восстановлен. Едва ли было правильно думать, что временная власть, притом чисто полицейского характера, правомочна к таким коренным реформам, какою является реформа высшего рассадника просвещения в крае, в судьбе которого заинтересовано не одно немецкое население, но и другие пребывающие в крае национальности (русские, поляки, литовцы, евреи и, прежде всего эсты и латыши)».

Хотя университет получил успокаивающий ответ от принца Баварского, 10 мая последовало на имя ректора новое распоряжение главнокомандующего, генерал-полковника графа Кирхбаха, следующего содержания:

«В виду дальнейшего политического развития отношений, постановления земского совета (Landesrat) от 12. 4. 18 и последующего ответа на него имперского правительства, нет больше речи об открытии вновь Юрьевского университета, как русского университета. Я постановляю потому: 1) Русский ректор университета должен воздержаться от всякого должностного действия . . . 2) Сношения ректора с русским правительством не имеют места». «Персоналу университета (п. 3) предложено добровольно покинуть пределы Лифляндии и отправиться в Россию».

Делать было нечего. Надо было думать об отъезде, готовиться к нему. Профессору Регелю удалось выехать из Тарту и вступить в сношение с Советским правительством. В результате последовавших переговоров с германским командованием, за нами в Тарту был прислан советский эвакуационный поезд. Много пререканий и неприятностей с германским командованием вызвал при выезде из Тарту вопрос о вывозимом имуществе. После всех пережитых передраг мы, персонал университета, вместе с персоналом других учебных заведений, уютно разместились в товарных вагонах и 18 июля 1918 года навсегда покинули Тарту. Мне было жаль расставаться с городом и с университетом, где я провел четверть века, — лучшие, плодотворнейшие годы моей жизни. Пришлось утешаться мыслью, что нами будет заложен фундамент первому университету, воздвигнутому молодой Советской властью.

VEERAND SAJANDIT TARTU ÜLIKOOLIS

Prof., juriidiliste tead. dr. V. Grabar

Resümee

Olen elanud Tartus 25 aastat. Aeg, mis möödunud selles linnas, oli minu elu kõige õnnelikum ja minu teadusliku tegevuse kõige viljakam aeg; kuni tänaseni mäletan seda tänutundega. Määratud 1. juulil 1893. a. rahvusvahelise õiguse dotsendi kohale, saabusin Tartusse ülikooliõpingute alguseks ja lahkusin sealt juulis 1918. a., millal Baltimaad okupeeriti sakslaste poolt ja ülikooli kogu isiklik koosseis suundus erirongis Voronežisse, kus ta päni aluse nõukogude võimu poolt loodud Voroneži Riiklikule Ülikoolile.

Mulle meeldis üllatavalt puhas vanaaegne linn oma keskaegsete ehituste jäänustega, XIV sajandist pärineva doomkiriku varemetega, mille restaureeritud altari osas asus ülikooli suurepärane, eeskujulikult korraldatud pearaamatukogu. Linnas oli ka pildigalerii, mis kuulus eraisikule Liphartile, kuid mida oli võimalik külastada, ja linna külje all asetses Faddei Bulgarini mõis, kus leidis väga väärtuslik kogu Gribojedovi ja teiste tema kaasaegsete kirjanike käsikirju.

Väheldane linn, kus elas ainult 60 000 elanikku, oli Baltimaade hariduslikuks keskuseks. Tartus oli kaks kõrgemat õppeasutust — ülikool ja veterinaariainstituut; hiljem lisandus neile eraülikool, mis loodi kohalikkude vahenditega. Oli õpetajate seminar ja rida keskkooli: kaks kroonu õppeasutust — klassikaline gümnaasium ja reaalkool, milledele hiljem lisandus kolmas, tütarlaste gümnaasium, — ja neli erakeskkooli, nendest üks Hugo Treffneri gümnaasium. Tartu oli õppiva noorsoo linn: kogu elu oli kohandatud nende tarvidustele. Suvel elu linnas vaibus, linn tühjenes; sügisel hakkas taas elama.

Pärast Tartusse saabumist tuli mul vastavalt kujunenud kombele külastada kõiki ülikooli õppejõude, kusjuures ei jäänud ole mata ka mõned arusaamatused. Ühest niisugusest, nimelt seoses viisiidiga anatoomiaprofessor Rauberi juurde, on jutustanud minu sõnade järgi Tartu Ülikooli endine kasvandik V. V. Veressajev (Smidovitš) oma „Mälestustes”.

Saabusin Tartusse, kui ülikooli reform oli täies hoos; reform tõi kaasa õppetöö viimise saksa keelelt vene keelele. Reformi teostamiseks oli Riia õppekonna kuraatoriks määratud kogenud administraator Jaroslavi Demidovi lütseumi direktor M. V. Kapustin, kes kõrgelt hindas teadust. Ta püüdis reformi läbi viia mõdukalt. Kuid peatselt tuli Kapustini asemele Varssavi õppekonna kuraator slavist prof. N. A. Lavrovski; rektoriks määrati Varssavi ülikooli professor slavist A. S. Budilovitš. Nad teostasid reformi järsemalt. Kohalikku eesti ja läti elanikkonda suhtusid nad hästi, suunates oma võitluse saksa aristokraatia mõju vastu, kuid ühes sellega püüdsid nad välja juurida ka ülikooli autonoomia vanu traditsioone, istutades asemele ülikooli 1884. a. reaktioonilise põhikirja bürokraatlikku korda.

Oma valdavas enamuses koosnes professorkond veel saksa rahvusest isikuist. Asja ametisse nimetatud vene õppejõude oli kõigest 16, nendest 10 õigusteaduskonnas, 3 arstiteaduskonnas, 2 ajaloo-keeleteaduskonnas ja ainult 1 matemaatika-loodusteaduskonnas.

Saksa professorid ei moodustanud tihedalt liitunud rühma: Baltimailt ja välismailt poliitilijad ei olnud kõiges solidaarsed — neid lahutasid kohaliku poliitika küsimused. Enamuses olid baltisakslased käimasoleva reformi ägedad vastased, nähes neis kallalekippumist oma saavutatud õigustele. Välismailt pärinevad vaatasid asjale teise pilguga, seejuures mitte üksnes sellepärast, et see ei puudutanud nende huvisid (neile jäeti õigus jätkata loenguid saksa keeles kuni lepingus ettenähtud tähtaja lõpuni), vaid ka riiklikel kaalutlustel, sest et neist enamik tunnistas vene valitsuse tegevuse õiglaseks ja seaduspäraseks.

Ka vene professorkond ei moodustanud tihedalt liitunud tervikut. Olid parem- ja pahempoolsed professorid, nagu kõigis ülikoolides, kuid peale selle olid Tartus veel erilised tingimused, mis lõhestasid professorkonda, nimelt ülikooli reformi teostamise viisi küsimus. Professorid, kuuludes eri rühmitusse, said kokku ainult ametlike koosolekute ajal; teisi kokkusaamisi polnud, kuid iga rühm suhtles elavasti omavahel.

Minu tuleku ajaks Tartusse oli reform õigusteaduskonnas juba teostatud: kogu õppetöö toimus vene keeles. Teaduskond elavnes, saades 12 uut kateedrit. Nii ainete spetsialiseerumise kui ka õppejõudude andekuse poolest asendas uus teaduskond auga endise. Peale kahe uue professori jäi arstiteaduskond töötama endises koosseisus, kusjuures sinna kuulus oma aja väljapaistvamaid õpetlasi. Üks niisugustest, anatoom Rauber, jäi professorite ridadesse kuni vene ülikooli lõpuni. Vene rahvusest professorite hulgas oli ka väljapaistvaid õpetlasi, nende seas hiljem maailmakuulsuse omandanud kirurg N. N. Burdenko. Ajaloo-keeleteaduskond oma uues koosseisus kannatas julgesti võitluse välja endisega. Vene professorite hulgas paistsid silma klassikalised filoloogid Křašennikov, Nikitski, Tsereteli, ajaloolased Šmurlo, Lappo, Vassiljev, Ardašev, praegune akadee-

mik Tarle, kunstiajaloolane Malmberg, slavist Budilovitš, russist Petuhhov ja võrdleva keeleteaduse alal Kudrjavski. Viimane oli ainukeseks sotsiaaldemokraadiks Tartu professorite hulgas; ta oli M. I. Uljanova kaastööliseks teadmiste levitamise alal Peterburi tööliste keskel; erikirjanduses on ta tuntud kui esimene filoloogmarksist. **M a t e m a a t i k a - l o o d u s t e a d u s k o n n a s** oli minu tuleku ajal ainult üks vene professor, pärastine akadeemik Levinson-Lessing. Ta oli silmapaistvamaid progressiivse suunaga õpetlasi ja oma dekaaniks oleku ajal kutsus ülikooli säärased esileküündivad õpetlased, nagu füüsiku Golitsõni, geoloogi Andrussovi, zooloogi Severtsevi ja botaaniku Kuznetsovi; kõik nad valiti hiljem Teaduste Akadeemia liikmeiks. Keemia kateedrit juhatas Tammann, kes omandas hiljem ülemaailmse kuulsuse; temale järgnes Pissarževski. Vene ülikooli olemasolu viimaseil aastail valiti rakendusmehhaanika kateedrisse Leibenson, hiljem NSV Liidu Teaduste Akadeemia liige. See teaduskond, olles juba varem kõrgel tasemel, saavutas erilise hiilguse reformeeritud ülikoolis. **U s u t e a d u s k o n d a**, arvestades tema erilist olukorda, reform ei puudutanud: seal toimus õppetöö jätkuvalt saksa keeles.

Üliõpilaskond oli mitmerahvuseline. Enamik koosnes sakslastest; nende jõukam kiht oli koondunud viide korporatsiooni. Lätlastel oli oma korporatsioon. Varem tegutsesid veel kaks korporatsiooni — vene „Ruthenia” ja poola „Polonia”, kuid nende iga polnud pikk. Minu ajal tekkis veel kaks korporatsiooni: taas alustas tegevust „Polonia” ja loodi uus „Fraternitas Estica”. Ülejäänud osa üliõpilaskonnast — sakslased, lätlased, eestlased, poolakad, juudid ja vähese arvulised venelased olid „metsikud” ja minu ajal enam ei allunud korporatsioonide juhatuste nõukogu (Chargierten-Convent) alla nagu varem ajal.

Vanema aja vene üliõpilaskond kuni 1897. a., millal otsustati ülikooli vastu võtta õigeusu seminaride kasvandikke, koosnes peaaegu eranditult „rahututest elementidest”, „poliitiliselt mitteusaldatavaist”, teistest ülikoolidest väljaheidetuist ja isegi nendest, kes olid olnud „Venemaa kaugetes paikades”. N. I. Pirogovi ülikoolikaaslane V. A. Sollogub jutustab oma mälestustes Tartu ülikoolist, et „tähelepanu vääriv rühm vene üliõpilasi tõi sinna nihilismi idaneva seemne” ja et vene noorus „hakkas raevukalt hoidma uue õpetuse poole”. „Kuski Venemaal”, mäletab Pirogov, „ei olnud elu nii vaba kui Tartus. Linna peamine ülemus oli rektor. Politseimeister kuulas teda ja žandarmeeria polkovnik näitas end üksnes kaardilaua taga.”

Pärast 1897. aastat muutus üliõpilaskonna üldilme tugevasti. Vene üliõpilased asusid domineerivale kohale ja ülikooli elu hakkas liikuma teiste vene ülikoolide jälgedes. Kujunesid zemljatšestvod. Nii oli kaks laia maa-ala zemljatšestvot — Ukraina ja Kaukaasia ja üks kitsamapiirdeline — nižninovgorodlased. Igaühel neist oli oma eri ilme. Peale zemljatšestvotse organiseerusid vene üliõpilased veel kahes laiaulatuslikumas ühingus: „Vene Üliõpi-

laste Selts" ja „Concordia”. Viimane oli Veterinaaria Instituudi üliõpilaste ühing, kuid sinna võeti liikmeid ka ülikoolist. Tal oli radikaalsuse kuulsus. Ülikoolis olles oli tema liikmeks ka V. V. Smidoviš (Veressajev).

Väljapaistvaimad sündmused ülikooli elus ajal, millal ma seal töötasin, olid 100 aasta juubeli pühitsemine 1902. aastal ja saksa vägede poolt okupeerimine 1918. aasta kevadel. Juubelile tuli kokku teaduseilma esindajaid kogu maailma maadest. Külaliste hulgas oli kõige kuulsam keemik D. I. Mendelejev. Sensatsiooniliseks sündmuseks oli L. Tolstoi valimine seoses juubeliga ülikooli auliikmeks, sest et see toimus peaaegu üheaegselt tema vande alla panemisega sinodi poolt. 1918. a. märtsis, kui Saksa väed okupeerisid Tartu, lõpetas ülikool faktiliselt oma tegevuse kui vene õppeasutus: Tartu maakonna vägede ülem kindralleitnant Adams tegi korralduse ülikooli edaspidise saatuse kohta. Esimene punkt kõlas nii: „Mina käsin: Tartu ülikool on saksa ülikool.” Ülikooli kogu juhtimine anti sakslastest professorite kätte. Ülikooli Nõukogu nimel esitatud protest, mis tunnistas saksa sõjaväe sammud mitteseaduslikuks rahvusvahelise õiguse seisukohalt, ei muutnud olukorda. Ülikool tuli evakueerida Voronežisse, kus tema isiklik koosseis kasutati ära esimese nõukogude riikliku ülikooli loomiseks.

EESTI KEELE JA SOOME-UGRI KEELTE ÕPETAMISEST JA UURIMISEST TARTU ÜLIKOOLIS (1802—1952)

Prof., filoloogiatead. dr. P. Ariste

Soome-ugri keelte kateeder

Kui Peeter I oli ühendanud Läänemeremaad Vene riigiga, olid kõik soome-ugri keeli kõnelevad rahvad peale ungarlaste ja liivlaste kas tervikuna või suurelt osalt Vene riigi piirides. Kui Kuramaa liitus Vene riigiga, olid liivlasedki saanud Vene kodanikeks. Baltimaade, Ingerimaa, Kagu-Soome ja Karjala ühe osa liitumine Venemaaga oli läänemeresoomlaste elus suure tähtsusega sündmuseks. Isurid, vadjalased ja läänepoolsed karjalased olid Rootsi valitsuse all tõsises kiire hävingu hädaohus. Need rahvad olid omal ajal ristiisu Novgorodist vastu võtnud ning tunnustasid seega idakiriku rituaale. Nad olid ühtlasi kultuuriliselt ja majanduslikult seotud vene rahvaga. Et reformeeritud Rootsi oli täiesti fanaatiline luteriusumaa, hakati pärast Täyssinä ja Stolbovo rahu rootslaste võimusesse sattunud apostlikõigeusulisi karjalasi, vadjalasi ja isureid väevõimuga usuliselt reformeerima ning ümber rahvistama. Selle vägivaldse reformatsiooni eest põgenes karjalasi, isureid ja vadjalasi massiliselt venelaste asumisaladele Novgorodi, Tveri ja Moskva maile. Tollest suurest väljarändamisajast on tänini säilinud ulatuslikud karjalaste asulad Kalinini ja Novgorodi oblastis. Need karjalased, vadjalased ja isurid, kes jäid kohale, said kogeda raskeid kannatusi. Suurem osa neist assimileerus soomlastega, keda asustati lahkunute maadele. Ent soomlasi endidki ähvardas täielik häving. Kuni soomlased kuulusid Rootsi valdusesse, polnud neil ei omakeelseid koole ega olnud ka muidu soome keelele antud mingisuguseid õigusi. Soomlaste ala ekspluateeriti majanduslikult halastamatult.

Juba Peeter I päevil algab Venemaal ka soome-ugri keelte süstemaatiline uurimine, nagu tollal Venemaal algas üldse suur huvi tõus keelte ja keeleteaduse vastu. Mitmed 18. sajandi esimese poole reisijad-uurijad on oma kirjeldustes toonud üsna rikkalikult näiteid eri keelte kohta, muide ka soome-ugri keelte kohta. Soome-ugri keelte kohta koostati 18. sajandil suuri sõnastikkegi, nagu kuulub „Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии

обитающих” Nižni Novgorodi piiskopi Damaskini juhendamisel 1785. aastal. Ainekogudest sai ülemaailmselt tuntuks S. Pallase „Сравнительные словари всех языков и наречий”, mis ilmus kahes suures köites aastail 1787—1789. Soome-ugri keeleteaduses on see teos tänini säilitanud oma suure tähtsuse, sest siin on toodud avalikkuse ette ulatuslikku ainekogust mitmest soome-ugri keelkonna keelest ja murdest täiesti esmakordselt. Mõni selle keelkonna murre on pärast S. Pallase teose ilmumist jäljetult hävinud, põnda et „Сравнительные словари” on ainus allikas, kust asjaomaste murrete kohta ainekogust on leida. 1732. aastal ilmus Tallinnas A. Thor Helle sulest ulatuslik eesti keele grammatika koos keelenäidete ning sõnastikuga „Kurzgefaszte Anweisung zur Ehstnischen Sprache”. Ka soome-ugri keelte õppimine ja õpetamine võttis hoogu juba 18. sajandil. Nižni Novgorodis ja Kaasanis asutati koolid, kuhu võeti vastu just mordvalasi, marilasi, udmurte ja komisid või vastavate rahvaste keeli oskavaid venelasi, et õpetada neile kirjaoskust ning valmistada neid asjaomaste keelte spetsialistideks. Soome-ugri keelte nagu paljude teistegi Euroopa ja Aasia keelte harrastus oli eriti hoogus 18. sajandi teisel poolel ja 19. sajandi alguses.¹ Venemaa oli kujunenud maaks, kus keeleteadus oli tõusnud kõrgele tasemele. Soome-ugri keelte alal olid Peterburi, Kaasan ja Nižni Novgorod saanud tähtsateks keskusteks, kust juhiti uurimistööd ja kuhu kogunes rikkalikku ainekogust edaspidise soome-ugri võrdleva keeleteaduse jaoks. 19. sajandi esimesel poolel kujunes üheks soome-ugri keelte õpetamise ja uurimise keskuks ka Tartu.

Kui 1802. aastal asutati Tartus ülikool, siis oli üldiseid tolleaegseid keelte õpetamise ja uurimise suundi arvesse võttes üsna loomulik, et uues ülikoolis ei mindud täiesti ükskõikselt mööda rahvaste keeltest, kes elavad Läänemere mail. Tartu ülikooli 1803. aasta põhiseaduses on toodud filosoofiateaduskonna koosseis, milles oli 13 professuuri ja peale vene, saksa, prantsuse ja inglise keele õpetaja- ehk lektorikohtade ka läti keele õpetajakoht ja eesti ning soome keele õpetajakoht. Niihästi läti keele kui ka eesti ning soome keele õpetajakoht oli kõigepealt arvestatud nendel aladel tegelevate isikute ettevalmistamiseks, kus tingimata nõuti rahvakeele oskamist. Tegelikult oli tollal usuteaduskond ainsaks selliseks teaduskonnaks, mille lõpetajad vajasid läti, eesti või soome keelt kas usurituaalide täitmisel või rahvakoolide juhtimisel. Et Tartu ülikoolilt nõuti ka soome keele õpetamist peale Läänemere maadel kõneldavate eesti ja läti keele õpetamise, oli tingitud nn. Vana-Soome kuulumisest Vene riigi koosseisu juba enne 1809. aastat. Oli ette nähtud, et Viiburi ümbruse soomlased tulevad Tartu õppima. Esimene soome üliõpilane tuligi Tartusse juba 1803. aastal. Järgmistel aastatel kestis soome üliõpilaste pidev juurdevool paari aastakümne jooksul isegi pärast seda, kui 1809. aastal ka

¹ С. Булич, Очерк истории языкознания в России I, С.-Петербург, 1904, lk. 439 jj-d.

Turu ülikool oli saanud üheks Vene riigi ülikooliks.¹ See tõik, et Tartu ülikoolis oli ette nähtud ka soome keele õpetamine, osutab omaltpoolt, kuidas rahvakeelte toomine ülikooli õppekavva ei olnud tingitud Läänemeremaade rüütelkondade mingisugusest erilisest heatahtlikkusest eestlaste ja lätlaste vastu, vaid et peamiseks teguriteks asjaomaste lektoraatide loomisel olid riiklikud kaalutlused ja need üldised tendentsid, mis tollal Venemaal keeltepoliitikas olid päevakorral. Mainitud eesti ja soome keele lektoraat oli üldse esimene ametlik soome-ugri keelte õppekoht ülikooli raamides. Helsingi ülikoolis loodi soome keele lektoraat alles 1829. aastal, s. o. tervelt veerand sajandit hiljem. Ka ungari keele jaoks polnud XIX sajandi alguses erilisi ametlikke õppekohti.

Tartu ülikoolis sai esimeseks eesti ja soome keele õpetajaks Friedrich David Lenz, kes oli oma ametikohal a. 1803—1809. Lenz oli oma erialalt pastor ning tema keeleline tegevus piirdus Tartu ülikoolis eesti keele grammatika seletustega, tõlkeharjutustega ja kõnelustega ning eestikeelse jutlustamise ja katehiseerimise õpetamisega, nagu nähtub kaasaegsetest loengutekavadest. Ehk küll Lenzi nimetati eesti ja soome keele õpetajaks, ei ole ta siiski soome keelt õpetanud ega ole andmeid selle kohta, et ta üldse oleks soome keelt osanud. Lenz oli lõuna-eesti ehk tartu kirjakeele pooldaja niihästi oma õppetegevuses kui ka kirjanduslikus toodangus aianduse, tervishoiu ja seadusandluse alal.²

Et eesti keele lektorid ei osanud soome keelt, siis vaibus soome keele õpetamine mõneks ajaks, liiatigi et Tartus õppivate soomaste arv vähenes järgnevatel aastatel. Kui eesti keele õpetaja Georg Philipp August Roth astus ametisse 1810. aastal (oli ametis 1817. aastani), nimetati tedagi ametlikes dokumentides eesti ja soome keele lektoriks, kuid loengutekavadest on ta algusest peale üksnes eesti keele lektoriks, milline seik kindlasti vastabki tõsioludele. Roth õpetas eraldi põhja-eesti ja lõuna-eesti kirjakeelt, ühendades mõlemale ühepalju aega. Temagi õppetegevus piirdus üksnes eesti keele grammatika harjutustega ning eesti keele praktilise tarvitamise õpetamisega. Roth ei ole olnud isegi tegev eesti kirjanduse alal, nagu seda oli Lenz, ta on üldse olnud kõigiti silmapaistmatu isik.³ Pärast Rothi oli Tartu ülikooli eesti keele (mitte enam ühtlasi ka soome keele) lektoriks a. 1817—1822 Ludwig Wilhelm Moritz.⁴ Moritz on kõigiti käinud oma eelkäija jälgedes, õpetades paralleelselt mõlemat eesti kirjakeelt samade meetodite järgi, s. o. seletades grammatikat ning harjutades kõne-

¹ A. Hasselblatt — G. Otto, Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat, Dorpat, 1889.

² Г. В. Левицкий, Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за столетие его существования (1802—1902), т. II, Юрьев, 1903, lk. 629 jj-d.

³ Г. В. Левицкий, Биографический словарь II, lk. 630.

⁴ Samas.

lemisoskust. Moritz on oma eelkäijast ses suhtes siiski mainimisväärssem, et ta on tundnud huvi eesti keele teoreetilistegi küsimuste vastu. H. Rosenplänteri „Beiträgedes” on tema sulest muide ilmunud kirjutis mõlema kirjakeele ühendamise kohta. Moritz pooldas ägedalt tartu kirjakeele säilitamist. Moritzi lektoriks olles organiseeriti Tartus 1819. aastal nn. „Eesti Õpetatud Selts Tartus”, kus ta oli „direktoriks”. Seltsi sihiks olid eesti keele õigekirjutuse, grammatika ja sõnavara küsimuste lahendamine. Erilist aktiivsust ei ole see selts kunagi avaldanud ning ta likvideerus iseenesest asjahuviliste puudumise tõttu. Tema omaegsest tegevusest on meie päevini säilinud üksnes mitmesuguseid kirjanekuid ja traktaate peamiselt lõuna-estli kirjakeele ja murrete kohta.¹ Ehk küll seltsi eesotsas oli eesti keele lektor, ei näi seltsil Tartu ülikooliga olevat olnud mingisugust tihedat sidet. Selts oli peamiselt reaktiooniliste Lõuna-Eesti pastorite koondeiseks, et ühiselt üritada aktsiooni O. W. Masingu vastu, kes võitles veendunult kirjakeelte ühendamise eest. Esimese kolme eesti keele lektori kohta võib üldiselt öelda, et nad olid eemal neist eesti keele progressiivsetest harrastustest, mida juhtisid O. W. Masing ja H. Rosenplänter. Ükski neist lektoreist pole kuidagi olnud juhtival kohal eesti rahvuskeele kujunemise käigus.

Möödunud sajandi esimesel veerandil ei piirdunud Tartu ülikoolis eesti keele harrastus siiski mitte vaid vähenõudliku lektorite tegevusega. On olemas mõningaid huvitavaid andmeid selle kohta, kuidas üliõpilaste seas tunti huvi eesti keele ja kirjanduse vastu. Nõnda näiteks oli 1812. aastal üliõpilase L. C. Kolbe eestvõttel asutatud ring, mis tegutses 4 aastat ja mille sihiks oli „igakülgne mõistuse ja südame arendamine”. Selle ringi liikmed harrastasid omavahel eesti keelt ning kirjutasi eesti keeles luuletusi.² Ringi liikmeiks on muude hulgas olnud ka pärastine eesti rahvaluule uurija ja publitseerija A. H. Neus. Robert Heinrich Ploschkus on koondises olnud ehk kõige innukam eesti keele harrastaja. Temalt on teada mitme eesti keelse luuletise otsene olemasolu, nagu „Wötke armolikkult ka sedda wasto, wennad!” ja „Läinud lapse pääwad”. Oma aja kohta on eriti tähelepanav üks R. H. Ploschkuse saksakeelne luuletus „Eestlase enesetunne”, mis kõlab otse võitluskutsena saksa rõhujate vastu. Luuletuses öeldakse muuseas:

¹ Opetatud Eesti Selts 1838—1938. Lühike tegevusülevaade, Tartu, 1938, lk. 6 jj-d.

² E. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802—1902) I, Юрьев, 1902, lk. 293.

Fr. Bienemann, Dorpater Sängerbünde 1812—1816. Lieder aus der Jugendzeit der alma mater Dorpatensis, Reval 1896.

P. Ariste, Eesti keele ring Tartu ülikoolis 1812. a. „Edasi”, 1952, nr. 162. Sama, Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu ülikoolis 1802—1952. „Looming”, 1952, lk. 1023—1037.

Ich bin ein Estel
Ha, deutsche Bosheit, höhne nur!
Kennst du der Esten Freiheitssinn,
Kennst du den Kampf auf unsrer Flur?

(Ma olen eestlane! Ah, saksa kurjus, pilka vaid! Kas sa tunnend eestlaste vabadusmõtet, kas sa tunnend võitlust meie nurmel?). Mainitud üliõpilane R. H. Ploschkus oli Järva-Madise pastori poeg ja akadeemik F. J. Wiedemanniga ema poolt sugulane. Ploschkuste suguvõsast on teada, et nad olid algupäraselt eestlasi. Mainitud 1812. aastal asutatud üliõpilasringi mõju ei ulatunud kaugemale ja tema liikmetest on üksnes A. H. Neus püsivamalt jäänud eesti keele ja rahvaluule harrastajaks. Selle ringi kaudu on aga jäädvustatud tõsiasi, et juba ülikooli algaastail oli üliõpilaste hulgas noormehi, kes olid teadlikud eesti keele tarvitajad ja kes said aru saksa feodaalide ülekohtust, mille all eesti rahvas pidi kannatama.

Hoopis suurema tähtsusega oli selle ringi tegevus, mis 1820. aastates kogunes Fr. R. Faehlmanni ümber. Need olid oma rahvusele truuks jäänud eestlased. Valinud oma lipukirjaks „Tõsiduse”, s. o. tõe, kohustusid ringi liikmed kõikjal seisma tõe eest, kusjuures keegi ei tohtinud salata, et ta on eesti talupoja soost. Tõe eest seismine tähendas aga tegelikult orjastatud rahva eest seismist. Peale Fr. R. Faehlmanni oli selles ringis ka Fr. R. Kreutzwald.¹

Eredaim kuju eesti soost üliõpilaste hulgast on Kristjan Jaak Peterson, luuletaja ja keeleteadur, kes astus Tartu ülikooli 1819. aastal. Ametlikult tuli ta küll õppima usuteadust, kuid tema peamiseks huvialaks kujunesid siiski keeled. Tartus on ta muuseas käinud klassikalise filoloogia loenguil ja õppetöö raamides kirjutanud uurimuse häälikute sümboolikast vana-kreeka keeleteaduse vaimus. Uurimuse näiteainestikuks on kasutatud üksnes eesti keele andmeid. See töö on ilmunud trükistki H. Rosenplänteri „Beiträge” XIII osas pealkirjaga „Das Charakteristische der Consonanten, mit besonderer Hinsicht auf die ehstnische Sprache”. See on üldse esimene foneetiline uurimus eesti keele kohta. Kreeka filosoofide jälgedes käies toob K. J. Peterson kõigepealt ülevaate häälikute tekkimisest ja iseloomust. Artikli tuumaks on aga probleem, mis on põhjuseks, et eesti keeles puuduvad mõned konsonandid, mis esinevad muudes keeltes, ja missugune sisuline taust on igal häälikul. Noor uurija näitab õigesti, kuidas välisedki tegurid võivad mõju avaldada keele kujunemisele, kuigi ta pole osanud täpsemalt seletada, milline on keele ja inimest ümbritseva keskkonna vastastikune suhe. Teose peamises osas püüab ta leida eesti keele enese arenemise seadusi, lähtudes neilt alustelt, mis tollal olid üldised klassikalises filoloogias. 19. sajandi teisel aastakümnel, veidi enne K. J. Petersoni õpingute algust toimunud suur murrang keeleteaduses, mis rajas võrdlev-ajaloolise meetodi, pol-

¹ Fr. R. Kreutzwald 1802—1882. Elu ja tegevus sõnas ja pildis, Tallinn 1953, lk. 11 ja 83.

nud tollal veel Tartus maad võtnud. Et K. J. Petersoni mainitud töö on tehtud Tartu ülikooli õppetöö raamides, seda osutab tõik, et sellesisuline käsikiri on ka kuulsa klassikalise filoloogi K. Morgensterni kogus, nagu muidki üliõpilaste kirjutatud töid.¹ K. J. Petersoni üliõpilasaegsete eesti keele harrastuste varal võib üldse saada umbkaudse pildi selle kohta, kuidas ülikooli juhtivamad keeleteadlased võisid aru saada eesti keele olemusest ja selle minevikust. Enne ülikooli tulekut on K. J. Peterson käsitletud mitmeid eesti keele grammatika küsimusi. Ülikoolis muutus aga tema keeleteadlaste huvialade piirkonnid. K. J. Peterson on nüüd hakanud etümologiseerima eesti sõnavara, otsides sellele vasteid erinevatest keeltest. Oli ju keeleteadusele enne nn. võrdleva keeleteaduse koolkonna kujunemist just omaseks see nähtus, et taheti meelevaldselt leida leksikaalset sugulust üksksteisest üsnagi kaugel olevate keelte vahel. Kuidas tollal akadeemilised ringid võisid aru saada eesti keele kuuluvusest, seda osutab ilmekaimalt J. L. Parrot'i tuntud teos eestlaste minevikust, kus eestlasi ühendatakse keltidega, Kaukaasia kartvelitega jne.² Ülikoolipäevil on K. J. Peterson hakanud tegelema ka eestlaste päritolu ja eesti keele põlvnemise probleemidega, nagu osutavad tema järelejäänud paberid. On tähelepanndav, et sel ajal on ta hakanud ühtlasi eesti keelt kõrvutama vene keelega. K. J. Petersoni sarnaseid üliõpilasi oli ülikooli olemasolu esimese 25 aasta jooksul vähe ega polnud tavaline see nähtus, et otse õppetöös oleks käsitletud eesti keelt väljaspool lektorikursuses ette nähtud piire.

Pärast L. M. Moritzi surma oli eesti keele lektoraat kolm aastat vakantne. 1826. aastal valiti uueks lektoriks Johan Samuel Friedrich Boubriq, kes täitis oma ülesandeid 1837. aastani.³ J. S. Boubriqi ametisseastumisega algas Tartu ülikooli eesti keele lektoraadi tegevuses suur tõus. Uus lektor oli esimene Tartu ülikooli õpetlane, kes hakkas tundma laialdast, tõelist teaduslikku huvi eesti keele ja rahvaloomingu vastu, uuris neid ning püüdis oma uuringute tulemusi üldsuselegi edasi anda. Ta ei olnud enam „armsa maarahva kasuks“ tööd tegev eesti keele harrastaja, vaid teadlik uurija, kes tahtis esile tuua, mida eestlastel on olemas rikkalikult rahvaluules ja millised väljendusvõimalused on eesti kee-

¹ Catalogus Mss. et bibliothecae Carol. Morgenstern, Dorpati 1868, lk.VI, kus on mainitud käsikiri „Kr. J. Peterson, etwas über die Konsonanten, 8, Dorpat 1819“.

² J. L. Parrot, Versuch einer Entwicklung der Sprache, Abstammung, Geschichte, Mythologie und bürgerlichen Verhältnisse der Liwen, Lätten, Eesten; mit Hinblick auf einige benachbarte Ostseevölker, von den ältesten Zeiten bis zur Einführung des Christenthums, Stuttgart 1828.

³ Boubriq oli nõukogude kuulsa soome-ugri keeleteadlase D. Bubrichi vaarisa. Perekonna pärimuste järgi on ta isa poolt olnud tšehhi ja ema poolt eestlane. Et ta oli ema poolt eestlane, seda tõendab ema perekonnanimigi Janson, mida kohalikel sakslastel pole esinenud. Kuigi Riias sündinud ja kasvanud, oskas Boubriq hästi eesti keelt. Eesti keele oskus võis olla lähtunud just kodusest ringkonnast. ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 402, nimistu 3, säilitusühik 6, leht 42 jj.

les. Nagu nähtub loengute kavadest, on ta juba otse tegevusse astumise järel asunud võitlusse ühise kirjakeele loomise eest. 1826. aastal on ühe loengusarja aineks mainitud: ühe ühise kirjakeele eest. Loengute kavadest nähtub sedagi, et Boubrig ei ole lugemismaterjaliks kasutanud piibliosi ja katekismust, nagu seda tegid ta eelkäijad, vaid „mitmesuguseid populaarseid kirjutisi, mida võib kasutada algõpetuseks eestikeelsetes koolides”. Seega ei olnud selle lektori peasihiks mitte enam üksnes teoloogide ettevalmistamine eestikeelsete jutluste pidamiseks, vaid ta on pööranud erilist tähelepanu just eestikeelse algkooli olukorra parandamisele. Oli ju Boubrig enne lektoriametisse astumist ja ka lektoriks olles pedagoogiks mitmes Tartu koolis.¹ Tal oli kooliküsimus eriti südamelehedane. Boubrig on olnud päris aktiivne ka kirjanduslikul alal. Temalt on säilinud tähtis käsikirjaline uurimus eesti murrete ning kahe kirjakeele ühendamisvõimaluste kohta 1826. aastast „Ueber die Dialekte der estnischen Sprache und ihre mögliche Vereinigung zu einer allgemeinen Schriftsprache”. Ajakirjas „Inland” ja oma kaasabiga ellu kutsutud Opetatud Eesti Seltsi väljaannetes on ta avaldanud rea tähtsaid töid eesti rahvajuttude, -kommete, -uskumuste jne. kohta. Kõigist neist töödest paistab, et Boubrigil on oma aja kohta olnud õige arusaamine eesti rahvaloomingu olemusest. Opetatud Eesti Seltsi koosolekuil on ta korduvalt esinenud põhimõtteliste keeleteaduslike ettekannetega. Neis ettekannetes on ta astunud välja eestlaste ja eesti keele kaitseks.² Boubrigi tegevus Opetatud Eesti Seltsis kuulub aga aega, kus ta enam ei olnud eesti keele lektoriks. Võib öelda, et Boubrigiga algab Tartu ülikoolis tõeliselt teaduslik eesti keele käsitus ning tekib ühtlasi huvi ka sugulaskeelte vastu, sest Boubrig mainib oma töodes vajadust tunda teisigi keeli, mis on eesti keelele lähedased, kõigepealt soome keelt.

J. S. Boubrigi järglaseks eesti keele lektorikohal oli Härjumaalt põlvnenud mõisa möldri poeg Dietrich Heinrich Jürgenson. Jürgenson astus ametisse 1837. aastal ja püsis selles oma surmani a. 1841. Oma lühikese õppetegevuse jooksul suutis Jürgenson pidada loenguid eesti keele grammatikast, rahvalauludest ja kirjandusest. Nagu võib näha loengute kavadest, on ta üliõpilaste lugemismaterjaliks kasutanud O. W. Masingi töid ja muud eestikeelset ilmlikku kirjandust. Temalt on trükkis ilmunud spetsiaaluurimus eesti murrete kohta ja esimene ülevaade eestikeelse trükisõna ajaloost.³ Jürgenson on peale eesti keele uurinud ka liivi keelt. Ta on isiklikult käinud Salatsi jõesuus, kus tema ajal kõneldi veel liivi keelt, ning on teinud seal kirjapanekuid, milledest meie päevini on säilinud kahjuks vaid üksikuid katkendeid. Varase

¹ Г. В. Левицкий, Биографический словарь II, lk. 630 jj.

² Opetatud Eesti Selts, lk. 20.

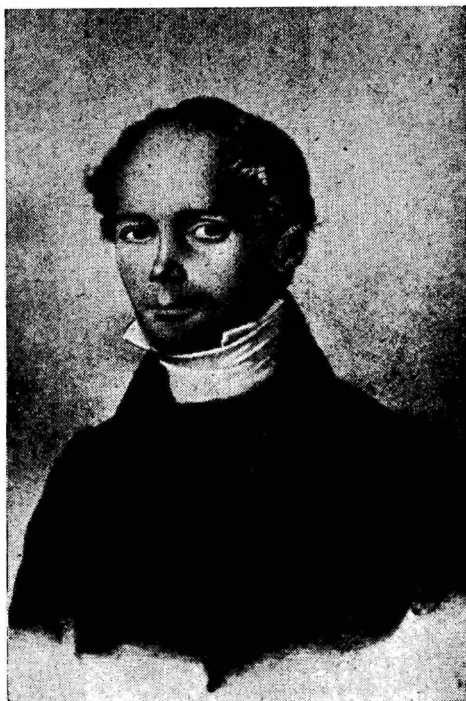
³ „Ueber die Entstehung der beiden Hauptdialekte der Ehstnischen Sprache” (Opetatud Eesti Seltsi Toimetused I 1), „Kurze Geschichte der ehstnischen Literatur” (Opetatud Eesti Seltsi Toimetused I 2, 3).

surma tõttu jäi Jürgensonil teostamata suure eesti-saksa sõnaraamatu väljaandmine. Selle töö viis hiljem lõpule F. J. Wiedemann.

D. H. Jürgensoni lektoriks olles loodi Tartu ülikooli juurde veel teinegi avalik organ peale lektoraadi, kust hakati juhtima eesti keele uurimist ning edendamist ja teistegi soome-ugri keelte harrastamist. 19. sajandi 30-ndates aastates oli Tartu ülikooli õppejõudude hulgas tekkinud mitmeid teaduslikke ringe eri huvialade järgi. Üheks ringiks koondusid need õppejõud ning muudki asjahuvilised väljastpoolt ülikooli, kes seadsid endale eesmärgiks uurida eestlaste keelt, kirjandust, etnograafiat, ajalugu, maateadust jne. Nõnda loodi 1838. aastal Õpetatud Eesti Selts. Tema asutajateks olid kõigepealt eestlased Fr. R. Faehlmann, Fr. R. Kreutzwald, J. S. Boubrig, D. H. Jürgenson ja teised, kuid ka mitmed mitte-eestlased õppejõud võtsid seltsi loomisest innukalt osa, nagu anatoomia professor A. Hueck ja õigusteaduse professor Fr. G. Bunge. Uuel seltsil oli vaid nimeliselt ühist endise „maakeele” harrastuseks loodud ning vahepeal varjusurma vaibunud seltsiga, mida on ülalpool mainitud. Ülikooli juurde asutatud Õpetatud Eesti Seltsil olid hoopis teised sihid ja temas töötasid hoopis teisiti eesti keelde suhtuvad isikud kui 1819. aasta koondises.¹ Õpetatud Eesti Selts sai varsti tähtsaks eesti keele ja teistegi soome-ugri keelte uurimise keskuseks. Tema teeneks eesti ja sugulaskeelte uurimisel on kõigepealt olnud see fakt, et endisi keeleanalaseid kirjanekuid ja vastavat kirjandust on kogutud ühte paika ning on organiseeritud jätkuvalt edaspidist uurimist. Eesti keele alal on Õpetatud Eesti Selts oma olemasolu jooksul aidanud palju kaasa sõnavaralise koostuse ning sõnade päritolu uurimisel. Seltsi raamides on samuti uuritud eesti foneetikat ja keele foneetilist arenemist, keele grammatilist struktuuri, murdeid, kirjakeele ajalugu, kohanimedid jne. Selts on oma tegevusega üsna ulatuslikult aidanud kaasa ühe ühtlase kirjakeele kujunemisele ning kirjakeele normide kindlaksmääramisele. Selts on õige palju ära teinud ka soome-ugri keelte uurimisel. Erilist tähelepanu on pööratud just lähematele sugulaskeeltele: liivi ja vadja keelele. Seltsi koosolekuil ja väljaandeis on käsiteldud üldkeeleteadusegi küsimusi, indo-euroopa, türki-tatari ja teisi keeli. Seltsil on teeneid ka eesti kirjanduse levitamisel ja uurimisel ning eesti rahvaluule, etnograafia, ajaloo, muinasteaduse jne. uurimisel. Seltsi tegevusest on võtnud aktiivselt osa mitmed Tartu ülikooli enda kasvandikud-keeleteadlased, nagu Fr. R. Kreutzwald, E. Ahrens, akadeemik F. J. Wiedemann, J. Hurt, N. Anderson, N. D. H. Mühlberg ja paljud teised, kes muidu ei ole olnud otseselt seotud Tartu ülikooli õppe- ja uurimistööga. Seltsi mitmesugustes väljaannetes on avaldatud eesti keele vanaid mälestisi, murdetekste ja mitmesuguseid eriuurimusi. Väljaannetes on ilmunud ka liivi, vadja, mari, ostjaki, voguli ja teiste soome-ugri keelte kohta ulatuslikke uurimusi ning tekstikogusid.

¹ Õpetatud Eesti Selts, lk. 11 jj.

Lektor D. H. Jürgenson oli üks Opetatud Eesti Seltsi loojaid ja töö organiseerijaid. Seltsi tegelik ellukutsuja oli aga Friedrich Robert Faehlmann, kes professor A. Huecki ettepanekul kutsuti eesti keele lektoriks surnud Jürgensoni asemele. Faehlmann oli lektorikohal a. 1842—1850. Kuivõrd hinnatud oli Faehlmanni isik ülikooli juhtkonna poolt, nähtub sellest, et talle saadeti otse kutse ametisse astuda, mille ta mõne kaalutluse järel võttis vastu

Fr. R. Faehlmann.

18. mail 1842.¹ Ehk küll Faehlmann oli üliõpilaspõlves valmis-
tunud arstiks, oli ta siiski pidevalt käinud ka filoloogia-loenguil
professorite Jäsche, Morgensterni, Ewersi ja Hezeli juures, nagu
seda mainib nekroloogis Fr. R. Kreutzwald.² Üliõpilaspõlves on
tal olnud liiatigi väga elav huvi eesti keele ja üldse keekeküsimuste
vastu. Eriti on teda huvitanud keelte võrdlemine. Huvi keekekü-
simuste vastu püsis Faehlmannil ka arstipõlves. Juba D. H. Jür-
gensoni lektoriks olles on Faehlmann seisnud õige tihedas seoses

¹ ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 402, nimistu 3, säilitusühik
1745, leht 3 jj.

² Dr. Friedrich Robert Fählmann's Leben. Opetatud Eesti Seltsi Toime-
tused II 4, Tartu, 1852.

ülikooli eesti keele õpetamisega, sest Jürgenson oli ta lähedaseks kaastööliseks, seda eriti pärast Opetatud Eesti Seltsi asutamist.¹ Loengutekavade järgi otsustades on Faehlmann kõige enam käsitlenud eesti keele grammatikat, kuid seda mitte endiste traditsiooniliste grammatikakäsitluste järgi, vaid täiesti uuest, õigest vaatekohast. Ta on tõstnud esile eriti just eesti keele omapära ja eesti õigekirjutuse uusi põhimõtteid, et vabaneda keelele ebasobivast saksa ortograafiast. Võitlus uue kirjaviisi eest on ta loenguil mitmel korral olnud käsitlusaineks. Teatavasti pidas Faehlmann uue õigekirjutuse eest võitlust Opetatud Eesti Seltsi. Tema õigekirjutuse põhimõtted on võetud kokku iseseisvas töös „Ueber estnische Orthographie“, mis ilmus küll alles pärast tema surma.² Faehlmanni õppetegevus ülikoolis ei olnud kuivaks teoreetiliseks grammatikaseletuseks, vaid ta on ise uurinud eriti põhjalikult eesti grammatika spetsiifikat ja on püüdnud pärast seda, kui uuritu oli enesele selgeks saanud, oma uurimuste tulemusi üliõpilastele edasi anda. Seda osutavad ülikooli loengutekavad ja Faehlmanni avaldatud tööd tollest ajast. 1844. ja 1846. a. ilmub temalt Opetatud Eesti Seltsi toimetustes eriuurimusi eesti keele deklinatsioonist, 1843. ja 1847. a. sealsamas eesti sõnatüvest ning selle muutumisest.³ Neis uurimustes on esmakordselt toodud esile eesti käänetesüsteemi tõeline olemus, astmevaheldus jne. Faehlmannil oli kavas kogu eesti keele grammatika avaldamine, kus oleks esile toodud keele omapära, ent varajane surm ei lasknud seda ettevõtet teostada.⁴ Faehlmann on oma ülikoolitegevuses olnud ka innukas eesti rahvaloomingu ja kirjanduse harrastaja. Tema peamine tolleaegne teaduslik tegevus oli aga keskendunud Opetatud Eesti Seltsi, mille otsene asutaja ta oligi. Faehlmann ja Kreutzwald lootsid seltsi kaudu võivat rahva kasuks paremini töötada ja püüdsidki seltsi loomise järele oma eesmärki kõigiti teoks teha. Faehlmann oli see mees, kes tõstatas mõtte koguda ja avaldada lugusid Kalevi-pojast. Pärast tema surma teostaski selle ülesande Fr. R. Kreutzwald.⁵ Opetatud Eesti Seltsis on Faehlmann juhtinud eesti sõnavara kogumist, õigekirjutuse fikseerimist, grammatika uurimist, murdeainete kogumist, keelämälestiste kogumist jne. Seltsi koosolekuil on ta pidanud pidevalt ettekandeid keelelaste probleemide kohta. 1843. aastal valiti Faehlmann Opetatud Eesti Seltsi esimeheks, millisele kohale ta jäi oma surmani. Faehlmanni surmaga lõppes seltsi esialgne öitseng. Selts püüdis küll veel mõne aja

¹ Fr. R. Kreutzwald, Dr. Friedrich Robert Fählmann's Leben, lk. 35.

² Opetatud Eesti Seltsi Toimetused II 4, 1852. Vt. ka A. Kask, Võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel. Eesti NSV Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Filoloogilised Teadused 2, Tartu, 1946, lk. 25 jj-d.

³ Ueber die Declination der estnischen Nomina (OEST I 3); Nachtrag zur Declinationslehre (OEST I 4); Ueber die Flexion des Wortstammes in der estnischen Sprache (OEST I 2); Bemerkungen über die Wortwurzellehre in der estnischen Sprache (OEST II 1).

⁴ Fr. R. Kreutzwald, Dr. Friedrich Robert Fählmann's Leben, lk. 47.

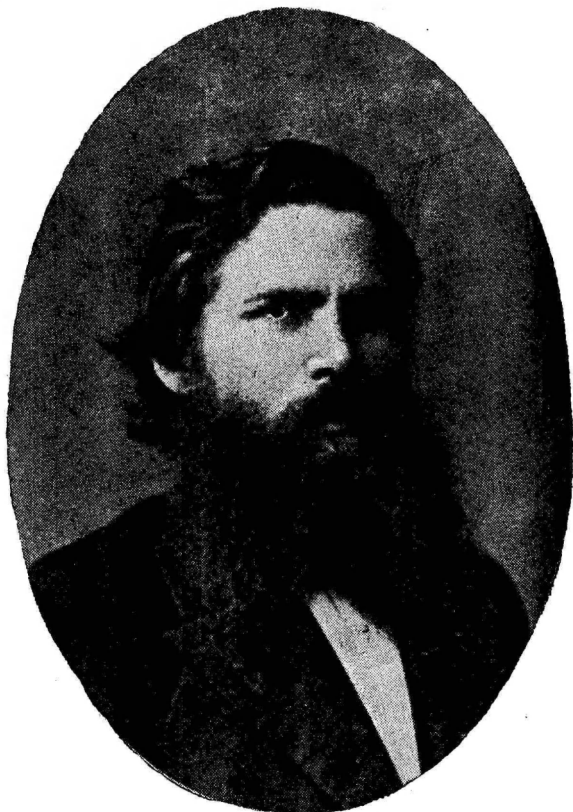
⁵ „Inland“, 1855, lk. 79 jj.

edasi edendada eestikeelset kirjandust, parandada eestikeelse rahva-kooli olukorda, uurida eesti keelt ja eestlaste minevikku jne., kuid kui seltsi asutamisest oli möödunud 25 aastat, oli ta siirdunud reaktsiooniliste balti-saksa „kultuurtreegerite” ringkondade kätte, kus ta püsis mõnda aega.

Faehlmanni surm oli eriti suureks kaotuseks Tartu Ülikooli eesti keele õpetamisele. Faehlmanni järglaseks eesti keele lektori kohale sai 1851. aastal sakslane Carl Mickwitz. Mickwitz püsis lektorikohal 1874. aastani. Oma õppetöös ei ole ta millegagi silma paistnud ega pole ta eesti keele uurimisele kuidagi kaasa aidanud. Ta on jäänud ajalukku üksnes tagurliku tsensorina, kes on kõigiti takistanud eesti kirjanduse arenemist. Tsensorina püüdis ta võidelda ka „Kalevipoja” ilmumise vastu sel kujul, nagu Fr. R. Kreutzwald selle oli kirjutanud, sest ta kartis, et „Kalevipojas” paljastatakse ühiskondlikke suhteid Läänemeremail ja antakse eestlastele relv võitluseks balti feodaalide vastu. Mickwitz oli tüüpiline balti parunite ideoloogia kaitsja ja oma õppekohale sai ta vastavate ringkondade toetusel, kes lükkasid kõrvale kõigiti kompetentsema kaaskandidaadi, vene rahva tõsise sõbra eestlase N. D. H. Mühlbergi. Mühlberg oli üks Õpetatud Eesti Seltsi kaastöölisi. Ta oli isiklikult uurinud eesti keele murdeid, soome ja lapi keelt. Juba enne C. R. Jakobsoni oli ta väljendanud mõtet, et balti mõisnike ülevõimu võib murda üksnes vene rahva abiga. Kohale valitud Mickwitzi õppetegevus oli sarnane lektorite omale, kes toimisid enne Boubrigit. Alles oma elu lõpul on ta hakanud arvesse võtma „Kalevipoega” ja muud eesti kirjandust. Eesti keele õpetamise ja uurimise olukord muutub normaalseks alles pärast tema surma.

1874. aasta sügisel valiti eesti keele lektoriks Mihkel Veske, kes jäi sellesse ametisse 1886. aasta kevadsemestri lõpuni. Veske oli sündinud Paistu Holstres 1843. aastal. Suurte aineliste raskustega võideldes suutis ta lõpetada keskhariduse ja pääseda Leipzigi ülikooli 1867. aastal (immatrikuleeriti a. 1868). Siin õppis ta 1872. aastani filoloogiat tuntud õpetlaste G. Curtiuse ja A. Leskieni juures. 1872. aastal kaitses Veske samas ülikoolis doktoriväitekirja ja tuli tagasi kodumaale, ehk küll ta oli tuntud XIX sajandi keeleteadlaselt Max Müllerilt saanud kutse siirduda ametisse Londonisse, kus ta oleks hakanud sanskriti uurijaks. Sakslaste vastutöötamisel ei saanud Veske kodumaal otsekohe oma haridusele vastavat kohta, ei Tartu Ülikoolis ega mujal. Alles ülalmainitud aastal pääses ta eesti keele lektoriks. Veske oli saanud hea keeleteadusliku eelhariduse. Tartus sai ta ajaloolis-võrdleva meetodi juurutajaks ning selle rakendajaks eesti keele uurimisel. 19. sajandi alguses oli keeleteadus oma arenemises jõudnud nõnda kaugele, et saadi õigesti aru keelte tõelisest sugulusest. Osutati, et sugulusest võib üksnes siis kõnelda, kui võrreldavate keelte sõnavaras ja grammatilises struktuuriski on ühtsust. Peale selle saadi sellestki aru, et keeled muutuvad seaduspäraselt ja et keele-

teadlased peavad kätte leidma, kuidas just iga keel või keelkond on arenenud. Keeleteaduses tekkis koolkond, mida nimetatakse võrdlevaks keeleteaduseks. R. Raski ja Fr. Boppi kõrval oli võrdleva keeleteaduse üheks loojaks Kuressaares sündinud Aleksander Vostokov.¹ Eesti keele uurimises ei pääsenud ajaloolis-võrdlev meetod niipea maksvusele. Tartu Ülikooli jõudis see meetod alles

M. Veske.

möödunud sajandi teise poole alguses. Eesti ja teiste soome-ugri keelte uurimises ei pääsenud ajaloolis-võrdlev meetod ka sellepärast nõnda kiiresti võidule, nagu indo-euroopa keelte uurimises, et puudus vastav baas. Alles siis, kui akadeemikud J. A. Sjögren ja

¹ A. Vostokovi töö „Рассуждение о славянском языке“, mis ilmus 1820. aastal, sai kindlaks aluseks slaavi keelte ajaloolisele võrdlemisele. Selles töös osutati praktiliselt, kuidas just sugulaskeeli ajalooliselt võrrelda. Enne Vostokovit ei olnud teooriast kaugemale jõutud. Ekstlikult on J. Grimmi peetud ajaloolis-võrdleva meetodi esimeseks tegelikuks rakendajaks. J. Grimmi „Deutsche Grammatik“, kus asjaomane meetod tuleb kasutamisele, ilmus alles 1822. aastal.

F. J. Wiedemann, A. M. Castrén ning paljud teised keeleteadlased olid suure hoolega kogunud eri keelte kohta igakülgsed andmeid ning Vene Teaduste Akadeemia, soome ja ungari teaduslikud asutised küllaldaselt avaldanud kogutud ainekogu, võis ka soome-ugri keeli hakata uurima ajaloolis-võrdleva meetodi järgi. Kuid ei Sjögren, Wiedemann ega Castrén pole ise saanud võrdleva keeleteaduse rakendajateks, sest vana keeleteaduse parimate esindajatena olid nad üksnes ainekogu süstematiseerijateks ja kirjeldajateks. Soome-ugri keeleteaduses on esimesteks otsesteks ajaloolis-võrdleva meetodi kasutajateks ungarlased P. Hunfalvy ja J. Budenz. Viimaste uurimistegevus oli siiski piirdunud peamiselt sõnavara arenemise jälgimisega ja seda liiatigi üksnes ungari keele seisukohalt. Õpetlane, kes juba oma esimeses suuremas teaduslikus töös püüdis lahendada kõikide soome-ugri keelte põhilisi grammatilisi küsimusi, oli Mihkel Veske. Tema doktoriväitekirjaga „Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes“ ilmus 1873. aastal. Selles suure eruditsiooniga kirjutatud uurimuses tuuakse kõigepealt esile kõiki soome-ugri keeli läbiv grammatilise struktuuri spetsiifika joon, et ühel ja samal tunnusel võib olla niihästi käänd- kui ka pöördsonalisi funktsioone. Edasi on Veske osutanud õigesti, et soome-ugri keeltes ei olnud ulatuslikult arenenud vorme tuletavat sufiksiste süsteemi, kui oli alles soome-ugri keelte ühtsus, vaid et sufikseid oli vähe, kuid neil oli palju erinevaid funktsioone. Juba oma väitekirjas on Veske toonud esile ka mitmeid tähtsaid üksikasju eesti keele ja tema lähemate sugulaskeelte sisemisest arenemisest. Nõnda näiteks on ta õigesti osutanud, kuidas eesti ja liivi keele keeruline väldete süsteem on arenenud teise silbi vokaalide kvantiteedisuhetest. On näidatud õigesti sedagi, missugused alused on üldse läänemere keelte tüvelisel ja sufiksilisel astmevaheldusel ja kuidas on tekkinud läänemere keelte praegune käänete süsteem. Mihkel Veske on üldse loonud läänemere keelte võrdleva grammatika ning on osutanud, et ajaloolis-võrdlev meetod on kõigiti kohandatav ka soome-ugri keelkonnas.

Ametikohale tulles hakkas Veske otsekohe oma suuri teadmisi ja veendeid levitama. Juba ametlikus avaloengus kõneles ta läänemere keelte ajaloolisest arenemisest. Kõigepealt võitles ta selle lääne-euroopa kirjanduses levinud väärvaate vastu, nagu oleksid läänemere keeled aglutineerivad, s. o. niisugused keeled, kus tuletised liituvad tüvele, ilma et tüvi ise muutuks. Veske näitas, et läänemere keeled on osaliselt ka flekteeruvaid keeli, s. o. keeli, milledes esineb sisehäälikute muutumisi.¹ Nende väidete esiletoomisel oli tollal suur poliitiline tähtsus. Eriti just saksa keeleteaduses väideti, et täisväärtuslikud, kõigiti arenenud keeled on üks-

¹ Ueber die historische Entwicklung der finnischen Sprachen im Vergleich mit der indogermanischen und über die Methode der ethnischen Grammatik, Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused VIII 2, Tartu, 1875, lk. 13—26.

nes need, millele on omane sisehäälikute muutumine — flektsioon. Näidates fleksiooni olemasolu läänemere keeltes, võitles Veske ühtlasi eesti keele tunnustamise eest.

Alates M. Veskest on Tartu ülikool saanud tõeliselt üheks soome-ugri keeleteaduse õpetamise ning uurimise koldeks. Oma ametiaja jooksul on Veske pidanud loenguid eesti keele grammatikast, soome-eesti-liivi keele võrdlevast grammatikast, eesti keele häälikute süsteemist ja õigekirjutusest, germaani, balti ja slaavi laenudest eesti ja teistes läänemere keeltes, soome grammatikast, soome-ugri hõimude etnoloogiast, eestlaste mütoloogiast, „Kalevipojast”, eesti rahvaluulest üldse, läänemere-soomlaste hõimude sugulusest jne. Eesti keele praktikatumides on ta võtnud lugemismaterjaliks muuseas „Kalevipoja” ja eesti rahvalaule. Praktiliseks keeleõpetamiseks loodud lektorikoht ei võimaldanud veelgi ulatuslikumalt ette võtta eesti ja sugulaskeelte teaduslikku uurimistööd otse akadeemilise õppetegevuse raamides. Ei pea siiski arvama, nagu poleks Veskel Tartu ülikoolis olnud mingit võimalust soome-ugri keelte spetsialistide ettevalmistamiseks. Tema järglane K. A. Hermann mainib otse oma autobiograafias, et ta on olnud Veske õpilane.¹ Ülikoolis lektor olles on Veske teostanud ulatuslikke uurimisretki eesti keele eri aladele. Juba 1875. aastal saab ta selleks ülikoolilt väikese toetuse, mida järgmistel aastatel korratakse.² 1880. aastal oli ta Soomes uurimistekonnal. Selle teekonna tulemusena ilmus talt „Soome keele õpetus” I—II (1881—1883). Isegi sakslaste eestivaenuline reaktsioon pidi Veske võimeid tunnustama ja ta avaldustele vastu tulema. 1884. aastal esitas Veske palve suurema toetuse saamiseks, et uurida kaugemaid soome-ugri keeli Ungaris, Volga ääres ja Uraalimail. Ta saigi rahvahariduse ministriumi summadest 1100-rublase aastastipendiumi kaheks aastaks, alates 1. jaanuarist 1885, ning siirdus kõigepealt Budapesti. Siin täiendas ta ennast muuseas tuntud ungari keeleteadlaste F. Budenzi ja J. Szinnyei juures.

Tartus olles kujunesid Veske teadusliku töö baasideks Eesti Kirjameeste Selts ja Õpetatud Eesti Selts. Esimeses seltsis oli ta mõnda aega esimeheks. Mainitud seltside koosolekuil on ta pidevalt esinenud ettekannetega eesti kirjakeele kujundamise, eesti keele foneetika, grammatika, eesti murrete ja keele ajaloo kohta. Samuti on ta kõnelnud kohanimedest, mitmetest soome-ugri keeltest ja nende sugulusest eesti keelega, eesti keele vanadest mälestusmärkidest, rahvaluulest jne. Eesti Kirjameeste Seltsi Aastaraamatutes ja Õpetatud Eesti Seltsi väljaannetes on ühtlasi ilmu-

¹ ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 402, nimistu 3, säilitusühik 424, leht 23 jj.

² M. Veske ülikooliaegse tegevuse kohta on andmed hangitud vastavaist toimikuist ENSV Riiklikus Ajaloo Keskarhiivis, Fond 402, nimistu 3, säilitusühik 290. Uurimisretkede kohta vt. Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused VIII 3, 4; OES Aastaraamat 1876 jne.

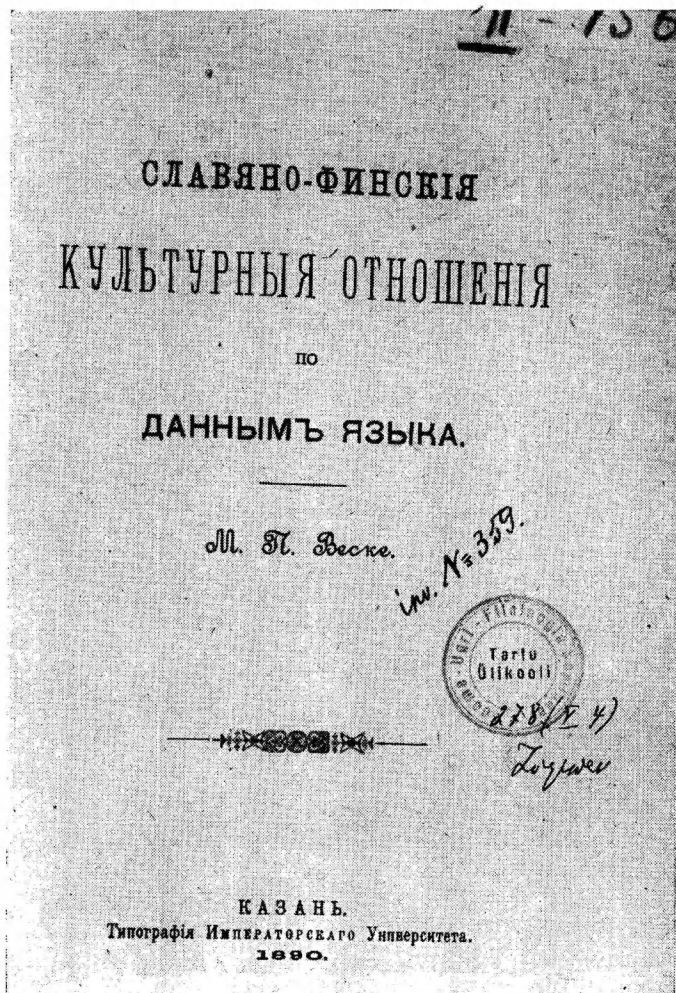
nud suur hulk tema ettekandeid ja muidki uurimusi.¹ Õpetatud Eesti Seltsi ülesandel hakkas ta muide koostama suurt saksa-eesti sõnaraamatut juba 1874. aastal. Aastaid kestnud tööst on säilinud mõned osad Veske mahajäänud paberite hulgast. Et Veske pole tahtnud jääda rahvale võõraks keeleteoreetikuks, vaid on oma ja teiste uurimuste saavutusi püüdnud viia eesti rahvahulkadesse, seda osutavad tema populaarteaduslikud kirjutised Eesti Kirjameeste Seltsi Aastaraamatutes ja tema poolt asutatud ajakirjas „Oma Maa”. Tolleaegseid keeleteaduse saavutusi on ta tahtnud ära kasutada eesti kirjakeele fikseerimiseks. Seda näitab ilmekalt tema 1879. aastal ilmunud „Eesti keele healte õpetus ja kirjutuse viis”. Selles esimeses eesti keeles ilmunud keeleteaduslikus töös on Veske eesti murdeid ja sügulaskeeli omavahel võrreldes toonud palju selgust eesti keele arenemise uurimisele ning on levitanud üldist arusaamist keeleliste küsimuste suhtes. Ehk küll Veske põhimõtted eesti kirjakeele õigekirjutusest on meile praegu mõneski asjas vastuvõetamatud, jääb tema „Eesti keele healte õpetus” üha edasi eesti keele võrdleva grammatika tähtsaks nurgakiviks. Ehk küll Veske on silmapaistev kõigepealt just keelemehena, on ta ühtlasi tuntud ka folkloristina ja luuletajana.

Mihkel Veske võttis täie innuga osa ka tolleaegsetest ühiskondlikest taotlustest. C. R. Jakobsoni kõrval oli ta aktiivsemaid balti parunite, saksluse ja papluse vastu võitlejaid. Kaasani ülikooli professor J. Smirnov, kuulus soome-ugri rahvaste uurija, on Tartu-aegset Vesket nekroloogis tabavalt iseloomustanud: „Kogu oma temperamenti vaimustusega viskub ta nüüd võitlusesse oma rahva rõhujate vastu. Ta töötab samaaegselt luuletajana, žurnalistina, õpetlasena ja tegeliku võitlejana. Täna kirjutab ta luuletise, milles ta äratub rahva seas iseteadvuse tunnet, homme võitleb ta ajalehekirjutises pastorite ja parunite vastu”.² Senaator Manasseini revisjoni ajal kirjutas Veske talupoegadele kaebekirju mõisnikkude tegude kohta, koostas petitsioone jne. Oli siis arusaadav, et saksa feodaalide element, mis Tartu ülikoolis oli tollal üsna tugev, tahtis Veskest lahti saada, keda peeti eestlaste alal kardetavaks isikuks. Sellepärast võimaldatigi talle pikaajaline komandering 1885. aastal, millelt ta Tartusse tagasi ei tulnudki, vaid 1887. aasta

¹ Tähtsamad avaldatud tööd on „Ueber die estnischen Ortsnamen auf -were (im Deutschen auf -fer)” (OEST VIII lk. 47—95); „Ueber contrahirte Verba im Estnischen” (OES Aastaraamat 1873, lk. 77—86); „Ueber bemerkenswerthe Formen in dem ältesten estnischen Buch” (OESA 1881, lk. 171—183); „Ueber das Wort „Ungaunie”” (OESA 1882, lk. 32—50); „Ueber die Verwandtschaft der magyarischen Sprache mit der estnischen, resp. finnischen Sprache” (OESA 1885, lk. 187—203, 274—285); „Gebete an den Waldgott bei den alten Esten” (OESA 1885, lk. 208—239); „Ueber die durch den Ausfall von Consonanten entstandenen Diphthonge im Estnischen” (OESA 1886, 240—257).

² „Волжский вестник”, Казань, 9 X 1890, nr. 114.

augustis siirdus Kaasani ülikooli soome-ugri keelte õpetaja kohale.¹ Mihkel Veske oli suur vene rahva ja vene kultuuri sõber. On ekslikult mainitud, nagu oleks Veske õppinud vene keele alles Kaasani

M. Veske teose „Slaavi ja läänemeresoome kultuurisuhteid keeleandmeil” tiitelleht.

siirdudes. Tegelikult sooritas ta esimese vene keele eksami juba 1866. aastal kodukooliõpetaja eksamit tehes. Oma töodes, on ta

¹ M. Veske Kaasaniisse asumise kohta vt. lähemalt И. Я. Депман, К истории финноугроведения в России. Сборник Ленинградского Общества исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН) I, Ленинград 1929, lk. 130 jj-d.

tsiteerinud vene allikaid ja „Oma Maas” on ta olnud Venemaa ajaloo ja maateaduse ning vene kirjanduse, eriti Turgenevi, Puškini ja Lermontovi innukaid tutvustajaid.

Täide ei läinud Veske lootus, et Tartu ülikooli loodaks eestikeele professor või dotsentuur, kus ta oleks saanud oma teaduslikku tegevust ulatuslikumalt arendada. Kui J. Baudouin de Courtenay ettepanekul arutati eesti keele professori loomist, leidsid ülikooli saksameelsed ametlikud ringkonnad, et kuni eesti keele vastu huvi tundev sakslane Leopold von Schröder pole kaitsnud oma väitekirja, pole kedagi, keda võiks professorile esitada, ja küsimus tuleb esialgu kõrvale jätta. Vesket kardeti, nagu öeldud, kui balti sakslusse vaenulikult suhtuvat õpetlast. Et Kaasani ülikooli juurde oli loodud soome-ugri keelte õppekoht, loobus Veske 1887. aastal Tartu ülikooli eesti keele lektoraadist ja siirdus Kaasani. Siin võis Veske esmakordselt majanduslikult kindlustatuna ja ülikooli juhtkonna poolt kõigiti toetatuna asuda Volgamail olevaid soome-ugri keeli uurima. 1888. aastal oli ta uurimisretkel marilaste juures, kus ta uuris mari keele eri murdeid. Juba järgmisel aastal ilmus talt uurimuse tulemusena ülevaade mari murretest „Исследования о наречиях черемисского языка”. Selle tööga lõi M. Veske kindla aluse mari keele murrete uurimisele, olles mari keele iseloomust ning murrete erinevustest õigesti aru saanud. Kaasani olles on Veske uurinud ka mordva keelt. Tema tähtsaim teos Kaasani päevilt ja põhjapanevaim uurimus üldse on 1890. aastal ilmunud „Славяно-финские культурные отношения по данным языка”. Selles ulatuslikus töös lõi Veske aluse idaslaavi ja läänemere keelte vastastike laensõnade uurimisele. Veske nägi juba tollal õigesti, et läänemere keelte suhted idaslaavi keeltega on väga vanad ja nad kõnelevad pikaajalistest sõbralikest kokkupuudetest. Mitmed hilisemad soome uurijad on eitanud läänemerekeelte ja idaslaavlaste väga vanu kokkupuuteid ning on esitanud oletuse, nagu oleksid slaavlased saanud läänemerekeelte otsesteks naabreiks alles VIII sajandi paiku m. a. j. Tänapäeva keeleteadus ja arheoloogia on osutanud, et Veskel on õnne õigus. „Славяно-финские культурные отношения по данным языка” oli oma algetes olemas juba Veske Tartus olles. Loengutekavade järgi otsustades on ta juba 1876. aasta sügissemestril lugenud slaavi laenudest eesti keeles.

Mihkel Veske viljarikas töö katkes ootamatult 1890. aastal. Sellal, kui ta oli Tartu ülikoolis õppejõuks, oli siin üldse suur tõus eesti keele ja soome-ugri keelte uurimises. Oli veel rida teisigi õppejõude, kes uurisid eestlaste minevikku ning eesti keelt ja rahvaluulet. Professorid C. Greevingk, P. Viskovatov ja R. Hausmann jälgisid eestlaste muinasaega ning avaldasid selle kohta põhjapanevaid teoseid. P. Viskovatov on kirjutanud tähelepandavaid töid ka eestlaste etnograafiast. 1864. aastal loodi Tartu ülikoolis germaani ja võrdleva keeleteaduse professor, mille täitjaks tuli 1865. aastal välismaalane Leo Meyer. L. Meyer püsis sellel pro-

fessuuril 1898. aastani. Ta oli avarama teadusliku vaatepiiriga kui balti-sakslased ja selle tõttu hakkas ta varsti pärast Tartu siirdumist tegelema ka eestiaineliste probleemidega. Aastail 1869—1899 oli ta liiatigi Õpetatud Eesti Seltsi esimees. Selle seltsi raamides ongi ta esinenud eestlaste uurijana ja uurimisele õhutamajana. Õpetatud Eesti Seltsi koosolekuil on ta kõnelnud eestlaste vanimast ajaloost, muinasusundist, vanadest allikatest, kus mainitakse eestlasi, eesti keele mälestusmärkidest, murretest ja nende uurimise vajadusest, eri soome-ugri keeltest, eesti kirjanduse arenemisest, eesti keele eri küsimustest, soome-ugri rahvastest, soome kirjakeele kujunemisest, mordva keelest jne. Tema ettekanded on ka ilmunud kas Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamatuis või Tartu saksa ajalehes.¹ L. Meyeri teeneks võib lugeda veel seda, et ta juhtis oma õpilasi eesti ja soome-ugri keelte uurimisele. Tema õpilastest on tähtsamad olnud eestlane Nikolai Anderson, pärsine Kaasani ülikooli professor, kellelt 1879. aastal ilmus Õpetatud Eesti Seltsi Toimetuste sarjas Tartu Ülikoolis kaitstud väitekirj „Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen”.² Selles väitekirjas on tõstatatud soome-ugri ja indo-euroopa keelte suhete probleem, mis tänini on nõukogudegi keeleteaduses üheks aktuaalseks probleemiks. Eesti keelega on tegelnud ka L. Meyeri õpilane W. Schlüter, Tartu ülikooli germanist ja bibliotekaar.³

1883. aastal tuli Tartu ülikooli slaavi võrdleva keeleteaduse professoriks suur õpetlane Jan Baudouin de Courtenay, kes jäi Tartusse 1893. aastani. Baudouin de Courtenay võttis elavalt osa Eesti Kirjameeste Seltsi ja Õpetatud Eesti Seltsi tegevusest. Ta nõudis korduvalt eesti ja läti keele lektoraadi olukorra parandamist.⁴ Baudouin de Courtenay ei ole ise kuigi palju eesti ega soome-ugri keelte kohta kirjutanud, kuid tema tegevus on siiski olnud positiivsem kui L. Meyeri oma. L. Meyer uuris eesti keelt ja ajalugu peamiselt ikkagi selles raamistikus, mis oli vajalik sakslaste seisukohalt, Baudouin de Courtenay nõudis aga eesti ja läti keelele täielikku eluõigust Tartu ülikoolis. Oma õpilasi on ta juhtinud otseselt eesti keele uurimisele. Muide on tema õpilane, pärsine tuntud indo-euroopa võrdleva keeleteaduse esindaja A. Aleksandrov üks esimesi, kes on uurinud eesti keele häälikute „füsioloogiat”, s. o. eesti keele foneetilist omapära, ja seda juba 1885. aastal.

1886. aasta sügissemestrist alates oli eesti keele lektoraat vakantne 1889. aasta kevadsemestri lõpuni. Siis valiti L. Meyeri soovitusel lektorikohale Karl August Hermann.⁵ Ka Hermann oli Leipzigi ülikoolis saanud keeleteaduse doktori kraadi. Tema

¹ Г. В. Левицкий, Биографический словарь II, lk. 563 jj-d ja Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamatud 1876—1899.

² Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused IX.

³ Г. В. Левицкий, Биографический словарь II, lk. 583 jj.

⁴ Samas, lk. 487.

⁵ K. A. Hermann'i tegevuse kohta Tartu Ülikoolis vt. ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 402, nimistu 3, säilitusühik nr. 424.

väitekiri „Der einfache Wortstamm und die drei Lautstufen in der estnischen Sprache mit vergleichenden Hinweisen auf das Suomi” (1880) ei ole aga kaugeltki sellise väärtusega nagu oli Veske oma. Oma keeleast studiumi oli Hermann alustanud Tartus, kuigi ta õppis siin ametlikult usuteaduskonnas. Nagu ülal juba on mainitud, kuulus ta muide M. Veske juures soome-eesti-liivi võrdlevat grammatikat, soome keelt jne. Usuteaduskonna raamides õppis ta ladina, kreeka ja heebrea keelt. 1878. aastal siirdus Hermann Leipzigsisse ja andus seal täiesti keeleteadusele. Lektoriks olles ei piirdunud Hermannigi üksnes eesti grammatika seletamisega, vaid ta püüdis haarata ulatuslikumaltki soome-ugri keeli. Eri semestritel on ta pidanud loenguid soome keele kohta. Siis on ta võrrelnud ungari grammatikat teiste soome-ugri keelte grammatikatega, eesti ja soome keelt mordva ja mari keelega, eesti ja soome keelt omavahel jne. 1908. aastal on ta lugenud eesti keele ajalugu. Hermannigi huvialade piirkond on aga olnud veelgi laialdasem, ulatudes väljapoole soome-ugri keelkonda. Juba 1890. aasta kevadsemestril on ta lugenud mandžu keele grammatikat ning võrrelnud seda tunguusi (evengi) keele ja „teiste ugri-altai keelte” grammatikatega. Järgmisel semestril käsitles ta juba hiina keelt. 1892. aastal on tal loenguid türgi keele kohta. Samal aastal on ta mandžu keelt võrrelnud evengi, türgi, ungari, soome ja eesti keelega. Hermannigi võimed ei küündinud aga huvide teostamiseni ja selle tõttu on ta oma keelekõrvutamistes läinud ebakeeleteaduse libedale teele. Mõningate juhuslike sarnasuste põhjal on ta oletanud, nagu oleksid hiina ja jaapani keelest alates mongoli, türgi-tatari, tunguusi-mandžu ja soome-ugri keeled omavahel mingi suur keelkond. Ta on isegi üritanud vana väljasurnud sumeri keelt eesti keelega ühendada. Hermann oli kujunenud kirjameheks, kes seisis õpetlase ja diletandi vahepeal. Tema üsna ulatuslik keeleteaduslik looming on samuti kahepaikne. Väärtuslike tööde kõrval on ta avaldanud rea töid, millel on täiesti ebateaduslik iseloom. K. A. Hermannigi kõige tähelepandavamad keeleast teosed on „Eesti keele grammatika” (1884) ja „Eesti keele lauseõpetus” (1896). Need teosed olid kõigepealt sellepärast suure tähtsusega omal ajal, et siin toodi eesti keele morfoloogia ja süntaks esile eesti keeles. Seni olid eesti keele grammatikakäsitlused olnud peale M. Veske oma saksa keeles. Hermannigi grammatikad said emakeelsete seletuste tõttu õige populaarseteks ja aitasid rahvahulkades levida arusaamisel grammatikateadusest ning mõjusid tunduvalt kaasa eesti kirjakeele normide fikseerimisele. Grammatikate keeleastaloolisi küsimusi käsitlevas osas on aga ohtrasti ebatäpsusi ja küündimatusi. Oma aja kohta tähelepandavad on veel Hermannigi „Täieline Eesti-Vene sõnaraamat” (1889) ja „Eesti kirjanduse ajalugu” (1897). Pooleli jäänud „Eesti üldises teaduse raamatus” (1900) ja muudeski töödes on ta esitanud uut eesti terminoloogiat, millest mõnigi oskussõna on jäänud püsima eesti kirjakeelde. Hermannigi positiivsetest üritustest võib veel esile tõsta

kirjutisi Puškini ja Gogoli mõjust eesti kirjandusele.¹ Hermannil saksa keeles avaldatud looming, mis on ilmunud peamiselt Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamatutes alates 1881. aastast kuni 1897. aastani, on üldiselt ebateaduslikku laadi.² Võrreldes türgi keelt eesti keelega on ta läinud isegi nõnda kaugemale, et on oletanud, nagu oleks türgi keel eesti keelele lähemal kui mordva keel. Siis on ta kirjutanud veel hiina ja sumeri keele sugulusest eesti keelega jne. Eriti omal ajal Mesopotaamias kõneldud sumeri keele ja eesti keele võrdlemisega on Hermann saanud otseselt ebakeeleteaduse levitajaks suure üldsuse hulgas. 1886. aastal ilmus eesti keeles tema „Sumeri-akkadlased”, millest on avaldatud ka järeltrükke. Selles teoses propageeritakse mitmesuguste ebateaduslike võtete varal ideed, nagu oleksid eestlastel olnud „suured esivanemad” kauges minevikus. Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamatuis avaldatud kirjutised, mis käsitlevad üksnes eesti keelt, on Hermannil väärtuslikumad.

K. A. Hermannil positiivsest tegevusest Tartu Ülikooli eesti keele lektorina tuleb mainida veel tema võitlust eesti keele õiguste ja soome-ugri keelte kateedri loomise eest. 1898. aastal on ta dekaanile saatnud kirja, milles ta teeb ettepaneku, et tema loengud eesti keele kohta toimugu ka eesti keeles. Dekaan arvas, et osa loenguid, nimelt eesti kirjanduse kohta, võikski toimuda eesti keeles. Eesti keelesse ei tohiks aga suhtuda nagu õppekeelsesse, vaid üksnes nagu õpetamisvahendisse. Samas avaldises on Hermann soovinnud, et peale teoloogide nõutaks eesti keelt ka arstidelt ja juristidelt. Dekaan leidis, et see nõue pole millegagi põhjendatud. Dekaan pooldas aga siiski Hermannil kolmandat soovi, et usuteaduskonnas praktilise teoloogia professoris oleks õpetus eesti ja läti keeles saksa keele asemel. Hermann põhjendas oma avaldust eesti keele suhtes sellega, et mainitud aladel on eesti keele oskus välditamatu. Ta kaebas ühtlasi õpilaste puuduse üle. Dekaan leidis, et viimane kaebus polevat põhjendatud, sest statistika järgi olevat Hermannil a. 1890—1893 olnud keskmiselt 22 kuulajat aastas ja a. 1894—1897 keskmiselt 17 kuulajat. Kuidas statistika igakord ei vasta tõsioludele, seda kinnitab fakt, et tolleaegne eesti üliõpilaste organisatsioon Eesti Üliõpilaste Selts on korduvalt võtnud vastu otsuseid lektor Hermannil loengutel käimise kohta. Et auditoorium ei oleks jäänud tühjaks, olid „rebased” kohustatud kaks tundi nädalas Hermannil loenguil olema. Puudujaid oli „vanamees” kohustatud karistama.

Mainitud avalduses esitas Hermann peanõudena, et loodaks soome-ugri keelte kateeder, kus õpetus toimuks ühtlasi eesti keeles. Dekaan oma kirjas rektorile leidis, et soome-ugri keelte kateeder oleks kõigiti vajaline, nagu oleks vajaline ka leedu-läti keelte

¹ Пушкин в эстской литературе (Ученые записки Юрьевского университета V, lk. 144 jj-d, 1899), Гоголь в эстской литературе (Ученые записки Юрьевского университета V, lk. 120 jj-d, 1904).

² Г. В. Левицкий, Биографический словарь II, lk. 635 jj.

kateeder. Õpetus soome-ugri keelte kateedris ei peaks siiski olema eesti keeles, sest kateedri õpetegevus peaks olema kättesaadav ka neile üliõpilastele, kes ei valda eesti keelt. Hermanni ja teaduskonna dekaani ühine ettepanek jäi aga teostamata veel mõneks ajaks. See ei jõudnud rektoraadist kaugemale. Ei ole vastavate protokollide põhjal näha, et seda oleks arutatud ülikooli valitsuses või nõukogus. Kuivõrd raske oli tollal eesti keele õiguste eest välja astuda, osutab muide Hermanni vahejuhtumine eesti keele õpetamisega „Vanemuise” seltsis. Hermann oli 1899. aastal pidanud selles seltsis rea loenguid eesti keele kohta. Riia õpperingkonna kuraator päris varsti Tartu ülikooli rektorilt aru, miks Hermann on neid loenguid pidanud. Hermanni vastusest on näha, et tal oli loengute pidamiseks ametlik luba, kuid siiski pidi ta oma ürituse katkestama.

K. A. Hermann on olnud tegev ka ilukirjanduses ja muusika alal, niihästi heliloojana kui ka eriti just muusika propageerijana. Ajalehetoimetajana on ta elavalt osa võtnud poliitilisest elust. Nagu teaduslikus tegevuses, nõnda on ta poliitikaski olnud väga kõikuv.

K. A. Hermann suri 1908. aasta lõpus. Tema järglaseks sai Jaan Jõgever, kes astus ametisse 1909. aasta sügissemestril.¹ Tartu ülikoolis oli ta ametis oma surmani 1924. aasta lõpus. Jõgever oli Tartu ülikooli kasvandik. Siin oli ta õppinud vene keelt ja kirjandust. Oma õpetajaiks on ta nimetanud kõigepealt J. Baudouin de Courtenay'd ja P. Viskovatovit. Seega oli ta saanud hea filoloogilise koolituse. Tema 1887. aastal esitatud käsi- kirjalise kandidaaditöö „Славянский животный эпос в сравнении с финским” kohta andis P. Viskovatov kõigiti pooldava hinnangu. Pärast M. Veske lahkumist Kaasani kandideeris Jõgever juba 1888. aastal vakantsele lektorikohale, kuid teaduskonnas ei läinud tema kandidatuur tol korral läbi. Pärast Hermanni surma teiskordselt kandideerides valiti teiste kandidaatide hulgast aga just Jõgever. Vahepeal oli Jõgever osutanud õige elavat uurimistegevust eesti keele ja kirjanduse alal. Peamiselt Eesti Kirjameeste Seltsi Aastaraamatus oli ta avaldanud rea töid eesti grammatika küsimuste, soome-ugri rahvaste suguluse, soome keele, eesti vana kirjakeele jne. kohta, tutvustanud üldkeeleteaduse põhimõtteid ning avaldanud 1904. aastal „Eesti keele õpetuse koolidele ja iseõppijatele”, milles autor deklinatsioonide ja konjugatsioonide määritlusel lähtus keeleajaloolisest põhimõttest. Aastail 1886—1890 oli ta M. Veske asutatud ajakirja „Oma Maa” toimetajaks, kus talt endaltki on ilmunud mitmeid töid. 1906. aastal asutas Jõgever ajakirja „Eesti Kirjandus”, mis hiljemini sai Eesti Kirjanduse Seltsi häälekandjaks. Selleski ajakirjas on Jõgeverilt ilmunud terve rida kirjutisi eesti keele, kirjanduse ja rahvaluule kohta.

¹ J. Jõgeveri kohta olevaid arhiivandmeid on ENSV Riiklikus Ajaloo Keskarchiivis, Fond 402, nimistu 2, säilitusühik 10947, ja nimistu 3, säilitusühik 614 ning Fond 2100, nimistu 2, säilitusühik 246.

Enne lektoriks valimist oli Jõgever olnud õpetajaks, rahva-koolide inspektoriks ja tsensoriks. Tartu ülikoolis oli ta lektori-kohal saksa okupatsioonini 1918. aastal. Selle aja jooksul on ta, loengute kavade järgi otsustades, pidanud korduvalt aastast aas-tasse loenguid üksnes eesti keele ja kirjanduse kohta. Oma auto-biograafias mainib ta aga, et ta on lektoriloengutel käsitlenud ka soome-ugri keeleteadust üldse. Jõgever oli tüüpiline kabinetioõpet-lane, kes kogus kokku, kopeeris ja süstematiseeris teiste poolt hangitud ainekku, ilma et ta ise oleks kuigi palju olnud otsesel välistööl rahvakeelest andmeid kogumas. Tema lektoriaegsest eesti keele alal ette võetud teaduslikust tööst kõnelevad paremini tollal avaldatud uurimused ja kirjutised, mis on ilmunud kas aja-kirjas „Eesti Kirjandus”¹ või ka iseseisvate raamatutena, nagu „Lühike Eesti keele õpetus koolidele” (1907) ja „Käänamise ja pööramise tabelid Eesti kirjakeeles” (1913). Ehk küll tsaari-Vene-maa rahvuste ja rahvuskeelte rõhumispoliitika kehtides Jõgever ei saanud oma eesti keele alast tegevust ülikoolis avardada, andis ülikooli lektorikoht talle siiski majanduslikult võimalusi eesti keele-põllul töötamiseks.

J. Jõgeveri lektoriks olles oli eesti keelel ülikoolis siiski üks edusamm, nimelt läks korda 1916. aasta lõpus luua praktilise usu-teaduse professuuri juurde eesti- ja lätikeelsed harud. Tsaarivalit-suse lõpuni ei niikunud aga edasi eesti keele professuuri loomine.

Pärast veebruarirevolutsiooni esitati küll eesti kodanlike ring-kondade ja organisatsioonide poolt nõue, et Tartu ülikooli asuta-taks „Soome-ugri jaoskond” kuue õppetooliga ajaloo-keeleteadus-konna raamides.² Ülikooli professorkonna tagurliku osa vastu-seismisel ei leidnud asjaomased ettepanekud siiski toetust ja vas-tav osakond jäi loomata.

1917. aasta augustis oli Tallinnas VSĐT(b)P Põhja-Baltikumi organisatsioonide II konverents. Konverents tunnustas kõiki Partei IV kongressi otsuseid rahvusküsimuse alal ning rõhutas, et eesti rahvale võib täielikku vabadust tuua üksnes kodanluse kukutamine ja proletariaadi revolutsiooni võit, mis annab igale rahvale võima-luse oma saatust otsustada.

Oktoobrirevolutsiooni võiduga kehtestati Venemaal proletari-aadi diktatuur. Nüüd võidi hakata teostama ka Lenini ja Stalini rahvuspoliitikat, mille järgi igale rahvusele ja rahvale on tagatud omakeelne haridus algkoolist kõrgema koolini. Lenini ja Stalini poolt kirjutatud „Venemaa rahvaste õiguste deklaratsioonis” kuulutas

¹ „Eesti Kirjanduses” on ilmunud „Läti Hendriku eesti keel” (1913), „Vanemad Eesti keele kirjutatud hallikad ja Liber Censur Daniae” (1913), „Õigekeelsus ja õigekiri” (1913); „Materjalid Eesti kirjakeele ajaloo jaoks” (1914), „Ainsuse osastav praeguses Eesti keeles” (1914), „Dr. M. Veske kui keeleteadlane” (1915), „Mõned murde iseäraldused Saaremaa Jaani khk. keelemurdes” (1909) jne.

² Докладная записка об основании уральского отделения при Историко-филологическом факультете Императорского Юрьевского Университета. ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 402, nimistu 4, aasta 1917, säilitusühik nr. 1525.

Nõukogude valitsus välja kõigile Venemaa rahvastele täieliku üheõigusluse. Eesti asutistes tuli esmakordselt tarvitusele eesti keel ametliku keelena. Emakeelne kool, mis Nõukogude valitsuse poolt sisse seati, oli kõige tähtsamaks teguriks hariduse kättesaadavaks tegemisel töötava rahva lastele. „Venemaa rahvaste õiguste deklaratsiooni” alusel asus eesti töörahvas bolševike juhtimisel oma rahvusriigi — Eesti Nõukogude Sotsialistliku Vabariigi loomisele ja organiseerimisele. Eesti bolševikud töötasidki välja Eesti Nõukogude Vabariigi (Eesti Tööraha Kommuuni) konstitutsiooni projekti. Oktoobrirevolutsiooni kaudu saavutas eesti rahvas vabanemise ekspluateerimisest ja rahvuslikust rõhumisest.

Lenin ja Stalin võitlesid Suure Sotsialistliku Oktoobrirevolutsiooni esimestest päevadest alates selle eest, et Venemaa astuks välja imperialistlikust sõjast. Rahudekreet ilmus nõukogude võimu esimese dekreedina. Keskkomitee direktiive rikuti Trotski reetliku tegevuse kaudu, mille tagajärjel Nõukogude Eesti ala sattus saksa okupatsioonivägede valdusesse. Koolides ja asutistes võeti tarvitusele saksa keel. Ametiasutiste poolt välja antud eestikeelsed kuulutused olid sageli kadakažargonis ning kirjutatud vanas ortograafias. Tartu ülikool muudeti saksakeelseks „Landesuniversität'iks”. Et eesti keele kohta olevaid lektoriloenguidki tohiti pidada üksnes saksa keeles, siis loobus J. Jõgever edasitöötamisest ja ülikool jäi täiesti ilma eesti keeleta. Olgu mainitud, et eesti, vene ja läti üliõpilased panid saksa „universiteedi” boikoti alla, nõnda et kogu okupatsiooni ajal ei olnud üliõpilasigi, kes oleksid eesti keelt harrastanud. 1918. aasta 9. novembril puhkes Saksamaal revolutsioon ja Saksamaa oli sunnitud kapituleeruma. Et ära hoida võimu üleminekut eesti töörahva kätte, anti Eestis saksa okupantide poolt võim üle kodanlusele. Ülikooli ametlik üleandmine toimus 23. novembril 1918, kuid kavatsetud eestikeelne ülikool tööle ei asunud. 21. detsembril vabastas nõukogude võim taas Tartu ja üheks esimeseks ülesandeks oli just ülikooli taastamine. On säilinud hariduse rahvakomissari korraldusel koostatud „üleüldiste määruste kava”, milles on öeldud, et teaduskondades ja instituutides on töö ja asjaajamise keeleks kõigepealt eesti keel.¹ Kavas olid keeleteaduse osakonnas ette nähtud professorid eesti keele, soome-ugri keelte, slaavi keelte, germaani keelte ja võrdleva keeleteaduse alal. Ka ülikooli toimetusi otsustati avaldada eesti keeles. Hariduse rahvakomissari korraldusel hakati otsekohe läbi rääkima vastavate spetsialistidega, kes oleksid võinud tulla küsimusse eesti keele ja soome-ugri keelte õppejõududena, muuseas kõigepealt just J. V. Veskiga, pärastise eesti keele professoriga, kes sai eesti keele lektoriks jaanuaris 1919. Seega nõukogude võim astus esimesena reaalseid samme eesti keele ja soome-ugri keelte õppetoolide loomiseks Tartu ülikoolis ning nende täitmiseks.

¹ ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 2100, nimistu 2, säilitusühik 1055, leht 34 jj.

Anglo-ameerika interventsiooni abil kehtestati Eestis kodanlik diktatuur ja Tartu ülikooli nõukogude ülikooliks kujundamine tuli edasi lükata.

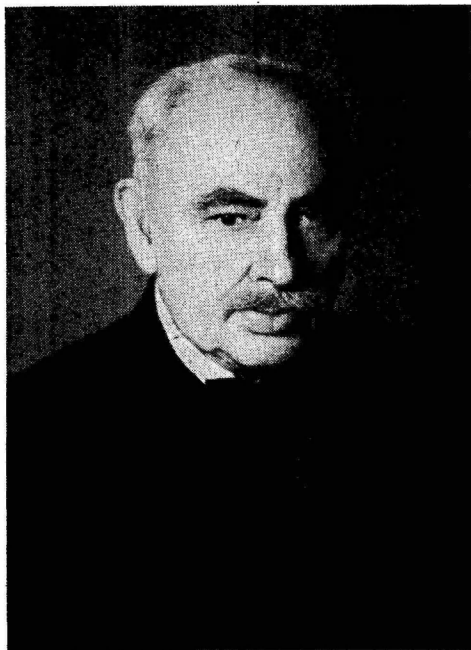
Kui 1919. aasta sügissemestril hakkas töötama kodanlik Tartu ülikool, avati selles eesti keele, läänemere-soome keelte ja uraali keelte professuurid. Eesti keele professoriks sai endine lektor J. Jõgever, kes töötas edasi enam-vähem endises suunas, pidades loenguid peamiselt kaasaegse eesti keele kohta. Jõgeveri võimed ei küündinud ulatuslikumaks teaduslikuks või pedagoogiliseks tööks. Tema professoriks oleku ajal avaldatud tööd, nagu „Eesti keele häälikute ajalugu”, on kompilatsioonid teiste autorite järgi, milledes on pealegi oltrasti ebatäpsusi.

Teised õppetoolid täideti soomlastega või Soomes õppinud eestlastega. Nende kaudu toodi Tartu ülikooli soome-ugri võrdleva keeleteaduse „soome koolkond”. „Soome koolkonna” positiivseks küljeks on see, et õpiti jälgima sugulaskeelte arenemist ajalooliselt, õhutati uurima elavaid keeli ja murdeid ning suhteid naaberkeeltega. Koolkonnal oli aga ka suuri ebakohti, mis meiegi ülikoolis võtsid maad. Nimelt usuti täiesti ühtlase soome-ugri keele olemasolu, seoti keelesugulusega ka rassiline kaheldamatu ühtekuuluvus ja nn. soome-ugri algkultuur. Nagu noogrammatikud sageli, nõnda ka see „soome koolkond” vaatles keele arenemist üksnes foneetilisest küljest ega saanud aru, et keel on foneetika, grammatika ja sõnavara terviklik süsteem. Tänapäeva keele uurimist peeti kõrvaliseks asjaks, mille tõttu tolelaegsed professorid läksid enam-vähem üleolevalt mööda eesti rahvuskeele korraldamisest. Eesti rahvuskeele normeerimine oli aga tollal kõige olulisemaks küsimuseks eesti keeleelus. Eesti keele tähtsaimaks korraldajaks kujunes ülikooli eesti keele lektor ning pärastine professor Johannes Voldemar Veski.¹

J. V. Veski sai eesti keele lektoriks nõukogude ülikoolis 1919. a. jaanuaris. Enne seda oli tal selja taga pikaajaline töö eesti keele alal. Ta oli olnud eesti keele õpetaja, ajalehe- ja ajakirjatoimetaja, Eesti Kirjanduse Seltsi teaduslik sekretär, keeleline korrektor jne. Tema teened on suurimad eesti kirjakeele fikseerimisel ehk nn. keelekorraldamisel, mille juhtivaks jõuks ta on olnud pika aja jooksul. Veski seisukohad kirjakeele ühtlustamisel said mõõduandvaks juba Tapa keelekongressil 1908. aastal. Normeeritud rahvuskeele alused „Eesti kirjakeele reeglid” avaldas Veski 1912. a., millega tegelikult kaotati olulised vasturääkivused eri kirjanike või keeleteaduste ja eri maa-alade kirjakeele ortograafia, morfoloogia jne. traditsioonide vahel. Ülikoolis lektoriks olles on Veski toimetanud trükki suure „Eesti õigekeelsuse-sõnaraamatu” (1925—1933) ja suure arvu väga mitmesuguseid oskussõnastikke. Valdav osa eesti teaduslikust terminoloogiast on Veski loodud. Sõnavara soetamisel ja keele grammatilise struktuuri fikseerimi-

¹ ENSV Riiklik Ajaloo Keskarhiiv, Fond 2100, nimistu 2, säilitusühik 1391a.

sel on Veski lähtunud rahva keele-uususest. Seega on ta olnud täielikuks vastandiks nn. keeleuendajatele, kes üritasid luua peenutsevale ülakihile rahvavõõrast žargooni, millel üldises eesti keeles ei olnud alust ja mis selle tõttu oli juba ette määratud ebaõnnestumisele. Oma süstemaatilise tööga ja rahvakeele rikkuste ärakasutamise viis Veski eesti rahvuskeele lõpliku kujundamise õigele teele. Temaga on läinud kaasa eesti progressiivsed kirjanikud, teadlased ja ka suured rahvahulgad. Ülikooli raamides on

J. V. Veski.

Veski olnud aastate jooksul tulevaste emakeele õpetajate ettevalmistajaks kaasaegse eesti keele alal ning aidanud sellega kasvavas noorsoos eesti rahvuskeele normidel seda kiiremini levida ning üldiseks saada. Õige suur on nende keelealaste spetsiaalkirjutiste arv, mis Veski sulest on ilmunud ülikoolitöö kõrval. Ka ülikooli juurde asutatud Akadeemilises Emakeele Seltsis on Veski olnud juhtival kohal paljude aastate jooksul. Kodanlik Tartu ülikool ei hinnanud J. V. Veski suuri teeneid eesti kirjakeele korraldamise alal. 1938. aastal arvati ta pensionile, ehkki ta oli veel täiesti töövõimeline. Edasi võis Veski loenguid pidada ainult õppeülesande korras. Kui Tartu ülikool muutus nõukogude ülikooliks, sai Veski taas määraliseks õppejõuks eesti keele kateedrisse, et jätkata oma pedagoogilist ja teaduslikku tööd.

Eesti keele uurimise keskuseks kujunes 1920. aastal Tartu ülikooli juurde asutatud Akadeemiline Emakeele Selts. See selts on kõigepealt organiseerinud eesti murrete igakülgset uurimist. Aastate jooksul on peamiselt pärastise eesti keele dotsendi A. Kase juhtimisel Akadeemilise Emakeele Seltsi varasalvedesse talletatud õige suures koguses ülevaateid murrete sõnavarast, häälikulistest omapärasustest, grammatilisest struktuurist, kohanimedest jne. Väärtuslikud on eri murdeist kirja pandud tekstikogud, mis valgustavad asjaomast keelekuju igakülgset. Enamik murdeaineste kogujaid olid ülikooli õppejõud ja üliõpilased. Nende kõrval töötasid ka mõned ülikooli lõpetanud tööjõud ja korrespondendid murdekõnelejate eneste hulgast. Kodanlikul perioodil kogutud ainekogud on tugevasti puudulik selle tõttu, et selle kogumist ei organiseeritud süstemaatiliselt ja et kogumistöö haaras üksnes üksikuid keelealasid, mitte aga keelt tervikuna. Täiesti kõrvaliseks küsimuseks oli jäänud keele ja keelt kõneleva kollektiivi tihe seos ning murrete kiire muutumise protsessi jälgimine. Pärast nõukogude võimu kehtestamist hakkas selts uutele keeleteaduse nõuetele vastavatel uurimismeetoditel keeleaineid igakülgset koguma. Samuti avardusid nüüd võimalused hakata murdekogusid väljaandmiseks korraldama. Kui 1947. aastal Akadeemiline Emakeele Selts siirdus ülikooli juurest ENSV Teaduste Akadeemia juurde, olid ta kogud järgmised: 810 860 sedelit murdesõnavara, 93 600 sedelit kohanimesid, 8700 lehekülge häälikulisi ja morfoloogilisi ülevaateid murdeist, 17 203 lehekülge murdetekste ja 49 kahe poolega grammofoniplaati murdekõnega. Peale selle oli 45 000 sedelit vādja ja 29 500 sedelit isuri sõnavara. Mitmesugust murdeainestikku oli kogunenud ka seoses otsese õppetööga.

Kodanliku Tartu ülikooli eesti keele ja soome-ugri keelte õppekavad olid ühekülgsed ning üldkeeleteaduse seisukohalt iganenud. Peamine rõhk keelte käsitusel oli suunatud nn. häälikuloole. Jälgiti üksikasjades, kuidas asjaomase keele foneetiline arenemine oli toimunud „algkeelest” meie päevini. Väga vähe tähelepanu pöörati morfoloogia arenemisele, ent süntaks jäeti käsitlusest peaaegu üldse välja. Ülikooli lõpetanu oli koormatud väga keeruliste häälikulooliste probleemidega, kuid tal ei olnud terviklikku ülevaadet ühestki soome-ugri keelest tervikuna, samuti muidugi mitte ka eesti keelest. Et alahinnati kaasaegset keelt, siis jäi eesti keele õpetajate ettevalmistamine õige pinnapealseks. Keeleliste arusaamade õiget mõistmist takistas suuresti ka see asjaolu, et õppekavades oli väga vähe tähelepanu pööratud keeleteaduse üldalustele. Aastate jooksul ei loetud üldse mingisugust üldkeeleteaduse kursust ja kui seda loetigi, siis vastavalt õppejõu isiklikele huvidele käsiteldi üksnes neid vaateid, millede pooldaja oli asjaomane õppejõud, s. o. kas A. Schleicheri, F. de Saussure'i, O. Jesperseni või mõne teise keelemnäite vaateid, ilma et oleks toodud ülevaadet keeleteaduse üldisest arenemisest. Puudusid eesti keele õpetamise meetoodika spetsiaalsed loengud. Meetoodikaloengute ülesannet täi-

tis nn. didaktilis-metoodiline seminar, kus suudeti vaid osaliselt tuua esile kõiki neid seiku, mis on vajalised tulevase keeleõpetaja ettevalmistamiseks. Pedagoogiline praktika seisnes üksnes teatud arvu tundide kuulamises ja mõningate harjutuste sooritamises.

Kui 1940. aastal Tartu ülikool kujundati nõukogude kõrgemaks õppeasutuseks, hakkasid töötama 1919. aastal asutatud eesti keele kateeder ja soome-ugri keelte kateeder. Alguses töötasid kateedrid edasi enam-vähem endiste kodanliku ülikooli kavade järgi, sest otsekohe ei jõutud ega osatud valmistada nõukogude oludele vastavaid õppeplaane ja programme. Kateedrite õppe- ja teadusliku tegevuse korraldamiseks saadi suurt abi Leningradi Riiklikult Ülikoolilt. Mainitud ülikooli soome-ugri keelte professor D. Bubrich konsulteeris kirjateel õppeplaanide ja programmide koostamisel ning andis igakülgeid näpunäiteid töö organiseerimiseks Leningradis selleks eraldi peetud nõupidamisel. Järk-järgult asuti uutele alustele. Töö reorganiseerimist võimaldasid kiirendada avarad majanduslikud võimalused niihästi õppetöö kui ka teadusliku uurimistöö osas. Oli ette nähtud ulatuslikke uurimisretki Kihnu saarele ja vadjalaste juurde. Kateedrite veelgi kiiremat siirdumist täiel määral nõukogude keeleteaduse alustele takistas mõnel määral N. Marri õpetuse propaganda. Kateedri neil õppejõududel ja üliõpilastel, kel oli siiras soov süveneda nõukogude keeleteaduse suurtesse saavutustesse, tekkis vastuolu üldkeeleteaduse õpetajaga, kes propageeris marrismi nõukogude keeleteaduse pähe.

Soome-ugri keelte ja eesti keele kateedri juurde loodi Eesti ja Sugukeelte Arhiiv. Arhiivi olid koondatud Akadeemilise Ema-keele Seltsi ja ülikooli enese rikkalikud ainekogud eesti, liivi, vadja ja isuri keele alalt. Arhiivi töötajateks oli kinnitatud mitu teaduslikku kaastöötajat ja laboranti.

Kogu kiires tempos edenevale reorganiseerimistööle tuli järsk katkestus saksa fašistide reetliku kallaletungi tõttu 1941. aasta suvel. Okupatsiooni ajal katkes õppetöö, laostusid kateedrid ja hävis õige tunduv osa kateedritele kuulunud varasid. Eesti keelt hakati süstemaatiliselt maha suruma. Isegi eesti keele nimetuse asemele tuli ametlikult tarvitusele „maakeel” (Landessprache), nagu vanasti feodalismi ajal. Ülikoolis määrati ametnike töötasu selle järgi, milline oli nende saksa keele oskuse tase.

Kui 1944. aasta augustis vabastati Tartu, olid eesti keele kateeder ja soome-ugri keelte kateeder väga raskes olukorras. Et ei saadud kateedreid komplekteerida vajaliste õppejõududega otsekohe, siis liitusid mõlemad kateedrid ühiseks eesti ja soome-ugri keelte kateedriks. Ka Eesti ja Soome-ugri Keelte Arhiiv hakkas oma personaliga jälle selle ühise kateedri juures edasi töötama. Siia toodi ka foneetikalaboratoorium, mis seni oli olnud seoses ülikooli psühholoogialaboratooriumiga. Foneetikalaboratoorium oli okupatsiooniajal samuti tugevasti kannatanud. Osa aparatuurist oli lõhutud ja osa anastatud okupantide poolt.

1946. aasta sügissemestrist alates eraldati teineteisest eesti keele kateeder ja soome-ugri keelte kateeder. Foneetikalaboratoorium jäi soome-ugri keelte kateedri juurde. Eesti ja Soome-ugri Keelte Arhiiv likvideeris aga 1947. aastal. Suur osa arhiivi varasid anti üle ENSV Teaduste Akadeemia Keele- ja Kirjandusinstituudile. Sinna siirdusid ka arhiivi töötajad. Järelejäänud ainekogudest ja raamatukogust loodi eesti keele kateedri juurde Eesti Keele Kabinet.

Kateedrite töö organiseerimiseks on olnud vajaline õppeplaanide ja -programmide koostamine kohapeal, sest ei olnud olemas üleliidulisi plaane ega programme ei eesti keele ega soome-ugri keelte kohta. Õppeplaanide ja -programmide kujunemises võib nentida kolme põhilist etappi. Aastail 1944—1948 olid programmid veel mõnel määral noogrammatikute vaadete järgi, järgnevail aastail 1948—1950 oli esile tõstetud Marri „uus õpetus keelest”. Alates 1950. aasta sügissemestrist on õppetöö saanud õiged alused keealase diskussiooni ja J. V. Stalini tööde ilmunise järel. Kateedrite õpetegevus on toimunud eesti filoloogia üldistes raamidest. Alates 1947. aasta sügisest on eesti filoloogial neli eriharu: eesti keel, eesti kirjandus, rahvaluule ja soome-ugri keeled. Alade järgi hargnemine algab kolmandast kursusest.

Baaside loomiseks on eesti keele kateeder ja soome-ugri keelte kateeder alates 1947. aastast korraldanud uurimisretki eesti keele eri murdealadele ning vadjalaste, liivlaste ja Valdai karjalaste, vepslaste, marilaste, mordvalaste ja ungarlaste juurde. Uurimisretked on olnud seoses kas üliõpilaste menetluspraktikaga või dialektoloogiliste eriülesannetega. Retkede tulemusena on kateedrite juurde sünenenud üsna tähelepanäv kogu mitmesugust keelelist ainekku, mida on võimalik kasutada õppe- ja teaduslikuks uurimistööks. Soome-ugri keelte kateedri arhiivi on näiteks kogutud 1788 lk. liivi, 1646 lk. karjala, 400 lk. vepsa, 138 lk. vadja, 146 lk. mari ja üle 200 lk. ersa-mordva murdenäiteid, mis kajastavad igakülgsest asjaomast elavat keelt. Peale selle on kogudes ohtrasti kirjapanekuid mainitud keelte morfoloogia, süntaksi ja sõnavara alalt. Liivi, vadja, mari, komi-sürja ja ungari keele kohta on hangitud ka väärtuslikku katselifoneetilist ainekku. Ekspeditsioonidel kogutud andmete põhjal on koostatud mitmeid suuremaid ülevaateid liivi, karjala, vadja, mari, ersa-mordva, komi-permi ja ungari keele eriküsimuste kohta. Eesti keele kateedri arhiivi on kogutud rikkalikku ainekku eesti keele eri murretest.

Alates 1947. aastast on eesti keele kateedri juhatajaks filoloogiateaduste kandidaat professor J. V. Veski. Samas kateedris töötavad peale juhataja dotsent A. Kask ja vanemõpetajad K. Aben, G. Laugaste ja A. Kiindok. Soome-ugri keelte kateedri juhatajaks on samast ajast alates filoloogiateaduste doktor professor P. Ariste. Teisteks kateedri liikmeteks on vanemõpetajad P. Palmeos ja E. Vääri (alates 1953). Kateedrite õppetöö esimeseks peamiseks ülesandeks on olnud marksistliku keeleõpetuse aluste süvendamine

õppetöös ning eesti ja soome-ugri keelte uurimises. Ühtlasi on noorsugu kasvatatud ideelis-poliitiliselt nõukogude teadusele ja koolile kõlblikeks kodanikeks. Teiseks tähtsaks ülesandeks on olnud eesti kirjakeele ajaloo ning tänapäeva keele normide teaduslik uurimine ning juurutamine üliõpilastesse, et neist ette valmistada häid erialateadlasi ning eesti keele pedagooge. Soome-ugri keelte kateeder on ühtlasi ette valmistanud spetsialiste soome-ugri keelte erialale.

Et Tartu Riiklik Ülikool kujuneks tõeliselt eesti keele ja soome-ugri teaduste keskuseks, selleks on olnud kibe vajadus hoolitseda järeelkasvu eest. Eesti keele kateedri juurde loodi aspirantuur juba 1948. aastal ja soome-ugri keelte kateedri juurde 1950. aastal. Aspirantuuris spetsialiseerub rida noori eesti keele, läänemere keelte, mari, mordva ja ungari keele alale. Soome-ugri keelte kateedri juurde on saadetud aspirante ka väljastpoolt Tartut, nimelt Riias, Petrozavodskist ja Joškar-Olast. Peale selle on selle kateedri juurde komandeeritud õppima aspirante ka Leningradist. Seega on Tartu Riiklik Ülikool hakanud kujunema keskuks, kus valmistatakse ette kaadreid soome-ugri keelte erialale.

Kateedrite õppejõud on alates 1944. aastast avaldanud rea eriuurimisi eesti keele ja soome-ugri keelte kohta ning koostanud vajalikke käsiraamatuid, kõrgemate koolide ja keskkoolide õpikuid. Eriti just eesti keele kateedri õppejõud J. V. Veski, A. Kask ja G. Laugaste on olnud aktiivsemaiks eesti kirjakeele sõnavara ja grammatika normide fikseerijaiks.

Üliõpilaste iseseisva töö tõhustamiseks asutati juba 1945. aastal Akadeemilise Emakeele Seltsi juurde Eesti Keele Ring, mis hiljemini on siirdunud Üliõpilaste Teadusliku Ühingu raamistikku. Ringi koondunud üliõpilased on pidanud ettekandeid niihästi ülikoolis kui ka väljaspool ülikooli keskkoolides ja keelehuviliste üld-suse ees.

1950. aasta suvel „Pravdas” ilmunud keealane diskussioon ja J. V. Stalini tööd keele ja keeleteaduse kohta on nõukogude teadusele andnud võimsa relva, millega keeleteadus on kõrvaldanud niihästi N. Marri ebamarksistlikud „teooriad” ning paljastanud ka kodanliku keeleteaduse reaktsioonilised väärtused. Nõukogude keeleteadusele on antud kõige paremad võimalused edasiarenemiseks ning muutumiseks maailma kõige eesrindlikumaks keeleteaduseks. Pärast J. V. Stalini tööde ilmunmist on Tartu Riikliku Ülikooli eesti keele kateeder ja soome-ugri keelte kateeder võtnud enesele kohuseks omaltni poolt kõigiti kaasa aidata, et eesti keele ja tema sugulaskeelte ajaloo ning spetsiifika uurimine ja õpetamine tõuseks kõrgele tasemele. See aitaks omaltni poolt selgitada keelelisi ja etnilisi suhteid NSV Liidu eri rahvaste vahel ning annaks oma panuse sotsialistlikusse ülesehitustöösse.

О ПРЕПОДАВАНИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ЭСТОНСКОГО И ФИННОУГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1802—1952)

Проф., докт. филолог. наук П. Аристэ

Кафедра финноугорских языков

Резюме

По уставу 1803 г. при Тартуском университете была учреждена должность преподавателя (лектора) эстонского и финского языков. Эта лектура была первой официальной должностью по преподаванию финноугорских языков в университете. Деятельность первых трех лекторов носила в общем примитивный характер и ограничивалась практическим преподаванием языка. Однако уже в то время среди студентов замечался интерес к углубленным занятиям эстонским языком и литературой. Так в 1812 г. образовался особый кружок любителей эстонского языка и словесности, просуществовавший несколько лет. Многие из членов этого кружка были активными противниками прибалтийско-немецкой идеологии. Среди других студентов, занимавшихся изучением эстонского языка, ярко выделяется поэт К. Я. Петерсон, который в студенческие годы написал несколько замечательных исследований по эстонскому языку. В 20-х годах образовался новый кружок, где принимали участие Ф. Р. Фельман и Ф. Р. Крейцвальд.

В 1826 г. лектором эстонского языка при Тартуском университете стал И. С. Ф. Боубриг, деятельность которого значительно содействовала развитию преподавания и исследования эстонского языка и фольклора. Следующие лекторы Д. Х. Юргенсон и Ф. Р. Фельман также проделали большую работу в области исследования эстонского языка и фиксирования норм эстонского литературного языка. Ф. Р. Фельман является в то же время одним из основателей и руководителей Ученого Эстонского Общества. Это общество было основано при университете в 1838 г. для исследования эстонского языка, литературы, фольклора, истории, этнографии и т. д. Активными членами общества были также создатель «Калевипоэга» — Ф. Р. Крейцвальд и будущий академик Ф. И. Видеман.

После смерти Ф. Р. Фельмана в изучении эстонского языка и родственных языков в Тартуском университете наблюдается некоторый регресс. Новый большой подъем в этой области начинается в 1874 г., когда на должность лектора эстонского языка был избран М. Веске, впоследствии профессор Казанского университета. Веске был доктором филологических наук и одним из создателей финноугорского сравнительно-исторического языкознания. В период его деятельности в Тарту этот город стал важным центром исследования финноугорских языков. В своей докторской диссертации Веске показал, как следует применять сравнительно-исторический метод в области изучения финноугорских языков. Веске был убежденным сторонником развития дружественных связей русского и эстонского народов. Его важнейшее исследование — «Славяно-финские культурные отношения по данным языка». Он является также основателем марийской диалектологии. Работая в Тартуском университете, Веске боролся за создание профессуры финноугорских языков. Эту борьбу вел и сменивший его лектор К. А. Херманн. Однако в результате противодействия реакционных прибалтийско-немецких кругов эту профессуру создать не удалось. Лектор Херманн продолжал работу по преподаванию и исследованию финноугорских языков, но не достиг в этой области уровня М. Веске. Следующий лектор Я. Йыгеве ограничивался в основном преподаванием эстонского языка и литературы.

С победой Октябрьской революции в России была установлена диктатура пролетариата. Началось осуществление ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей каждой нации и народности образование на родном языке от начальной школы до высшей. В начале 1919 г. намечалось введение в Тартуском университете эстонского языка преподавания. Было предусмотрено создание профессур эстонского и финноугорских языков. Преподавателем эстонского языка был приглашен нынешний академик И. В. Вески. Однако под давлением международной контрреволюции советская власть должна была временно отступить из Эстонии. В 1919 г. при буржуазном правительстве в университете были учреждены профессуры эстонского и родственных языков, однако, преподавание и исследование финноугорских языков протекало в националистическом духе и под знаком свойственной младограмматикам переоценки исторической фонетики. К исследованию современного эстонского языка относились с пренебрежением. В области обогащения и фиксирования эстонского литературного языка работал лишь И. В. Вески, который должен был в то время довольствоваться скромной должностью лектора. Заслуживает И. В. Вески является то, что эстонцы имеют в настоящее время всесторонне разработанный литературный язык. И. В. Вески и А. Каск играли в этот период руководящую роль и в Академическом обществе родного языка, организовавшем исследование эстонских диалектов.

Когда в 1940 г. Тартуский университет стал снова советским, здесь были учреждены кафедры эстонского и финноугорских языков. Благодаря помощи Коммунистической партии и советского правительства кафедра эстонского языка стала основным центром преподавания и исследования эстонского литературного языка и диалектов. В настоящее время кафедра финноугорских языков тесно связала свою деятельность с другими центрами угрофинноведения в СССР и ведет активную работу по подготовке молодых кадров в этой области языкознания.

FR. R. FAEHLMANNI JA FR. R. KREUTZWALDI SIDEMED TARTU ÜLIKOOFIGA

Dots. E. Laugaste

Eesti kirjanduse ja rahvaluule kateeder

19. sajandi eesti kirjanduse ja teaduse ajaloos esinevad kaks vaimuhiiglast — Fr. R. Faehlmann ja Fr. R. Kreutzwald. Faehlmanni tegevus eesti kirjanduse alal, mis baseerub olulises osas eesti rahvaluulel, on suure tähtsusega, eriti selle poolest, et see looming on suunatud võitlusele feodalismi jäänuste vastu ja rahva harimisele ning valgustamisele. Faehlmannilt lähtuv „Kalevipoja” algatus leidis jätkaja ja lõpuleviija Fr. R. Kreutzwaldis. Faehlmanni tähtsus ei piirdu ainult eesti kirjanduse ajalooga, vaid ta on jätnud märgatavaid jälgi eesti kultuuriloosse ka eesti keele uurijana. Ta katsus leida eesti keele süsteemipärast käsitlust oma kirjutustega grammatika ja ortograafia alalt. Kreutzwald on „Kalevipoja” looja, luuletaja, proosakirjanik, mitme rahvaraamatu ja mitme populaarteadusliku teose autor, rahvaluule koguja ja kogumisele õhutaja, nimekas arst ja ühiskonnategelane.

Mõlema mehe suhted Tartu ülikooliga on käinud peamiselt ülikooli juurde kuuluva Õpetatud Eesti Seltsi kaudu. Faehlmann oli peale selle pikemat aega ka ülikooli õppejõuks ajaloo-keeleteaduskonnas ja arstiteaduskonnas.

Mõlemad mehed on oma meditsiinilise hariduse saanud Tartu ülikoolis. Faehlmann astus ülikooli detsembris 1817. a., lahkus ülikoolist doktori teadusliku kraadiga 1827. a.¹ Pärast ülikoolist lahkumist jäi ta praktilise arstina töötama Tartu linna, kus omandas suure poolehoidu ja populaarsuse. Kreutzwald võeti üliõpilaseks vastu 16. jaan. 1826. a., lõpetas ülikooli arstiteaduskonna 5. märtsi 1833. aasta otsuse põhjal kolmanda järgu arsti kutsega, andis ametivande 29. märtsil 1833. a. ja siirdus 7. III 1833. a. linnaarstiks Võrru, kust lahkus vanaduspuhkusele 1877. a., elades seejärel Tartus oma tütre ja väimehe juures kuni surmani 1882. aastal.

Kreutzwaldi haridustee ülikoolini ja ülikooliski oli veelgi okkalisem Faehlmanni omast. Vaesuse tõttu tuli tal ettevalmistavat

¹ Faehlmanni ülikooli astumise aja annavad allikad erinevalt: „Album Academicum” annab 1817, Kreutzwald aga oma Faehlmanni eluloos — 1818. (Vt. Verhandlungen d. GEG II, 4.)

kooliteed katkestada, kuni ta pooleldi juhuse tõttu pääsis Tallinna kreiskooli, selle järel sai algkooliõpetaja kutse 1823. a., oli juba 1821. a. algkooliõpetajaks Tallinnas. Siitpeale jätkas ta õpinguid iseõppijana ka kodukooliõpetaja töö kõrval Peterburis, kuni ta õiendas eksternina sisseastumiseksamid Tartu ülikooli arstiteaduskonda. Kuna tal puudus gümnaasiumi lõputunnistus, siis pidi ta õiendama juba tõsisemad sisseastumiseksamid, mis gümnaasiumi lõpetanuil puudusid või neid teostati enam-vähem formaalselt. Pärast katseid anti talle 16. jaanuaril 1826. aastal kätte ülikooli matrikel. Ta oli küll soovinud õppida Peterburis meditsiinilis-kirurgilises õppeasutuses, ja seda kõigi hoiatuste kiuste raskuste eest, mis ülikooli püüdlejaid tabab (paruness Rosen). Nagu ta ise ütleb, ei saanud tema talupoegliku päritolu tõttu kavatsusest asja¹, võib-olla polnud ka tema ettevalmistus küllaldane.

Kahjuks on meil kasutada liiga vähe andmeid Faehlmanni üliõpilasaja kohta, veel vähem on neid aga Kreutzwaldi kohta.

Olles etendanud mõlema mehe töös tähtsat osa, nõuab Õpetatud Eesti Selts veidi ligemat peatust oma tekkimisloo ja iseloomu juures.

Kui Faehlmann alustas eesti rahvaluuleliste materjalide kogumist, leidis ta, et kogumistöö ainult individuaalse tööna on väheulatuslik ja vähe tulemusi andev. 1833. aastal Kreutzwaldile saadetud kirjas kõneleb Faehlmann eesti rahvalauludest, kusjuures ta ütleb, et neil on peale poeetilise väärtuse tähtsust ka eesti keele uurimise seisukohast. Laulud, muistendid ja muinasjutud, mis mitmesugustel põhjustel üha kaovad, tuleb kiiresti kogumisele võtta. Selleks on vaja organiseeritud tööviisi. Nagu Kreutzwaldile saadetud kirjast võib järeldada, on selline idee tekkinud Faehlmanni peas juba varem, kuni see sai teoks Õpetatud Eesti Seltsi asutamisega 1838. aastal. Õpetatud Eesti Seltsi tekkimine on kõige tihedamalt seotud Faehlmanni nimega.

19. sajandi kolmekümnendail aastail hakati Tartu ülikooli nooremate õppejõudude ja muu intelligentsi hulgas otsima omavaheolist kontakti teaduslike ja kultuuriküsimuste vabaks arutlemiseks. 1831. aastal tegutseski juba teaduslik ring, mis käis pidevalt iga nelja nädala tagant kord koos arutlemas üldkultuurilisi ja mõningaid eriküsimusi. 1836. aastast alates hakkas see ring välja andma esimest kultuuri- ja majanduslike küsimusi käsitlevat ajakirja Baltimail, nimega „Inland”. Ajakiri kujunes tähtsaks andmetekoguks 19. sajandi keskpaiga sündmuste ja mõtete kohta. Hiljem jagunes üldring huvialade järgi alaringideks. „Ühe niisuguse allüksuse moodustasid isikud, kes olid huvitatud eesti keelest ja kirjandusest, ajaloost, maateadusest jne.”² Sellesse ringi kuulusid Tartus praktiseeriv arst Fr. R. F a e h l m a n n, anatoo-

¹ Fr. R. Kreutzwald, Curriculum vitae. Eesti NSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nimeline Kirjandusmuuseum; Kreutzwald 1:4. Trükkis ilmunud Fr. R. Kreutzwald, Maailm ja mõnda (1953), lk. 5—8.

² M. Lepik, Õpetatud Eesti Seltsi eelajaloost ja asutamisest, 1938.

miaprofessor Alexander Hueck ja Tartu seminari inspektor D. H. Jürgenson, kes täitis a. 1837—1841 ka Tartu ülikooli eesti keele lektori kohuseid. Need olid juhtivad isikud Opetatud Eesti Seltsi asutamisel ja esimesil tegevusaastail.

Suvel 1837 küpses eesti keelt ja kirjandust ning kultuuri harastavail õpiringlastel mõtte asutada iseseisev selts. Mõtte realiseerimisel tegutses silmapaistvalt Fr. R. Faehlmann. 18. jaanuaril 1838 peeti Tartus mainitud isikute, eriti Faehlmanni eestvõttel Opetatud Eesti Seltsi asutamiskoosolek.¹ Asutajaid oli 19 liiget Tartust ja mujalt. Järgmisel aastal lisandus neile veel 20 liiget, nende hulgas Fr. R. Kreutzwald Võrust ja akadeemik Sjögren Peterburist. 30. märtsil 1838 kirjutas Faehlmann „oma sõbrale” [arvatavasti Kreutzwaldile]:

„Eesti Selts on asutatud ja kinnitatud, ta peab ainult veel presidendi valima ja seisma Tartu ülikooli autoriteedi all. Tegutsesem usinalt! Tahtmisest ei ole mul puudu, aga kust võtta aega? Kui igaüks pisutki kaasa aitab, võib sellest aasta lõpuks ometi midagi saada.”²

Asutamiskoosolekul vastuvõetud põhikirjas märgitakse seltsi ülesanne ja eesmärgid, kus üteldakse, et seltsi ülesandeks on edendada teadmisi eesti rahva minevikust ja olevikust, tema keelest ja kirjandusest ning tema poolt asustatud maast.³ Faehlmann ise on täpsustanud seda programmi, et Opetatud Eesti Selts peab koguma rahvalaule ja -jutte ning soetama rahvale õpetlikke raamatuid.

Seltsi koosolekute pidamine oli statuudis ette nähtud iga kuu, nimelt kuu esimesel kolmapäeval. Peale selle olid seltsi aastakoosolekud ette nähtud ülikooli aulas seltsi aastapäeval igal aastal 18. jaanuaril.

Seltsi põhikirja esimene paragrahv fikseerib seltsi kuulumise ülikooli juurde.

Selle seltsiga on oluliselt seotud nii Faehlmanni kui ka Kreutzwaldi elutöö — esimesel muistendid ja keeleuurimuslikud tööd, teisel „Kalevipoeg” ja mitmed teaduslikud artiklid.

Seltsi töös on Faehlmann juhtivalt tegev olnud kuni surmani, 1843. aastast alates esimehena.

Vähesest liikmete arvust hoolimata (osa neistki olid passiivsed) asus selts energiliselt rea üldise tähtsusega ettevõtete juurde. Raamatute viimiseks rahvahulkadesse loodi raamatulaod Tartus, Tallinnas, Võrus ja Pärnus, mille kaudu esimese 9 kuu vältel levitati rahva hulgas rohkem kui 2000 raamatut. Aastal 1840 võeti Seltsi väljaandmisele 1837. aastal asutatud „Tarto- ja Võro-ma rahva Kalender”, mille toimetajaks valiti Faehlmann, kes kalendri

¹ M. Lepik, Opetatud Eesti Seltsi eelajaloost ja asutamisest, 1938. Vt. ka „Inland”, 1838, vg. 29—30.

² Fr. R. Kreutzwald, Dr. Friedrich Robert Fählmann's Leben, Verhandlungen der gelehrten Ehstnischen Gesellschaft II, 4 (1852), lk. 32—33.

³ Vt. Verhandlungen d. GEG I, 1.

toimetamise ülesandeid oma surmani ka täitis. Asuti õpetlikkude rahvaraamatute avaldamisele. Esimesena tehti ülesandeks Kreutzwaldile tõlkida ja kohandada „Viinakatk”. D. H. Jürgensoniga koos kavatses Faehlmann koostada uue eesti keele grammatika. Kogu mainitud ettevõtete hingeks ja organiseerijaks oligi Faehlmann. Teaduslike väljaannete seeria toimetiste näol (Verhandlungen) alustas ilmumist samuti 1840. aastal. Selles ilmus palju teaduslikke uurimusi, seal ilmus ka „Kalevipoja” esimene trükk 1857—1861 (köide IV, vihud 1.—4.; köide V, vihud 1.—3.).

Õpetatud Eesti Seltsi raamides toimub Faehlmanni oluline osa tööd eesti muinsuse ja eesti keele alal. Juba 7. jaanuaril 1839 peetud koosolekul esines ta ettekandega Kalevipojast ja eesti muistendeist Emajõe kaevamise, keelte tekkimise ja laulu saamise kohta.

1839. aastal peetud kõne Kalevipojast kuulub Faehlmanni rahvaluulelise tegevuse tähtsamate episoodide hulka. Selles kõnes on Faehlmann kokku võtnud temale rahvasuust tuttavaks saanud Kalevipoja lood, on liitnud need temaatiliseks tervikuks ja andnud kogu Kalevipoja tööde ja tegevuse kokkuvõttele ideoloogilise suuna.¹ See kõne kujul esitatud Kalevipoja proosamuistendite kokkuvõte, mille pealkirjaks on lihtsalt „Muistendid”, on „Kalevipoja” ajaloos eepohhi loov. Siin esitatakse Kalevipoeg esmakordselt heeros-kuningana, kõneldakse tema jumalikust algupärasust, vägitöödest ja traagilisest surmast. Esitis on antud raamjutustuse kujul. Kalevipoja lugude koguja ilmub õhtuvidevikus lõkke juures puhkava töökollektiivi juurde, kelle vanim liige, hallihabemeline jutumees, vestab nooremaile kuulajatele lugusid Kalevipojast. Lugudele lisandab vana jutustaja oma arvamusel ja hinnagud nende lugude kohta, milles väljendatakse teravat võitlusvaimu feodaalide vastu. Selle kõigega ühineb Faehlmann isegi. Jutustaja lausub:

„Aastad on minu juuksed valgeks pleekinud, ma olen palju mõelnud ja kaalunud, aga minu mõtlemise lõpp on nüüdki veel, et meie vanad mälestused ja muinaslood ometigi midagi väärt on. Mis sakslane teile pakub, seda ärge pidage igakord heateoks, ja mis ta ütleb, ei ole mitte igakord tõde ja tarkus. Saksa tarkusel ei ole kord meie keskel edu, ja kui ta meile ühe käega annab, siis on teine käsi juba valmis võtma. Meie vanu mälestusi tahetakse meilt võtta, kuna neid kas talupoja „loriks” ehk paganausuks ja ristiuse vastaseks tunnistatakse.”²

Sissejuhatavas osas annab Faehlmann oma hinnangu mõisnike ja talupoegade vahekorra kohta, kuidas mõisnikud halastamatult kurnavad talupoegi. Seda teeb ta kohe oma kõne algul pöördumise järel kuulajate poole:

¹ Käsikiri OES, SK 214, praegu Eesti NSV TA Fr. R. Kreutzwaldi nimelise Kirjandusmuuseumi Rahvaluuleosakonnas. Vt. ka „Inland”, 1839, vg. 172. Eesõnas „Kalevipoja” I. trükile 1857, lk. VI ütleb Kreutzwald ekslikult, et kõne esitis juba 1838 ühel Õpetatud Eesti Seltsi esimestest koosolekutest.

² Sealsamas.

„Täna tahan ma teile rea muinaslugusid ette kanda. Muinaslugudel on aga seda suurem väärtus, kui meie ka seda rahvast tundma õpime, kelle päralt nad on. Nii mõnigi on aastate kaupa Eestimaal elanud, ei ole aga rahvast mitte tundma õppinud, nii mõni on koguni seal sündinud, üles kasvanud ja meheks küpsenud ja ei tea eestlasest midagi rohkem, kui et ta mittedaksa keelt kõneleb, musta kuube kannab ja mees on, kes Linné süsteemis nii umbes seda vaheruumi võiks täita, mis inimese ja veolooma vahel on. Vildakad vaated tekivad eelarvamustest ja puudulikest tähelepanemisest. Vaatame, meie aga eestlast ilma eelarvamuseta, ilma prillita, teraselt omaenese silmadega, siis leiame, et ta üsna tore inimene on, mitutpidi küll piiratud arusaamisega, aga ainult sellepärast, et tal juhus on puudunud haridust saada, aus, kannatlik, sügava meelelaadiga ja niisuguse iseloomukindlusega, mis tihti paindumatuks, jonnakuseks muutub. Sakslane on 700 aasta jooksul kõik teinud, mis ta võimuses oli, et eestlast veoloomaks alandada — tal ei ole see korda läinud, sõda ja katk on selle õnnetuse ajal siin maakeses sagedamini ja vihasemalt möllanud kui vahest kuski mujal...”¹

On vähe suulisi või kirjalikke etteasteid, kus Faehlmann ei hindaks rahva olukorda ja kus ta ei näitaks rahvaloomingu sidet nende kohalikkude olukordadega, milles see looming on tekkinud. Ja Faehlmann ise kasutab kõige teravamalt rahvaluulet feodalismivastases võitluses.

Faehlmanni kõne Kalevipojast on tähtis ka selle poolest, et see annab kogu rahvaeepose „Kalevipoeg” kondikava, süžee, millele Kreutzwald ainult üksikuid olulisemaid episooide juurde lisab; samuti annab Faehlmann eepose kavandile juba ideoloogilise suuna: sellest peab saama võitlusteos rahvast kurnava mõisnikkonna ja pastorluse vastu.

1839. aasta 7. jaanuari ettekannete hulgas on ka ettekanne kolme muistendi kohta: kuidas on tekkinud mered ja jõed, eri keeled, luulekunst ja laul. Nõnda räägitakse aruandes.² Kõne on siin 1840. aastal ilmunud muistendeist „Emajõe kaevamine”, „Keelte keetmine” ja „Vanemuise laul”. Muistendid on olulise tähtsusega kirjanduslikuks loominguks, sest need baseeruvad osalt rahvaloomingul, ja ükskõik millise rahva kunsti omapära juurdub rahvaloomingus. Nende tuntud muistendite lisana ilmub ka saatesõna, mis aga on eriti tähtis Faehlmanni loominguga ja tema maailmavaate mõistmiseks.³ Suure väärtusega ongi tema poolt muistenditele lisatud ühiskondlik-ajaloolise sisuga saatesõnad, mis annavad selgel kujul tema suhtumise käsitletavasse küsimusse.

Nende muistendite juures näeme, kuidas Faehlmann, kasutades rahvaluulelisi ja kirjanduslikke allikaid, töötab need ümber, suu-

¹ Käsikiri OES, SK 214.

² „Inland”, 1839, vg. 172.

³ Verhandlungen der Gelehrten Ehstnischen Gesellschaft I, lk. 34—54 (1840).

nab selle loomingu mõisnikkonna vastu. On siis õige ütelda, et tõeline eesti kirjandus, demokraatlik kirjandus, mis on kõrge kunstilise väärtusega, algab Faehlmanni loominguuga. Selle loomingu põhivaraks on kahtlemata tema muistendid, kuigi need ilmusid algul saksa keeles ja tõlgiti täielikult alles hiljem (1883). Tõlgituna juurdusid nad kiiresti meie kirjandusse ja rahva teadvusse, muutusid uuesti osaks meie rahvaluulest.

Eesti keelt hindas Faehlmann kõrgelt ja kinnitas seda mitmel korral. Seda oli vaja selle keele uurimise ja praktilise kasutamise põhjendamiseks.

„Kui ma teile siin eesti muistendeid saksa keeles jutustan, siis küsite teie, kas see keel pole liialt kõrge eestlase jaoks. Aga ma võin kinnitada, et ma võimalikult täpse tõlke annan. Mõnes hili-semas ettekandes ma näitan, et eesti keel, hoolimata rahva ligemale 1000-aastasest orjusest, väga haritud ja rikas keel on, ainult muidugi teatavais piirides. Kanti „Mõistuse kriitikat“ oleks raske eesti keelde tõlkida, aga eesti rahvalauludel ja muistenditel on nii arenenud ja õrn keel, et saksa keelgi vaevalt ulatuks kõike truult edasi andma.”¹ Selle täienduseks võib tuua märkuse, mis leidub vastuses Luunja parunile Nolckenile: „Eesti keel on väga haridusvõimeline.”² Eesti keel võib olla kultuurkeel ja saada kultuurkeeleks, seda püüab Faehlmann pidevalt kinnitada, ja seda oli vaja tol ajal üha rõhutada. Faehlmann oma Kalevipoja muistendite kohta käivas ettekandes, samuti erakirjavahetuses rõhutas, et eestlaste kultuur on käinud alla tooreste sakste barbaarse surve all. Nõnda kirjutas ta 1840. aastal Suve Jaanile ja jätkas, võrreldes eesti kirjanduse olukorda soome kirjandusega: „Soomlastel on oma rahvakirjandus, kuna eestlane peab rahulduma raasukestega, mis võõrad talle viskavad. Ka selles armetus olukorras jääb eesti keelde ikka see nõtkus, ja koguni müütilised muistendid ja muud jäänused rahva kunagisest õnnelikust elust sisaldavad rohkem esteetilist ja meeldivat iseloomu, kui meie soomlaste juures leiame.”³

1843. a. pidas Faehlmann Õpetatud Eesti Seltsis kõne muistendi „Koit ja Hämarik” kohta. Sama muinaslugu ilmus trükis juba järgmisel aastal Õpetatud Eesti Seltsi Toimetustes.⁴ Muistend on Faehlmanni poolt leidnud üsna laialdast ümberkujundamist ja stiliseerimist. Aga sama muistend on leidnud ka harukordselt laia vastukaja nii kodu- kui ka välismaal.

Muistendi rahvapärasuse küsimus kujunes vaidlusobjektiks väga pikaks ajaks, milline nähtus tõendab võitlust progressiivsete ja reaktsiooniliste jõudude vahel, kus muistendi ründajad selgesti väljendasid oma rahva vaenulikke seisukohti (Ahrens jt.). Faehlmanni poolele asusid Kreutzwald ja akadeemik Schiefner, kellest

¹ Verhandlungen d. GEG I, 1 (1840), lk. 39.

² Fr. R. Faehlmann, Mein Streit mit Nolcken und Liphart.

³ Faehlmanni kiri Suve Jaanile 20. veebruaril 1840.

⁴ Verhandlungen d. GEG I, 3 (1844), lk. 84—86.

viimane avaldas artikli Peterburi Teaduste Akadeemia väljaandes koos Kreutzwaldi kaudu Lagoselt saadud tekstiga, mis peab tagasi tõrjuma Faehlmanni vastu tõstetud süüdistused müstifikatsioonis.¹

Muidugi on Faehlmann kasutanud selle muistendi loomiseks rahvapäraseid aineid, on sellele aga oma vormi andnud. Sellega oli Faehlmannil muidugi oma eesmärk — tõsta esile allasurutud rahva loomingut, samuti ka tema kirjandust, mis tol ajal oli alles tekkimisjärgus.

1848. aastal avaldas Faehlmann Õpetatud Eesti Seltsi Toimetustes artikli „Kuidas oli kujunenud vanade eestlaste paganausk“, milles on näitena avaldatud lugu maailma loomisest.² Sedagi muistendit on palju populariseeritud, kõige rohkem lugemikkudes (C. R. Jakobson jt.); vene keeles ilmus see Moskvas 1908.

Tähtsam kui puhtkirjandusliku loomunguna on „Vanemuise kosjaskäik“ ajalooliste kontseptsioonide poolest. Siin võtab Faehlmann jälle kord vaatluse alla eestlaste karmi saatuse sissetunginud vallutajate kannal. Ta avaldab järgmisi mõtteid. Siin kõndis rahuarmastaja rahvas, elades õnnelikku elu. Tal olid oma toredad kindlused, ja praeguse Tartugi kohal oli linn, mis ulatus üle praeguste piiride. Elav kauplemine käis rahvaste vahel. Sellest kõnelevad kindlusevallide riismed ja labidas toob maapinnast välja relvi ja surnuluid kõigist sajanditest. Emajõe kaldad särasid toredusest ja ilust, täis toredaid tammehiisi ja lillerikkaid aasu, mida elustas Vanemuise laul. „Selle hiilguse ja toreduse tõenduseks on meil ainult harimata rahva igivanad muinasjutud ja laulud. Ometi ei peaks me neid tõendusvahendeid hoopis hülgamma, sest kuhu ajalugu oma selgesti kirjutatud tähtedega ei ulatu, seal astub laul ja muinasjutt oma õigustesse.“³

Ja lisaks tahabki siin Faehlmann veel kord näidata, et muistend tõestab rahva õnnelikkude minevikku, mille on hävitanud läänest tulnud rööv vallutajad.

1852. aastal ilmus muistend „Endla järv ja Juta“. Ka selle muistendi aluseks pole muud kui järv ise, mis asetseb Tartu—Tallinna maantee ääres, Kärde mäelt vasakule vaadatuna üle ilusate metsade, olles soiste kallastega. Siin elas Faehlmanni muistendi järgi Vanemuise kasutütär Juta, valitsedes oma linde ja kalu ning leinates oma surnud peigu, Ilmarise poega Endelit. Ilmarine oli valmistanud Jutale kuldse liniku, mille abil nägi ta õnnelikkude minevikku ja oskas seda läbi elada oma kujutluses. „Surelikule laenab ta aeg-ajalt liniku, ja sellest tulebki, et laulus ja jutustus minevik meile jälle vaimusilmade ette astub.“⁴

¹ A. Schiefner, Zum Ehnischen Mythologie. Mélanges Russes II, 4. St.-Petersbourg, 1855, lk. 406—417. Vt. ka Kreutzwaldi kiri Sachssendahlile 13. XI 1855; Schiefneri kiri Kreutzwaldile 13. IV 1854; Schiefneri kiri Kreutzwaldile 11. V 1854 jm.

² Verh. d. GEG II, 2, lk. 63—68.

³ Verh. d. GEG II, 4 (1852). Vrd. ka 1844. a. avaldatud „Über die Declination der estnischen Nomina“. Verh. d. GEG I, 3, lk. 17 jj.

⁴ Verh. d. GEG II, 4 (1852).

Muistend algab ilusa loodusekirjeldusega, mis kujutab vaadet Tartu—Tallinna maanteelt Kärde mõisa kohalt Endla järvele. Ka siin antakse saksa vallutajaile hinnang nende looduse hävitamise pärast:

„Oru peamine ilu on nimelt üsna suur järv kristallselge veega, mis igas valguses rändajale läikiva hõbedana vastu naeratab. Tahetakse aga orgu ja järve lähemalt vaadata, siis on vaeva palju ja tulu vähe. Läbipääsmatu raba takistab uudishimulise samme ja kõrge kõrkjastik varjab ligipääsmatuil kaldail vaadet hõbedasele järvele. Mäeseljakult on vist muinaseestlased sageli võlutult vaadanud alla orgu ja vaatepilt pidi sellal veelgi meeldivam olema, sest sakslane, kes ainult kasusaamist taotleb, on metsad harvaks raiunud ja eestlase adra ette rakendanud, et kuldsest külvist kuldset saaki saada.”¹

On tähelepandav see kaunis vaade järvele maanteelt, mida mööda Faehlmanni isegi sageli liikus, tulles Aolt Tartusse kooli ja ülikooli. Looduse hoolimatu hävitamine mõisniku poolt kasusaamise sihiga areneva kapitalismi tingimustes ongi selleks tõukejõuks, mis paneb Faehlmanni kirjanduslikus vormis näitama, miks eestlane ei lepi kunagi oma orjastajatega. Ja need muistendeid seletavad lisad, mis moodustavad enamasti teoste originaalsed osad, on ühtlasi väärtuslikud selleks, et näidata selle ilutseva muistendimaailma suurt ühiskondlikku, võitlevat iseloomu.

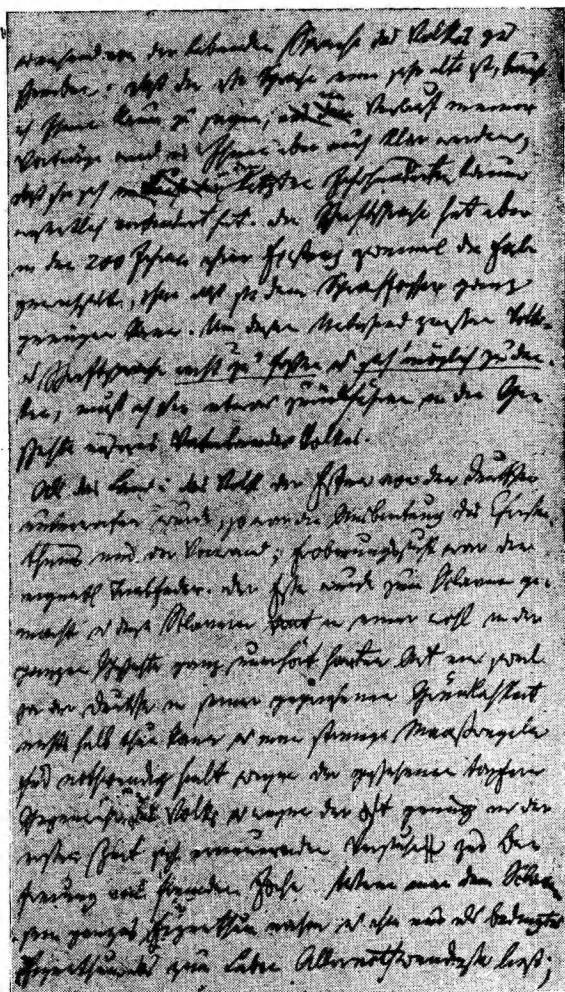
See on Faehlmanni suur teene, et ta rakendas rahvaluulelise materjali kirjandusliku loomingu kaudu ühiskondliku võitluse teenistusse.

Faehlmanni on tema muistendite ümbertöötamise ja rahvapäraste (osalt küll ka kirjanduslikkude) ainete ärakasutamise pärast nimetatud võltsijaks ja müstifitseerijaks. On vaja vahet teha kahesuguste taotluste — puhtteaduslikkude ja rahva huve teenivate demokraatlike kirjanduslike taotluste vahel. Rahvaloomingu kasutamine rahva huvides, demokraatlike eesmärkidega on hinnatav nähtus. Kirjandusliku loomingu üks olulisi ülesandeid on tema ühiskondliku elu, klassivõitluse peegeldus ja rahvahulkade virgutamine võitlusele rõhujate, ekspluateerijate vastu. Sellest külast oli Faehlmanni muistenditel täita määratu suur osa eesti kirjanduse ajaloos. Faehlmann kui eesti rahvaluule koguja oli ühtlasi esimene tõsisem selle materjali rakendaja rahva progressiivsete ideede teenistusse.

Seni oleme vaadelnud Faehlmanni tegevust Opetatud Eesti Seltsi väljaannete autorina ja esinejana Opetatud Eesti Seltsi teaduslikel koosolekuil. Siin tuleb märkida veel mõningaid katseid, mis ta teeb eesti rahvalauluvärsi ja selle olemuse selgitamiseks. 18. jaanuaril 1840 Opetatud Eesti Seltsi aastakoosolekule esitatud ettekandes eesti prosoodiast selgitab ta eesti keelerütmi ja värsijala suhteid, alliteratsiooni ja antiiksete värsisüsteemide transpo-

¹ Verh. d. GEG II, 4 (1852).

neerimise võimalusi eesti keelde. Juba nende küsimuste tõstatamine ise on väärtuslik. Sama küsimuse juurde tuleb ta uuesti veel siis, kui ta asub käsitlema eesti noomenite deklinaerimist.¹

Handwritten text in German, likely a manuscript or letter. The text is dense and written in a cursive script. It appears to be a discussion or report, possibly related to the Estonian language as mentioned in the caption. The text is written on a single page and is somewhat faded and difficult to read due to the handwriting and the quality of the scan.

Fr. R. Faehlmanni avaloeng eesti keele lektori kohale asumise puhul
1842. a. Käsikiri, lk. 1b.

Töö eesti keele uurimise alal ongi, mis rahvaluulelise tegevuse kõrval moodustab Faehlmanni elutöö ühe olulise koostisosa.

Kreutzwald kirjutab: „1825. aasta lõpul hakkas ta oma nappidel puhketundidel kosutuseks eesti keelega tegelema, mida ta nimetas suurepäraseks vahendiks hüpohondria vastu ja seda naljatades

¹ Verhandlungen d. GEG I, 3 (1844), lk. 35–36.

ka teistele soovitas. Viimase tõuke suunamiseks keeleteaduse juurde andsid O. W. Masingi rahvaraamatud, milles esmakordselt esines genuinne rahvakeel, selle järel kui sajanditepikkune barbaarsus kirjakeeles hakkas juba ositi puhast murret rahvakeele eest taandama.”¹ Nagu lisab Kreutzwald, oli armastus eesti keele vastu sidepunktiks Kreutzwaldi ja Faehlmanni sõpruse tekkimisele. Faehlmann pidas keelt suurimaks rahva kunstiteoseks.² Võrsunud rahva hulgast, tundis ta rahva keelt hästi. Eesti keel oli ainus keel, mida ta kuni kümnenda eluaastani kõneles.³ Kuigi ta jälgis murdeid juba varem, sai ta kavakindlale tööle eesti keele alal asuda alles eesti keele lektorina 1842. aastast alates.

1841. aastal suri D. H. Jürgenson, ja 1842. aastal kutsuti tema asemele Faehlmann eesti keele lektoriks, kellena ta töötas kuni oma surmani. Juuni algul 1842 määrati Faehlmann lektoriks, ja juba 16. juunil samal aastal kirjutas ta, et tahab oma ametisseastumise puhul esitatud programmi trükkida. See on tema „Versuch die estnische Verba in Conjugationen zu ordnen”, mis ilmus trükist 1842. 1842. a. juulikuus asus Faehlmann loenguid pidama. On säilinud käsikiri avaloengust, mille sissejuhatavas osas ta tõstab jälle esile eestlaste allasurutud olukorra balti mõisnike poolt. Ta ütleb:

„Kui maa ja eesti rahvas sakslaste poolt vallutati, siis oli ristisu levitamine ainult ettekäändeks, tõeliseks tõukeajendiks oli valutusihha. Eestlane tehti orjaks ja see orjus hakkas kehtima kogu ajaloos küll ennekuulmatul kujul, sest sakslane ju oma kiidetud põhjalikkuse juures ei saa teha midagi poolikult... Ainult talupoeg pidi palehigis töötama, kuna isand prassis. Tuletatagu meelde ühe 16. sajandi⁴ kroonikakirjutaja sõnu, kes Liivimaad määritles, et see olevat pappide paradiis, aadlikkude taevas ja talupoegade põrgu. Tol ajal eestlaste kirjakeelele kas või mõelda oli juba patt.”

Seoses rahvuskeele kujunemisega ja eesti rahvuse tekkimisega oli 19. sajandi esimesel poolel keeleline tegevus niikuinii intensiivistunud. Aastail 1839, 1840 ja 1841 oli Faehlmann teinud ettevalmistustöid uue eesti keele grammatika koostamiseks. Uut eesti keele grammatikat oli vaja, sest Hupeli oma oli juba vananenud.⁵ Ahrensi grammatika oli aga tol ajal veel ilmunuta. Faehlmanni püüdeks oli rajada grammatika elavale rahvakeelele, milleks ta tahtis monograafiliselt artiklite kaupa läbi arutada eesti keele põhilised küsimused, ja selle juurde asus ta energiliselt pärast lektori-ametisse astumist. Julgesti hakkas ta valgustama selliseid põhilisi küsimusi, nagu sõnatüvede astmevaheldus, konjugatsioonide

¹ Fr. R. Kreutzwald, Dr. Friedrich Robert Fählmann's Leben, lk. 25.

² Verhandlungen d. GEG I, 1 (1840).

³ Elias Lönnroti kiri doktor Rabbe'le 12. novembril 1844.

⁴ Faehlmanni tekstis 16. sajandi, p. o. 17. sajandi, sest mõeldud on Chr. Kelchi kroonikat, mis ilmus ju 1695. aastal.

⁵ Fr. R. Kreutzwald, Fr. R. Fählmann's Leben, lk. 34.

süsteemi väljatöötamine, sõnatüvede ja tuletiste vahekorra küsimused, eesti kirjaviisi ühtlustamise küsimus jm. Oma kirjutustes ei piirdu Faehlmann deskriptiivse vaatlusega, vaid püüab käsitleda probleeme keeleajaloole toetudes, nii palju kui tema eeldused seda lubavad.

Keelelistele seisukohtadele praktilise rakenduse annab Faehlmann tema poolt kirjutatud kalendrijuttudes, mis oma rahvaliku keelega on tugevasti edasi viinud omaaegset veel arenemata ja võõrmõjudega segatud kirjakeelt.

Juba arstiteaduse üliõpilasena oli Faehlmann tähelepanu äratanud oma andekuse ja töökusega. Tema lemmikprofessorid soovitasid talle tema üliõpilasaastail valmistuda professorikutsele. Ja hiljemgi, kui ta oli suure patsientuuriga praktiseeriv arst Tartus, andsid sõbrad talle korduvalt nõu avaldada trükis mõni uurimus, mis võimaldaks tal kandideerida tekkivale vakantsile õpetoolile. Faehlmannil, nagu märgib Kreutzwald, oli kahju armsaks saanud arstiametit vahetada akadeemilise töö vastu, teiselt poolt oli tal arstiteaduskonnas ka vaenlasi, kes soovisid teda iga hinna eest hoida kõrval professuurist, üldse arstiteaduskonnast. Eelkõige soovis seda tema rivaal, selleaegne arstiteaduskonna dekaan Sahmen. Et Faehlmann oli võimeline teaduslikuks tööks, seda näitab tema isiklikel tähelepanekuil ja praktilal baseeruv uurimus taudilisest kõhutõvest „Die Ruhr-Epidemie in Dorpat im Herbste 1846”. Töö äratas tähelepanu ja pälvis kiitust ka välismaises teaduslikus kirjanduses.

1837. aastal oli kutsutud Faehlmanni Kaasani korralisele professorile arstiteaduse ajaloo ja kohtuliku arstiteaduse alal, aga ta oli sellest ettepanekust ära ütelnud.¹

Faehlmanni suunamine tema võimete väärilisele ülikooli õpetööle võttis kindlama kuju siis, kui tema sõber ja hilisem töökaaslane Opetatud Eesti Seltsis A. Hueck 1834. a. sai korraliseks professoriks anatoomia ja kohtuarstiteaduse alal ning teaduskonna dekaaniks. Hueck pani ette eraldada anatoomia õpetoolist kohtuarstiteadus ühes hügieeniaga ning organiseerida neist riikliku arstiteaduse õpetool. Siia oligi mõeldud tuua Faehlmann, keda sellel kohal tahtsid näha Hueck ja Faehlmanni õpetaja ning sõber prof. Erdmann ja kes sellele kohale oma laialdaste teadmiste, suure praktika, kriitilise meelega ja hea analüüsivõime tõttu oleks sobinudki. Faehlmann ise kõhkles, ei soovinud lahkuda praktilise arsti tegevusalalt ja siduda end Nikolai I surverežiimi raamesse, millise surve all kannatas ka arstiteaduskond. Teatav „teene” siin oli ühtlasi arstiteaduskonna balti sakslastest liikmete hulgas leiduvail vastaseil, kes igati töötasid Faehlmanni tuleku vastu teaduskonda. Pealegi suri 1842. a. tema sõber ja kaitsja Hueck. Opetooli täitmiseega venitati (rahagi kulutati muuks otstarbeks), kuni leiti, kes arvati sellele õpetoolile kõlbavat.

¹ Fr. R. Kreutzwald, Fr. R. Fählmann's Leben, lk. 32.

1843. aastal lahkus Tartust emeeritusena Faehlmanni vana sõber ja õpetaja, farmakoloogia ja dieteetika professor Erdmann. Lahkudes soovitas ta oma järeltulijaks Faehlmanni. Tõenäoliselt tema teeneil sai arstiteaduskond ülikooli valitsuse kaudu kuraatori kirja teatega, et „kõige kõrgemalt poolt on lubatud dr. Faehlmannile pidada loenguid farmakoloogia ja retseptuuri üle kuni professuuri täitmiseni, ülesandega iga poolaasta lõpul teha esitist tasusaamise asjus”. Nüüd algasid Faehlmannil rasked ja tööga ülekoormatud päevad. „Kalevala” koostaja Elias Lönnrot, kes viibis sel ajal Tartus Faehlmanni juures, kirjutab: Faehlmannil tuli päeva jooksul 60—70 haiget vastu võtta, tegelda Õpetatud Eesti Seltsi esimehena, ülikooli eesti keele lektorina, dieteetika ja farmakoloogia professorina ja lõpuks eesti keele õpetajana Elias Lönnrotile.¹

See olukord ei kestnud aga kaua. 1845. aasta lõpul kombineeris dekaan Sahmen alandava mahhinatsiooniga Faehlmanni välja sellelt õppeülesandetäitja kohalt. Nimelt leiti Tübingenis erakorraline professor Oesterlen, kes Tartut hüppelauaks kasutades oli valmis siia tulema. 31. X 1845 teatas sellest arstiteaduskonnale dekaan Sahmen ja 8 päeva hiljem pani ta teaduskonnale ette, „et hr. dr. Faehlmann'i edaspidi enam tarvis ei ole paluda jätkata loenguid farmakoloogia alal, kuna see õppetool varsti täidetakse”. Saanud Tartu korraliseks professoriks, lahkus Oesterlen siit juba 1848. aastal.² Et see alatu käitumine sõlvas Faehlmanni, see nähtub tema kirjast Kreutzwaldile.³ Faehlmann aga jäi edasi töötama eesti keele lektorina kuni oma surmani 1850. a.

Kreutzwaldi side Tartu ülikooliga käis ainult Õpetatud Eesti Seltsi kaudu. Kõige tähtsamaks tööks siin oli eesti rahvaepos „Kalevipoeg”, mille alustas Faehlmann ja mida pärast tema surma jätkas ning viis lõpule Kreutzwald. 1853. aastal oli Kreutzwaldil valmis „Kalevipoja” esimene versioon, mis on tuntud „Alg-Kalevipoja” nime all, sisaldades järgmised osad: „Soovituseks”, „Sissejuhatuseks”, „Esiandeks”, 12 lugu ja vist hoopis hiljemini kirjutatud „Lõpe-sõna”. Trükkis ilmunud „Kalevipojas” puudub osa „Esiandeks”, mis on värsistatud Faehlmanni muistendite alusel, ja „Lõpe-sõna”.

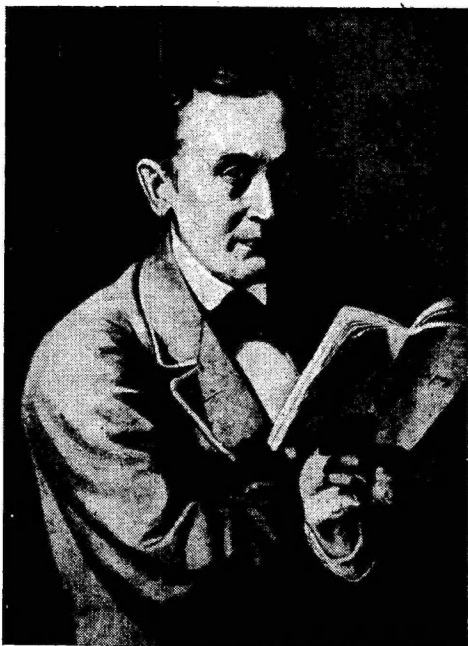
Teose trükkipääsemisel tulid vahele tsensoriraskused. Käsitööst jätis tõmbas tsensor maha kõik värvid, milles kõneldi muistsest õnneaegast ja orjapõlve raskustest ja mis puudutasid kuidagi kirikut. Kreutzwald oli nõutu. Ta sõbrad Õpetatud Eesti Seltsist (Sachssendahl jt.) ei suutnud teda aidata. Aga varsti polnud Kreutzwald isegi enam rahul selle versiooniga ja töötas selle (1854—1857) veel põhjalikult ümber, rahvapärastades sõnastus-

¹ Elias Lönnroti kiri lektor Zittingile 13. augustil 1844 ja doktor Rabbe'le 16. augustil 1844.

² Г. В. Левицкий, Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, Университета II (1903), lk. 156 ja 186.

³ Faehlmanni kiri Kreutzwaldile 9. XI 1846.

stiili, ja liitis vahele hulga uusi aineid, pikemaid rahvalaule, näit. „Salme laulu”, mille kujundas kolmeosaliseks, ning loo reisist maailma otsa. Pärast pikemaid kaalumisi ja keerdkäike otsustas Õpetatud Eesti Selts välja anda uue valminud käsikirjaversiooni Seltsi toimetustes teadusliku väljaandena saksakeelse tõlkega ja väheste kommentaaride ning saatesõnaga autorilt. Nüüd polnud tsensor enam selle kärbeteta avaldamise vastu. Teos ilmus teaduslikkude väljaannete sarjas, tõlkega, mistõttu muutus kalliks ja

Fr. R. Kreutzwald.

seega raskesti kättesaadavaks rahva laiadele hulkadele. Vahepeal oli ametlikele valvuritele suudetud selgeks teha, et arhailine keel ei soodusta selle lugemist. Eepos kujunevat õieti ainult keeleliseks allikaks uurijaile ega saavat olla seetõttu kuidagi kardetav ekspluateerivale klassile.¹ Siit on selgesti näha, kuivõrd „Kalevi-voja” avaldamine on seotud võitlusega demokraatlike mõtete vastu, mida püüti hoolega rahvast eemale hoida. Teose rahvahulkadest eemalehoidu soodustas igati selle väljaandmise viis. Kõigest sellest lähtudes ei kärpinud tsensor „Kalevipojast” enam ridagi ja väljaanne trükiti täiesti Kreutzwaldi redaktsioonis seitsmes vihus

¹ K. T a e v, Kreutzwaldi „Kalevipoeg” ja tsaristlik tsensor. „Looming”, 1952, nr. 1, lk. 111—121.

1857—1861 koos saksakeelse tõlkega.¹ Väljaanne võimaldas tutvumist teosega välismaal nende hulgas, kellele eestikeelne teos ei olnud kättesaadav. Tähtsat abi osutasid teose tutvustamisel ja väljaandmisel Peterburi Teaduste Akadeemia liikmed Schiefner ja Wiedemann, kes kirjutasid heatahtliku tutvustava pika retsensiooni² ja kelle ettepanekul määrati teosele 1860. a. Demidovi auhind 720 rubla. Selleks näib oma kaasabi osutanud ka Peterburi ülikooli professor ja Teaduste Akadeemia liige slaavi filoloog I. I. Sreznevski, kellele Schiefner oma kirjades vihjab kui heatahtlikule kaasaaitajale³. Schiefneri nõuanded Kreutzwaldile Demidovi kapitalist preemia saamiseks on korduavad.⁴

Kreutzwald ei leppinud selle väljaandega, vaid organiseeris isiklikul algatusel odava rahvaväljaande, mis ilmus 1862. aastal avaramais tsensuuritingimustes trükituna Kuopio linnas. See väljaanne ei ole enam seotud Õpetatud Eesti Seltsiga.

„Kalevipoeg” on sügavalt rahvalik eepos, koostatud rahvajuttude ja laulude liitmise teel, mis olid laialdaselt levinud rahva hulgas sajandite jooksul. Kreutzwaldi osa seisneb siin selles, et ta selle materjali töötas loovalt ümber ja liitis tervikuks, kehastades Kalevipoja kui keskendava kangelase kaudu rahva tööarmastust, vastupidavust, visadust töös ning võitluses loodusega, tungi hari-duse ja teadmiste omandamise järele. Kalevipoja kuju kaudu näidatakse sõbralikke suhteid eesti ja vene rahva vahel ning nende koostööd pika ajaloo jooksul.

Kreutzwaldi „Kalevipoeg” esindab demokraatlikku kirjandust, väljendab demokraatlikke ideid. See, millise osa annab Kreutzwald siin täita „Kalevipoja” kaudu rahvaluulele, moodustab uue kvaliteedi võrreldes sellega, mis oli olnud eesti folkloristikas enne Faehlmanni ja Kreutzwaldi, kus rahvaluulesse suhtuti kui rahva viletsuse tunnistajasse, kui rahva loomisvõimetuse näitajasse või lihtsalt kui kurioossesse näidistesse. Rahvaluule asetamine aga rõhujatevastase võitluse teenistusse on uus nähtus ja võrratult tähtis ning suur samm edasi, mille üle Kreutzwald väljendab uhkusetunnet, vastates „Kalevipojale” vaenulikkudele kirjutustele balti mõisnike esindajate poolt.

Oma töö väärtust ja ta enese teeneid iseloomustab Kreutzwald järgmiste sõnadega:

„Minu ainuke tegu, mis peale uhkuse harjaksid tohiksin kasvatada, on: Eesti vana põlve riismete kokkukorjamine, enne kui nemad suutumaks praeguse aea rahva silmist ära kadusid. Oleks sada, ehk veel parem — paar sada aastat varem kedagi seda tööd ettevõtnud, siis võiksid meie sugurahvas selle varanduse pärast mitme targemate rahvade sugude vasta väga uhked olla. Meie

¹ Verhandlungen d. GEG IV, 1—4; V 1—3.

² Mélanges Russes IV, 2, lk. 126—161.

³ Schiefneri kiri Kreutzwaldile 19. XI 1859.

⁴ Schiefneri kiri Kreutzwaldile 2. VI 1859; Schiefneri kiri Kreutzwaldile 20. VIII 1859; Schiefneri kiri Kreutzwaldile 9. X 1859.

„Kalevipoeg”, kuida ta praegu silma ees seisab, on üks lapikestest kokku õmmeldud kuub, aga juba sellestki võib näha, mis kaunis ja osav ta täielikul kombel võinud olla.”¹

1852. aastal 12. detsembril pühitseti Tartu ülikooli rajamise 50. aasta juubelit. Õpetatud Eesti Selts kui ülikooli juurde kuuluv asutus võttis omaltki poolt osa sellest juubelist. Sel puhul telliti

Fr. R. Kreutzwaldi tervitusluuletuse Tartu ülikooli 50. aastapäevaks teise väljaande esilehekülj.

Kreutzwaldilt juubelipoem, mis ilmuski trükist piduliku eri väljaandena: „Tarto Alma materile viekümne aasta lõppetuse rõemo-pühhal sel 12. Teetsembril 1852 ütleb tänno ja sovib õnne Eestimakele- ja kirja-koggoduse nimmel Fr. Kreutzwald. Tartus. Trükkitud H. Laakmanni kirjadedega.” Tuleb märkida, et poem ilmus vanas kirjaviisis ja K. Reinthali poolt tehtud saksakeelse tõlkega. Selle tõlkega ei olnud autor sugugi rahul. Sel ajal käis võitlus

¹ Kreutzwaldi kiri Koidulale 17. III 1868.

vana ja uue kirjaviisi vahel, kusjuures Kreutzwald võitles siis juba uue kirjaviisi eest. Rahulolematuna organiseeris Kreutzwald uue väljaande, mis ilmus trükist 1853. aastal, oli uues kirjaviisis ja mille tõlkijaks oli Võru õpetaja Jenny [Caplic]k.¹ Kui 1851. aastal Kreutzwaldi poolt koostatud „Kasuline Kalender” ilmus uues kirjaviisis ja 1852. aastal ülikooli juubelpoeem, siis järeldeb siit, et juba 1851. aastal oli Kreutzwald uue kirjaviisi veendunud pooldaja.

Tartu ülikooli 50. juubeliaasta puhul kirjutatud poem oli siis esimene avalikkuse ette saabunud teos, mille ümber algas Kreutzwaldi võitlus uue kirjaviisi eest. Kogu seda lugu valgustab Kreutzwald ise oma kirjades Sjögrenile.² Selles võitluses pidanud Õpetatud Eesti Seltsi president C. Reinthal omalt kohalt lahkuma, selleks oli Kreutzwald teda mõjukalt bombardeerinud. Ja Sjögren ise on olnudki see isik, kelle mõjul Kreutzwald tema enese andmeil on kujunenud veendunud uue kirjaviisi pooldajaks ja visaks võitlejaks selle eest.³

Poeemis pöörduakse juubilaril poole, võrreldakse teda hella emaga, kes peab kuldpulmi. See helde ema on oma tarkuse küllusest õpetanud paljusid:

Ja omast tarkusrikkast tanust
Nii palju mehi õpetand.

Ja olgugi tarkusetoidu ammutajaid kuitahes palju, ei lõpe see kunagi. Peale tarkuse on Tartu ülikooli lõpetajaid omavahel ligindanud see muinsus, „Vanaisa anne”, s. o. Vanemuise laulu järelmõju, mis tarkuseallika on loonud ja oma andeid levitama pannud. Kreutzwald tuleb ka siin järjekindlalt tagasi selle juurde, et Vene riigi koosseisu minek on eesti rahva kauase piinapõlve lõpetanud:

Rask' raudse põlve kurna ormad
On Vene voli kustutand,
Ja nälja-, sõa-, katko-surmad
Kõik ühes vangi paelutand:
Et rahuaeg ja õnnepõli
Ka eesti põldu õnnistaks,
Ja nurme kidur õilme õli
Siin tänast päeva tunnistaks!

Järgneb pöördumine tänusõnadega keisrite Aleksander I ja Nikolai I poole, keda „suur Kalevi-poeg muisutand”. Ja lõppeks hüüab vivat! neile, kes asutuse rajanud, ja neile, kes siin õppinud, ning — õppeasutuse tulevikule.

Laul on, nagu peab olema õnnesoovitervitus, kus näidatakse seda positiivset osa, mis on olnud õppeasutusel hariduslättena, kust on tulnud toitvat kastet ka rahvale, ja suurel vene rahval,

¹ Kreutzwaldi kiri Sjögrenile 17. IV 1853.

² Kreutzwaldi kirjad Sjögrenile 6. II 1853 ja 2. III 1853.

³ Kreutzwaldi kiri Sachssendahlile 16. XI 1852.

kelle otsustav abi on olnud selle nii suure väärtusega õppeasutuse loomisel. Niiõnneks ülistatakse aga tsaari, keda nagu tahetakse näidata osasaavana kalevlikust jõuallikast.

Kreutzwald on neid mehi, kes elavalt võtab osa ühiskondlikust elust ja annab nähtustele oma hinnangu, järelikult ka siis Tartu ülikoolile. Ta on uhke, et ta siin võis õppida ja hariduse omandada. Ja neid on palju, kes siin on õppinud ja töötanud:

Ja tuletagem vendi meele,
Kes täna kaugel Ema veest!

Nii hindab Tartu ülikooli tema rajamise 50. aastapäeval mees, kes siis oli omandanud teatava materialistliku mõtlemise, kes 1854. a. sõnastas:

„Looduses pole paigalseisu ega surma, ka kõdunemine on elu muutunud vormis, aga ülimalt mitmekesises kujus.”¹

Nii on Faehlmann ja Kreutzwald seotud Tartu ülikooliga oluliselt Õpetatud Eesti Seltsi kaudu. Seal nad avaldasid oma ideoloogiliselt tähtsad teosed. Faehlmann on peale muu seotud veel ülikooliga eesti keele lektorina ja farmakoloogia ja dieteetika alal õppeülesande täitjana.

¹ Kreutzwaldi kiri Sachssendahlile 12. IX 1854.

СВЯЗИ ФР. Р. ФЕЛЬМАНА И ФР. Р. КРЕЙЦВАЛЬДА С ТАРТУСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ

Доц. Э. Лаугасте

Кафедра эстонской литературы и фольклора

Резюме

В истории эстонской литературы и науки XIX в. выделяются два таких выдающихся деятеля, как Фр. Р. Фельман и Фр. Р. Крейцвальд.

Значение Фельмана заключается не только в его литературном творчестве: он глубоко интересовался и эстонским языком, пытался дать систематическое изложение основ эстонского языка, опубликовал ряд статей по эстонской грамматике и орфографии. Крейцвальд является создателем «Калевипоэга»; поэтом и прозаиком, автором ряда книг для народа и популярно-научных произведений, собирателем и пропагандистом эстонского фольклора.

Связи их обоих с Тартуским университетом определялись главным образом их деятельностью в рамках основанного при университете Ученого Эстонского Общества. А Фельман, кроме того, был в течение продолжительного времени преподавателем университета на историко-филологическом и медицинском факультетах.

Следует несколько подробнее остановиться на истории возникновения и характере деятельности Ученого Эстонского Общества, сыгравшего важную роль в жизни Фельмана и Крейцвальда.

В тридцатых годах XIX в. молодые преподаватели университета и ряд представителей местной интеллигенции стали стремиться к взаимному общению для свободного обсуждения научных и культурных проблем. В этот кружок входил Фр. Р. Фельман.

Летом 1837 г. у членов кружка, занимавшихся вопросами эстонского языка, литературы и культуры, возникла мысль осно-

вать самостоятельное общество. В реализации этой мысли принял деятельное участие Фр. Р. Фельман. 18 января 1838 г., по инициативе указанных лиц во главе с Фельманом, в Тарту состоялось первое собрание Ученого Эстонского Общества.

В уставе, принятом на первом собрании, отмечены задачи и цели общества, причем указано, что основной задачей общества является изучение прошлого и настоящего эстонского народа, его языка и литературы и населенной им территории.

Устав предусматривал ежемесячные собрания общества по первым средам каждого месяца. Кроме того, были предусмотрены годовые собрания в актовом зале университета в годовщину основания общества — 18 января.

Первый параграф устава общества указывал на принадлежность его к университету.

С этим обществом была связана в основном вся литературная деятельность как Фельмана, так и Крейцвальда: у первого из них — собрание сказаний и работы по исследованию эстонского языка, у второго — «Калевипоэг» и ряд научных статей. Фельман занимал руководящее место в обществе до самой своей смерти в 1850 г., будучи с 1843 г. его председателем.

В рамках Ученого Эстонского Общества протекала существенная часть работы Фельмана по изучению эстонских древностей и эстонского языка. Уже на собрании 7 января 1839 г. он выступил со своим историческим докладом, посвященным Калевипоэгу, а также народным сказаниям о прорытии реки Эмайыги, о возникновении языков и о создании песни.

Речь о Калевипоэге, произнесенная Фельманом в 1839 г., принадлежит к важнейшим эпизодам его деятельности в области фольклористики. В этой речи он дал сводку всех собранных им народных сказаний о Калевипоэге, соединил их в тематическое целое и придал идеологическую направленность подвигам и всей деятельности Калевипоэга.

Мы видим, как Фельман, пользуясь фольклором и отчасти литературными источниками, перерабатывает народные сказания, заостряя их против класса помещиков. Можно с полным основанием утверждать, что подлинная эстонская литература, просветительно-демократическая по содержанию и высоко художественная по форме, начинается именно с Фельмана. Его «Сказания» несомненно являются основным фондом этой литературы, хотя они и вышли первоначально на немецком языке и были переведены полностью значительно позднее (1883). С этого момента они прочно вошли в нашу литературу и в сознание народа, вновь стали частью нашей народной поэзии.

Фельман высоко ценил эстонский язык и неоднократно подчеркивал его достоинства, что имело значение для обоснования необходимости изучения и практического применения этого языка.

Фельман использовал и для «Сказания» народный материал, но придал ему свою форму. Целью Фельмана было при-

влечь внимание общественности к устному творчеству угнетенного народа и к его литературе, которая в это время лишь зарождалась.

Наряду с фольклористической деятельностью, работа в области исследования эстонского языка занимает не менее важное место в жизни Фельмана.

Языковедческие взгляды Фельмана нашли практическое применение в его рассказах для календаря, народный язык которых значительно содействовал обогащению еще молодого и засоренного чуждыми элементами эстонского литературного языка того времени.

Уже в бытность свою студентом медицинского факультета Фельман обращал на себя внимание своей одаренностью и трудолюбием. Его любимые профессора видели в нем будущего ученого. Впоследствии, когда, будучи врачом в Тарту, он имел огромную практику, его друзья неоднократно советовали ему опубликовать в печати какое-нибудь исследование, которое дало бы ему возможность принять участие в конкурсе на вакантную кафедру. Однако Фельману, как это отмечает Крейцвальд, было жаль сменить полюбившуюся ему профессию врача на академическую работу, с другой же стороны на медицинском факультете у него были враги, которые старались помешать ему стать профессором и вообще работать на этом факультете. Во главе его противников стоял тогдашний декан медицинского факультета, немец Замен. О выдающихся способностях и эрудиции Фельмана-медика убедительно свидетельствует его основанное на личных клинических наблюдениях исследование «Die Ruhr-Epidemie in Dorpat im Herbste 1846» («Эпидемия поноса в Тарту осенью 1846 г.»). Эта работа обратила на себя внимание и получила положительную оценку в научной литературе.

Возможность привлечения Фельмана к соответствующей его способностям работе при университете приняла более реальный характер в 1834 г., когда ординарным профессором анатомии и судебной медицины стал его друг и будущий соратник по работе в Ученом Эстонском Обществе А. Гюк. Профессор А. Гюк предложил отделить от кафедры анатомии отрасль судебной медицины и вместе с гигиеной объединить в особую кафедру «государственной медицины».

Однако такое положение вещей длилось недолго. В конце 1845 г. декану Замену удалось с помощью неблагоприятной махинации добиться отстранения Фельмана от исполняемых им обязанностей.

Что такое недостойное отношение глубоко поразило Фельмана, видно из его письма Крейцвальду. Однако он продолжал работать в университете лектором эстонского языка до своей смерти в 1850 г.

Связь Крейцвальда с Тартуским университетом также осуществлялась через посредство Ученого Эстонского Общества. Глав-

ным делом жизни Крейцвальда было создание эстонского народного эпоса «Калевипоэг», работу над которым начал Фельман, а после его смерти продолжал и завершил Крейцвальд.

Значительное содействие в деле опубликования «Калевипоэга» и ознакомления с ним общественности оказали члены Петербургской Академии Наук Шифнер и Видеман, которые написали о нем весьма доброжелательный отзыв и по предложению которых произведение Крейцвальда было удостоено в 1860 г. Демидовской премии в 720 рублей. Шифнер неоднократно советовал Крейцвальду добиться получения субсидии из Демидовского капитала.

«Калевипоэг» Крейцвальда является одним из первых произведений эстонской демократической литературы. Та роль, которую Крейцвальд отводит фольклору в своем «Калевипоэге» — нечто качественно новое по сравнению со взглядами, господствовавшими в эстонской фольклористике до Фельмана и Крейцвальда, когда в фольклоре видели лишь свидетельство бедствий народа, доказательство его творческого бессилия или просто любопытные остатки прошлого. Использование народного творчества в борьбе с угнетателями представляло собой новое явление и было огромным шагом вперед, на что с гордостью указывает сам Крейцвальд, отвечая на враждебные выпады против «Калевипоэга» со стороны защитников интересов прибалтийских помещиков.

12 декабря 1852 г. праздновался 50-летний юбилей Тартуского университета. Ученое Эстонское Общество также приняло участие в празднествах. В связи с этим Крейцвальду было поручено написать юбилейное приветствие в стихах, которое вышло отдельным изданием под заглавием «В радостный праздник пятидесятилетия Тартуской Alma mater 12 сего декабря приносит ей благодарность и желает процветания от имени Эстонского общества языка и словесности Фр. Крейцвальд».

Таковы были в основных чертах исторические связи двух крупнейших деятелей эстонской культуры XIX в. — Фельмана и Крейцвальда — с Тартуским университетом. Оба они были его питомцами, и в дальнейшем их литературно-общественная и научная деятельность была тесно связана с университетом главным образом через посредство основанного при нем Ученого Эстонского Общества. А первый из них, как мы видели выше, в течение ряда лет принимал непосредственное участие и в научно-преподавательской работе Тартуского университета.

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Доц. Б. Правдин

Кафедра русской литературы

Преподавание русского языка и литературы, а в известной мере и научная разработка вопросов русской и славянской филологии в Тартуском университете имеют такую же 150-летнюю давность, как и сам университет.

Обучение студентов русскому языку предусматривалось уже первыми правительственными актами об основании университета, и нам известно, что на торжественной церемонии его открытия, в апреле 1802 г., присутствовал и лектор (преподаватель) русского языка. А на основе университетского устава 1803 г. на историко-филологическом отделении философского факультета уже работала кафедра русского языка и литературы, в состав которой входили «ординарный профессор российского языка и словесности» и «лектор российского языка».

В отличие от других высших учебных заведений России, преподавание на всех факультетах Тартуского университета велось, как известно, долгое время на немецком языке, что являлось одной из многих уступок царского правительства прибалтийским феодалам-крепостникам, на преданность трону которых издавна привыкло рассчитывать. Наряду с этим, под давлением тех же шовинистических немецких кругов, изучение русского языка в университете не было объявлено обязательным. В результате такого положения вещей вокруг этого важного культурно-политического вопроса разгорается упорная и длительная борьба между демократически настроенными кругами местного населения, с одной стороны, и реакционным «рыцарством» Прибалтики и его «учеными» прислужниками — с другой. Хотя правительственным актом 12 декабря 1802 г. университет был освобожден от непосредственной опеки дворянства в лице назначаемых им «кураторов» и подчинен общероссийскому министерству народного просвещения, косвенное влияние реакционных немецких кругов на университетские дела, в частности по вопросу о преподавании русского языка, продолжало сказываться в последующие десятилетия. В

этих условиях стремление правительства к распространению русского языка в Прибалтике (самодержавие, конечно, рассчитывало при этом на подготовку новых кадров «верноподданных» и отнюдь не преследовало демократических целей) могло быть успешно использовано местными прогрессивными кругами в их борьбе с остзейскими баронами.

С развитием капиталистических отношений и перегруппировкой классовых сил в России, с ростом демократических элементов русской культуры, остзейское дворянство, в начале XIX в. занимавшее господствующее положение в Прибалтике, вынуждено было шаг за шагом сдавать свои позиции. В то же время сознание важного значения русского языка, как языка общегосударственного, владение которым открывало возможности многообразной деятельности за пределами прибалтийских губерний, постепенно проникало в широкие массы коренного — эстонского и латышского — населения. В связи с этим стремление к изучению русского языка как в местных школах разного типа, так и в Тартуском университете неуклонно возрастает, и его знание к последней трети века получает широкое распространение среди прибалтийской интеллигенции.

В этой многолетней борьбе за русский язык, за его место в учебной системе, за качество его преподавания принимала участие в лице своих лучших представителей и кафедра русского языка и литературы. С самого начала своей деятельности кафедра эта, в силу своего положения и состава, играла заметную роль и в деле развития и укрепления связей Тартуского университета с русской культурой и наукой, с русской общественностью.

Первым профессором русского языка и литературы был избран Советом университета Григорий Андреевич Г л и н к а, приступивший к чтению лекций весной 1803 г. Г. А. Глинка (1774—1818) происходил из известной дворянской семьи и был в близком родстве с писателем-патриотом эпохи Отечественной войны 1812 года Ф. Н. Глинкой. По окончании Пажеского корпуса он состоял недолгое время на военной службе и в 1800 г. вышел в отставку. Впоследствии Глинка женился на старшей сестре поэта-декабриста В. Кюхельбекера. Не получив специальной научной подготовки, Глинка был, повидимому, широко образованным человеком, с ярко выраженными филологическими интересами. В Тартуском университете он читал курсы: «Русский язык по грамматике Академии Наук 1802 г.», «О похвальных речах Ломоносова», «Русская литература» и др. Кроме того, он вел со студентами и практические занятия по русскому языку. Следует отметить, что самый факт назначения бывшего питомца Пажеского корпуса на ученую должность был настолько необычен, что Н. М. Карамзин посвятил этому событию особую заметку в «Вестнике Европы» за 1803 г.

Деятельность Глинки в Тартуском университете не ограничивалась преподаванием. Мы знаем, что в 1803 г. он сопровождал профессора Паррота в Петербург, где они пробыли несколько ме-

сяцев, добываясь утверждения нового университетского устава. А в следующем, 1804 г. он был избран (сроком на один год) деканом историко-филологического отделения философского факультета. Во время своего деканства Глинке удалось добиться удаления из университета первого лектора русского языка хорвата И. Елачича, который едва говорил по-русски, но зато хорошо знал немецкий язык и пользовался поддержкой профессоров-немцев. В Государственном Историческом Архиве ЭССР сохранился протокол заседания университетского Совета, в который занесено заявление Глинки о том, что он считает «противным своей совести» мириться с дальнейшим пребыванием Елачича в должности лектора русского языка. Правда, и преемник Елачича, кенигсбергский немец Тернер сдал у Глинки проверочное испытание по русскому языку лишь на «удовлетворительно», но его деятельность в качестве лектора носила все же, повидимому, менее скандальный характер.

Будучи единственным представителем русского языка и русской культуры в тогдашнем Тартуском университете, Глинка держался весьма независимо, с сознанием государственного значения представляемого им предмета. В то же время он стремился к установлению связей университета с русской общественностью и искал сближения с немецкой профессурой, но его отношения с рядом профессоров сложились по разным причинам неблагоприятно. Уже в 1810 г. Глинка покинул университет, мотивируя это решение состоянием здоровья, а также своим убеждением в том, что его деятельность при данных условиях не может принести достаточной пользы. Заслуга Глинки состоит в том, что он первый начал борьбу за русский язык, за улучшение его преподавания в Тартуском университете и сделал все, что было в его силах, в исторической обстановке Прибалтики начала XIX века.

Глинка не был ученым в настоящем смысле этого слова, и его печатные труды носят в общем дилетантский характер. Такова, например, его «Древняя религия славян», вышедшая в 1804 г. Книга эта представляет собой весьма подробное описание «славянского Олимпа», как он изображался многими русскими писателями XVIII в. Наряду с бабой-ягой, кикиморой и русалками, здесь идет речь о таких «божествах», как Мерцана (заря), Световид (солнце), Тригла (земля) и т. д., причем в точности устанавливаются их функции в «баснобожии» древних славян. А. Н. Пыпин справедливо указывает, что вместо того, чтобы опираться на данные подлинного фольклора, «Глинка вносил в мифологию вычитанное у Хераскова и «морского царя» описывал по Ломоносовской «Петриаде». ¹ Впрочем и сам автор «Древней религии славян» не претендовал на научность: во введении к своему труду он прямо говорит, что будет описывать «произведения фантазии и мечтательности», дополняя их «собственною под древнюю статью фан-

¹ А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, стр. 73.

тазией». Большого внимания заслуживает входившее в курс лекций Глинки и затем напечатанное в «Вестнике Европы» М. Каченовского «Рассуждение о российском языке», где путем сопоставления словарного состава и грамматического строя русского и французского языков доказывалось на множестве примеров превосходство русского языка, как «более богатого, хотя и менее обработанного». Глинкой был составлен и первый, по видимому, учебник русского языка для школ Прибалтики (1805). Ему принадлежит также ряд переводов с французского: «Российская история» Лёвека, «Современные записки о России в историческом, политическом и военном отношении» Х. Манштейна, «Риторика в пользу молодых девиц» Г. Галяра (дополненная впрочем примерами из русских авторов XVIII в.) и др.

После вынужденного ухода Глинки, который еще весной 1810 г. безуспешно обращался к известному историку Н. М. Карамзину с просьбой подыскать ему преемника, Совет университета воспользовался случаем выдвинуть своего собственного кандидата в лице немца Ромберга. Однако министерство народного просвещения через попечителя округа отклонило эту кандидатуру, указав, что кафедру русского языка и литературы должно занимать лицо русской национальности, и, в свою очередь, предложил в качестве кандидата молодого ученого А. С. Кайсарова. Одновременно в университет были направлены две научные работы кандидата, из которых явствовало, что он владеет и немецким языком. Но кандидатура Кайсарова оказалась неприемлемой для некоторых членов Совета, не без основания опасавшихся увидеть в нем такого же независимого и патриотически настроенного человека, каким был Глинка. Поэтому они решили противопоставить ему своего нового кандидата в лице преподавателя Шаврова, от которого предполагалось потребовать чтения лекций на немецком языке. Большинство голосов в Совете было подано все же за Кайсарова, который и приступил к работе в университете с весеннего семестра 1811 года.

Андрей Сергеевич К а й с а р о в (1782—1813) происходил, как и Глинка, из дворянского рода. Он получил образование в Московском университетском пансионе, где сблизился с поэтом Жуковским и А. И. Тургеневым, братом будущего декабриста Н. И. Тургенева. По отбытии военной службы Кайсаров отправился для продолжения образования в Германию и защитил в Геттингене «философско-политическую» диссертацию на латинском языке «О необходимости освобождения крепостных в России». Вместе с А. И. Тургеневым он много путешествовал, собирая сведения о древностях и истории славян, о славянской языковой культуре.

В Тартуском университете Кайсаров читал курс «Древняя русская история в памятниках языка» и, подобно Глинке, вел практические занятия со студентами по русскому языку и стилистике. Глубоко переживая исторические события своего времени, в кото-

рых столь выдающееся участие принимала его великая родина, Кайсаров произнес в университете 18 ноября 1811 г. вдохновенную речь «О любви к отечеству» по поводу блестящих побед русских войск под начальством Кутузова в войне с турками. Эта речь Кайсарова была первой речью на русском языке, произнесенной на торжественном собрании в Тартуском университете. «В первый раз, — говорил оратор, — раздается язык русский в сем святилище муз... Счастливым я почел бы себя, если бы слова мои коснулись не одного слуха, но и сердец ваших, и воспламенили бы в них должное уважение и привязанность к языку обильному, красотами исполненному, — к языку, в отечестве нашем господствующему. Счастлив был бы я, если бы вы, юноши, ищущие здесь образовать ум и сердце ваше, желающие здесь сделаться полезными членами общества, увидели, сколь необходим для вас язык народа величайшего в свете, язык вашего отечества!.. Если бы вы убедились в том, что в цепи, человеческое общество утверждающей, язык есть звено твердеее.» В заключительной части своей речи Кайсаров говорил: «Сия новая победа, нами торжествуемая, есть не что иное, как доказательство нашего могущества — врагов наших бессилия, нашей твердости — их изнемогающего коварства, нашего права — их злобы и притязания! Герой Кутузов! Дотоле, пока в изъязвленной ранами груди твоей бьется русское сердце, дотоле мы спокойны.»¹

Патриотическая речь Кайсарова произвела сильное впечатление на слушателей и тогда же была издана университетом на русском и немецком языках.

В 1812 г. Кайсаров был избран на год деканом историко-филологического отделения, но ему пришлось лишь очень короткое время исполнять эти обязанности. Уже весной этого года, незадолго до вторжения Наполеона в Россию, Кайсаров подал заявление о принятии его на военную службу и был назначен директором походной типографии при главной квартире русской армии, в г. Вильно. В этой должности он принял участие в славной эпопее Отечественной войны, неоднократно выполняя ответственные поручения Кутузова. После смерти фельдмаршала, весной 1813 г., он поступил в чине майора в Московское ополчение и отличился в ряде сражений.

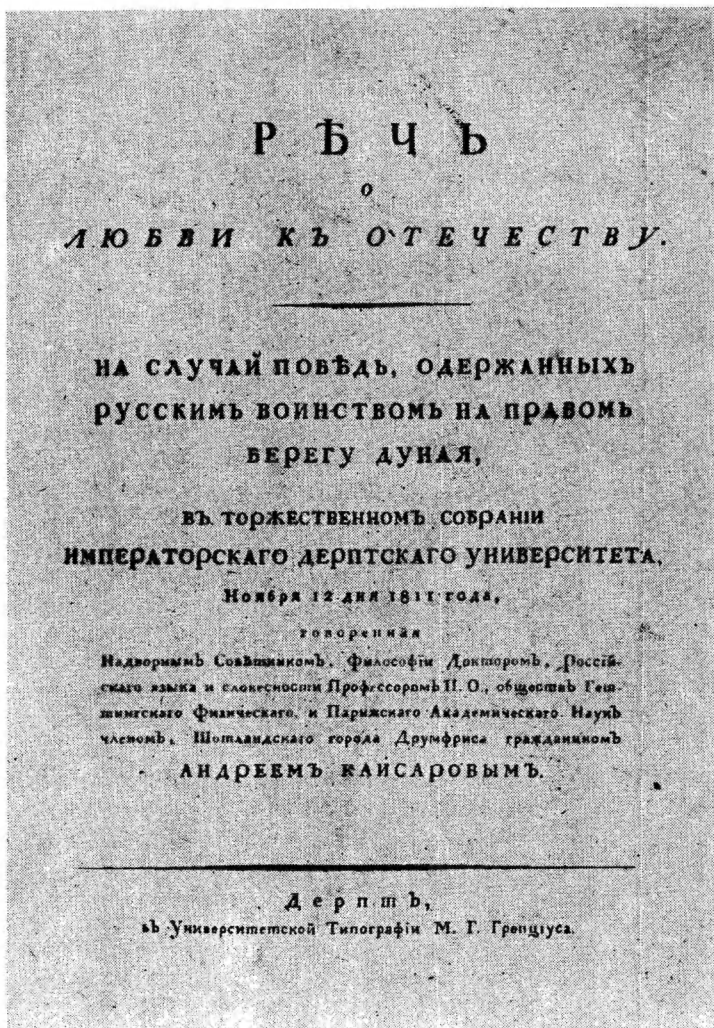
Между тем Тартуский университет не имел никаких известий от Кайсарова. В течение обоих семестров 1812/13 учебного года лекции по русскому языку и литературе не читались, и попечитель округа обратился по этому поводу с запросом к министру народного просвещения, указывая, что «учащиеся слишком уже давно не упражняются в изучении русского, столь для них необходимого языка».² Однако, прежде чем министр успел принять какое-либо решение, в Тарту пришла весть о героической гибели Кайсарова: он

¹ А. С. Кайсаров, Речь о любви к отечеству, 1811.

² М. И. Сухомлинов, А. С. Кайсаров и его литературные друзья. Изв. Отд. рус. языка и словесности Академии Наук, 1897, т. II, кн. I, стр. 12.

пал смертью храбрых в битве при Гайнау, в Силезии, 15 мая 1813 года.

Помимо уже упомянутой диссертации, направленной против крепостного права, и речи «О любви к отечеству», Кайсаровым

Титульный лист речи проф. А. С. Кайсарова.

была написана «Славянская и российская мифология» (1807, 2-ое изд. 1810). Хотя этот труд, как и соответственная работа Г. А. Глинка, не отвечает научным требованиям, он является все же известным шагом вперед в истории русской этнографии. Книга Кайсарова была с интересом встречена читателями. Она обратила

на себя и внимание ученых, в том числе известного чешского слависта Добровского, который написал к ней критические замечания. «Отзывы о книге Кайсарова, появившиеся вскоре после ее выхода в свет, — писал академик М. И. Сухомлинов, — знакомят с тогдашним состоянием науки и должны быть приняты в соображение при оценке труда, составленного при самых неблагоприятных условиях, т. е. при полном отсутствии научной разработки предмета.»¹ Рецензент «Московских ученых ведомостей» отмечал, что Кайсаров «рачительно воспользовался всеми пособиями, какие мог заимствовать касательно своего предмета из собраний древних славянских и русских сказаний и песен, из оставшихся обывочней языческих славян в России, Польше и Богемии».²

В начале своей книги Кайсаров полемизирует со своими предшественниками в данной области, в частности с М. И. Поповым, издавшим уже в 1768 г. свое «Описание славянского баснословия», и ставит себе целью заполнить пробелы предыдущих авторов и дать более обоснованную разработку темы, опираясь на собранные им обширные материалы по славянской и русской мифологии. Если и труд Кайсарова все же лишен научного значения, то объясняется это главным образом тем, что автор не смог критически подойти к имевшимся у него материалам и отделить подлинные религиозные воззрения древних славян, как они отразились в фольклоре, от досужих вымыслов писателей XVIII века.

О привлекательной личности Кайсарова сохранился ряд воспоминаний его современников. Его имя с любовью упоминается в переписке В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, А. Ф. Мерзлякова и др. Профессор анатомии Бурдах, работавший одновременно с ним в Тартуском университете, говорит в своих воспоминаниях, что Кайсаров «принадлежит к тем молодым русским, которые, воодушевляемые любовью к родине, поставили себе целью стремиться к свободному, самостоятельному развитию своей нации», которые «мечтали о близком возрождении России».

Кайсаров был типичным представителем той передовой дворянской молодежи начала XIX в., из среды которой вышли впоследствии декабристы, стоявшие, по выражению Ленина, еще «страшно далеко» от народа, но «разбудившие Герцена» и положившие начало революционному движению в России. Благородные убеждения Кайсарова, его пламенный патриотизм, вся его недолгая, но творчески наполненная жизнь, завершившаяся героической смертью на поле брани, делают из него одну из самых замечательных фигур в истории не только кафедры, но и всего университета.

В следующем после смерти Кайсарова 1813/14 учебном году, в период победоносного наступления русских войск на Париж, кафедра русского языка и литературы в Тартуском университете

¹ М. И. Сухомлинов, А. С. Кайсаров и его литературные друзья, стр. 13.

² Там же, стр. 18.

оставалась не замещенной. Только в 1814 году на эту должность был избран А. Ф. Воейков, приступивший однако к исполнению своих обязанностей лишь в весеннем семестре 1815 года.

Александр Федорович Воейков (1779—1839) происходил также из дворянской семьи и учился в Московском университетском пансионе одновременно с В. А. Жуковским. В начале века он стал известен в литературных кругах как посредственный стихотворец и переводчик «Истории царствования Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера. Кроме того, им была издана хрестоматия «Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей», в 5 частях (1811). В 1812 году он поступил на службу в армию, но в военных действиях, повидимому, не участвовал и уже в следующем году вышел в отставку.

Растратив свое состояние, Воейков стал искать спасения в выгодном браке, и в 1814 году ему удалось жениться на племяннице Жуковского, Александре Андреевне Протасовой. «Этот весьма хитрый и ловкий, но по нравственным своим качествам не вполне безупречный человек вошел в доверие как к самому Жуковскому, так и к окружавшей его семье».¹ Чтобы обеспечить семью Воейкова, Жуковский, благодаря своим связям в Петербурге, добился его назначения профессором Тартуского университета, хотя к педагогической и научной деятельности он был крайне мало подготовлен.

В течение почти шести лет своего пребывания в Тарту Воейков читал целый ряд курсов как по русскому языку, так и по литературе («Синтаксис русского языка», «Критический анализ русских авторов», «История русской литературы» и др.) и вел «упражнения в разговорной русской речи». Однако, по отзывам современников, научный уровень его лекций был весьма невысок; к тому же, он часто, под различными предлогами, уезжал в отпуск во время учебных занятий и просто пропускал лекции, занятый разного рода литературными и издательскими планами. Так, во время своего пребывания в Тарту он издал свой стихотворный перевод большой поэмы второстепенного французского поэта Делиля «Сады или искусство украшать сельские виды». Тут же, в Тарту, Воейков продолжал писать свою получившую печальную известность сатиру «Сумасшедший дом» и «Парнасский адрес-календарь». Если не считать довольно удачных выпадов против известного ханжи и мракобеса Магницкого, оба эти произведения, распространявшиеся в списках, представляли собой безвкусный пасквиль на современных Воейкову русских писателей и общественных деятелей.

В 1820 году Воейков покинул Тарту под предлогом болезни и остальную часть жизни провел в Петербурге, занимаясь мелкой литературной работой, а также изданием журналов и хрестоматий. Его полная беспринципность в поисках литературного и иного

¹ Е. В. Петухов, Жуковский в Дерпте, 1897.

заработка, беззастенчивые приемы журнальной полемики и близость к правительственным кругам вскоре оттолкнули от него демократического читателя. Отсталые литературные взгляды Воейкова, низкий идейный и моральный уровень его писательской физиономии нашли справедливую оценку уже в «Литературных мечтаниях» молодого Белинского.

Если в силу личных свойств Воейкова его профессорская деятельность в Тартуском университете вряд ли могла содействовать поднятию авторитета кафедры и улучшению преподавания русского языка, то самый факт шестилетнего пребывания семьи Воейковых в Тарту сыграл известную роль в деле развития связей университета с русской культурой и общественностью. Уже в историческом обзоре деятельности университета, вышедшем в 60-х годах, отмечалось, что независимо от качества лекций Воейкова «прием, который он делал студентам у себя дома, имел на них полезное образовательное влияние». ¹ В доме Воейкова действительно происходило постоянное общение преподавателей и студентов университета с представителями русской интеллигенции того времени, и это «полезное образовательное влияние» русской культуры исходило несомненно не столько от личности самого Воейкова, сколько от его окружения.

Жена Воейкова, Александра Андреевна, была одной из выдающихся женщин своего времени. Молодой Жуковский посвятил ей свою знаменитую балладу, вследствие чего она стала известной в литературных кругах под именем «Светланы». Сохранившийся до наших дней альбом А. А. Воейковой со стихами Языкова, Баратынского, Козлова и других ее современников является ценным памятником литературной жизни начала прошлого века. Ее сестра, Марья Андреевна Протасова, также поселившаяся в Тарту, вскоре вышла замуж за профессора хирургии Мойера, бывшего впоследствии учителем Н. И. Пирогова. В семье Воейковых часто бывал Жуковский. Почти весь 1816 год он прожил в Тарту. Здесь он сблизился с рядом профессоров университета и в дальнейшем поддерживал с ними научные и деловые сношения. Так в течение нескольких лет гостеприимный дом Воейковых был русским культурным центром г. Тарту.

Воейков был последним из представителей дворянско-помещичьего класса, возглавлявших кафедру русского языка и литературы в Тартуском университете. В его преемнике, Василии Матвеевиче Перевощикове (1785—1851), мы имеем дело с профессиональным педагогом-филологом, разночинцем по социальному положению. Окончив в 1806 г. курс Казанского университета, Перевощиков работал сначала преподавателем в Пензенской гимназии, а затем, получив в Казанском университете степень магистра словесных наук, состоял в течение 9 лет профессором русской литературы в том же университете.

¹ Е. В. Петухов, Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете, 1900, стр. 44.

Будучи избран профессором Тартуского университета вскоре же после ухода Воейкова, Перевошиков задержался однако на полгода в Казани и приступил к чтению лекций лишь в весеннем семестре 1821 года. Подобно своим предшественникам, он читал курсы как по русскому языку, так и по литературе («Русская грамматика», «Правила русского языка», «История русской литературы, с обзорением произведений наиболее выдающихся писателей», «Русские поэты и прозаики, с филологическим и эстетическим объяснением» и др.) и вел «упражнения в разговорном русском языке». Впрочем в дальнейшем практические занятия со студентами целиком взял на себя назначенный в 1825 г. лектор А. В. Тихвинский. (После Тернера, перешедшего в 1822 г. на преподавание английского языка, в течение трех лет лектуру русского языка занимал немец Ф. Г. Бунге). Хотя сам Перевошиков читал и языковедческие курсы, его научные интересы, как увидим далее, были сосредоточены на вопросах истории русской литературы.

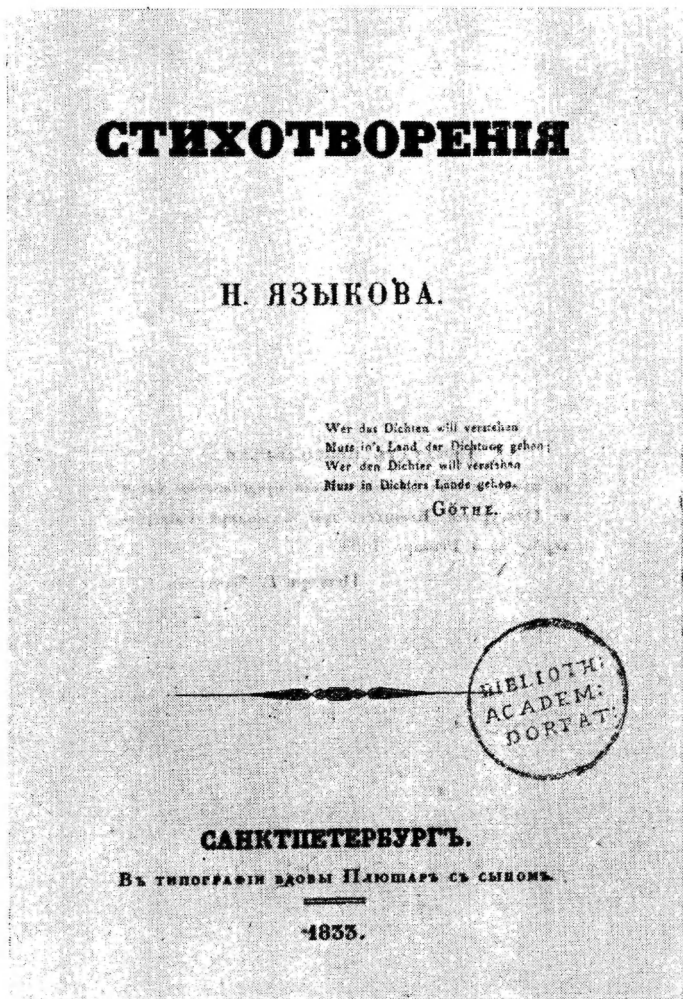
По отзыву одного из современников, Перевошиков был «чрезвычайно добросовестным и основательным» преподавателем, умевшим «не только развивать в юных своих слушателях любовь к нашей литературе, но также и приспособлять их к ясному, логическому и, сколько возможно, популярному изложению своих мыслей на отечественном языке». ¹ О способности Перевошикова увлечь молодые умы, как и о его литературном чутье, свидетельствует и следующий эпизод. Известный впоследствии поэт «пушкинской поры» Н. М. Языков, ставший в 1822 г. студентом Тартуского университета, весьма скоро сблизился с Перевошиковым и некоторое время находился под сильным воздействием уже отсталых к тому времени эстетических взглядов своего учителя. Со своей стороны, Перевошиков сумел по достоинству оценить тогда еще не вполне зрелое дарование поэта, хотя в своем восхищении молодым талантом и доходил до крайностей, предсказывая ему «великую будущность». ²

Благодаря совместным усилиям таких опытных педагогов, как Перевошиков и лектор Тихвинский, дело преподавания русского языка и литературы в Тартуском университете делает заметный шаг вперед, вступает в новую фазу. В то же время и министерство народного просвещения начинает уделять больше внимания укреплению позиций государственного языка в учебных заведениях Прибалтики. Так, в 1826 г. кафедра должна была представить в Петербург доклад о методах преподавания русского языка и словесности в Тартуском университете, а в следующем году министерство потребовало присылки печатного текста или рукописи читаемого Перевошиковым курса истории русской литературы в целях обсуждения мер по улучшению преподавания этого предмета как в Тартуском, так и в других университетах России.

¹ Е. В. Петухов, Кафедра русского языка и словесности..., стр. 35.

² В. И. Шенрок, Н. М. Языков. «Вестник Европы», 1897, № 11, стр. 160.

Отвечая министерству, Перовщиков пользуется случаем подробно рассказать о своих работах по составлению курса истории русской словесности. Вот уже более 20 лет занимается

Титульный лист первого издания «Стихотворений» Н. Языкова.

он изучением памятников древней русской письменности и успел в общих чертах разработать историю русской литературы от древнейших времен до нашествия монголов; им опубликовано также несколько статей об отдельных авторах XVIII века. «Но сей труд, — пишет Перовщиков, — продолжается весьма медленно. Причина тому — должностные занятия, слабость моего здоровья, пре-

бывание мое почти на границе России, в губерниях немецких, и паче всего самый предмет.»¹ Он указывает на неисчерпаемые богатства русской литературы и на отсутствие в то же время критической обработки материалов. «Занимающемуся ныне историей российской словесности надлежит самому читать великое множество сочинений, напечатанных и рукописных, исследовать их, произносить свое суждение».² Что же касается вопроса о предоставлении в распоряжение министерства его университетских лекций, то Перевошиков сообщает, что читает их «по весьма краткому начертанию всех главных предметов, служащему пособием токмо памяти, по большей же части без оногo»,³ вследствие чего никакого связного текста своего курса представить не может. Далее он предлагает в ближайшем же будущем направить в министерство свои соображения по вопросу о составлении учебника истории русской литературы, а также и свое «введение» к нему, за которым «последует самая история российской словесности, расположенная на четыре периода».⁴

В «личном деле» профессора Перевошикова, хранящемся в Государственном Историческом Архиве Эстонской ССР, не имеется, к сожалению, сведений о том, чем закончилась эта его переписка с министерством, — во всяком случае, предпринятый им труд по истории русской литературы не был напечатан, и его рукопись не сохранилась. Но если иметь в виду, что обзоры русской литературы, изданные М. А. Максимовичем и С. П. Шевыревым, появились значительно позднее, то Перевошикова следует считать одним из первых ученых, занимавшихся систематическим изучением памятников русской письменности, в частности древнейшего периода.

Перевошиков дважды был избираем деканом историко-филологического отделения философского факультета, и ему неоднократно поручался контроль преподавания русского языка в подведомственных университету школах Прибалтики. А когда осенью 1827 г. при Тартуском университете был учрежден т. н. «Профессорский институт», имевший целью подготовку к профессоруре даровитых молодых людей, окончивших курс других русских университетов, то Перевошиков был назначен первым его директором и оставался в этой должности вплоть до своего ухода из Тарту в 1830 году. Если в молодые годы Перевошиков повидимому не был чужд передовых идей своего времени (известно, что в 1811 г. он был избран членом «Вольного общества любителей наук, словесности и художеств»), то в позднейшие годы он явно отошел от воззрений своей молодости, впал в пиятизм и стал на службу охранительного направления. Один из воспи-

¹ Личное дело В. М. Перевошикова в Государственном Историческом Архиве ЭССР, стр. 41—42.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

танников Профессорского института, знаменитый впоследствии хирург и педагог Н. И. Пирогов вспоминал о Перевошикове как о «сухом, безжизненном бюрократе», считавшем главной своей обязанностью, для наблюдения за «нравственностью» воспитанников, посещать их квартиры «в разное время и врасплох». ¹

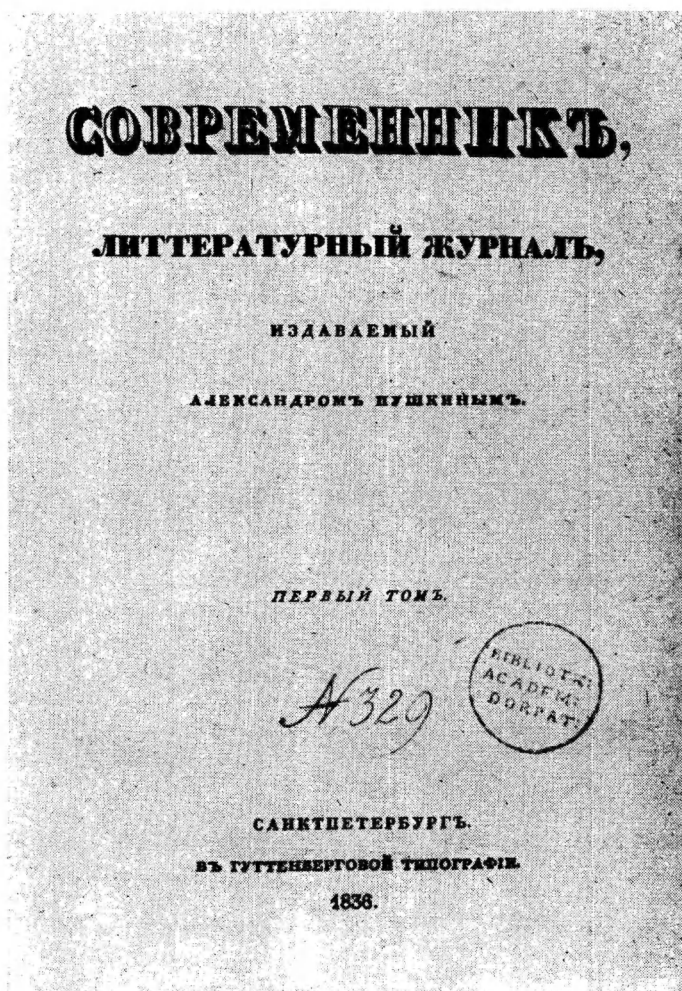
Выйдя по болезни на пенсию, Перевошиков жил в Петербурге и в 1835 г. был избран членом Академии Наук. По поручению Академии он написал рецензию на известный труд Шимкевича «Корнеслов русского языка» и составил обширную «Роспись книгам и рукописям Императорской Российской Академии» (1840). Однако большинство задуманных и начатых им работ, в том числе и «История русской словесности», остались по разным причинам личного и семейного характера незаконченными. За время профессорства в Тарту им был издан лишь сборник «Опыты» (1822), состоящий более чем на половину из переводов с немецкого и латинского языков и представляющий собой запоздалую дань сентиментализму карамзинского толка.

С 1830 по 1836 год кафедра русского языка и литературы Тартуского университета оставалась, за отсутствием подходящих кандидатов, без официального руководителя и была представлена лишь названным выше лектором Александром Васильевичем Тихвинским, который, помимо практических занятий со студентами русским языком, читал и ряд научных курсов. А. В. Тихвинский был видным представителем передовой русской интеллигенции г. Тарту двадцатых и тридцатых годов прошлого века. Он был членом дружеского кружка поэта Языкова, в состав которого, помимо дворянской молодежи, входили и выходцы из демократических кругов (известный впоследствии хирург и один из основателей русской медицинской школы Иноземцев, астроном Федоров, историк Лунин и др.). Языков не раз упоминал Тихвинского в своих письмах и стихах, а покидая навсегда Тарту в 1829 г., он посвятил ему одно из лучших своих прощальных стихотворений. Двенадцатилетняя педагогическая деятельность Тихвинского в Тартуском университете несомненно содействовала поднятию уровня преподавания русского языка, которое до него долгое время находилось в руках учителей-немцев.

Только осенью 1836 г. прибыл в Тарту и приступил к чтению лекций новый профессор русского языка и литературы, Михаил Петрович Розберг (1804—1874). М. П. Розберг получил высшее образование в Московском университете, курс которого он окончил в 1825 г. со степенью кандидата философии. В эти годы он вращался в литературных кругах Москвы, был близок к «обществу Любомудров» и в 1826 г. в доме Веневитиновых встречался с вернувшимся из ссылки Пушкиным. Впоследствии Розберг был назначен преподавателем Ришельевского лицея в Одессе, где он занимался и журналистской деятельностью. Известно, что в де-

¹ Н. И. Пирогов, Сочинения, т. I, стр. 337.

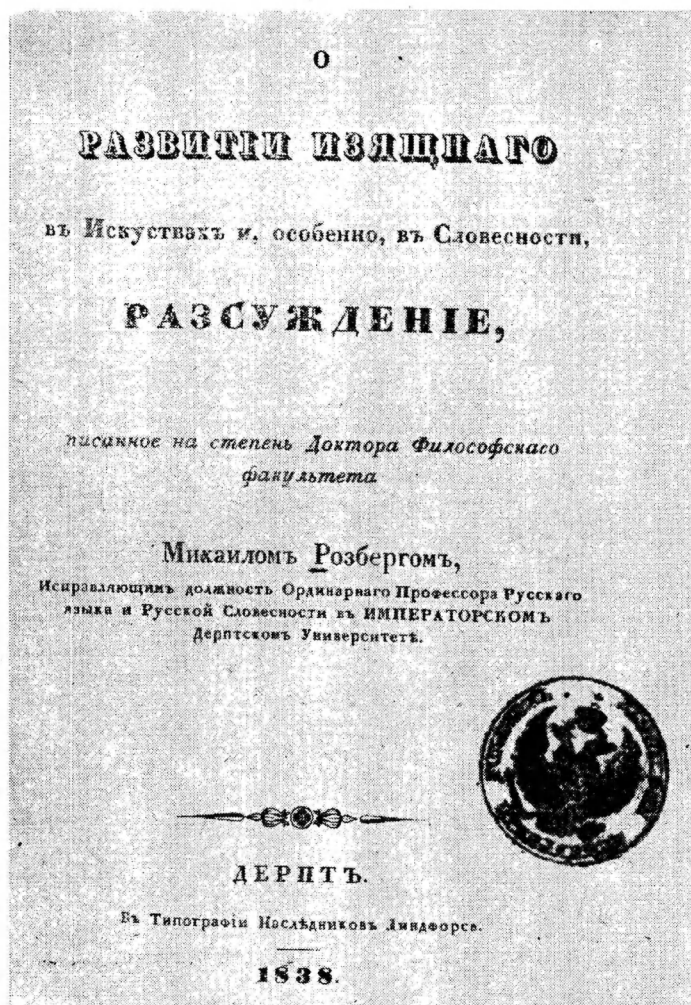
кабре 1830 г. он обратился с большим письмом к Пушкину, в котором весьма живо и остроумно описывал свои одесские впечатления и просил великого поэта принять участие в задуманном им альманахе «Южные цветы». Будучи избран профессором в

Титульный лист журнала А. С. Пушкина «Современник».

Тарту, Розберг намеревался и здесь издавать ежемесячный журнал на русском языке, программа которого, представленная им ректору для направления в министерство, сохранилась в Государственном Историческом Архиве ЭССР. Помимо художественной литературы, журнал этот должен был содержать популярно-научные и критические статьи. Однако эта первая попытка

издания русского литературного журнала в Прибалтике не увенчалась успехом, по всей вероятности, из-за сопротивления реакционных немецких кругов.

Титульный лист диссертации проф. М. П. Розберга.

Розберг занимал кафедру русского языка и литературы в Тартуском университете в течение более тридцати лет и прочитал за это время множество различных курсов, в основном по истории русской литературы. Здесь же в 1838 г. он защитил свою докторскую диссертацию «О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности», построенную на положениях гегелев-

ской эстетики. Это была, повидимому, первая диссертация на русском языке, допущенная к защите Советом Тартуского университета, однако от диссертанта потребовали, чтобы он изложил свои тезисы и на традиционном латинском языке. В 1849 г. Розберг был избран в академики, в 1855—1858 гг. он состоял деканом историко-филологического отделения философского факультета. По поручению министерства он неоднократно контролировал успехи преподавания русского языка в Прибалтике. В 1867 г. Розберг вышел на пенсию и умер в 1874 г. в Тарту.

По свидетельству современников проф. Розберг был разносторонне образованным человеком, хорошим знатоком русской литературы, тонким ценителем поэзии. Будучи страстным почитателем творчества и личности Пушкина, он с глубоким волнением рассказывал студенческой молодежи о своих встречах с гениальным поэтом. Летом 1856 г. Розберг побывал в Пушкинских местах Псковской губернии и, посетив владелицу Тригорского П. А. Осипову, получил от нее один из редких экземпляров посмертной маски Пушкина. Эта драгоценная реликвия была передана Розбергом Тартускому университету и хранится в его фундаментальной библиотеке.

В лице профессора Розберга кафедра приняла активное участие в дальнейшем поднятии авторитета русского языка и улучшении его преподавания в Тартуском университете. Как уже сказано выше, изучение русского языка и литературы в первые десятилетия существования университета не было обязательным для студентов. Не существовало и определенных учебных программ по этим предметам. Между тем вскоре же выяснилось, что студенты, оканчивающие курс без достаточного знания русского языка, в первую очередь медики, не могут рассчитывать на получение работы за пределами Остзейского края. Поэтому уже проф. Перевошиковым была сделана попытка выработать программу по русскому языку для студентов-медиков. Но программа эта, будучи формально утверждена Советом университета, фактически не выполнялась студентами, чему откровенно потворствовали реакционно настроенные профессора-немцы и стоявшие за их спиной остзейские дворяне, опасавшиеся влияния на молодежь передовой русской культуры. Ввиду этого отдельные мероприятия министерства народного просвещения, направленные к укреплению позиций русского языка в университете, оставались долгое время безрезультатными. Эта борьба за русский язык продолжалась и во время долголетнего профессорства Розберга, которым был составлен ряд программ по русскому языку и литературе.

Первый общий план преподавания русского языка в Тартуском университете, выработанный Розбергом, был введен в действие в 1845 г.; и когда, три года спустя, министерство обратило внимание на случаи слабой подготовки по русскому языку лиц, окончивших Тартуский университет, профессор Розберг в

представленной им докладной записке указывал, что после введения правил 1845 г. «положение дела значительно улучшилось». Он добавлял при этом, что «в особенности за последние 12 лет знакомство с русским языком в пределах Остзейских губерний значительно поднялось в разных слоях общества и что университет со своей стороны старается воспользоваться всеми находящимися в его распоряжении средствами, чтобы доставить студентам возможность основательно познакомиться с русским языком».¹

Наконец, в 1860 г. министерством было утверждено разработанное проф. Розбергом обширное «положение о преподавании русского языка и словесности» в Тартуском университете, где предусматривались как учебные программы, так и экзаменационные требования по русскому языку и литературе для студентов различных специальностей. Но и после этой точной регламентации планов преподавания и требований, предъявляемых к студентам по русскому языку и литературе, и несмотря на огромный рост интереса к русскому языку и культуре в широких кругах населения Прибалтики в эпоху революционно-демократического движения 60-х годов, балтийско-немецкое руководство университета еще продолжало упорно выступать против обязательности изучения русского языка студентами, что видно, напр. из доклада ректора Ф. Биддера попечителю учебного округа в 1863 г. Однако эти выступления, шедшие в разрез с историческим ходом событий, уже не могли помешать проникновению русского языка, а вместе с ним и демократической русской культуры в затхлую атмосферу Остзейского края с его пресловутым «особым порядком».

Главное внимание профессора Розберга было сосредоточено на преподавательской работе в университете, и немногие опубликованные им в Тарту труды не имеют научного значения. На протяжении двух десятилетий (1837—1858) его неустанным сотрудником в борьбе за улучшение преподавания русского языка был лектор Иван Яковлевич Павловский (1800—1869), автор ряда учебников по русскому языку и географии Российской империи, известный впоследствии своими обширными трудами в области лексикографии.

Розберг и Павловский были последними представителями «кафедры российского языка и словесности» в рамках университетских уставов 1803 и 1820 гг. С начала 1865 года был введен в действие новый университетский устав, согласно которому кафедра эта была преобразована в «кафедру русского языка в особенности и славянского языковедения вообще», а вместо упраздненной должности лектора была учреждена доцентура русского языка и литературы, причем на доцента было временно

¹ Е. В. Петухов, Кафедра русского языка и словесности..., стр. 16.

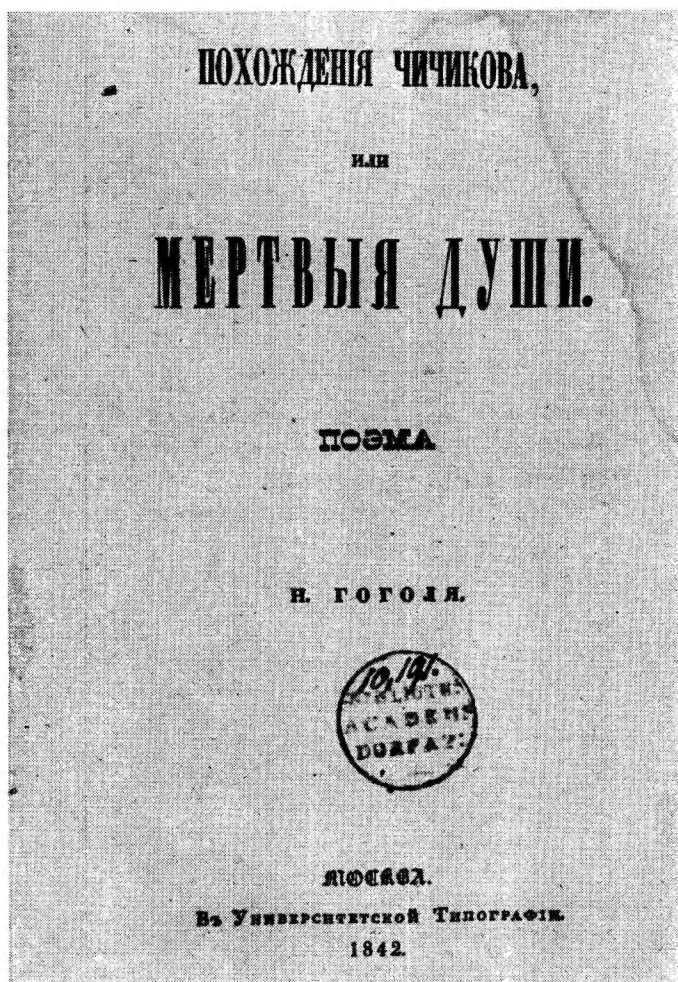
возложено и преподавание практического русского языка студентам.

Между тем, несмотря на изоляционную, антирусскую политику немецких кругов, обучение русскому языку постепенно занимает все более важное место в программах начальных и средних школ Прибалтики. Распространению знания русского языка в народных массах способствует и деятельность прогрессивной части эстонской и латышской интеллигенции, видевшей в демократической русской культуре мощное орудие борьбы с балтийско-немецким засилием. Одновременно глубокие изменения происходят в национальном составе тартуского студенчества. Если в первые десятилетия XIX века основная масса студентов состояла из немцев, то во второй половине века в университет вливается все больше представителей коренного прибалтийского населения и много молодежи из самых различных областей России. Русский язык становится мало-помалу естественным языком общения многонационального студенчества Тартуского университета. В этих условиях к началу девятых годов прошлого века потребность в лекторских курсах русского языка сама собой отпадает. В то же время неприемлемый для огромного большинства студентов немецкий язык преподавания заменяется русским на всех факультетах, кроме богословского, который остается последним оплотом реакционной немецкой профессуры.

Но вернемся к истории кафедры русского языка и литературы. В первый период существования Тартуского университета (1802—1865) ее деятельность сосредоточивалась главным образом на борьбе за положение русского языка в учебных планах, за повышение качества его преподавания. Наряду с этим, хотя и в крайне недостаточном количестве, кафедра готовила преподавателей русского языка. Что касается научной работы, то в этой области достижения кафедры были, как мы видели, весьма незначительны. После введения в действие устава 1865 г., по мере того как обучение практическому русскому языку в университете постепенно становится излишним, перед кафедрой встают две основных задачи: систематическая подготовка квалифицированных преподавателей русского языка для средних школ Прибалтики и научно-исследовательская работа в области русского языка и литературы, как и славяноведения вообще. В течение всего последующего периода, вплоть до Великой Октябрьской революции, кафедру возглавляют видные ученые специалисты, оставившие заметный след в истории русской филологической науки. Доцентами кафедры также был опубликован за этот период ряд научных работ.

Летом 1868 г. профессором «русского языка в особенности и славянского языковедения вообще» был назначен молодой талантливый филолог-славист Александр Александрович Котляревский (1837—1881). Украинец по происхождению, он окончил гимназию в Полтаве, а высшее филологическое образование

получил в Московском университете, где избрал специальностью историю русского языка и литературы и работал под руководством таких выдающихся русских ученых, как Ф. И. Буслаев и О. М. Бодянский. В бытность студентом и сразу же по окончании

Титульный лист первого издания «Мертвые души»
Н. В. Гоголя.

университета Котляревский опубликовал ряд оригинальных работ по русской народной поэзии и литературе, которые вошли затем в его сборник «Старина и народность» (1861). Уже в это время, отчасти под влиянием своего учителя Бодянского, он приступает к изучению исторических судеб славянства и разви-

тия его культуры. Работая преподавателем в Москве, он близко стоит к революционно-демократическим кругам, поддерживает связи с Н. Г. Чернышевским. В период правительственных репрессий, направленных против общественного движения 60-х годов, блестящая научная и педагогическая деятельность Котляревского в Москве была прервана его арестом по политическому «делу Кельсиева» и полугодовым заключением в Петропавловской крепости, тяжело отразившимся на здоровье молодого ученого. Здесь появились у него первые симптомы болезни (туберкулеза легких), ставшей впоследствии причиной его ранней смерти. В то же время ему была запрещена педагогическая деятельность. Только в 1868 г., когда Котляревский успешно защитил при Петербургском университете свою магистерскую диссертацию «О погребальных обычаях у языческих славян», ему было разрешено занять место профессора в Тартуском университете.

Помимо лекций по русскому языку и литературе, Котляревский читал в Тарту такие курсы, как «Энциклопедия славяноведения», «История славянских наречий», «Толкование Краледворской рукописи» и др., и положил начало научно-исследовательской работе по славянской филологии в Тартуском университете. Обладая, наряду с большой эрудицией, незаурядным педагогическим дарованием, он собрал здесь вокруг себя тесный кружок учеников, «с любовью занимавшихся этим новым и в стенах Дерптского университета доселе неслыханным предметом».¹

Во время своего профессорства в Тарту Котляревский продолжал исследовательскую работу в области славяноведения, публикуя ее результаты в различных научных изданиях и журналах. Он вступил в число членов «Ученого Эстонского общества», проявлял живой интерес к его работе, предлагал меры к большей активизации его деятельности и опубликовал в его «Трудах» ряд своих статей, из которых одна была посвящена эстонской мифологии (вопросу о языческом божестве Тарапита). К тартускому периоду относятся такие работы Котляревского, как «Славяне и Русь древнейших арабских писателей» (1868), «Опоздалые листки из истории языка и литературы» (1870), «К вопросу об обработке славянской мифологии» (1872) и др. Будучи учеником Буслаева, Котляревский не разделял однако крайних идеалистических взглядов русской «мифологической школы» и в своих многочисленных исследованиях стремился опираться на достоверные данные языкознания, истории и археологии.

Между тем развивавшаяся болезнь не раз вынуждала Котляревского прерывать работу в университете и уезжать в отпуск для лечения. Однако, несмотря на частые недомогания, он не оставлял научно-исследовательской работы. В апреле 1870 г. он

¹ Письмо А. А. Котляревского И. И. Срезневскому, 17. XI. 1868.

пишет из Тарту знаменитому ученому-слависту И. И. Срезневскому: «Тяжелую и неприветливую зиму пришлось перенести мне: с самой осени меня начало тревожить стеснение в груди, затем открылся удушливый кашель с кровохарканьем. . . В таком положении товарищи-доктора запретили мне выходить на лекции и я читал их у себя на дому. . . Болезнь отняла у меня много времени, но сложа руки я не сидел, а потихоньку обрабатывал «Древности балтийских славян». ¹ В ближайшем будущем он собирается начать в Тарту печатание своей докторской диссертации.

В то же время Котляревский принимает деятельное участие в общеуниверситетских делах, отстаивая интересы демократической русской культуры. Есть основания полагать, что именно по его инициативе в Тартуском университете выдвигается новая русская кандидатура — по кафедре русской истории, оставшейся вакантной после удаления из университета зарвавшегося немца-шовиниста Ширрена, который «пользовался преподаваемой им наукою как средством унижать в глазах своих слушателей Россию, вселять в них ненависть к ней и убеждение в том, что Прибалтийский край есть особое от России государство». ² По почину Котляревского на должность профессора русской истории был предложен кандидатом известный впоследствии историк В. О. Ключевский. (Назначение это впрочем не состоялось, так как перед Ключевским открылись вскоре другие возможности). Между тем последствия изменнической антирусской пропаганды профессора Ширрена и его пособников продолжают сказываться в настроениях университетских кругов, и отношения Котляревского с немецкой профессурой ухудшаются. Франко-прусская война 1870—1871 гг., вызвавшая подъем воинствующего шовинизма и среди прибалтийских немцев, еще более обостряет эти отношения. «Все товарищи ударились в политику, — пишет Котляревский тому же Срезневскому в декабре 1870 г., — и встречая с моей стороны полную холодность к прусским торжествам, далеко отошли от меня, а иные — даже далее, чем следует умным и образованным людям. . .» На него смотрят, пишет он, «как на человека больного, тронувшегося и лишённого способности наслаждаться высшей благодатью, т. е. прусскою бойней». ³

Наконец, осенью 1872 г. Котляревский уехал в заграничную командировку с научной целью, в Чехию и другие славянские земли, и уже не вернулся в Тарту, будучи вынужден из-за расстроенного здоровья на время оставить педагогическую деятельность.

¹ А. Н. Пыпин, Очерк биографии проф. А. А. Котляревского. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. 50, стр. 93.

² Отчет сенатора Н. А. Манасеина о произведенной им ревизии в Лифляндской и Курляндской губерниях. Рига, 1949, стр. 202.

³ А. Н. Пыпин, Очерк биографии. . . , стр. 98.

Причисленный к министерству народного просвещения, Котляревский живет за границей, главным образом в Праге, где продолжает работать над своей докторской диссертацией, тема которой определилась уже в Тарту. Результатом этой работы были два больших исследования: «Древности юридического быта балтийских славян» и «Книга о древностях и истории поморских славян в XII веке», напечатанные в Праге. Оба эти труда посвящены истории культуры злополучных славянских племен, ставших жертвой германской колонизации и экспансии на восток. ¹

В 1874 г. Котляревский приехал в Россию и представил первое из названных исследований в Петербургский университет в качестве докторской диссертации. Ее защита состоялась осенью того же года, и Котляревскому была присвоена ученая степень доктора славянской филологии, после чего он получил от министерства новую заграничную командировку и вернулся в Прагу. Здесь «его ученая известность, живой, общительный характер, остроумная беседа, гостеприимная семья привлекали к нему и местных ученых и заезжих русских славистов». ¹ О пражском периоде жизни Котляревского, о его неустанной исследовательской работе, о собранной им замечательной библиотеке по славяноведению, о русском научном кружке, который он здесь возглавлял, сохранился ряд интересных воспоминаний проф. А. А. Кочубинского и др.

Уже во время пребывания Котляревского в Тарту, когда обнаружилось неблагоприятное влияние местного климата на его здоровье, были начаты переговоры о его переводе на работу в Киевский университет. Для этого требовалось снятие служебных ограничений, наложенных на него после заключения в крепости. Однако, шаги, предпринятые им самим и его друзьями в этом направлении, долгое время оставались без последствий. Ограничения были сняты лишь в 1874 г., после чего он был назначен профессором славянской филологии в Киевском университете. Возвращаясь из Праги в Россию, Котляревский предполагал еще раз посетить Тарту, чтобы закончить здесь свои дела, в том числе пересылку оставленных в Тарту книг, однако из-за нового приступа болезни не смог осуществить этого намерения. Пробыв некоторое время в Москве, он поселился осенью 1875 г. в Киеве, где и прошли последние годы его плодотворной научной и педагогической деятельности. В Киевском университете Котляревский явился также первым авторитетным представителем общего славяноведения, наладившим и здесь научно-исследовательскую работу в этой области. Не ограничиваясь профессорской деятельностью, он много работал в киевском «Обществе Нестора летописца», где состоял председателем и прочел ряд докладов по различным вопросам славянской культуры и быта. В 1879—1880 гг. он опубликовал первую часть своей обширной работы по истории русской филологической

¹ А. Н. Пыпин, Очерк биографии проф. А. А. Котляревского, стр. 109.

науки: «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения». Преждевременная смерть помешала Котляревскому довести до конца этот энциклопедический труд, задуманный им как полный критический обзор всех имевшихся тогда исследований по древне-русской литературе.

Узнав в далеком Вилуйске о смерти Котляревского, Н. Г. Чернышевский писал своей жене: «... Котляревский, подобно Пекарскому рано умерший и унесший с собой в могилу еще более жгу-

Профессор А. А. Котляревский.

чую силу ума и учености... — этот дерптский и впоследствии киевский профессор, о кончине которого скорбела не русская только, но и европейская ученая публика...¹

Общее число научных работ, статей и заметок, опубликованных Котляревским, достигает 120. Собрание его сочинений было издано в 1889—1895 гг. Отделением русского языка и словесности Академии Наук, с приложением биографии автора, написанной А. Н. Пыпиным.

А. А. Котляревский был филологом-славистом в самом широком значении слова: ему были близки вопросы изучения языка и

¹ Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. XV, стр. 389.

литературы, истории и археологии, фольклора и этнографии, всей славянской культуры вообще. Но, как это видно в особенности из его последних трудов, дороже всего ему были судьбы отечественной науки, его основное внимание было обращено на разработку вопросов русской филологии и ее истории. Общественные и научные взгляды Котляревского складывались в условиях революционной ситуации 60-х годов, когда, после мрачных лет николаевской реакции, новый подъем освободительного движения сопровождался мощным ростом передовой русской науки. В области гуманитарных наук это сказалось в небывалом оживлении интереса к прошлому русского народа, к истории его языка и письменности, его духовной и материальной культуры, тесно связанной с культурой всего славянства: Русская филологическая наука, знаменитыми основоположниками которой были Ломоносов и Востоков, переживала новую пору расцвета в научных трудах и педагогической деятельности О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского и других выдающихся ученых, как и их многочисленных учеников. Великие революционные демократы Чернышевский и Добролюбов (в годы студенчества оба ученики Срезневского), как известно, также уделяли большое внимание вопросам русской филологии и во многом содействовали ее подлинному развитию на демократических основах.

Выходец из прогрессивных слоев украинской интеллигенции, А. А. Котляревский был одним из даровитейших представителей молодого поколения филологов-шестидесятников, этой второй смены славной русской школы славяноведения. Получив прекрасную подготовку в Московском университете, он приступил к самостоятельной научной и педагогической работе с самыми широкими планами на будущее. Но его жизненный путь сложился, как мы видели, таким образом, что «его собственная деятельность не успела произвести того, к чему клонились его стремления: рано надорванный тяжелым недугом, он мог вести свою работу только урывками, тем более что его научные интересы были очень разнообразны, простираясь от первобытной археологии до новейших явлений литературы».¹ Все же научное наследие А. А. Котляревского достаточно велико и благодаря обилию сосредоточенного в нем фактического материала представляет значительный интерес и в наше время. А профессорская деятельность этого ученого в стенах Тартуского университета является одной из светлых страниц в истории кафедры русского языка и литературы.

Сотрудником А. А. Котляревского по кафедре был назначенный в 1871 г. и. д. доцента русского языка и литературы Владимир Алексеевич Яковлев (1840—1896), читавший в течение двух лет курсы по истории русской литературы и устной народной поэзии и руководивший «практическими упражнениями» студентов в русском языке. Уже в 1873 г. Яковлев покинул Тарту, и его даль-

¹ А. Н. Пыпин, Очерк биографии проф. А. А. Котляревского, стр. 143.

нейшая научная и преподавательская деятельность протекала сначала в Варшавском, затем в Одесском университете, где он защитил и свою докторскую диссертацию «К литературной истории древне-русских сборников. Опыт исследования Измарагда» (1893).

Преемником А. А. Котляревского был Павел Александрович Висковатов (1842—1905), назначенный (после ухода Яковлева) и. д. доцента русского языка и литературы, а затем с 1874 г. и. д. профессора кафедры русского языка и славянского языковедения. Получив среднее образование в одной из петербургских гимназий, он поступил в 1860 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1862 г., в связи с временным закрытием последнего из-за студенческих волнений, Висковатов отправился за границу и слушал лекции в ряде германских университетов. В Лейпциге он защитил диссертацию по истории гуманизма в Германии и получил степень доктора философии. Вернувшись в Россию, Висковатов служил некоторое время чиновником особых поручений при генерал-фельдмаршале кн. Барятинском и читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента. Причисленный затем к министерству народного просвещения, он был командирован в 1871 г. с научной целью за границу, где пробыл два года. Вскоре после возвращения Висковатова из этой командировки и последовало его назначение в Тарту.

Висковатов закончил свое высшее образование в Германии и не имел русской ученой степени, обладание которой требовалось законом для утверждения в должности доцента и тем более профессора. Поэтому его «личное дело», хранящееся в Государственном Историческом Архиве ЭССР, изобилует официальной перепиской по вопросу о его назначении «исправляющим должность» доцента, а затем «экстраординарного» и наконец «ординарного» профессора, с обязательством приобрести степень в одном из русских университетов. Между тем Висковатов уже вскоре сумел зарекомендовать себя в Тарту как весьма способный педагог и научный работник. Благодаря активной поддержке университетского Совета, а также благодаря связям самого Висковатова в Петербурге, он был, в конце концов, утвержден в должности ординарного профессора (1885), так и не защитив диссертации в России. За двадцать с лишком лет профессорской деятельности он прочел в Тарту большое количество курсов по истории древней и новой русской литературы, по славянским литературам (сербской и болгарской), по русскому и старославянскому языку и т. д. С 1879 г. им читались т. н. «общие» курсы (для студентов всех факультетов) и «специальные» (для филологов). В число первых входили главным образом курсы по истории новой русской литературы, начиная с Кантемира, а ко вторым относились такие курсы, как «Русский народный эпос», «Слово о полку Игореве», «История русской литературы с XIV в.», «Славянские древности» и др.

Наряду с педагогической и научной работой, Висковатов принимал живое участие и в общественной деятельности. Так, в 1876 г., будучи командирован с научной целью на Балканы, он состоял главным уполномоченным Московского Славянского комитета в Сербии, а во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. находился на театре военных действий в качестве уполномоченного Общества Красного Креста. В 1880 г. он представлял Тартуский университет на торжественном открытии памятника Пушкину в Москве, а в 1883 г. — на похоронах Тургенева в Петербурге.

В последние годы своей деятельности в Тарту Висковатов заинтересовался археологией Прибалтики и руководил раскопками близ Пюхтицкого монастыря. Сообщая историко-филологическому факультету о сделанных им интересных находках, он указывает, что вынужден был прекратить работы ввиду распространившихся в окрестностях слухов о том, что он «раскапывает холеру». Статья о результатах раскопок древнего Пюхтицкого кладбища была помещена Висковатовым в сообщениях «Ученого Эстонского Общества» и затем издана отдельно (1893). К тому же периоду относится его доклад «Юрьев (Дерпт) и его историческое прошлое», напечатанный в 1894 г. Рассказывая об основании города Тарту и раннем периоде его существования, автор воскрешает героический образ князя Вячко и говорит об исконных дружественных связях эстонского и русского народа, об их успешной общей борьбе с немецкими захватчиками. Неудивительно, что эстонскими буржуазными националистами эта его работа была объявлена «тенденциозной и лишенной исторического значения».

Висковатов был хорошо осведомлен в происходившей тогда в Прибалтике общественно-политической борьбе и общался с демократическими кругами эстонской интеллигенции. В 1882 г. им было написано прочувствованное стихотворение на смерть К. Р. Якобсона, выдающегося общественного деятеля, возглавлявшего прогрессивное крыло эстонской интеллигенции в период буржуазного «национального движения». Стихотворение это было напечатано в виде приложения к брошюре Я. Йохансона-Пярна, посвященной деятельности К. Р. Якобсона. Перу Висковатова принадлежит повидимому и русский некролог известного эстонского поэта, создателя эпоса «Калевипоэг», Ф. Р. Крейцвальда, напечатанный без подписи в журнале «Исторический вестник» за 1882 год.

Выйдя на пенсию в 1895 г., Висковатов поселился в Петербурге, где был директором частной гимназии Видемана и занимался литературной работой.

Висковатовым было опубликовано значительное число научно-литературных статей разнообразного содержания. Используя материалы, хранившиеся в Тарту у старого друга поэта Жуковского — К. К. Зейдлица, он написал ряд небольших работ об

авторе «Светланы». Ему принадлежат статьи о Яне Жижке, о «Фаусте» Гёте, об эпохе гуманизма и др. Для немецкой энциклопедии Мейера им был составлен «Сжатый обзор истории новой русской литературы с библиографическими примечаниями», вышедший в 1892 г. отдельной книжкой на русском языке в качестве учебного пособия для тартуского студенчества. Интересно отметить, что помимо библиографических данных по каждому писателю в этом справочнике указаны соответственные отделы и номера каталога фундаментальной библиотеки университета. Говоря о назревшей потребности в такого рода обзоре для иностранных читателей, Висковатов указывает, что за короткое сравнительно время Россия успела создать замечательную художественную литературу, «высокую не только с точки зрения содержания и руководящих идей, но высокую и со стороны изящного — прекрасную в эстетическом отношении». «И уже наступило время, — продолжает он, — когда запад преклонился перед нашей литературой; даже в переводах, часто не вполне точных, она завоевала себе удивление западной критики и читающего общества».¹ Правильно подчеркивая не только национальное, но и мировое значение русской литературы, автор обзора дает в то же время целый ряд крайне односторонних и в научном отношении совершенно неприемлемых характеристик отдельных писателей. При этом особенно бросается в глаза полное непонимание им огромного значения деятельности революционных демократов.

В русском литературоведении П. А. Висковатов приобрел известность своими тщательными разысканиями в области жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. В 1891 г., когда в связи с пятидесятилетием со дня смерти великого поэта было издано несколько собраний его сочинений, одно из них, в шести томах, вышло в Москве под редакцией Висковатова. Весь шестой том этого собрания занят весьма обстоятельной биографией поэта, написанной редактором издания в результате долголетнего собирания материалов и представлявшей собой ценный фактический комментарий к произведениям Лермонтова. Висковатов неоднократно покидал Тарту для посещения мест, связанных с биографией поэта (с. Тарханы, Кавказ и др.), как и для работы в Лермонтовском музее в Петербурге; он разыскал и опросил людей, знавших Лермонтова лично, изучил множество его рукописей, обнаружил и опубликовал несколько неизвестных его произведений, как и ряд новых редакций, в том числе «Демона». Подготовленное таким образом издание явилось для своего времени наиболее полным собранием сочинений Лермонтова. Что касается принадлежащей Висковатову обширной биографии поэта, то она содержала в себе целый ряд неизвестных до того времени фактических данных и в этом отношении легла в основу позд-

¹ П. А. Висковатов, Сжатый обзор новой русской литературы. Дерпт, 1892.

нейших исследований. В числе других фактов биографии Лермонтова Висковатову удалось собрать немало сведений об обстоятельствах последней дуэли и смерти поэта, и он один из первых высказал убеждение в том, что Лермонтов пал жертвой политической интриги, нити которой тянулись к «влиятельным сферам» Петербурга. Это активное участие темных сил реакции в убийстве Лермонтова теперь полностью доказано советскими литературоведами. Однако, наряду с отдельными правильными положениями, и этот труд Висковатова содержит много документально не обоснованных, субъективных оценок и даже своего рода «лирических отступлений», совершенно неуместных в научной работе. «В книге Висковатова, — писал редактор академического издания сочинений Лермонтова, проф. Д. И. Абрамович, — много спорного и лишнего, мало критицизма и историко-литературной оценки творчества Лермонтова, но по богатству и ценности биографического материала, собранного с большой любовью к поэту и самоотвержением, труд этот никогда не потеряет своего интереса и своего значения».¹

Одновременно с Висковатовым в Тарту работал в 1877—1878 гг. и. д. доцента русского языка и литературы Мстислав Викторович П р а х о в (род. в 1840 г.), читавший курсы главным образом по древне-русской литературе. В этой области он обладал большой эрудицией: известно, что поэт А. Н. Майков пользовался его советами, работая над переводом Слова о полку Игореве. После ухода Прахова доцентура русского языка и литературы оставалась в течение двух лет незамещенной, и обязанности по этой должности исполнял приват-доцент Аркадий Александрович Соколов (род. в 1848 г.), сам воспитанник Тартуского университета, курс которого он окончил по историко-филологическому факультету при А. А. Котляревском (в 1870 г.), после чего работал преподавателем в Митаве, а в 1876 г. был командирован с научной целью на два года в Прагу, Загреб и Вену. По возвращении из-за границы он состоял приват-доцентом Киевского университета, а в 1879 г. перешел на службу в Тартуский университет, где читал курсы по русскому языку и литературе, а также по славянской филологии. Ученик А. А. Котляревского, Соколов занимался по преимуществу вопросами общего славяноведения. Им были опубликованы научные труды: «Зарождение литературы у словинцев. Примус Трубер» (1878), «О современном состоянии языка и литературы у словаков» (1879) и др. Соколов продолжал работать в Тартуском университете до 1883 г., хотя уже в 1880 г. на должность доцента русского языка был назначен Леонгард Карлович М а з и н г (1845—1936), который, как и Соколов, окончил курс Тартуского университета, где после продолжения образования за границей выдержал в 1879 г. экзамен на сте-

¹ Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. Издание Разряда изящной словесности Академии Наук, 1913, т. 5, стр. 163.

пень кандидата русского языка и славянского языковедения. В 1886 г. он защитил в Тарту магистерскую диссертацию, а в 1890 г. — докторскую диссертацию на тему о диалектах македонских славян. В должности доцента он состоял до 1902 г., когда был избран профессором славянской филологии и оставался в этой должности до своего выхода на пенсию в мае 1917 года.

Как уже было сказано выше, к восьмидесятым-девяностым годам прошлого века преподавание русского языка в средних школах Прибалтики достигает значительных успехов, вследствие чего доценты кафедры мало-помалу освобождаются от необходимости вести лекторские занятия по этому предмету и уделяют главное внимание научным курсам из области русской и общеславянской филологии. Так, Л. К. Мазинг, в свою бытность доцентом русского языка и литературы, читал курсы и вел практические занятия по старославянскому языку, по истории русского языка, по южно-славянским наречиям и т. д. Уже к концу деятельности в Тарту П. А. Висковатова в университете осуществился и общий переход на русский язык преподавания, что сопровождалось назначением целого ряда русских по национальности профессоров по различным специальностям и быстрым падением влияния немецкой профессуры на жизнь университета.

Последним профессором русского языка и литературы в Тартуском университете дооктябрьского периода был Евгений Вячеславович Петухов (1863—1948), назначенный на эту должность в 1895 г. Петухов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где его учителями были М. И. Сухомлинов, О. Ф. Миллер и другие крупные русские ученые. Уже в студенческие годы научные интересы Петухова сосредоточились на истории древней русской письменности, а также на вопросах общего славяноведения, видным представителем которого в Петербургском университете того времени был В. И. Ламанский. По окончании курса Петухов был оставлен при университете для подготовки к соисканию ученой степени. В дальнейшем он читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента, а после защиты магистерской диссертации о Серапионе Владимирском (1888) получил назначение профессором в Нежинский историко-филологический институт, где работал до 1895 г. Защитив в этом году докторскую диссертацию по древней русской письменности на тему «Очерки из литературной истории синодика», он был назначен профессором Тартуского университета.

Педагогическая и административная деятельность Петухова в Тарту продолжалась более двух десятилетий. Хотя занимаемая им кафедра попрежнему называлась «кафедрой русского языка в особенности и славянского языковедения вообще», Петухов читал в основном курсы по истории русской литературы разных периодов, тогда как преподавание лингвистических дисциплин

русско-славянской филологии лежало на доценте (впоследствии профессоре) Л. К. Мазинге. В 1916 г. Петухов был избран членом-корреспондентом Академии Наук, а в 1918 г. получил звание заслуженного профессора. Помимо работы в университете, где он долгое время был деканом историко-филологического факультета, Петухов состоял директором Тартуских высших женских курсов, руководил курсами по подготовке преподавателей средней школы и, подобно своим предшественникам по кафедре, выполнял поручения по наблюдению за постановкой преподавания русского языка в школах Прибалтики.

Профессор Петухов пережил в Тарту революцию 1905—1907 гг., сопровождавшуюся, как известно, и здесь студенческими волнениями, и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Установление советского строя в России должно было повести к коренным изменениям и в жизни Тартуского университета. Однако в ходе первой мировой войны, в результате предательства Троцкого на переговорах в Брест-Литовске, территория Эстонии уже в феврале 1918 г. была оккупирована немецкими войсками, университет в Тарту закрыт, а его аудитории использованы для гастролей немецких «ученых», приступивших к безудержной пропаганде германского империализма. Когда преподавательскому составу университета открылась возможность эвакуироваться в Воронеж, вместе с другими русскими профессорами покинул Тарту и Петухов. Его дальнейшая научно-преподавательская деятельность протекала в Советском Союзе, в Крымском педагогическом институте, где он в течение многих лет занимал кафедру истории русской литературы.

За долгие годы служения делу высшего образования Е. В. Петухов выдвинул ряд учеников, ставших в свою очередь преподавателями высших школ и видными научными работниками. К их числу принадлежит известнейший советский литературовед, член-корреспондент Академии Наук СССР, Н. К. Пиксанов, окончивший в 1902 г. историко-филологический факультет Тартуского университета и написавший здесь в качестве конкурсного сочинения свое первое исследование о Грибоедове, жизни и творчестве которого он посвятил впоследствии ряд известных работ. Многочисленные кадры преподавателей русского языка и литературы в средних школах разного типа также прошли научную и педагогическую подготовку у Е. В. Петухова в Нежине, Тарту и Симферополе.

Весьма обширна и научная продукция Петухова. Помимо вышеназванных диссертаций на темы древнерусской письменности, им были опубликованы исследования и статьи по разным вопросам новой русской литературы. Подобно Висковатову, он изучал в Тарту жизнь и творчество В. А. Жуковского; под его редакцией были изданы богатые материалы т. н. Языковского архива, в частности относящиеся ко времени пребывания Н. М. Языкова в

Тартуском университете (1822—1829). Ему принадлежат работы: «Об отношениях Николая I и Пушкина» (1897), «Жуковский в Дерпте» (1897), «Два года из жизни Пушкина» (1899), «Федоров-Омулевский, очерк его жизни и литературной деятельности» (1900), «Памяти Гоголя и Жуковского» (1903), «Тютчев, жизнь и творчество» (1906), «Лермонтов, его жизнь и деятельность» (1914) и др.

Из лекций, читанных Петуховым в Тартуском университете и охватывавших различные периоды истории русской словесности, постепенно вырос его обширный труд обобщающего характера: «Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода». Первый том этого труда, посвященный истории русской литературы от ее истоков до первой трети XVIII в. включительно, был широко распространен в качестве университетского учебника в годы, предшествовавшие Великой Октябрьской революции. Он выдержал несколько изданий, из которых первое (1910) было премировано Академией Наук. Во «вводных заметках» к этому труду, занявшему видное место среди общих обзоров истории русской литературы, вышедших в дооктябрьский период, автор указывает, что пользовался в своем изложении «историческим методом», который он понимает «не только в элементарном смысле исторического порядка, но и в установлении связи одних литературных явлений с другими, в объяснении литературы фактами и запросами русской жизни и общим ходом того литературно-исторического процесса, который сближал русскую литературу с литературной жизнью других народностей». В книге собрано много фактического материала, даны подробные библиографические указания, однако автор не был в состоянии ни показать подлинную связь «одних литературных явлений с другими», ни объяснить литературу «фактами и запросами русской жизни», так как ему в это время еще чужда мысль о социальной обусловленности литературного процесса.

Живой интерес Петухова к славянскому миру сказался в таких его исследованиях, как «Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве» (1893), «Из бумаг Шафарика и Ганки. К истории русско-чешских ученых и литературных отношений» (1896), «Лужицкие сербы» (1897) и др.

Наконец ряд работ Петухова посвящен истории науки и высшего образования в России. Так, в Нежине им была написана история хорошо известной по биографии Гоголя «гимназии высших наук кн. Безбородко» (1895), а в Тарту — капитальный, двухтомный труд по истории Тартуского университета за первые 100 лет его существования (1902—1906), «Материалы для биографии М. И. Сухомлинова» (1914) и др.

С отъездом из Тарту профессора Е. В. Петухова история кафедр русского языка и литературы, просуществовавшей под

различными названиями от основания университета до Великой Октябрьской революции, фактически прерывается больше, чем на два десятилетия, т. е. вплоть до восстановления советской власти в Эстонии в 1940 г.

Упадок Тартуского университета в период буржуазной Эстонии, явно антинародный, реакционный характер его деятельности особенно ярко сказался на отношении к русскому языку, на том положении, которое ему было отведено в университете. В этот период русский язык официально трактовался не только как «иностранный», что было подчеркнуто уже в 1919 г. восстановлением лектуры этого языка, не существовавшей с 1865 г., но и как язык низшей категории. В силу общей ориентации буржуазного правительства на капиталистический Запад, в силу его постоянного страха перед разрушительным влиянием передовой русской, и тем более советской культуры на самые устои буржуазного общества, — изучение русского языка и литературы как специальности признавалось нежелательным и в университете вообще не допускалось. Этим предметам отводилось лишь самое незначительное место, где-то «на задворках» славянской филологии, тогда как главное внимание уделялось языкам и литературам других славянских стран, с буржуазными правительствами которых поддерживались тесные связи. В период же фашистской диктатуры 1930-х годов даже «славянская филология», как особая специальность, была упразднена, как это видно напр. из программ философского факультета за 1939 г., и стала каким-то привеском «индоевропейского языковедения». О явно враждебном, дискриминационном отношении к русскому языку свидетельствует и тот факт, что в тех же программах философского факультета в перечислении «новых языков», которые рекомендовалось изучать студентам (английский, немецкий, финский и др.), русский язык вообще не упоминался. Что же касается учебных пособий, которые указывались в этих программах для желающих изучать «славянскую филологию» (а в ее рамках русский язык и литературу), то и здесь на первом месте стояли имена западноевропейских и финских авторов, а с историей русской литературы составители программ рекомендовали ознакомиться в первую очередь по немецкому учебнику. Сохранение минимального цикла предметов по русскому языку и литературе в рамках «славянской филологии», как и существование русской лектуры в течение буржуазного периода, хотя это и противоречило политическим установкам правящей верхушки, объяснялось главным образом наличием значительного русского меньшинства в пределах республики и нескольких средних школ с русским языком обучения, которые нуждались в преподавателях русского языка и литературы. Однако, из-за условий пресловутой «предметной» системы преподавания, студенты, избравшие своей специальностью «славянскую филологию», должны были параллельно изучать в оп-

ределенном объеме еще две-три специальности, и это было также одной из причин их крайне слабой подготовки в качестве будущих преподавателей русского языка. Только немногие из них по собственной инициативе смогли расширить свой научный и идейно-политический горизонт, ознакомившись с достижениями советской литературы, советского языкознания и литературоведения, поскольку книги советских авторов, несмотря на запретительные меры правительства, все же проникали в Эстонию и изучались не только индивидуально, но и в кружках передовой молодежи.

Ввиду создавшихся условий, в Тартуском университете буржуазного периода, несмотря на крайне сниженные требования в этой области, не было написано ни одной магистерской работы по русской филологии. Что касается уровня требований, предъявлявшихся к докторским диссертациям по той же специальности, то об этом достаточно красноречиво говорит следующий эпизод.

Когда в 1928 г. белоэмигрант С. Штейн, подвизавшийся в Тартуском университете в качестве «приват-доцента», наскоро состряпал диссертацию, в которой пытался «доказать» сильнейшее влияние немецкого романтика Э. Т. Гофмана на великого русского поэта Пушкина, бывшего якобы убежденным «мистиком», то диссертация эта была допущена к защите и даже напечатана в «Ученых записках» университета. Только благодаря вмешательству прогрессивного датского ученого проф. А. И. Стендера-Петерсена¹ (занимавшего тогда временно кафедру славянской филологии), который выявил абсурдность положений диссертанта и уличил его в ряде плагиатов, докторская степень ему не была присвоена. Впрочем Штейну было предложено переработать свой «труд» и вторично представить к защите, однако диссертант, за которым числились и уголовные дела, предпочел тогда же скрыться из Эстонии.

Таковы были в общих чертах условия, в которых прозябала славяно-русская филология в Тартуском университете буржуазной республики.

Только в 1940 году, когда, после принятия Эстонии в братскую семью республик Советского Союза, началась перестройка учебной и научной работы в Тартуском университете на советских основах, великий русский язык, язык самой передовой в мире социалистической культуры, язык общения народов, победоносно строящих коммунизм, занял достойное его место в учебно-воспитательной работе университета. Открылся новый, высший этап истории русской филологии в Тартуском университете.

¹ Впоследствии один из деятельнейших членов Датско-Советского общества, посетивший в 1946 г. Советский Союз по приглашению ВОКС'а.

Заново основанная кафедра русского языка, самая многочисленная по своему составу, осуществляет в настоящее время преподавание русского языка на всех факультетах, углубляя знания, даваемые средней школой, и ведя неустанную борьбу за повышение идейного и методического уровня своей работы. За последние 5 лет число учебных групп, изучающих русский язык, возросло с 97 до 197. В результате деятельности кафедры перед эстонским студенчеством с каждым годом открываются все более широкие возможности непосредственного приобщения к богатствам передовой русской и советской культуры, возможности братского общения с другими народами великой Страны Советов.

В то же время на кафедры русского языка и литературы возложена ответственная работа по подготовке кадров советских педагогов — преподавателей русского языка в средних школах Эстонской ССР. Если в 1945/46 учебном году число студентов, избравших своей специальностью русский язык и литературу, составляло лишь 7 человек, то к 1953/54 учебному году оно достигло 190, что повело к увеличению и штатного состава кафедр. С самого начала здесь был осуществлен переход на курсовую систему преподавания, и вместо куцых, антинаучных «программ» буржуазного периода введен в действие обширный учебный план специальности, утвержденный Министерством Высшего Образования СССР. Уже в 1946 г. была организована материальная база учебной и научной работы — Кабинет русского языка и литературы, библиотека которого пополняется новейшей научной и художественной литературой и периодическими изданиями. Коллективом преподавателей был выпущен целый ряд учебников русского языка для вузов и средних школ Эстонской ССР.

Под руководством кафедр русского языка и литературы успешно работают научные студенческие кружки. Один из них — лингвистический — занят главным образом вопросами преподавания русского языка в эстонских школах в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Интересы литературоведческого кружка сосредоточены на изучении современной советской литературы. Члены кружков принимают деятельное участие в работе Научного студенческого общества при университете. Так, на студенческой конференции 1951 г., посвященной борьбе за мир, и на конференциях 1952—1954 гг. они выступили с рядом содержательных докладов, вызвавших оживленные дискуссии.¹

В основу педагогической и научно-исследовательской работы кафедр русского языка и литературы положены животворные начала марксистско-ленинской теории, полное овладение которой является главной задачей преподавательского состава. В то же время работники кафедр чтят славные традиции передовой

¹ Так же активно участвовали кружки и на научных конференциях в 1953 и 1954 гг.

русской науки, носителем которых издавна был Тартуский университет.

Еще на заре его 150-летней истории молодой ученый-патриот А. С. Кайсаров высказал замечательную мысль о всенародности русского языка, являющегося как бы мощным рычагом общего национально-культурного подъема в нашей стране. Но для каждого рычага нужна точка опоры, и эту незабываемую точку опоры дала лишь более чем сто лет спустя Октябрьская революция с ее великой идеей сталинской дружбы и мира между народами, превратив тем самым в действительность мечты лучших людей прошлого.

VENE FILOLOOGIA TARTU ÜLIKOOLIS

Dots. B. Pravdin

Vene kirjanduse kateeder

Resümee

Kirjanduslike allikate ja ENSV Riikliku Ajaloo Keskarhiivi avaldamata materjalide põhjal käsitleb autor vene keele ja kirjanduse õpetamise ajalugu, ühtlasi ka vene filoloogia küsimuste teaduslikku läbitöötamist Tartu ülikoolis 150 a. jooksul.

Vaadeldes professorite ja lektorite (õpetajate) tegevust vene keele ja kirjanduse kateedris ülikooli kahe esimese põhikirja kehtivuse ajajärgul a. 1803—1865 (G. A. Glinka, A. S. Kaissarov, A. F. Vojeikov, V. M. Perevoštšikov, A. V. Tihvinski, M. P. Rosberg, I. J. Pavlovski) jälgib autor kateedri võitluse käiku vene keele asendi eest ülikooli õppesüsteemis ja vene keele õpetamise taseme tõstmise eest, peatudes ühtlasi kateedri esindajate osatähtsusel Tartu ülikooli ajalooliste sidemete arendamisel ja tugevdamisel vene teaduse ja avalikkusega. Sellega ühenduses antakse lühike iseloomustus professorite tööd, mis samal ajajärgul trükkis ilmusid.

1865. a. kinnitatud põhikirja kehtivuse ajajärgul, millal praktilise vene keele õpetamise vajadus järk-järgult ülikoolis kaob ja keele lektori koht asendatakse dotsentuuriga, keskendub kateedri tegevus ühelt poolt vene keele õpetajate ettevalmistamisele Baltimaade koolide jaoks ja teiselt poolt teaduslikule uurimistööle vene ja slaavi filoloogia alal. Sel ajajärgul juhivad kateedrit õpetatud eriteadlased, kes on jätnud vene teaduse ajalukku märgatavaid jälgi.

Artikli vastavas osas valgustab autor üksikasjalisemalt prof. A. A. Kotljarevski teaduslikku ja pedagoogilist tegevust (1868—1873). A. A. Kotljarevski kuulus 60-ndate aastate välja-paistvate õpetlaste-demokraatide hulka ajal, millal vene filoloogia, mille kuulsusriikasteks põhjendajateks olid Lomonossov ja Vostokov, elas üle uut õitsengujärku. N. G. Tšernõševski andis A. A. Kotljarevski teaduslikele töödele kõrge hinnangu.

Edasi vaadeldakse A. A. Kotljarevski järglaste professorite P. A. Viskovatovi (1873—1895) ja J. V. Petuhhovi (1895—1918) teaduslikku, pedagoogilist ja ühiskondlikku tegevust; nende teadlaste mõned tööd, võttes arvesse kogutud faktilist materjali, ei ole kaotanud tähtsust kuni tänaseni. Artikkel näitab, et pärast J. V. Petuhhovi lahkumist Tartust (seoses ülikooli personali evakueerimisega Voronežisse) tekib vene keele ja kirjanduse kateedri ajaloos pikaajaline vaheaeg. Kodanliku Eesti tingimustes ei olnud kahekümne aasta jooksul ülikoolis üldse lubatud vene keele ja kirjanduse kui eriala õppimine ning „slaavi filoloogia” muutus „indo-euroopa lingvistika” mingiks kõhetuks lisandiks.

Alles nõukogude võimu taastamisega Eestis 1940. a., millal õppe- ja teaduslik töö Tartu Riiklikus Ülikoolis hakkas ümber kujunema nõukogulikel alustel, saavutas suur vene keel, võidukalt kommunismi ehitavate rahvaste läbikäimise keel temale kuuluva koht ülikooli õppeplaanides. Artikkel lõpeb lühikese ülevaatega nõukogude võimu ajal uuesti asutatud vene keele kateedri ja vene kirjanduse kateedri tegevusest. Käesoleval ajal käsikäes vene keele õpetamisega kõikides teaduskondades täidavad need kateedrid austavat ja vastutavat ülesannet nõukogude pedagoogide kvalifitseeritud kaadri ettevalmistamisel — nad kasvatavad vene keele õpetajaid Eesti NSV koolidele. Kateedrite pedagoogiline ja teaduslik tegevus põhineb marksistlik-leninliku õpetuse loovatel alustel, mille täielik valdamine on õppejõudude peamiseks ülesandeks.

LADINA TÄHESTIKUGA KEELTEST PÄRINEVATE VÕÖRPÄRISNIMEDE TRANSKRIBEERIMISEST EESTI KEELES

Filoloogiateaduste kandidaat K. Aben

Meil Nõukogudemaal kehtib üldiselt tunnustatud põhimõte, et teadus peab olema seostatud praktikaga, et teadus ei tohi irduda elust, vaid et teadus peab aitama lahendada praktilises elus esilekerkinud pakilisi küsimusi, mis valmistavad raskusi, mis nõuavad lahendamist ja millest tuleb nii või teisiti üle saada; teiste sõnadega — teooria peab olema kõige tihedamalt seostatud praktikaga. Meie ei tunnusta teadust teaduse pärast, nagu ei tunnusta kunsti kunsti pärast.

Ladina tähestikuga keeltest pärinevate võörpärismõnede kirjutamisviisi probleem eesti keeles on üks selliseid küsimusi, mis on otse välja kasvanud tegelikkusest, praktikast.

Tõsi, see ei ole uus küsimus. Selle küsimuse üle on diskuteeritud juba möödunud sajandi teisel poolel, selle küsimuse üle on vaieldud käesoleva sajandi esimesel aastakümnel. Seda küsimust on puudutatud korduvalt ka viimaseil Suure Isamaasõja järgseil aastail. Kuid selle küsimuse konkreetne arutuselevõtt nõukogude korra tingimuses sai võimalikuks ainult pärast J. V. Stalini geniaalse keeleteaduslase teose „Marksism ja keeleteaduse küsimused” ilmumist.

J. V. Stalin kummutas veenvalt ja geniaalse põhjalikkusega ühe suuremaid fetišeid teaduses — marrismi. Klassikalise selgusega näitas J. V. Stalin oma teoses, kuivõrd väär, ebateaduslik ning ebamarksistlik on see nn. „uus õpetus” keelest, ning näitas kätte need teoreetilised alused, millele tuginedes võidakse arendada edasi nõukogude keeleteadust tõepoolest kõige eesrindlikumaks, tõsimarksistlikuks keeleteaduseks maailmas.

Juba nüüd on selgunud, kui viljastavalt on mõjunud J. V. Stalini poolt kätte näidatud marksistliku keeleteaduse uurimise põhjalused ühelt poolt ning arvamuste võitluse ja kriitika-vabaduse nõudmine teiselt poolt nii keeleteaduse teoreetiliste küsi-

muste kui ka keelepraktika, keelekorralduslike küsimuste lahendamisel. J. V. Stalini erakordselt kaaluka keeleteadusalase teose põhjal on kerkinud kümneid uusi probleeme nii filoloogia kui ka teiste teadusharude alal, mille lahendamisele on nüüd täie innuga asutud.

Ka võõrpärisnimede ortograafia probleemi taastõstatamine eesti keeles on kasvanud välja vahetult J. V. Stalini nimetatud keeleteadusalase teose põhjal.

Mis siis põhjustab ning õigustab selle küsimuse ülestõstmist? See on 1) e b a l o o m u l i k ning laiiale eesti keele tarvitajaskonnale v a s t u v õ e t a m a t u olukord ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede (nii isiku- kui ka kohanimede) transkriptsioonis eesti keelele praegu kehtivate reeglite järgi ja 2) ei ole kooskõlas J. V. Stalini teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused” klassikalise selgusega esiletoodud marksistliku keeleteaduse aluste ning põhiprintsiipidega.

Praegu kehtivad eesti keeles teatavasti keelereeglid, mis nõuavad ladina kirjaga keeltest pärinevate võõrpärisnimede kirjutamist kui ka hääldamist lähtekeelsel kujul. Niisiis me peame kirjutama *Queuille*, aga hääldama *kõi*, peame kirjutama *Boisguillebert*, aga hääldama *buagibäär*, kirjutame *Bordeaux*, *Rzeszów*, *Jump*, *Jack*, aga hääldama peame *bordoo*, *žešov*, *džamp*, *džakk*. On selge ilma pikemata, et peaaegu 100% eesti keele tarvitajaskonnast, kes ei oska prantsuse, poola ja inglise keelt, ei oska neid nimesid lugeda ega kirjutada. Kui me laseksime lugeda valjusti ette mõnd tõlketeost inglise või prantsuse keelest, kus esineb sageli sadu ja sadu tege-laste, linnade, alevite, külade, tänavate, parkide, kõrtside jne. jne. nimesid lähtekeelsel kujul, inimesel, kes vastavat keelt ei oska, siis me veendume, et ta ei saa sellega hakkama. Järelikult selline kirjutamisviis on eluvõõras, elukauge.

Suuri raskusi valmistab praegu kehtiv võõrnimede kirjutamisviis õpilastele, kes puutuvad kokku juba viiendast-kuuendast õppeaastast alates üha rohkem ja rohkem võõrpärisnimedega — ajaloo, kirjandusajaloo, geograafia tundides. Rääkides raskustest ja segadustest võõrpärisnimede hääldamises ütleb E. Elisto: „Meie lapsed ega rahvas ei ole ära teeninud karistust selle eest, et Lääne vanad kultuurrahvad pole suutnud midagi nimetamisväärset teha oma tardunud kirjakeele ja selle häälduse lähendamiseks.”¹ Et see tõesti nii on, sellele ei saa vist ükski vastu vaielda. Selle elukauge igandliku keelereegluga me karistame oma õpilasi, karistame eesti rahvast. — Kui koolis (või ka ülikoolis) esineb läänest pärinev uus nimi kirjandusajaloos, ajaloo, geograafias, poliitinformatsioon, siis tuleb kuulajal mees pidada 1) kuidas seda häälda-

¹ E. Elisto, Keelelisi küsimusi I, 1948, lk. 132.

takse ja 2) ka selle nime võõras, tundmatus ortograafias kirjutatud lähtekeelne graafiline kuju, näit. Queuille (loe: kõi) või Bourges (loe: burž). Kui ta kohtab neid nimesid edaspidi raamatuis, ajalehis või kaardil, siis ta peab teadma, mäletama, et neid hääldatakse kõi (mitte kueuille), burž (mitte bourges). Aga kui neid nimesid nimetab edaspidi õpetaja või professor, siis peab ta oskama neid konspekteerida, s. o. peab mehaaniliselt meeles pidama võõrapäraseid tundmatu keele tähtede kombinatsioone, graafilist kuju, ja tundma ühtlasi nende hääldust. Niisiis nende nimede omandamine on praegu kehtiva olukorra juures sageli mitu korda raskem, kui oleks siis, kui me võiksime kirjutada neid pärisnimesid häälduspäraselt, foneetiliselt. See on karistus meie õpilastele, ka üliõpilastele.

Aga veel enamgi. 1952. aastal ilmus müügile prantsuse keelest tõlgitud Ch. Perrault' „Muinasjutud“. Raamatu viimasel leheküljel on öeldud „eelkooliealistele ja kooliealiste nooremale astmele“. Selles raamatus esinevad niisugused nimed nagu Charles Perrault, Fanchon, Guillaume, Javotte, Riquet jt. Tõsi küll, selle raamatu lõpus on antud ka pärisnimede hääldamine, kuid hakata juurutama 6—8-aastasele lapsele, kes on vaevalt omandanud eesti keele lugemise tehnika, ka prantsuse (või inglise, hispaania jne.) keele ortograafiat, rääkida talle, et prantsuse keeles kirjutatakse guillaume, javotte, riquet, aga loetakse giom, žavot, rikee, see minu arvates ei ole ainult karistus meie lastele, vaid see on pedagoogilisest ja meetoodilisest seisukohast kuritegu meie laste suhtes.

Koolis, ülikoolis saame meie veel kuidagi hakkama. Me seame üles nõude, et õppejõud peab kirjutama iga esmakordselt mainitava nime tahvlile selle lähtekeelset kujul ja sulgudes ka hääldamise. Aga mis teevad need, kes loevad ajalehti või inglise, prantsuse või mõnest teisest keelest tõlgitud romaani ja kohtavad seal võõras ortograafias kirjutatud uusi nimesid. Nad hiilivad neist enamasti mööda nagu puuslikest, iidolitest, fetišeist, suutmata neid lugeda ning hääldada, nagu Eesti NSV TA teaduslik töötaja M. Kindlam on seda tabavalt iseloomustanud.¹ Kuid milleks neid nimesid siis üldse kirjutada, kui neist mööda hiilitakse? Aga sageli ei saa neist mööda hiilida, ja siis seistakse raskuste ees. Kuidas näit. peab mainima agitaator mõnes ettevõttes, käitises või kolhoosis, andes järjekordset ülevaadet rahvusvahelisest olukorrast, prantsuse, inglise, ameerika poliitikategelaste, teadlaste jne. nimesid? Kuidas saab agitaator sellega hakkama, kui ta ei oska neid võõrkeeli? Kuidas see agitaator mainib oma kuulajaskonnale Kõi, Foori, Moriss Burž Monurii, Buagibääri, Žak Dükloo ja teiste nimesid, mida ta on lugenud ajalehest prantsuse ortograafia järgi kirjutatult? Kas kueuille, faure, mauritse bourges maunourie, boisguillebert, jakues duk-

¹ „Edasi“, 1950, nr. 153.

los või kuidagi teisiti? Ja kui me anname näit. romaani tõlkes ainult teatud võõrnime esmakordsel esinemisel häälduse, siis see ei kõrvalda ikkagi raskusi: lugeja peab meeles pidama, s. o. ära õppima selle sõna graafilise kuju ja häälduse, et järgnevatel esinemistel seda õigesti lugeda.

Üks reaktioonilisemaid eesti keelemehi J. Aavik ütleb: „Yks uuendus aga tuleks meil siiski kombeks võtta: võõrnimede järel klambreis anda nende hääldamine... Seda peaks tingimata hakatama tegema meie ajalehis (juhtkirjades, sõnumeis)”¹ — Küsime, kas see on aga ratsionaalne, otstarbekohane aja- ja vaevakulutus? Küllap see tunduks tänapäeval otse naeruväärse keerulisusena (anda kõikjal, ka ajalehis, iga nime järel hääldamine), mispärast see pruuk ongi ära jäänud. Meil tuleb otsida teisi teid, otstarbekamaid teid, kuidas raskustest üle saada.

On öeldud, et ma alahindavat meie lugejaskonda, et võõrnimede tarvitamisel meil üldsegi ei esinevat raskusi. Öeldakse, et meil tegelikult ei olevat enam lugejaid, kes ei oska võõrnimesid kasutada, kes hämmelduksid võõrnimede ees.² Optimism on hea asi, kuid niisugune arvamus on küll absoluutselt naiivne optimism, sest faktid räägivad midagi muud. Kuigi meil lähemas tulevikus kehtestatakse kohustuslik keskharidus, ei lahenda see kõne all olevat kitsaskohta eesti ortograafias. J. V. Stalin õpetab, et teaduslike probleemide lahendamisel tuleb meil võtta „hoolega kuulda kogemuste ja praktika häält”.³ (Minu sõrendus. K. A.) Ja vaadelgem, mida meile siis räägib elupraktika, tegelikkus, mida meile räägivad kogemused. Ütleme, meil on kehtestatud kohustuslik keskkool. Aga me teame, et meil õpetatakse keskkoolis ainult üht võõrkeelt. Ka ülikooli astumisel nõutakse üht võõrkeelt. Niisamuti nõutakse aspirantuuri astumisel ja aspirantuuris ainult üht võõrkeelt. Tähendab, andekas inimene võib lõpetada ülikooli ja aspirantuuri, kaitsta kandidaadi- ja doktoriväitekirja, osates ainult eesti, vene ja üht võõrkeelt. Niisiis võib olla tubli eriteadlane omal alal (oletades, et ta ei ole filoloog), sest suure vene keele kaudu on kättesaadavad kõik teaduse sügavused igal erialal, ka see, mida väärtuslikku on saavutatud kõigis ladina tähestikuga maades. Ning ometi tunneb see teadusemees end otsekui kirjaoskamatusena, kuna ta ei oska hääldada ega kirjutada lääne päritoluga võõrpärisnimesid (välja arvatud üks võõrkeel). Niisugune on tegelik olukord.

Praegusest olukorrast tingitud raskusi ei eita ka Joh. Aavik. Oma eespoolmainitud raamatu järelsõnas ütleb ta: „Autor tahaks loota, et sel puudulikulgi kujul käesolev raamat suudab tuua teatavat kasu kirjandust ja ajakirjandust lugevale

¹ J. Aavik, 20 euroopa keelt, 1933, lk. 10.

² Vt. „Edasi”, 1951, nr. 289.

³ J. Stalin, Leninismi küsimusi, 1952, lk. 474.

eesti publikulle, aidates teda natukenegi orienteeruda võrkeeliste pärisnimede hääldamise suures rägastikus.”¹

Kui P. N. Sakulin käesoleva sajandi alguses esimesena töötas välja Moskva ülikooli juures asuva Pedagoogilise Seltsi ülesandel vene ortograafia lihtsustamise reeglid (ж, ъ, ѓ kõrvaldamise jne.), siis iseloomustas ta seni kehtinud olukorda järgmiselt: „Olukord on ebanormaalne ja otse dramaatiline. Kirjaoskus — see on nagu mingi moolok, millele me toome halastamatult ohvriks nii üldise hariduse huvid kui ka õpilaste saatuse.”² Meie praegune olukord võõrnimede kirjutamise alal on veelgi dramaatilisem. Kui vene keeles enne reformi oli raskusi peamiselt vaid õigekirja osas, siis meie õpilased, üliõpilased ja töötavad rahvahulgad ei oska üht osa sõnu (ühtedel on selliste sõnade % suurem, teistel väiksem) mitte ainult kirjutada, vaid ei oska neid ka lugeda, jäetakse lugemata või loetakse valesti.

On teada, kuidas mitmed keskkooliõpetajad teevad eeltööd, enne kui asuvad mingi prantsuse keelest tõlgitud teose käsitlemisele, nimelt niisugused õpetajad, kes ei oska prantsuse keelt (ja niisuguseid on meil rohkesti), ja niisuguses keskkoolis, kus prantsuse keelt ei õpita (niisugused on meil vabariigis peaaegu kõik keskkoolid, sest prantsuse keelt õpetatakse ainult ühes Tartu ja ühes Tallinna keskkoolis ja neiski mitte kõikidele). Õpetaja võtab mõni aeg prantsuse keele tunde või konsulteerib mõne prantsuse keele tundjaga, või otsib välja mõne väljaande, kus on antud pärisnimede hääldamine, õpib ise esinevate nimede hääldamise selgeks, kirjutab kõik need välja, iga nime taha hääldamise ja töötab siis tükk aega õpilastega, et needki oleksid võimelised sageli sadu ja sadu prantsuse ortograafia kohaselt kirjutatud pärisnimesid hääldama prantsusepäraselt. Alles siis asutakse teose lugemisele, analüüsimisele jne.

Age kuidas laheneb küsimus mõnes provintsi keskkoolis, kus lähedal ei ole prantsuse keele tundjat ja kui ei leidu niisugust tõlketeost, kus on antud hääldamine. On raske ette kujutada, kuidas seal loetakse klassis, jutustatakse, analüüsitakse prantsuse keelest tõlgitud teoseid.

Eesti NSV ajalehtede ja kirjastuste toimetajad, ETA ja raadio-töötajad teavad jutustada paljudest mõttetulist raskustest, mis tulenevad sellest, et täita seda eesti väikese õigekeelsus-sõnaraamatu fetišlikku keelereeglit ladina tähestikuga keeltest pärinevate pärisnimede kirjutamise kohta.

* * *

Praegu kehtivad keelereeglid võõrpärisnimede transkriptsiooni kohta on tekitanud lubamatu segaduse, eriti võõrkohanimede osas oma ebamäärasuse ja relatiivsuse tõttu. Kohanimede

¹ J. Aavik, 20 euroopa keelt, 1933, lk. 108.

² А. Б. Шапиро, Русское правописание, 1951, lk. 191.

kohta käiv keelereegel kõlab järgmiselt: „Ladina tähestikuga maade kohanimed kirjutatakse meil samal kujul nagu algkeeleski... Erandiks sellest juhised on meil üldiselt tuttavamaks saanud geograafilised nimed (maailmajagude, merede, riikide, suuremate mäestikude, tähtsamate Euroopa jõgede, Euroopa pealinnade, mitmete Eesti maa-ala naabruses olevate linnade jne. nimetused), mis märgitakse eesti kirjaviisis vastavalt meil harilikuks saanud hääldamisele.”¹

Sellises sõnastuses jätab see õigekeelsusreegel kõik otsad lahti. Siin esineb selline ebamäärane mõiste, nagu üldiselt tuttavamaks saanud geograafilised nimed, mida võib igauks tõlgendada individuaalselt. Sellepärast meil esinebki õpikuis ja ajakirjanduses Lúaar ja Loire, Seen ja Seine, Roon ja Rhône, Garonn ja Garonne, Kostariika ja Costarica, Ekuador ja Ecuador. Kodanliku Eesti entsüklopeedias esineb Fergána, Suur õigekeelsus-sõnaraamat (1948. a.) annab Fergána, kuid ajalehes „Edasi” 23. märtsil 1951. a. esineb ikka Fergána.

G. Ivanovi ja A. Dobrovi VI kl. maateaduse õpiku „Maailmajagude ja tähtsamate välisriikide geograafia” eestikeelses väljaandes (1951) kirjutatakse: La Manche, Pas de Calais väin, aga Magaljaiši väin (häälduspäraselt).

I. Vitveri õpikus „Välisriikide majandusgeograafia” IX kl. (1951) kirjutatakse: Tüüringi, Vestfaali (foneetiliselt), aga Ruhri (lähtekeelsel kujul).

Kodanlikus entsüklopeedias esineb Appalachia (mäestik Põhja-Ameerikas), Suures õigekeelsus-sõnaraamatus (1948) antakse Apalatšia (häälduspäraselt), aga sellesama mäestiku jätk Alleghany — lähtekeelsel kujul, Draava jõgi, aga Dordogne jõgi. Kui me lehitseme entsüklopeedia geograafilisi kaarte, siis leiame seal igal sammul otse naeruväärsuseni ulatuvat ebajärjekindlust. Nii kirjutatakse seal Slesvig-Holstein, täh. kohanime esimest osa peetakse üldtuntuks (kirjutatakse eestipäraselt), nime teist osa aga vähetuntuks (kirjutatakse lähtekeelsel kujul). See sõna „üldtuntud” on väga relatiivne mõiste ja sellepärast sugeneb võõrpärismimede kirjutamises eesti keeles palju juhuslikku ja ebajärjekindlat.

Edasi, millega on põhjendatud, et me võime kirjutada häälduspäraselt ainult tähtsamate Euroopa pealinnade ja Euroopa jõgede nimetusi, mitte aga Ameerika, Aasia, Austraalia jõgede ja pealinnade nimetusi? Nii meie kirjutame Pariis, Berliin, Brüssel, aga New York, Chicago, Sydney.

Kuidas tõlgendada üldse seda mõistet tähtsam? Reegel ütleb, et Euroopa tähtsamate jõgede nimed kirjutatakse häälduspäraselt. Mis pooldest on aga Reini või Draava jõgi

¹ Väike õigekeelsus-sõnaraamat, 1946, lk. 20.

tähtsam kui Seine'i jõgi, millel asub Pariis, või Thames'i jõgi, millel asub London ja mis on Inglismaa tähtsaimaks siveeteeks? Kuid viimaseid kirjutatakse eesti keeles lähtekeelsel kujul (Seine, Thames). Mis on siin kriteeriumiks? See keelereegel on ebatäppis, vastuoluline, võimaldab mitmesugust tõlgendust, mispärast see on toonudki meie võõrpärinimede transkriptsiooni suure segaduse, palju juhuslikku, üldise virr-varri.

E. Elisto kirjutab: „Rahvapärast kirjaviisi maksimaalsete võimaluste piirides on rea aastate jooksul toetanud kõik kirjastuse kaastöölised-keelemehed, kes on töötanud geograafiaõpikute redigeerimisel... Hääluspäraselt kirjutatavate kohanimede arvu suurendamine on aga toimunud kogu aeg võitluse teel.”¹ Ja tõepoolest, kui aastail 1947, 1948, 1949 esines üldiselt geograafiaõpikuis Lu a a r, R o o n, S e e n, G a r o n n j n e.,² s. o. neid nimesid peeti juba küllalt tuntuteks, siis 1951. ja 1952. a. õpikuis on taas L o i r e, R h ô n e, S e i n e, G a r o n n e. Nähtavasti kipuvad selles võitluses tagasikiskuvad jõud peale jääma.

Parem ei ole lugu isikunimede kirjutamisviisiga. Vaatamata sellele, et ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrisikunimede kohta käiv reegel on absoluutne, eranditeta, s. o. tuleb kirjutada „täpselt nende algkujul”, on siingi sünenenud segadus ja teadmatus. Nii kirjutatakse teose „Olukorrast bioloogiateaduses” eestikeelses tõlkes (1948) teadlaste nimesid järgnevalt: akad. V i l j a m s (mitte Williams, nagu kirjutavad inglased), akad. B a h h (mitte Bach), Š m a l g a u z e n, Š t e i n m a n, G e r š e n s o n, aga W e i s m a n n, G o l d s c h m i d t, S c h r ö d i n g e r, nähtavasti seepärast, et viimased ei ole vene teadlased. Aga miks meil kirjutatakse B r o n s t e i n (mitte Bronštein)? Kas Bronštein ei ole vene maletaja? Kui me kirjutame Šmalgauzen, Bahh, miks me siis kirjutame Karl Ernst Baer, Baudouin de Courtenay, Bubrich? On raske aru saada, missuguse põhimõtte järgi siin talitatakse ja missuguse põhimõtte järgi tuleb talitada. Kui me kirjutame Bahh, Šmalgauzen, Viljams foneetiliselt, siis peaksime kirjutama niisamuti ka Beer (või Bäär), Boduään de Kurtenee, Bubrih, sest ka need olid vene teadlased, vene ülikooli professorid, vene teaduste akadeemia liikmed. Või me peame enne nende nimede kirjutamist uurima nende elulugu, nende sugupuud, kas Viljamsi esivanemad ei olnud viimaks inglased, kas Boduään de Kurtenee pidas end prantslaseks? Kas on see nime kirjutamise puhul tähtis? Kus on siin kriteerium? Igatahes võib eesti keeles praegu esineda kõrvuti Šmalgauzen ja Schmalhausen, Veisblat ja Weissblatt, olenevalt sellest, kas me räägime vene teadlastest, vene inimestest või ladina tähestikuga maadest pärinevatest tegelastest.

¹ Nõukogude Opetaja, 6. VII. 1951, nr. 27.

² Vt. P. Stšasnev, Üldmaateadus VIII klassile, 1948.

Tuleb tunnustada, et Eesti NSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi keele sektor on teinud head ja tõhusat tööd. Kuid ühes asjas tuleb keele sektorile teha etteheiteid: ta on alahinnanud mõnes mõttes oma juhtivat osa eesti keele ortograafia küsimuste lahendamisel. Ta ei asu põhiliste, printsiipaalsete küsimuste lahendamisele. Nii tekkis meil nõukogude võimu taastamisega kõige tihedam side vene teaduse-, kirjanduse- ja kunstimaailmaga ning kerkis aktuaalselt üles küsimus: kuidas me hakkame transkribeerima eesti keeles nende vene töötajate nimesid, mis ei ole vene päritoluga. Kuid keskustelles TA töötajatega selgus, et see küsimus ongi lõplikult lahendamata ja sellepärast see mitmekesisus ja ebajärjekindlus meie kirjanduses ja ajakirjanduses esinebki.

Suure õigekeelsus-sõnaraamatu seni ilmunud vihkudest selgub, et on muudetud kreeka pärisnimede transkriptsiooni reegleid. 1946. a. ilmunud VÕS-i keelereeglite järgi tuli kirjutada *Amphitryon*, *Hephaistos*, *Hydra*, *Ganymedes*. SÕS annab need sõnad kujul *Amfitrüon*, *Hefaistos*, *Hüdra*, *Ganümedes*. Aga *Achilleus*! Täht. seda reeglit on muudetud, kirjutamisviis on muutunud eestipärasemaks, kuid seda on tehtud poolikult.

Selgub, et kreeka sõnades on otsustatud senist **ph** ja **y** transkribeerida **f** ja **ü**-ga. Aga millistest põhimõtetest on juhitud selle muudatuse autorid, et nad on jätnud alles samavõrra võõrapäraseid **x**, **th**, **ch**. Nüüd me kirjutame Afrodite (endise Aphrodite asemel), aga: *Mithridates*, *Mithra*, *Xerxes*. Miks mitte ka *Mitridates*, *Mitra*, *Kserkses*, milliseid vorme soovitas juba Riomar käesoleva sajandi algul.¹ Selles otsuses ei ole näha printsiipaalst, järjekindlust. * Igatahes Suure õigekeelsus-sõnaraamatu eessõnas oleks tulnud anda täpselt fikseeritud reeglid, vähemalt võõrsõnade osas, kus on juba tehtud mõningaid printsiipiaalseid muudatusi. Nüüd aga me loeme eessõnast ainult: „Keeluliselt jätkab sõnaraamat selles mõttes endiste õigekeelsus-sõnaraamatute traditsioone, et ta võtab aluseks viimastel aastakümnetel väljakujunenud keelenormid.”² (Minu sõrendus. K. A.) Aga see ei vasta tõele. Sõnaraamatus endas, nagu eespool nägime, on juba neid keelenorme ja traditsioone rikutud, muudetud just võõrnimede osas, mis meid käesoleval korral huvitab. Nii leiame veel SÕS-s vorme nagu: *deevi* kaitselamp, *arhimedese* kruvi, *bertolee* sool (varem *Davy* kaitselamp, *Archimedese* kruvi, *Berthollet'* sool).

Nagu eelöeldust nähtub, valitseb meil praegu võõrpärisnimede kirjutamises segadus, ebaühtlus, ebajärjekindlus, ebaprintsiipiaalsus.

Et praegu kehtiv rahvakauge keelereegel läänest pärinevate võõrpärisnimede kohta tegelikult on iganenud, selgub dots. A. Kase tööst „Võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel” (1946). Pidades *eo*

¹ T. Riomar, Eesti keel kõnes ja kirjas, 1908, lk. 33.

² Suur õigekeelsus-sõnaraamat, 1948, lk. 4.

* Pärast käesoleva töö tootmiseandmist on ilmunud uus VOS, milles minu pretensioone kreeka pärisnimede transkribeerimise osas on juba peaaegu 100%-lt arvestatud. K. A.

ipso õigeks praegu kehtivaid kõne all olevaid keelereegleid, kirjutab A. Kask: „Kui Hurt omal ajal Masingi nime puhul kirjutas „loe: *Maasing*”, siis tänapäeval eksitakse selle nõude vastu juba sageli. Sama viga esineb mitmete varasemate nimede hääldamisel, näit. „Willem *Navi* (loe: *Naavi*) elupäevad”, Ann *Salle* (loe: *Sale*) jm.”¹ Ja edasi ütleb A. Kask: „Eks tänapäevalgi ole inimesi, kes hääldavad oma nime nii, nagu kirjutatud (näit. Murro, Karro, Tallo jt.)”² Jah on, ja mitte ainult mõningaid. Ma ei ole veel kuulnud, et keegi hääldaks „Willem *N a a v i* elupäevad”, vaid ikka *N a v i*, niisamuti *S a l l e*. Kui me sellist hääldust peame veaks, siis tähendab see, et kogu eesti rahvas hääldab neid nimesid vigaselt. Mulle näib, et see on „viga” jutumärkides. On terve rahvas kord hakanud nii hääldama, siis peame järeldama, et see vastab eesti keele arenguseadustele ning rahvas hääldab vaistlikult keele arenguseaduste kohaselt, s. o. nii, nagu on kirjutatud. Sellepärast, kui tahetakse, et hääldataks *N a a v i*, *S a l e*, siis tuleb nii ka kirjutada, *Naavi* kahe a-ga, *Sale* ühe l-ga. Meil on populaarne helilooja *A r r o*, ja ma ei ole veel kuulnud, et keegi hääldaks seda nime *A r u*, vaid ikka *A r r o*. Kas me võime pidada seda hääldust vigaseks, kas meil on õigus nõuda, et hakataks seda nime hääldama *Aru*? Ei, ei ole. Kui me kirjutame *E u g e n K a p p*, siis ka hääldame *Eugen*, mitte *Öižeen*, nagu seda hääldati veel käesoleva sajandi esimesel veerandil. Kui keegi kirjutab oma nime *Karro*, siis nii ka hääldatakse, ja kui keegi kirjutab *Karu*, siis on see teine nimi ja meie ka hääldame *Karu*.

Siin väljendub eesti keele ortograafia arenguseaduse olemus, s. o. eestlane hääldab tavaliselt nii, nagu kirjutatakse, ja kirjutab nii, nagu hääldatakse. Ka kõik laen- ja võõrsõnad on paindunud selle järgi, on allunud eesti keele arenguseadusele, neid on hakatud kirjutama eestipäraselt, häälduspäraselt, foneetiliselt.

Niisiis näeme, et vaatamata sellele, et A. Kask ei ole kirjutanud midagi ebaloogilist, et kõik see on kooskõlas meil maksvate õigekeelsusnormidega, ometi on Kase pretensioonid pärisnimede hääldamise kohta osaliselt teravas vastuolus tänapäeva tegelikkusega. Tähendab, me ei arvesta küllaldaselt määral eesti keele spetsiifikat, neid tendentse, mille suunas areneb tegelikult meie keelepruuk. Me tahame vägivaldselt kinni hoida neist igandlikest keelereegleist, mis saksa keele mõjul ning eeskujul on fikseeritud J. Hurda poolt peaaegu sada aastat tagasi, muutes neid veelgi avaramaks ja keerukamaks. Nii satume paratamatult ummikusse.

*
*
*

Küsime siis, kuidas on pääsenud sellised eesti keele põhiolemu-
sele *v õ õ r a d*, *r a h v a k a u g e d* ortograafiareeglid, mis valmis-
tavad meile nii palju raskusi ja segadusi, eesti keeles maksvusele.

¹ A. Kask, *Võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel*, 1946, lk. 103.

² Sealsamas.

Et sellest aru saada, tuleb vaadelda kogu küsimust ajaloolisest aspektist. Iga keeleteadusalase probleemi lahendamisel peame meie alati arvestama kaht momenti, kaht peamist keeleteadusalase uurimuse külge, milliseid J. V. Stalin oma teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused” täie teravusega ning aktsentueeritult esile on toonud, s. o. 1) et keel areneb seoses ühiskonna, rahva ajaloo, kellele uuritav keel kuulub, ja 2) keele areng toimub keele sisemiste arenguseaduste põhjal. J. V. Stalin ütleb: „Keel kuulub ühiskondlike nähtuste hulka, mis toimivad kogu ühiskonna olemasolu ajal. Ta sünnib ja areneb ühiskonna sündimise ja arenemisega. Ta sureb koos ühiskonna surmaga. Väljaspool ühiskonda ei ole keelt. Sellepärast võib keelest ja tema arenemise seadustest aru saada ainult sel juhul, kui teda uuritakse lahutamatus seoses ühiskonna ajaloo, rahva ajaloo, kellele kuulub uuritav keel ja kes on selle keele looja ja kandja.”¹ See J. V. Stalini marksistlik tees keele kohta eeldab, et keeleteaduse küsimusi me ei saa lahendada väljaspool aega ja ruumi, vaid seoses ajastuga, seoses ühiskonna, rahva elu ja ajaloo. See on vastuvaidlematu marksistlik-leninliku metodoloogia põhitõde, mis võimaldab õigesti orienteeruda keeleteadusalaste uurimuste teostamisel ja samuti keelekorralduslike küsimuste lahendamisel.

Meie tänapäeval ei saa kõne all oleva võõrpärisnimede ortograafia küsimuse lahendamisel lähtuda neist põhimõtetest, millistest lähtuti 1864. aastal, mil Jakob Hurt esmakordselt fikseeris selle keelereegli, ega neistki motiividest, missugustest lähtus Tartu keelekonverents 1911. aastal, millal see rahvakauge keelereegel ametlikult ainuõigeks tunnistati, laiendades seda ka võõrkohanime kirjutamise kohta.

Peatun küsimusel sellest aspektist ainult lühidalt.

Kui möödunud sajandi I poolel valitses meil võõrpärisnimede kirjutamises stiihiline ebakindlus, siis võõrnimede teadlik käsitus algab möödunud sajandi 60—70-ndail aastail, mil kujunes kaks tendentsi — ühel pool püie säilitada nime võõrapärane kuju, teisel pool kalduvus seda võimalikult eestipärastada.

Nende suundade võitluse tagajärjel valitseb möödunud sajandi lõpul mitmekesisus: võõrnimesid antakse küll transkribeeritult eesti keelde häälduse järgi, küll nii, nagu nad esinevad päritolukeeles. See ebajärjekindlus võõrpärisnimede kirjutamises püsib ka käesoleva sajandi algul. T. Riomar pooldab häälduspärast transkriptsiooni, seda ka isikunimede suhtes. Ta kirjutab Šiller, Hiršfeld, Anžuu, Bulanžee, Kserkses, Tsürih.²

1911. a. otsustatakse Tartus korraldatud keelekonverentsil võõrnimede õigekirjutus võõrapärase kirjutamisviisi kasuks. Küsigem siis, milline oli too ajajärk eesti rahva ajaloos, eesti kultuuri loos, missugune oli too vaimne õhkkond, millal langetati see rahva-

¹ J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused, 1953, lk. 41.

² T. Riomar, Eesti keel sõnas ja kirjas, 1908, lk. 33.

kauge ja elukaugene otsus? Too oli reaktsioonilise rahvavaenuliku „Noor-Eesti” estetistlik-formalistliku kunstifilosoofia võimutsemise aeg. Too oli aeg, mil ülistati vormi primaati, mil hüüti: „Stiil vabandab kõik, stiil on tähtsam kui tõde, kui moraal.” Too oli ajajärk, mil räägiti põlastusega kõigest sellest, mis oli rahvale püha ja kallis. Eesti rahvaeepost „Kalevipoega” nimetati „otse võrratuks anekdoodiks eesti kirjanduse ajaloo” (Tuglas). Ja Joh. Aavik ütleb: „„Kalevipoeg” on eesti viletsuse, armetuse, hõreduse, viriluse, lodevuse, lohakuse, maitsetuse ja puuduliku keeleoskuse hästivastav symbol.”¹ M. Laosson iseloomustab „Noor-Eesti” järgmiselt: „„Noor-Eesti” reaktsiooniline loomus pidi avalduma ja avaldus eriti tema võitluses eesti rahvuskultuuri progressiivse osa vastu, demokraatliku ja sotsialistliku kultuuri elementide vastu meie rahvuskultuuris. Nooreestlaste deviis: „Eemale matsist ja tema jumalast” tähendas sisuliselt seljapööramist nii eesti töötavate talupoegade kui ka tööliiskonna huvidele.”² „Noor-Eesti” antidemokraatlikud tendentsid kajastusid ka tema keelearendamises. Noor-estlased ignoreerisid eesti rahvakeele paremaid traditsioone, arendasid keelt kunstlikult rahvakeelest kaugenevas suunas. J. V. Stalin ütleb: „Kuid inimesed, üksikud sotsiaalsed rühmad, klassid ei ole keele suhtes kaugeltki üksikõiksed. Nad püüavad kasutada keelt oma huvides, püüavad talle peale sundida oma erilist leksikoni, oma erilisi termineid, oma erilisi väljendeid. Eriti paistavad ses suhtes silma varakate klasside ladvakihid, kes on irdunud rahvast ja vihkavad teda: aadliaristokraatia, kodanluse ülemkihid. Luuakse „klassidialekte”, žargoone, „salongikeeli.””³

Sellist „klassidialekti”, „salongikeelt” tahtsid luua ka nooreestlased-keelemehed. Rääkides keeleküsimumustest aastail 1910—1912 ütleb dots. A. Kask: „Selleks ajaks olid noor-estlased jõudnud kaotada kontakti laiemate hulkadega, olid suutnud n. ö. irduda rahvast... Taotleti „kunsti kunsti pärast”, ka keel pidi teenima puhta kunsti ideaale.”⁴ Joh. Aavik nõudis avalikult, et keel peab saama intelligentsi keeleks. Ta tahtis „jõhkra ja ebaeleganti” eesti keelt kaunistada sellega, et tuua eesti keelde teiste „kultuurkeelte elemente”, et eesti keelele oleks omane „mingisugune veel kultuurilisem, euroopalisem ja veidi kosmopoliitlikki rafineeritud peensustatud olek, mingi veel literäärsem ja teaduslikum toon, mis talle suursugususe annaks.”⁵ Joh. Aavik tahtis luua „haritud” keelt. Ta ütles, et iga „mats” — nagu ta põlastavalt laiemaid rahvahulki nimetas — ei pidavatki oskama ilma erilise õppimiseta eesti keelt.

¹ J. Aavik, Kuidas suhtuda „Kalevipojale”, 1933, lk. 24.

² Eesti Bolševik, 1949, nr. 12, lk. 33.

³ J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused, 1953, lk. 24—25.

⁴ A. Kask, Eesti keel ja selle arenemine, 1946, lk. 80.

⁵ J. Aavik, Keelelised aforismid, „Postimees” 1913, nr. 156.

Sellises vaimses õhkkonnas otsustati võõrpärisnimede transkriptsiooni küsimus 1911. aastal. Ja ei ole vaja imestada, et see otsustati võõrapärase, rahvakauge transkriptsiooni kasuks, sest need prantsuse, inglise jne. keele ortograafia kohaselt kirjutatud võõrnimed tunduvad ka „euroopaliseuse”, „kultuurilisuse”, „teaduslikkuse” — nn. „haritud keele” tunnustena.

Need on jäänud võõraks eesti keele tarvitajaskonna laiadele hulkadele ja tunduvad otsekui vägivaldselt väljastpoolt peale sunnitud, sest need võõrpärisnimed sünnitavad raskusi mitte ainult igale „matsile”, vaid neid ei oska lugeda ja kirjutada ka enamik eesti haritlaskonnast.

Et pärisnimede võõrapärasust transkriptsiooni peeti „euroopalikkuse” tunnuseks, see selgub kõne all oleva reegli sõnastusest H. Eineri kooligrammatikas (1920). Ta ütleb nimelt, et võõrnimed neist keeltest, kus tarvitusel ladina tähestik, tulevad kirjutada nii, nagu on lähtekeeles, ja jätkab siis, täpsustades reeglit: „Nende keelte sõnad aga, kus ise oma tähestik on, nagu näit. kreeka, vene, hebraa, Ida-Aasia keelis, tulevad nii kirjutada, nagu neid meile ligemais Lääne-Euroopa keelis kirjutatakse. Näit. ... Michail Lermontow, Aleksander Puschkin.”¹ Niisiis tuli ka vene nimedele enne lääneeuroopa munder selga tõmmata ja alles siis tuua eesti keelde.

Ja „Eesti keele õigekirjutuse-sõnaraamatus” (1918) on öeldud: „Kaugemad nimed, näit. Aasiast ja Aafrikast, mis eestlastele Ladina tähestiku kaudu tuttavaks on saanud, tulewad nõnda kirjutada, nagu nad Euroopa alguskeeles on toodud.”² Niisiis ka Aasiast ja Aafrikast pärinevaid võõrpärisnimesid tuli meil kirjutada mingisuguse Euroopa alguskeele ortograafia järgi.

Marksistlik dialektika õpetab, et ühtki nähtust, ühtki küsimust ei saa vaadelda eraldi, omaette, isoleeritult, väljaspool aega ja ruumi, vaid seoses mitmesuguste teiste küsimuste ja nähtustega, et üks nähtus on seotud teisega, et üks nähtus mõjutab teist, on teisest tingitud jne. Ka keelekonverentsi otsust võisid mõjustada need meeleolud, see mentaliteet, need arusaamad, mis valitsesid reaktiooniliselt meelestatud eesti intelligentsi ringkondades tol ajal. Pealegi oli tollel keelekonverentsil protokollijaks üks juhtivaid noor-eestlasi — „keeleuuendaja” V. Ridala.

Kuid tänapäeval elab eesti rahvas hoopis teisel ajaloolisel epohhil, sotsialismi epohhil, koguni teistsugustes ajaloolistes ja kultuurilistes tingimustes, meil valitsevad hoopis teistsugused arusaamad keelest ja selle tähtsusest, meie lähtume hoopis teistsugusest aspektist, teistsuguseist põhimõttest ka keelekorralduslike küsimuste lahendamisel, eriti pärast J. V. Stalini geniaalsete keeleteaduslaste teoste ilmumist. Joh. Aavik näiteks lähtus oma keeleuuenduslikus tegevuses esteetilisest ja „euroopalikkuse”, „literäärsuse” printsiibist. Ta ei arvestanud seda, kas tema propageeritud keelevormid on otstarbekohased, kas need on vastuvõe-

¹ H. E i n e r, Eesti keele õpetus koolidele, 1920, lk. 140.

² Eesti keele õigekirjutuse-sõnaraamat, 1918, lk. XII.

tavad „igale matsile”. Meie aga lähtume tänapäeval keelekorralduslike küsimuste lahendamisel üldrahvalikkuse, otstarbekohasuse printsiibist, meie püüame vabastada eesti keelt nendest tarbetutest „peensustatud olekutest”. Selle põhimõtte on võtnud omaks ka TA Keele ja Kirjanduse Instituut uue väikese õigekeelsus-sõnaraamatu koostamisel.

Läänest pärinevaid võõrpärisnimesid, kirjutatud praegu kehtivate reeglite kohaselt võõrapärases, eesti keele spetsiifikale võõras ortograafias, tajume meie tänapäeval kui mõttetut raskust. Need võõrnimed on sageli „surnud hinged” meie elavate sõnade hulgas, millest meie vaikides mööda hiilime, need on hieroglüüfid, mis nõuavad lahtiisfreerimist. Need risustavad meie keelt. Sellepärast on minu arvates tungiv vajadus lahendada kõige lähemal ajal printsipiaalselt ning radikaalselt ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede transkriptsiooni küsimus, ja lahendada nimelt üldrahvalikkuse ja otstarbekohasuse seisukohalt. Tuleb kehtestada selline võõrnimede kirjutamisviis, et oleks võimalik lugeda eestikeelset teksti ka ilma võõrkeeli oskamata.

Minu ettepanek ongi, et kõne all olevate võõrpärisnimede kirjutamisel eesti keeles tuleb üle minna häälduspärasele (või häälduslähedasele) transkriptsioonile, s. o. neid võõrpärisnimesid tuleb hakata kirjutama eesti keeles nii (või ligilähedasel nii), nagu neid lähtekeeles hääldatakse, muidugi eesti keeles olemasolevate vahenditega. Me ei kavatsen hakata transkribeerima neid pärisnimesid teaduslikult, foneetilise transkriptsiooni märkimisega. Nii-samuti ei tarvitse meil tuua eesti alfabeeti sisse uusi märke (näit. nasaalne *ŋ*, guturaalne *r* või redutseeritud vokaalid). Edasi — me säilitame ka sel juhul, kui peaksime üle minema uuele kirjutamisviisile, kõikide nende pärisnimede kirjutamisviisi, kus me oleme üldiselt hakanud ka hääldama nii, nagu kirjutame, näit. Brüssel, Pariis, Kopenhaagen, Oslo jne.

Mõned seltsimehed on tahtnud minust vulgaarselt aru saada. On küsitud, kuidas me siis kirjutame: kas Neukirhjen, Noökirhjen, Neikirhjen või Nöikirhjen.¹ See valik eriti suuri raskusi ei valmistagi, kui on välja töötatud need põhiprintsiibid, mida me uue kirjutamisviisi puhul tahame rakendada. Need põhimõtted võiksid olla minu arvates järgmised: 1) me valime lihtsama häälduse ning levinenuma, mitte mingisuguseid murdelisi vorme, nagu käesolevas näites on esitatud; 2) me ei taotle neid häälduse peensusi, hääldamise nüansse, finesse, mis mõne hääliku puhul mõnes keeles esinevad ja mida muulasel on sageli üldse raske tabada.

Esitatud põhimõttest lähtudes ei sobi minu arvates ükski esitatud variant. Selle nime puhul võiks tulla arvesse kaks võimalust: Nöikirhen ja Noikirhen. Ning vastav komisjon, kuhu kuuluvad eesti keele ja vastava võõrkeele eriteadlased, juba

¹ Vt. „Edasi” 1951, nr. 289.

otsustab pikema kaalumise järele, kuidas oleks otstarbekohasem hakata transkribeerima saksa diftongi *eu*. Ka vene keeles antakse see sõna vormis „Нёйkirхен”, mitte „Нёйkirхьен”.¹ Eeltoodud põhimõtteist lähtudes me kirjutaksime edaspidi Heine, Šiller (mitte Haine, Šilär), aga: Koolridž (või Koulriddž), Tšikaago (või Šikaago), Russoo, Bulanžee, Kõi (mitte Coleridge, Chicago, Rousseau, Boulanger, Queuille).

* * *

*

Küsigem nüüd, kas minu poolt esitatud küsimuse lahendamine on teoreetiliselt õigustatud, kas see on kooskõlas J. V. Stalini teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused” esitatud põhimõttega. Minu arvates — j a a.

J. V. Stalin ütleb küll, et milleks hävitada pärast iga pööret senist grammatilist ehitust ja sõnavara põhifondi. „Tõepoolest, milleks oleks vaja, et olemasolev keele struktuur, tema grammatiline ehitus ja sõnavara põhifond häviks või asenduks uuega pärast iga pööret.”² Kuid see oleks küll absoluutselt vulgaarne arusaamine J. V. Stalini teosest, kui arvatakse, et meie ei tohi nüüd enam midagi ette võtta oma keele ortograafia lihtsustamiseks. Akadeemik V. V. Vinogradov ja B. A. Serebrennikov rõhutavad oma kirjutises, mis ilmus ajalehes „Pravda” J. V. Stalini keeleteaduslaste teoste ilmumise teise aastapäeva puhul, vajadust lahendada printsiipiaalseid küsimusi, mis on seotud keele õigekeelsusega. Nad ütlevad, et „töö edukat kulgu NSV Liidu rahvaste keelte ajalooliste ja normatiivsete grammatikate koostamise alal pidurdab asjaolu, et pole lahendatud paljud puhtpraktilise iseloomuga küsimused, mis on seotud alfabeedi ja ortograafia printsiipide parandamisega.”³

Mõned seltsimehed (näit. prof. Veski) on avaldanud isegi arvamist, nagu oleks see plahvatus, kui eesti keeles hakatakse kirjutama ladina tähestikuga keeltest pärinevaid võõrpärisnimesid hääldepäraselt.⁴ See on muidugi vääri arusaamine J. V. Stalini teosest. J. V. Stalin ütleb oma teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused” plahvatustest järgmist: „Marksism arvab, et keele üleminek vanalt kvaliteedilt uuele ei toimu plahvatuse teel, mitte olemasoleva keele hävitamise ja uue loomise teel.”⁵ Ja teisel: „Marksism ei tunnusta äkilisi plahvatusi keele arenemises, olemasoleva keele äkilist surma ja uue keele äkilist ehitamist.”⁶ Küsigem siis, kas tähendaks see asjaolu, kui me hakkaksime transkri-

¹ Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Германии, 1950, lk. 350.

² J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused, 1953, lk. 18.

³ „Pravda” 20. juunil 1952.

⁴ Ettekanne TR Ülikooli keeleteaduslikul konverentsil 1952. a. aprillis.

⁵ J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused, 1953, lk. 52.

⁶ Sealsamas, lk. 51.

beerima ka kõiki lääne päritoluga pärisnimesid häälduspäraselt, eesti keele äkilist surma ja uue keele äkilist ehitamist? Kas tähendaks see üldse mingil määral eesti keele kvalitaatiivset muutust? Selline arusaamine plahvatusteooriast on küll vaevalt paikapidav. Siis tuleks pidada plahvatuseks ka eesti keele uuele kirjaviisile üleminekut möödunud sajandi 70-ndail aastail, sest too oli ju võrratult ulatuslikum ortograafiareform, mis haaras kogu eesti keele sõnavara. Ja kindlasti tuleks siis pidada plahvatuseks keele alal ka vene keele ortograafiareformi 1917/18. aastail, mil kaotati *ъ, ъ, ѳ* jne., kuna ka too reform oli kaugelt ulatuslikum eesti keele kavatsetavast võõrpärisnimede kirjutamisviisi lihtsustamisest.

Kui J. V. Stalin ütleb, et meie ei võta ette mingisuguseid olulisi muudatusi v a j a d u s e t a, siis me teame, et J. V. Stalin ütleb ka teisel: „Teadust sellepärast nimetataksegi teaduseks, et ta ei tunnusta fetišeid, ei karda kätt tõsta iganeva ja vana vastu ning võtab hoolega kuulda kogemuste ja praktika häält.”¹ Ja eesti keeles praegu kehtiv kõne all olev keelereegel läänest pärinevate võõrpärisnimede transkriptsiooni kohta on selline fetiš, mida tuleb rünnata ja rünnata frontaalselt.

J. V. Stalin õpetab, et igal keeljel on oma spetsiifika, oma struktuur, oma grammatiline ehitus, oma ortograafia, et iga keel areneb oma sisemiste arenguseaduste järgi. Sedasama tuleb ütelda ka eesti keele kohta. Kui me vaatleme eesti keele kirjaviisi arengu ajalugu, siis peame konstateerima, et see on liikunud kogu aeg häälduspärase, loomulikuma, foneetilise märkimisviisi suunas. Kogu võitlus vana ja uue kirjaviisi vahel möödunud sajandi kolmandal veerandil on olnud võitlus eestipärase (foneetilise) kirjutamisviisi eest.

Kui H. Stahl (1590—1657) kirjutab *rickax, wabhax*, H. Göseken (1612—1681) *Mah, Teh*, dr. M. Veske (1843—1890) — *explosiwid, difthongid, comitatiw*, siis nüüd kirjutatakse neid sõnu eesti keeles *rikkaks, vabaks, maa, tee, eksplosiivid, diftongid, komitatiiv*. Sajandi vahetusel kirjutati meil veel *thema, thee, zirkus, konzert, feuilleton, thermometer, gentleman*. Nüüd kirjutame: *teema, tee, tsirkus, kontsert, följeton, termomeeter, džentlmen*. Kodanlik entsüklopeedia kirjutab *entente, brandy, dandy, Davy kaitselamp, Archimedese kruvi, Berthollet' sool, SÕS* aga: *antant, brändi, dändi, deevi kaitselamp, arhimedese kruvi, bertolee sool*, s. o. eestipäraselt, foneetiliselt. Aasta tagasi me kirjutasime veel *bordeauxlane, calaislane, rousseaulik, faehlmann'lik*, praegu aga on võimalik kirjutada juba *bordoolane, kaleelane, russoolik, feelmanlik*. Neis näiteis väljendub ilmekalt eesti keele arengu seadus, väljendub see tendents, mis suunas on arenenud ja areneb eesti keele ortograa-

¹ J. Stalin, Leninismi küsimusi, 1952, lk. 474.

fia. Seda eesti keele arenguseadust mõistsid õigesti juba Fr. R. Kreutzwald ja C. R. Jakobson. Kreutzwald ütleb: „Kui siis... koolitamise asjad päev päevalt parema korrale saavad, siis hakkage kõige esiteks, armsad vennad, Eesti keelt nõnda kirjutama, et kiri suusõnaga kokku jookseb”.¹

„Eesti Postimees” kirjutab 1866. a.: „Wanna kirjaviis on tõesti wõerast jurest kaswanud, kegi ei kirjuta kuidagi loeb, egga loe kuidagi kirjutab.” C. R. Jakobson nimetab vana kirjaviisi „võõraks kammitsaks”.

Edasi ütleb ta: „Keik õppetud mehhed Eestlastest on ärratunud, et nenda kaua kui need wõerad paelad meie ümber on, meie ikka waimoharrimise polest üks wägga wäeti rahwas olleme ja jäme.”²

Meie teame nüüd, et eesti keel on sellest kammitsast peaaegu täiesti vabanenud, et „võõrad paelad” on puruks rebitud, ainult ladina alfabeediga keeltest pärinevate võõrpärisnimede ortograafia osas on see kammits säilinud, kuna meie ei ole julgenud kuni tänapäevani allutada nende nimede kirjutamist meie keele spetsiifikale, ortograafiale, meie keele arenguseadusele, ja seda sellepärast, et siin on pääsenud lähemas minevikus ainumaksvusele eesti keele sisemisele arenguseadusele võõrad põhimõtted.

Et praegu kehtiv olukord ei ole kooskõlas stalinliku õpetusega keelest, see nähtub ka A. E. Mordinovi kirjutisest „Sotsialistlike rahvuste keelte arenemisest NSV Liidus”, mis ilmus 1951. a. NSV Liidu Teaduste Akadeemia Filosoofia Instituudi poolt väljaantud koguteoses „Dialektilise ja ajaloolise materialismi küsimused J. V. Stalini teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused””.

A. E. Mordinov kritiseerib Marri õpilasi I. I. Meštšaninovit ja G. P. Serdjutšenkot, kes nõudsid, et vene keelest laenatud sõnu, ka pärisnimesid, ei tulevat kirjutada mitte nii, nagu seda nõuab vastava rahva keele ortograafia, vaid nii, nagu kirjutatakse vene keeles.

„Marristide nõudmiste mõttetus,” ütleb Mordinov, „muutub eriti silmanähtavaks, kui võtta arvesse, et iga keel ei laena sõnu mitte ainult ühest, vaid kahest, kolmest ja enam keelest. Juurutada kõigil nendel juhtudel koos uute sõnadega antud keele õigekeelsusse ka kõigi nende keelte ortograafiat — see oleks ilmne mõttetus”.³

J. V. Stalin ütleb oma teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused”: „Keele sõnavara omandab aga ülisuure tähtsuse, kui ta läheb keele grammatika käsutusse.”⁴ Keele sõnavara hulka kuuluvad mitte ainult üldnimed, vaid ka pärisnimed, niisamuti võõrpärisnimedki, mille tundmist ja meelespidamist me sageli otse nõuame koolis, ülikoolis jne.

¹ „Sipelgas” II, 1861, lk. 7.

² „Eesti Postimees”, 1866, nr. 42.

³ Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», 1951, lk. 292.

⁴ J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused. 1953, lk. 43—44.

Osutades J. V. Stalini ülaltoodud tsitaadile ütleb A. E. Mor-dinov: „Selle viite mõttest ja praktikast enesest nähtub, et uued sõnad kasvavad orgaaniliselt keelde, omandatakse kiiremini selle poolt, kui nende häädamine ja kirju-tamine vastab antud keele foneetilistele iseärasustele ja selle ortograafia seadustele” (Minu sõren-dus. K. A.).¹

Niisamuti tuleb ütelda, et meie praeguste keelereeglite järgi kirjutatud läänest pärinevad võõrpärisnimed jäävad võõrkehadeks eesti keeles ja ei allu eesti keele spetsiifikale, eesti keele foneetilistele iseärasustele ja selle ortograafiale.

* *
*

Ükski ei ole seni suutnud eitada ega tunnistada olematuks neid raskusi, mis praegu kehtiv kirjutamisviis meile valmistab, ja seda segadust, mis meil praegu valitseb. Mõnelt poolt on öeldud ainult, et raskused selleks ongi, et neist jagu saada.

Kuid marksistlik dialektika õpetab, et kõik liigub, areneb, miski ei seisa paigal, et meil tuleb orienteeruda uuele, arenevale, edasi-viivale, mitte vanale, iganenule, tarbetule, mis takistab edasiliikumist, mis on meile nagu kammitsaks jalus. Seepärast ei saa ka keeleteaduses ja keelekorralduslikes küsimustes pooldada stagnatsiooni, tardunud olekut, paigalseismist.

J. V. Stalin õpetab, et isegi „marksism kui teadus ei või seista ühel paigal, — ta areneb ja täieneb... järelikult peavad üksikud tema vormelid ja järeldused aja jooksul muutuma, peavad asenduma uute vormelite ja järeldustega, mis vastavad uutele ajaloolistele ülesannetele. Marksism ei tunnusta muutumatuid järeldusi ja vormeleid, mis on kohustuslikud kõigile ajastutele ja perioodidele. Marksism on igasuguse dogmatismi vaenlane.”²

Oma kõnes kõrgemate koolide töötajate vastuvõtul 17. mail 1938. a. räägib J. V. Stalin tunnustavalt nendest teadlastest, kes saavad aru teaduses juurdunud traditsioonidest ja kasutavad neid teaduse huvides. „Kuid, kes siiski ei taha olla nende traditsioonide orjad,” jätkab J. V. Stalin, „kellel on julgust, otsustavust murda neid traditsioone, norme, harjumusi, kui need vananevad, kui need muutuvad takistuseks edasiliikumisel, ja kes oskavad luua uusi traditsioone, uusi norme, uusi harjumusi.”³ Kogu meie sotsialistliku ühiskonna arengu pant seisneb ju selles, et me otsime vahendeid, kuidas tõsta produktiivsust, kogu novaatorliku liikumise mõte seisneb selles, et otsida teid, kuidas v a h e m a v a e v a g a saavutada neidsamu ja suuremaidki tulemusi. Miks ei peaks

¹ Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», 1951, lk. 293.

² J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused, 1953, lk. 103.

³ Правда, 19 мая 1938 г., № 136.

meie keelekorralduslike küsimuste alalgi seda taotlema?! Et me peame kehtestama sellised keelenormid, mis k e r g e n d a v a d kõige laiematel rahvahulkadel keeletarvitamist, sellest sai aru juba meie progressiivsemaid mineviku kultuuritegelasi Fr. R. Kreutzwald. Võideldes tagurlike saksa pastorite ja kadaklike köster-koolmeistritega uue kirjaviisi kehtestamise eest, kirjutas ta tabava pamfleti tuisulastest, kes ei sallinud mingeid uuendusi. Nad kandsid liigvarukatega kuubi ja pükse, millele olid ömmeldud ilu pärast külge liigreied, nad sõitsid mitmenurgeliste ratastega vankritega ega tahtnud mingi hinna eest hakata tarvitama ümmargusi rattaid. „Meie rahvas on ammust ajast nurgelise rattaga sõitma õppinud ja nende kehad ei karda pörutamist,” niisugune on tuisulaste lõpparvamus.¹ Kui võrrelda ühelt poolt eesti keele seisukohast keerukaid vorme, nagu *Queuille*, *Montesquieu*, *Baudouin de Courtenay* jne., ja teiselt poolt, suhteliselt lihtsaid *Köi*, *Monteskjöö*, *Boduään de Kurtenee*, siis meenub tahtmatult Kreutzwaldi liigvarukatega kuubede ja nurgeliste ratastega vankrite lugu. Miks lihtsalt, kui saab keerukalt, miks kergemini, kui saab ka raske vaevaga hakkama!

Vene keele vanas ortograafias tundusid mõttetu raskusena *ѣ, њ, ѓ* jne. Ja nõukogude võimu üks esimesi samme pärast Suurt Oktoobrirevolutsiooni oli selle raskuse kaotamine. See vene keele ortograafia lihtsustamine, mida TA vastav komisjon taotles tsaarivalitsuse ajal peaaegu 15 aastat, kehtestati Hariduse Rahvakomisariaadi dekreediga 23. dets. 1917. a. Selle dekreeidi sissejuhatavad sõnad kõlavad järgmiselt: „Vene kirjaoskuse omandamise kergendamise eesmärgil laiade rahvahulkade poolt, üldise hariduse tõstmise ja kooli vabastamise eesmärgil asjatust ja ebatootlikust aja- ja vaevakulutusest õigekeelsuse reeglite õppimisel tehakse eranditult kõigile riiklikele ja valitsuse asutustele ja koolidele korraldus kõige lühema aja jooksul teostada üleminek uuele kirjaviisile.”²

Tähendab, nõukogude teadus ei tunnusta fetiseid. Kui mingisugused keelereeglid tunduvad mõttetu raskusena, siis need raskused kõrvaldatakse ega taluta neid alandlikult.

* * *

Praegusest kirjaviisist tingitud raskustest ülesaamiseks on esitatud mõningaid teisi ettepanekuid.

Vaadelgem, kas need ettepanekud on sobivad ja kas need aitavad saada üle raskustest.

1. TRÜ ÜTU poolt korraldatud diskussioonikoosolekul 1951. a. detsembris tehti ettepanek: et osata lugeda, hääldada ja kirjutada

¹ Maa-rahva Kasuline Kalender, 1859, lk. 30.

² А. Б. Шапи́ро, Русское правописание, 1951, lk. 197.

läänest pärinevaid võõrpärisnimesid, tuleks koolide õppekavva võtta lühikursused tähtsamate lääne-euroopa kultuurkeeltega tutvustamiseks, s. o. tuleb õppida enam-vähem selgeks nende keelte foneetika ja ortograafia, et me oleksime võimelised lugema, hääldama ja kirjutama neist keeltest pärinevaid pärisnimesid eesti keeles.

Selle ettepaneku tegijad ei nimetanud, mitme võõrkeelega tutvumist nad peavad vajalikuks. Joh. Aavik pidas piisavaks tutvumist paarikümne kultuurrahva keelega. Ta ütleb: „Et ladina tähestikku tarvitavaid kultuurrahvaid on ligi paarkymmend, siis tuleb sel, kes tahab kõigi nende rahvaste nimesid enam-vähem õigesti hääldada, osata ka ligi paarikymmne keele erineva õigekirjutuse lugemist ja hääldamist.”¹ (Minu sõrendus. K. A.)

Niisiis me peaksime kulutama koolis mitme õppeaasta jooksul aega selleks, et mehaaniliselt tutvuneda mitme lääne-euroopa keele foneetilise struktuuriga ja õppida selgeks nende keelte ortograafia. Ja seda juba 7-klassilises koolis.

See ettepanek ei ole reaalne ega teostatav.

Seda esiteks. Ja teiseks, see on meie emakeele alavääristamine, see on alandav meie rahvuslikule enesetundele. Meie peame õppima mehaaniliselt selgeks mitme ja mitme võõrkeele foneetika ja ortograafia ainult selleks, et lugeda ja kirjutada eesti keeles, oma emakeeles! Tähendab olukord on niisugune: meie tõlgime mingisuguse teose prantsuse, inglise või mõnest teisest keelest eesti keelde, aga et seda teost eestikeelses tõlkes lugeda ja selle üle mõtteid vahetada, tuleb meil siiski enne õppida lähemalt tundma vähemalt vastava keele foneetikat ja ortograafiat. Niisiis praeguses olukorras meie oleme sunnitud õppima (kuigi pinnaliselt) mitmeid võõrkeeli mitte selleks, et neid võõrkeeli osata (seda lühikese ajaga ei suudetagi), vaid selleks, et lugeda oma emakeeles. Meie ei eita muidugi võõrkeelte oskuse tähtsust. Kuid selline olukord, kus meie oma emakeele kirjaoskuse seame sõltuvusse võõrkeelte oskusest, on küll minu arvates absoluutselt vastuvõetamatu.

2. On avaldatud arvamist, et raskustest võib saada üle sellisel viisil, et hakatakse hääldama võõrpärisnimesid nii, nagu neid kirjutatakse, s. o. kirjapildi järgi. On öeldud: „Miks ei võikski me painutada võõrnimede hääldamist eesti keelele? Eesti keeles vastab aga teatavasti hääldus enam-vähem kirjapildile, seega poleks midagi kohutavat, kui loeksime tundmatuid nimesid nii, nagu oleksid nad vastavad eestikeelsed nimed”.²

Mulle tundub, et ka see seisukoht ei ole põhimõtteliselt õige. Niisiis meie peame vormi, s. o. sõna välis, graafilist kuju primaarseks ja tahame ohverdada sellele elava sõna, s. o. selle, kuidas seda nime vastavas võõrkeeles hääldatakse. Niisiis me peaksime

¹ J. Aavik, 20 euroopa keelt, 1933, lk. 5.

² Vt. „Edasi”, 11. dets. 1951, nr. 289.

tunnistama lubatavaks, seaduspäraseks ja normaalseks, kui hääldatakse Jean (loe: jean), mitte Žan (pr. Jean), Jakues (loe: jakues), mitte Žak (pr. Jacques), Loire, mitte Luuar (pr. Loire), John, mitte Džon (ingl. John), Page, mitte Peidž (ingl. Page). Minu arvates on primaarne elav sõna, see, kuidas ta kõlab vastava rahva suus, ning seda meie ei saaks kuidagi ignoreerida. Prantsuse keeles ei ole sellist nime nagu Jean (loe: jean), vaid Žan, inglased ei tunne nime John (loe: john), küll aga Džon.

Kui me legaliseeriksime sellise hääldamise, siis oleks sellel veel teine halb külg. Osa inimesi, kes oskavad üht või teist võõrkeelt, hääldaksid neid sõnu nii, nagu vastavas keeles hääldatakse, osa aga painutaksid kirjpildile vastavalt, sageli mitmeti. See tekitaks paabelisegadust ja takistaks keelel täitmast seda tähtsat funktsiooni, milleks ta õieti on: ühe rahva omavahelise suhtlemise, üksteisest arusaamise, üksteise mõistmise funktsiooni. J. V. Stalin ütleb oma teoses „Marksism ja keeleteaduse küsimused“: „Keel on vahend, tööriist, mille abil inimesed üksteisega suhtlevad, mõtteid vahetavad ja vastastikuse mõistmise saavutavad”.¹ Missugust vastastikust mõistmist võime meie saavutada, kui üks räägib Oskar Uaildist, teine Oskar Vildest, (ingl. Oscar Wilde), üks räägib *Boulangérist* (loe: boulangier), teine *Bulanžest* (prants. Boulanger). Niisiis praegu eesti keeles kehtiv ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede kirjutamisviis vastab täiesti hieroglüüfilisele printsiibile, on eestlasele võõras ja raskendab keelel täita omavahelise arusaamise, suhtlemise funktsioone.

Edasi. Paljusid prantsuse keele vokaalide kombinatsioone või poola ja tšehhi keele konsonantühendeid on peaaegu võimatu täht-tähelt hääldada. Tõepoolest, kuidas eesti lugejad saaksid hakkama selliste nimede tähttähelise hääldamisega nagu Montesquieu, Queuille, Baudouin de Courtenay, Przybyszewski, Szczecin?!

Kui me jääksime senise pruugi juurde, s. o. kirjutaksime ladina tähestikuga keeltest pärinevad võõrpärisnimed täht-tähelt nii, nagu vastavas keeles, ja lubaksime ka hääldada kirjpildi järgi, nagu seda on soovitatud, kuidas me siis suudaksime neid nimesid identifitseerida samade nimedega venekeelses transkriptsioonis. Kuidas me teame, et James on sama, mis *Джемс*, et Jump on sama, mis *Джамп*, Page sama, mis *Пейдж*, Utah sama, mis *Юта*. Ja ometi on meil vene keelega kõige tihedam side, me kasutame kõige rohkem venekeelset teaduslikku kirjandust, meie ajakirjandus, raadio, ETA kasutavad kõige rohkem venekeelseid allikaid. Meie koolides ja ülikoolis kasutatakse rohkesti venekeelseid kaarte.

Ka see ettepanek ei ole vastuvõetav.

¹ J. Stalin, Marksism ja keeleteaduse küsimused. 1953, lk. 42.

Ei saa nõustuda ka nende seltsimeestega, kes väidavad, et vene keele ortograafias kehtivat traditsioon, mille põhjal võõrnimede transkribeerimisel olevat primaarne kirja-pilt, mitte hääldus.¹ See on ekslik arvamus. 1950. aastal Moskvas ilmunud kohanimede sõnaraamatu „Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Соединенных Штатов Америки” eessõnas öeldakse: „Ka siin on võetud aluseks foneetiline printsiip (Minu sõrendus. K. A.) rea üksikute kõrvalekaldumistega sellest, kus on püütud säilitada traditsioonilist vene transkriptsiooni, mis on juurdunud vene keeles ja on võetud omaks suurema osa vene kirjastuste poolt.” Et veenduda selles, et vene keelele võõrnimede transkribeerimisel on primaarne hääldus, mitte graafiline kuju, toon nimetatud teosest ainult mõned juhuslikud näited: Jack — *Джэк*, Jackson — *Джексон*, James — *Джемс*, Jamestown — *Джемстаун*, Jasonville — *Джейсонвилл*, John Day — *Джон Дей*, Jump — *Джамп*;² Bellefontaine — *Белфон-тен*, Belle-Fourche — *Белл Фуриш*;³ Twin Lakes — *Туйн Лейкс*, Utah — *Юта*.⁴ Seesama põhimõte on kehtiv ka isikunimede kirjutamises vene keeles: Shakespeare — *Шекспир*, Rousseau — *Руссо*, Boulanger — *Буланже*, Queuille — *Кэй*, Baudelaire — *Бодлер*, Jacques Duclos — *Жак Дюкло*.

Kas me saame rääkida nende näidete puhul, et vene keele ortograafia traditsioonis peetakse graafilist kuju primaarseks? Ei, ei saa. Jah, seal, kus kirja-pilt langeb enam-vähem ühte hääldusega, seal muidugi transkribeeritakse ka täht-tähelt.

Peatun veel mõne sõnaga identifitseerimise küsimuse juures, kuna seda on peetud üheks tähtsamaks argumendiks häälduspärasele kirjutamisviisile ülemineku vastu.

Öeldakse, et mitmeid nimesid hääldatakse ühtmoodi, aga kirjutatakse eri keeltes või ka samas keeles erinevalt. Ning kui me kirjutaksime häälduspäraselt, siis me ei tea, kellest on kõne, näit. kui me kirjutame Beer (või B ä ä r), s. o. häälduspäraselt, siis nii hääldatakse järgmisi vorme: B a e r, B ä r, B ä h r. Või K r a f t ja K r a f f t, B y r d ja B i r d, millised nimed hääldatakse ühtmoodi, kuid kirja-pilt on erinev.⁵

Minu arvates on see näiline raskus.

Sest kui ma kirjutatan T a m m, kas võidakse mõistatada, keda ma mõtlen: Kas see on eesti luuletaja J a k o b T a m m või meie esimesi kunstlauljaid A i n o T a m m? Eestis on kümneid ja sadu isikuid, kelle perekonnanimi on Tamm, Kask, Jõgi, Mägi jne. jne. Ja kõiki neid nimesid me kirjutame ühtmoodi. Kas sellepärast lähe-

¹ Vt. „Edasi”, 28. XII 51, nr. 304.

² Краткий словарь русской транскрипции... 1950, lk. 486—487.

³ Sealsamas, lk. 441.

⁴ Sealsamas, lk. 547.

⁵ Vt. „Edasi”, 21. XII 51, nr. 298.

vad meil need isikud segi? Siis peaks ju otse kultiveerima, et üks kirjutaks M ä g i, teine M ä g g i, kolmas M a e g i, neljas M e g i jne. Ei. Isiku kindlakstegemiseks on peale perekonnanime ka veel teisi vahendeid. Kõigepealt on igal inimesel oma eesnimi ja isanimi. Edasi — kui me kellestki räägime, siis räägime midagi ja millegi puhul. Meie räägime kas kuulsast vene akadeemikust loodusteadlasest K a r l E r n s t B e e r i s t, kelle mälestussammas seisab Tartus Toomemäel, või me räägime norra tegelasest B e e r i s t. Ja niisugusel korral meil arusaamatusi enam ei tekigi. Nii on iga teise nimega. See vastuväide ei ole paikapidav.

Raskusena on esitatud veel asjaolu, et kui me läheksime üle uuele kirjutamisviisile, siis me peaksime andma välja suuri kõiteid võõrpärisnimede sõnastikke iga maa kohta, nagu seda antakse praegu välja võõrkohanime kohta Nõukogude Liidus.

Sel puhul tuleb meenutada järgmist: 1) Neid sõnastikke on hakatud vene keeles välja andma alles pärast Suurt Isamaasõda. Seni neid sõnastikke ei olnud, kuid võõrpärisnimesid on transkribeeritud vene keeles ikka foneetiliselt. Ja võõrisikunimede kohta ei ole selliseid sõnastikke praegugi. 2) Meie transkribeerime vene, gruusia, hiina jt. pärisnimesid häälduslähedaselt, kuid meil ei ole seni räägitud vajadusest nende pärisnimede kohta registrite väljandmisest. Miks me nüüd äkki kardame, et kui me hakkame kirjutama ka inglise ja prantsuse pärisnimesid foneetiliselt, siis me ei saa läbi ilma paksude sõnastikkudeta.

Läti keeles transkribeeritakse kõiki võõrpärisnimesid foneetiliselt ja ometi saavad lätlased läbi ilma ühegi sõnaraamatuta. Läti keeles ei ole ilmunud seni ühtki võõrpärisnimede sõnastikku. Veel enamgi. Läti õigekeelsuse sõnaraamatu lõpus, mis on ilmunud 1951. a., esitatakse ka mõningad võõrpärisnimed, kuid lähtekeelseid vasteid ei peeta tarvilikuks sõnaraamatuski üldse mitte anda. Need võõrpärisnimed antakse ainult häälduspärasest transkriptsioonis: M i s u r i, R o n a, L u a r a, N j u j o r k a, N j u k a s t l e, S i d n e j a, Š e c i n a, B o r d o, T e m z a, M a n č e s t r a, Č i k a g o jne.¹

3. Nõukogude Liit on maailmariik, siin on sadu kirjastusi ja tuhandeid korrektoreid, kes tegelevad venekeelsete raamatute väljandmisega. Seal on neid sõnastikke vaja, et luua ühtsus. Meil Nõukogude Eestis on aga üks kirjastus, üks korrektooriosakond, Teaduste Akadeemia käe-jala juures, kellega konsulteerida vajaduse korral. Kui esialgu tekibki mõningaid ebaühtlusi, siis need kaovad aja jooksul. Meenutagem, kui palju kordi on muudetud üksikute vene pärisnimede kirjutamist. Ning ühe üldise tähtsamate võõrpärisnimede sõnastiku väljandmine on meilegi jõukohane.

Vene pärisnimede transkribeerimisel me jälgime hääldusläheduse printsiipi, s. o. transkribeerime vene pärisnimesid selliselt, et

¹ Latviešu valodas pareizrakstības vārdnīca, Rīga, 1951.

eestlanegi hääldaks neid võimalikult nii, nagu hääldatakse vene keeles. Vene *ë* me ei transkribeeri eesti *ö*-ga, vaid ühel juhul *jo*-ga, teisel juhul *o*-ga, näit. Potjomkin, Zoltõi (vene Потёмкин, Жёлтый). Vene *e* me transkribeerime ühes asendis *e*-ga, teises aga *je*-ga, jällegi sellepärast, et saavutada eesti keeleski hääldamine, mis oleks võimalikult lähedane venekeelsele hääldusele, näit. Jegorov, Salajev (ven. Егоров, Шалаев), aga Onegin (ven. Онегин). Tšehhov me kirjutame kahe *h*-ga, Vassili kahe *s*-ga, (kuigi originaalis on üks *h* ja üks *s*), Gorki ja Belinski lõpus kirjutame aga ühe *i* (kuigi originaalis on kaks). Kui meil seni kirjutati Oka jõgi (ühe *a*-ga) ja Uural, niisamuti Desna, Sura, Ufa, siis nüüd kirjutame Oka ja Uraal, Desna, Sura, Ufa, sest selliselt kirjutatuna me hääldame neid kohanimesisid nii, nagu hääldatakse vene keeles.

Niisiis me ei hooli, missugused tähed esinevad venekeelses pärisnimes, vaid transkribeerime vene pärisnimesid eesti keeles nii, et hääldamine oleks võimalikult lähedane venekeelsele hääldamisele. Ja see on õige. Sedasama printsiipi tuleks edaspidi rakendada ka ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede transkribeerimisel.

Foneetilise printsiibi kehtestamine läänest pärinevate võõrpärisnimede kirjutamisel, mille järgi praegu käiakse vene, läti ja mõnes teises keeles, võimaldab nende nimede enam-vähem õige hääldamise keeles olemasolevate graafilis-foneetiliste assotsiatsioonide põhjal. Need graafilis-foneetilised assotsiatsioonid eesti keeles on üldrahvalikud, need on saanud omaseks rahvale, alates eesti kirjakeele rajamisest, ja alluvad eesti keele arenguseadustele.

Tulevikus võiksid kehtida ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede kirjutamisel eesti keeles järgmised põhimõtted:

1. Võõrpärisnimede (nii koha- kui ka isikunimede) kirjutamisel eesti keeles võetakse üldiselt aluseks häälduspärane resp. häälduslähedane printsiip, s. o. neid nimesid kirjutatakse nii või ligilähedaselt nii, nagu hääldatakse lähteekeles.

2. Võõrnimede transkribeerimisel eesti keeles tuleb juhendada otstarbekohasuse põhimõttest. Ei tarvitse taotleda võõrkeele häälduspensuste edasiandmist, vaid võõrnimesid tuleb kirjutada, kus see osutub vajalikuks, lihtsustatud hääldamise järgi, nii nagu neid hääldab eestlane, rääkides eesti keelt: nii täpselt kui võimalik ja nii vabalt kui vajalik, näit. Bordo, Bulanžee, Russo, Džein, Sekspiir (mitte Šekspiä), Gööte, Noikirhen (mitte Noikirhjen), Siller (mitte Šilär).

3. Kui teatavas keeles esineb mõne nime (või häälikühendi) mitmesugust hääldamist, siis peab kirjutama niisuguse hääldamisviisi järgi, mis on selles keeles kõige levinenum või lihtsam või missugune hääldamine on eesti keeles omasemaks saanud (õpikute, sõnastike jne. kaudu).

4. Need kohanimed, mille omalaadne kirjutusviis eesti keeles on juba juurdunud ja mida hääldatakse kirja pildi järgi, säilitavad oma senise kuju: Kopenhaagen, Pariis, Berliin, Brüssel, Oslo, Birmingham.

5. Pidada õigeks edaspidi hääldada võõrpärisnimesid nii, nagu neid eesti keeles on otsustatud kirjutada.

6. Sõnastikes ja entsüklopeediates antakse võõrpärisnimed häälduspäraselt, sulgudes aga märgitakse lähtekeelne kuju: Z a k k D ü k l o o (Jacques Duclos), K ö i (Queuille), D ž ä k k (Jack).

7. Raamatuis ja ajalehtedes kirjutatakse võõrpärisnimed häälduspäraselt, kusjuures teaduslike teoste ja kõrgema astme õpikute lõppu lisatakse esinevate võõrpärisnimede register lähtekeelse kuju juurdemärkimisega.

Kuidas me siis hakkame transkribeerima pärisnimesid üskikutest võõrkeeltest h ä ä l d u s p ä r a s e l t, resp. h ä ä l d u s l ä h e d a s e l t? Need reeglid tuleb muidugi välja töötada ja fikseerida vastaval komisjonil. Enamatel juhtudel on meil selge ilma pikemata, kuidas transkribeerida, näit. R u s s o o, B o r d o o, B u l a n z e e, D ž e i n jne. Kus aga on mitmeid võimalusi, seal tuleb küsimust kaaluda ja lihtsalt kokku leppida, kuidas oleks kõige otstarbekohasem hakata transkribeerima ühel või teisel juhul teatud võõrkeele häälikuid või häälikühendeid, juhendudes muidugi välja töötatud üldisist põhimõtteist.

Ka eesti sõnade puhul me lepime kokku, kuidas teatud sõna kirjutada või muuta. Seni me kirjutasime h e k t a a r, k a k s h e k t a a r i (kahe a-ga), nüüd aga on otsustatud uues VÕS-is fikseerida h e k t a r, k a k s h e k t a r i t. Seni me kirjutasime a u t o b u s, k a k s a u t o b u s t, nüüd on fikseeritud a u t o b u s s, k a k s a u t o b u s s i. Seni peeti õigeks sõnast p ä r l m i t m. o s. p ä r l e, — p ä r l e i d oli raske viga, edaspidi peame õigeks vormi p ä r l e i d, p ä r l e a g a — vastuoksa — vigaseks.

Tähendab, see kõik on relatiivne, kokkuleppe asi. Me hülgame järjest seniseid traditsioone ja loome uusi traditsioone. Ning ma olen veendunud, et vastav komisjon, kes hakkab selle küsimusega tegelema, suudab leida eesti keelele kõige omasema ning otstarbekama ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede kirjutamisviisi.

On iseenesest mõista, et üleminek kõne all olevate võõrpärisnimede uuele, lihtsustatud kirjutamisviisile ei saa toimuda üleöö, stiihiliselt, ilma vajalikkude eeltöödetä. Selleks loodud komisjonil tuleb välja töötada vastavad kindlad ettepanekud ja reeglid, neid tuleb arutleda laiematel nõupidamistel ja alles siis kehtestada lõplikult, et vältida üleminekul juhuslikkust ja katsetamisi.

О ПРАВОПИСАНИИ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ ИНОСТРАННЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ИЗ ЯЗЫКОВ С ЛАТИНСКИМ АЛФАВИТОМ

Канд. филологич. наук К. Абен

Резюме

Поднятие и обсуждение этого вопроса обусловливается неестественными и неприемлемыми для широких кругов говорящих на эстонском языке людей, сохраняющимися до сих пор требованиями в эстонской грамматике относительно транскрипции иностранных собственных имен. Вместе с тем, удерживающиеся до сих пор правила эстонской грамматики в этом вопросе находятся в противоречии с основными положениями марксистского учения о языке.

В современной эстонской грамматике сохраняются правила, требующие, чтобы иностранные имена собственные, происходящие из языков с латинским алфавитом, писались и произносились так, как они пишутся и произносятся в исходном языке. В соответствии с этими требованиями эстонской грамматики мы должны писать *Queuille, Boisguillebert, Bordeaux, Rzeszów, Jump, Jack*, а произносить *kõi, buagibäär, bordoo, žešuv, džamp, džäk* (Кэй, Буагильбер, Бордо, Жешув, Джамп, Джек).

Ясно, что большинство говорящих на эстонском языке и не владеющих французским, польским и английским языками, не могут ни правильно произносить, ни правильно писать эти иностранные собственные имена.

Большое затруднение представляет правописание иностранных собственных имен для учащихся, которые, начиная уже с 5—6 учебного года при изучении истории, географии, истории литературы и других предметов имеют дело с иностранными собственными именами. При ознакомлении в школе с новым иностранным именем собственным учащийся должен, во-первых, запомнить, как это имя произносится и, во-вторых, запечатлеть в памяти графический образ этого слова.

Те же, кто встречает иностранные имена собственные в газетах и в переводных сочинениях, избегает обычно их произно-

шения. Когда же это необходимо, например, при очередном обзоре международного положения на предприятии или в колхозе, в докладах и лекциях, то возникают непреодолимые трудности.

Удерживающиеся еще в современной эстонской грамматике правила транскрипции иностранных собственных имен, в особенности географических наименований, имеют весьма неопределенный и относительный характер и вносят непозволительную путаницу и разнобой в этот раздел эстонской орфографии. Так, в правиле о правописании географических наименований говорится, что они пишутся вообще по орфографии исходного языка, только «общеизвестные» имена пишутся так, как принято произносить на эстонском языке. Понятие же «общеизвестный» растяжимое и относительное, и поэтому выступают параллельно формы *Luaag* и *Loire*, *Seen* и *Seine*, *Kostarika* и *Costarica*, *Apalatsia*, но *Alleghany*, *Vestfaal*, но *Ruhr*, *Rein*, но *Thames*, *Pariis*, *Berliin*, но *New York*, *Chicago*.

Имеется также путаница и неразбериха в написании фамилий. Так, на эстонском языке пишутся фамилии известных русских ученых по различным принципам: *Viljams*, *Bahh*, *Smalgauzen*, *Steinman* (не *Williams*, *Bach*, *Schmalhausen*, *Steinmann*), но *Bubrich*, *Baudouin de Courtenay*, *Bronstein* (не *Bubrih*, *Boduään de Kurtenee*, *Bronštein*). Часть греческих имен пишется в последнее время фонетически (*Amfitrion*, *Hefaistos*, *Hüdra*), часть же в латинской транскрипции (*Xexhes*, *Achilleus*, *Mithra*).

Чтобы понять, каким образом проникли в эстонский язык столь чуждые его природе и недоступные народу орфографические правила, нужно рассмотреть вопрос в историческом аспекте. И. В. Сталин говорит с предельной ясностью, что при разрешении языковедческих проблем необходимо учитывать два момента: 1) язык развивается вместе с развитием общества, с историей народа, который является носителем этого языка, и 2) совершенствование языка происходит согласно внутренним законам развития каждого отдельного языка.¹

Само собою разумеется, что в настоящее время при разрешении вопроса о правописании иностранных имен собственных в эстонском языке нельзя исходить из тех установок, которые были впервые сформулированы в 1864 году Якобом Хуртом, нельзя также руководствоваться теми мотивами, на основании которых на Тартуской конференции по вопросу о языке в 1911 году эти чуждые народу грамматические правила были признаны единственно верными.

В первой половине прошлого столетия в правописании иностранных имен собственных в эстонском языке мы наблюдаем стихийный разброд. В 60—70-ых годах начинают бороться два те-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

чения: 1) стремление сохранить чуждую эстонскому языку графическую картину иностранных собственных имен, 2) стремление приблизить написание этих имен к эстонскому языку, сделать его более доступным. Эта борьба продолжается еще в начале этого столетия. Т. Риомар, например, еще в 1908 году считает правильным написание: *Siller, Anžuu, Bulonžee, Kserkses*, т. е. согласно эстонской фонетической транскрипции.

В 1911 году языковая конференция в гор. Тарту фиксирует в качестве единственно правильной иноязычную форму. Это был период господства реакционного, формально-эстетического направления «Ноор-Ээсти» (Молодая Эстония). По мнению представителей этого направления «стиль важнее, чем истина, важнее, чем мораль». Народный эпос «Калевипоэг», который был все время дорог и близок эстонскому народу, они считали «несравненным анекдотом в истории эстонской литературы». Их девизом было: «Прочь от мужика». И о х а н н е с А а в и к хотел ввести в эстонский язык, который он считал «грубым и неэлегантным», побольше элементов из «культурных» европейских языков, побольше «космополитической утонченности». Он хотел создать язык интеллигенции. Он писал, что каждый «мужик» и не должен знать эстонского языка без особого изучения.

В атмосфере таких взглядов на язык, такого понимания задач языка и при наличии представителей, носящих в себе такие концепции, было в 1911 году принято это чуждое и враждебное народу орфографическое правило относительно написания иностранных имен собственных.

Но сейчас мы живем в другой эпохе — эпохе социализма, когда имеют силу другие языковые принципы, именно — принципы общенародности и целесообразности.

И. В. Сталин говорит, что каждый язык имеет свою специфику, свою структуру, свою орфографию, что каждый язык развивается по своим внутренним законам. Присматриваясь к истории развития эстонского языка и к истории эстонской орфографии, в частности, мы замечаем, что развитие эстонского языка идет в направлении все большего приближения к фонетическому, близкому к произношению правописанию. Борьба сторонников так называемого «нового» правописания в третьей четверти прошлого столетия была не чем иным, как борьбой за свойственное эстонскому языку фонетическое правописание.

В настоящее время фонетически пишутся уже не только эстонские, но и заимствованные и международные слова нарицательные.

И. В. Сталин указывает, что словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка. Иностранные же собственные имена, написанные по орфографии французского, английского, польского и т. д. языков,

остаются иероглифами среди эстонских слов: большинство читателей избегают их произношения, ибо их трудно расшифровать.

Предложение ввести в школах изучение фонетики и орфографии нескольких иностранных языков не приемлемо, оно унизительно для нашего национального достоинства: мы должны изучать фонетику и орфографию многих иностранных языков только для того, чтобы читать по-эстонски!

Также не приемлемо предложение произносить точно так, как написано (буква в букву!): *Ja pe* — Я не, а не Джейн, *Ja cques* — Якуэс, а не Жак.

Поэтому имеется настоятельная необходимость перейти к фонетическому написанию иностранных собственных имен, как это принято в русском, латышском и других языках. Это будет способствовать правильному звучанию слова на основании существующих в языке графо-фонетических ассоциаций.

Мое предложение заключается в следующем:

1. В основу правила о правописании в эстонском языке иностранных имен собственных из латинопишущих языков (как имён и фамилий, так и географических наименований) должен быть положен принцип близкий произношению транскрипции, т. е. иностранные собственные имена следует писать в эстонском языке так или примерно так, как они произносятся в исходном языке.

2. При транскрипции иностранных имен собственных в эстонском языке следует исходить из принципа целесообразности. Не следует стараться передавать тонкость произношения иностранных имен собственных, а их следует писать, где это окажется необходимым, по упрощенному произношению, так, как их произносит эстонец, говоря на эстонском языке: так точно, как возможно, и так свободно, как нужно, напр.: *Bordoo*, *Bulanžee*, *Russoo*, *Džein*, *Sekspir* (не *Seikspir*), *Gööte*, *Noikirhen* (не *Noikirhjen*), *Šiller* (не *Šilär*).

3. Если в известном языке произносится какое-нибудь имя (или звукосочетание) различно, то при транскрипции следует предпочитать такое написание, какое соответствует самому распространенному или самому простому произношению или такому произношению, какое уже внедрилось в эстонском языке (через посредство учебников, словарей и т. д.).

4. Те географические наименования, правописание которых уже внедрилось в эстонском языке и которые уже произносятся по написанию, сохраняют нынешнее написание: *Kopenhagen*, *Paris*, *Berlin*, *Brüssel*, *Oslo*, *Birmingham*.

5. Считать впредь правильным произношение иностранных имён собственных так, как их принято писать на эстонском языке.

6. В словарях и энциклопедиях даются иностранные имена собственные в такой транскрипции, как их произносят, а в скоб-

как дается их оригинальное написание: Žakk Dūkloo (Jacques Duclos), Kōi (Queuille), D-ž ä k k (Jack).

7. В книгах и газетах пишутся иностранные собственные имена так, как они произносятся, причем в конце научных трудов и учебников для высших учебных заведений прибавляется список иностранных имен собственных и дается параллельно их оригинальное написание.

МОЛОДОЙ ДОБРОЛЮБОВ КАК ФОЛЬКЛОРИСТ И ЭТНОГРАФ

Канд. филол. наук Б. Егоров

Кафедра русской литературы

В дореволюционной буржуазной науке о народном творчестве считался твердо установленным тот факт, что история русской фольклористики ведет свое начало от исследований Ф. Буслаева, А. Афанасьева, А. Веселовского, от мифологической и компаративистской школ. Советские ученые развенчали это ложное представление и, опираясь на ленинское учение о двух культурах в каждой национальной культуре, вскрыли другое направление в русской фольклористике, в корне отличное от линии Буслаева и Веселовского, направление передовое, народное, характеризующееся именами великих русских революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова.

Учитывая, что ростки демократической фольклористики появились еще раньше — в трудах Радищева, Пушкина, декабристов, мы теперь можем смело утверждать, что именно демократическая линия в русской фольклористике создала науку о народном творчестве и явилась ведущей на протяжении многих десятилетий.

Среди других революционных демократов Добролюбову принадлежит особенно почетное место в истории русской фольклористики. Собрание и запись произведений устного народного творчества, создание революционно-демократической программы изучения фольклора, беспощадная борьба с буржуазной фольклористикой — вот далеко не полный перечень выдающихся заслуг Добролюбова перед наукой о народном творчестве. Все эти факты замалчивались буржуазными учеными и были вскрыты только в советское время. Исследованию этих вопросов был посвящен ряд статей проф. М. К. Азадовского (см. например, его работу «Н. А. Добролюбов и русская фольклористика», «Советский фольклор», № 4—5, 1936), статья проф. А. П. Скафтымова «Н. А. Добролюбов о фольклоре» («Литературный критик», 1936, № 2) и, наконец, статья В. Е. Гусева «Добролюбов и проблемы фольклористики» («Советская этнография», 1950, № 4). Вследст-

вие новизны темы, эти работы, естественно, были посвящены рассмотрению трудов и воззрений зрелого Добролюбова, семинарский период его жизни в них затронут очень бегло. Однако, эти годы являются очень важными для уяснения глубокого интереса Добролюбова к народному быту и творчеству и его прекрасной осведомленности в этих вопросах. Кроме того, по этой теме имеется богатый архивный материал, не использованный названными фольклористами.

Данная статья и посвящена исследованию раннего периода жизни и деятельности Добролюбова, фундамента, на котором позднее развилось революционно-демократическое мировоззрение великого русского критика.

1.

Детские и юношеские годы Добролюбова протекли в Нижнем Новгороде, в период «мрачного семилетия» в истории России (1848—1855), когда самодержавие, боясь растущего народного движения в стране, душило все свободное и живое, когда опричничение крепостного крестьянства достигло предела. Нижний Новгород в конце 40-х гг. представлял собой средний губернский город царской России (количество жителей немного превышало 30 000), но находился в выгодном географическом положении: в нем пересекались сухопутные тракты с Севера на Юг и с Запада на Восток с великим волжским путем. Поэтому таким громадным успехом пользовалась Нижегородская ярмарка. На ярмарку приезжали купцы из Кяхты, Ташкента, Персии. Торговый оборот ярмарки рос с каждым годом. В дни наиболее интенсивной торговли (в августе месяце) в Новгород стекались многие тысячи людей. Это вносило большое оживление в жизнь города. В остальном же Нижний не отличался от других губернских городов черноземной полосы. Промышленность была слабо развита. 94% населения губернии составляли крестьяне, из которых более 70% — крепостных. Ужасная жизнь последних не подлежит описанию. Скучные клочки земли, примитивное ведение хозяйства, барщина и оброки... Крестьяне испытывали острый недостаток даже в самом важном продукте питания — в хлебе. Только по официальным данным «Нижегородских губернских ведомостей», для удовлетворения потребностей жителей Нижегородской губернии на зиму 1850/51 гг. урожая 1850 года недоставало на 670 000 четвертей зерна. Любопытны «советы», которые преподносит редакция газеты: «... недостаток этот может замениться картофелем, огородными овощами и лесными плодами, а также заработками и отлучкою иных крестьян из жительство по своим промыслам и помощью самих помещиков. Вследствие чего губернское начальство не предвидит никакой особой надобности к принятию каких-либо мер для обеспечения продовольствия жителей до нового урожая».¹

¹ «Нижегородские губернские ведомости», 1850, № 58.

Многие крестьяне шли на побочные заработки, главным образом в бурлаки. Но развитие пароходства на Волге обесценило бурлацкий труд (одно из противоречий капитализма: развитие техники ведет к обнищанию масс) и лишило крестьян важной статьи дохода. Недоимки росли с каждым годом. Соответственно росло недовольство, росло количество активных выступлений крестьян.

Всего этого не мог не видеть Добролюбов. Посещая ярмарку, он имел возможность общаться с самыми различными социальными группами людей, в том числе и с крестьянами, бурлаками, рабочими. Много родных Добролюбова жило в глухих уголках Нижегородской губернии, и он мог от них слышать рассказы о народной жизни, произведения устного народного творчества, а может быть, бывая у них в гостях, и сам непосредственно наблюдал быт деревни. Отметим, что бабушка Добролюбова, Мария Федоровна (мать отца), которая хотя и не жила в Нижнем, но часто туда приезжала, — была хорошей сказочницей (см. в воспоминаниях сестры Добролюбова, Антонины Александровны: «помню, что мы — дети очень любили ее посещения, так как она рассказывала нам всегда сказки»¹). Наконец, большинство одноклассников Добролюбова по семинарии также было деревенскими жителями. Во всяком случае, Добролюбов хорошо знал условия жизни трудового народа. Этого не скрывал и он сам. В дневнике 1855 года он записал, что провел «первые годы жизни в ближайшем соприкосновении с простым и средним классом общества».²

«Ближайшее соприкосновение» с народом побуждало Добролюбова к изучению его жизни, его интересов, его устного творчества (которым, кстати сказать, изобиловала Нижегородская губерния, давшая фольклорный материал многим поколениям русских писателей, от Пушкина до Горького).

Громадное значение для развития Добролюбова имели книги. Сохранились почти все списки прочитанных книг, составленные самим Добролюбовым в 1849—53 гг., красноречиво говорящие о его занятиях: в год Добролюбов прочитывал более 400 книг! Правда, вначале у Добролюбова не было системы в чтении, но среди прочитанных им книг находятся сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, журналы со статьями Белинского. Среди книг встречаются и труды о народном творчестве: семитомный «Быт русского народа» А. Терещенко, «Сказания русского народа» И. Сахарова, статья И. Снегирева о пословицах и др. Замечания Добролюбова об этих книгах свидетельствуют о вдумчивом изучении

¹ Архив Добролюбова в Институте русской литературы Академии Наук СССР в Ленинграде (ИРЛИ АН СССР), 1946/VIIIс, л. 2 об. Все дальнейшие ссылки на архивные материалы означают, что последние публикуются впервые.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений под редакцией П. И. Лебедева-Полянского, ГИХЛ, 1934—1941; т. 6, стр. 397. Все дальнейшие ссылки на это издание даются сокращенно — Н. А. Добролюбов, 6, 397.

им материалов, имеющих отношение к фольклору (они будут рассмотрены ниже).

Но интерес Добролюбова к народу не ограничивался знакомством с печатными источниками. Такое кабинетное отношение было чуждо уже раннему Добролюбову. Он с детства практически занимается изучением народного творчества. В его бумагах сохранился листок, на котором находятся черновик стихотворения «Положим, я теперь мальчишка» с датой «1849 г. На пасхе» и список пословиц (152 шт.).¹ Судя по почерку, этот список также можно датировать 1849 годом. Эта самая ранняя из всех дошедших до нас записей Добролюбовым произведений устного народного творчества.

В основном пословицы взяты Добролюбовым непосредственно из уст народа, в них нет той искусственности, той «книжности», которыми грешили многие печатные сборники пословиц 30—40-х гг. Некоторые из пословиц добролюбовского списка ярко характеризуют народную меткость в определении существенных черт крепостной России 40—50-х гг.:

Времена шатки, береги шапки.

Не бойся истца, а бойся судьи.

Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет.

Но у 13-летнего Добролюбова еще слабо было развито классовое чутье: рядом с пословицей «Бог высоко, а царь далеко», отражающей глубокое недоверие народа к царям земным и небесным, он записывает религиозно-монархическую, вряд ли сложенную крестьянством пословицу: «За богом молитва, а за царем служба не пропадет».

В зрелые годы Добролюбов очень строго подходил к псевдонародным произведениям. ««Гром не грянет, — мужик не перекрестится», — говорят в свое подкрепление красноречивые знатоки русской народности, выдавая этот пошлый афоризм какого-то грамотея за народную русскую пословицу»² — возмущался Добролюбов в статье «Черты для характеристики русского простонародья».

Добролюбов продолжал собирать пословицы в течение всей своей семинарской жизни. Черновой список, относящийся примерно к 1852 г., содержит в себе более 200 народных пословиц.³ Перед отъездом в Петербург у Добролюбова было собрано около 1500 пословиц.⁴ Эти пословицы он обработал будучи студентом, при подготовке статьи о сборнике пословиц Буслаева.

Однако, уже в семинарских бумагах мы находим свидетельства хорошего знания Добролюбовым пословиц. В апреле-мае

¹ Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1841/VIIIс.

² Н. А. Добролюбов, 2, 262.

³ Архив Добролюбова в Государственной Публичной Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ), № 48, лл. 7—8 об.

⁴ Там же, № 45, лл. 5—25 (1-ый список, около 1300 пословиц); архив АН СССР в Ленинграде, ф. 216, оп. 3, № 1173 (2-ой список, более 200 пословиц).

1850 г. Добролюбов читает журнал «Иллюстрация» за 1847 г., в котором регулярно публиковались ребусы (Добролюбов именует их загадками), зашифровывавшие различные пословицы и изречения, и отгадывает почти все из этих ребусов (например: «Загадку этого № я отгадал. Это наверно известная пословица: хорошо тому жить, кому бабушка ворожит». ¹)

Добролюбов использует пословицы в своих сочинениях. Рецензируя стихи своего товарища, М. Лебедева, Добролюбов заключает: «Может быть Лебедев хочет подражать Ломоносову, но... к нему очень хорошо можно будет применить русскую поговорку:

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней...» ²

Добролюбов семинарского периода интересовался пословицами и других народов. Около 1852 г. он начал записывать пословицы на известных ему иностранных языках (особенно на латинском, греческом и немецком). В семинарских бумагах Добролюбова сохранился один такой листок, на котором записаны 20 латинских, 9 греческих, 11 немецких и одна французская поговорка. Важно при этом отметить, что Добролюбов снабжал иностранные пословицы русским переводом, но не буквальным переложением — он старался подыскать аналогичную русскую поговорку. Вот несколько примеров:

«Aliena nobis nostra plus aliis placent —

[буквально — чужое нам, наше больше другим нравится]

В чужих руках ломоть толще...

An den Federn erkennt man den Vogel

[буквально — по перьям узнают птицу]

Птица видна по полету...

Alii ebrii sunt, alii poscam rotitant

[буквально — одни пьяны, другие напиток попивают] —

В чужом пиру похмелье». ³

Это еще один факт, подтверждающий хорошее знание Добролюбовым пословичного фонда русского народа. Мы вернемся еще к поговоркам при характеристике краеведческих занятий Добролюбова.

2.

Большой интерес проявлял Добролюбов и к другому распространенному жанру народного творчества — загадкам. В 1850 г. он обращается к составлению списков загадок, аналогично пословичным спискам. Сохранилось три таких списка:

- 1) черновой (10 штук);
- 2) полубеловой (32 штуки);
- 3) белой (35 штук). ⁴

¹ Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1952/VIIIс, л. 13.

² «Литературный архив», № 4, М.—Л., 1953, стр. 67.

³ Архив Добролюбова в ГПБ, № 84, лл. 1—2.

⁴ Там же, № 51, лл. 1—3.

Уже из количественного несоответствия видно, что второй и третий списки не являются перепиской набело первого. Это и не продолжение один другого, так как в каждом из списков есть и общие загадки, и не встречающиеся в двух других, т. е. это три самостоятельных списка. Да и хронологически эти списки, вероятно, не имели последовательности, какую можно было бы предположить, расположив их по принципу качества записи. Точную дату имеет только второй список — 1 октября 1850 г., остальные, судя по почерку, датируются приблизительно 1850—1852 гг.

Следует еще учесть, что эти списки вряд ли были у Добролюбова единственными. Вероятно, до нас дошла только небольшая часть его записей загадок, так что по имеющимся данным трудно восстановить «творческую историю» занятий Добролюбова этим вопросом. Но и сохранившиеся материалы позволяют утверждать, что Добролюбов собирал загадки не по книгам или другим каким-либо косвенным источникам, а из уст народа, скорее всего у крестьян. Об этом красноречиво говорят сами загадки, в большинстве своем связанные с крестьянским бытом: огонь, печь, дым, чугунок, горшок, колодец, жернова, огурец, река, капуста, орехи, рожь, серп, дровни и т. п. Текст загадок также в общем опирается на крестьянский быт: «Черная корова всех поборола (ночь)»; «Выгляну в окошко, стоит репы лукошко (звезды)»; «Сивый конь через ворота смотрит (луна)»; «Бык ревет, хвост до неба дерет (колодец)»; «Полно подполье гусей, лебедей (зубы)» и т. д.

Изучая крестьянский быт, Добролюбов не мог не заинтересоваться наиболее распространенным видом народного творчества — песней. Позднее, в статье о Кольцове, Добролюбов дал содержательный отзыв о значении песни в быту русского народа: «... по свидетельству всех занимавшихся исследованием народной поэзии, ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними русские. У нас народ сопровождает пением все торжественные случаи своей жизни, всякое дело, всякое веселье и печаль. Еще в колыбели дети убаюкиваются песнями; подрастая, они сами выучиваются напевать народные песни... Песня сопровождает поселянина во всех его общественных трудах; она же следует за ним и в семейную жизнь его».¹

Добролюбов не только слушал песни. В его семинарских бумагах находятся записи² шести народных песен. Из них две — любовные [1) плач девушки по поводу отъезда ее милого в Питер и 2) скорбь «молодца» после измены «сударушки»] и че-

¹ Н. А. Добролюбов, 1, 123—124.

² По этим записям можно восстановить его собирательскую методику: вначале он записывал песню со слов, а затем дополнял и исправлял запись уже с голоса. Позднее данный прием прочно вошел в практику собирателей фольклора.

тыре — шуточные [3] о курочке; 4) о крысе; 5) о печении хлеба; 6) о сарафанчике из лопухов].¹

Эти песни соответствуют следующим вариантам в «Великорусских народных песнях» Соболевского:

- 1) т. V, №№ 518—529,
- 2) т. V, №№ 680—684,
- 3) [нет]
- 4) т. VII, №№ 426—427,
- 5) т. VII, №№ 23—29,
- 6) т. VII, №№ 260—270.

Так что эти песни (исключая третью и четвертую) довольно распространены в России. Но у Соболевского ни один из вариантов не записан в Нижегородской губернии. В этом отношении записи Добролюбова являются новыми вариантами известных песен. Например, песня о сарафане из лопухов, обычно начинающаяся с разговора о самом сарафане, в варианте Добролюбова содержит большое вступление — «предисторию» идеи о сарафане. Эти записи датируются приблизительно 1851—52 гг.

Под впечатлением народных песен Добролюбов, уже пробовавший свое перо в области лирики, создает несколько стихотворений в подражание народному творчеству. Сохранилось только одно стихотворение,² опубликованное в 6 томе Полного Собрания Сочинений Добролюбова (стр. 553), под названием «Ветры буйные, добрый молодец. (Подражание народным песням)». Это стихотворение говорит о хорошем знакомстве 14-летнего Добролюбова с народной песней и ее художественными особенностями. Добролюбов широко применяет в своем произведении такие приемы народного творчества, как отрицательное сравнение (не ветры, не буря, а добрый молодец), параллелизм (тростиночка — жена), единоначатие (что не..., что не...), повторения (ветры, ветры буйные; о пощаде, о прощении), постоянные эпитеты (ветры буйные, добрый молодец, сыра земля). Но в целом, конечно, стихотворение далеко от народных произведений. История, рассказанная Добролюбовым, напоминает скорее мещанский «жестокий романс», чем народную песню.

В народных песнях обычно проводится полная параллель между явлениями природы и человеческими отношениями; Добролюбов же противопоставляет: буйный ветер утих, а муж убивает жену. Добролюбов применяет некоторые грамматические формы, не свойственные народному языку, как, например, краткое страдательное причастие в роли сказуемого (ветер усмирена ее по-

¹ Архив Добролюбова в ГПБ, № 44, лл. 1—3. Две песни (№№ 4, 5) были опубликованы М. К. Азадовским («Советский фольклор», № 2—3, 1935, стр. 425).

² О существовании других говорят списки, составленные самим Добролюбовым; так, напр., в одном из списков встречается стихотворение «Русская песня: Знать не для меня...» (см. ПСС, 6, 793).

корностью), а также использует слова, заимствованные из древнеславянского языка и не употребляемые в живой народной речи (внимает, ветр, шадит). Позднее Добролюбов сам осудил такие подражания народному творчеству.

В это же время Добролюбов увлекается чтением песен Кольцова. В реестре за 1852 год Добролюбов оставил восторженный отзыв о творчестве Кольцова: «Действительно, Кольцов русский народный поэт, и дух его, его талант преимущественно выразился в его русских песнях. Не выходят из ряда обыкновенных произведений даровитых поэтов те из его стихотворений, которые написаны им правильными ямбами и хорейми, с рифмами. Но в русских песнях, в этом истинно русском складе он неподражаем. Я в пятый и десятый раз с одинаковым удовольствием перечитал некоторые из его песен и дум». ¹ Добролюбов написал около десятка стихотворений в подражание Кольцову («Весна», «Элегия», «Тучи черные», «Двумужница», «Желание», «Гори, солнышко» и др.), в которых также проявилась его тяга к содержанию, ритму и художественным приемам народной песни. Большинство этих стихотворений написано Добролюбовым в период 1850—51 гг., т. е. именно в то время, когда он собирал народные песни.

В «кольцовских» стихах Добролюбов придерживался формальных особенностей поэтики Кольцова: пиррихированный хорей (3-стопная строка с ударением на 3 и 5 слоге), белый стих, эпитеты, параллелизмы и т. д. Сюжеты также взяты главным образом у Кольцова: описание деревенской жизни, природы, молодецкой грусти на сердце и т. п. Но художественная ценность этих стихов очень незначительна. Это понял через несколько лет сам Добролюбов. В мае 1853 г. он писал товарищу о своем стихотворении «Тучи черные»: «Подражания Кольцову вам, конечно, случалось читать, и вы сами по себе убеждены, что Кольцов неподражаем. Мне это также совершенно известно, но что может остановить пиетическое парение?! Я выбрал кольцовский размер, вставил несколько его выражений и был уверен, что я подражаю. Идея стихотворения, правда, недурная, и я где-то еще повторил ее; но я не мог совладать с ней как следует, и вышло что-то очень непригожее. Печаль-тоска ходит у меня в ретивом сердце, грусть разрешается током в два ручья. После дождичка (это нежно!) пропадаю т все тучи черные. И опять эта совсем не русская форма: разразил а с я, разрешил а с я и пр. А в этом и поставлял я некогда простоту и народность стихотворений Кольцова!» ²

Тем не менее нельзя отрицать значение этих подражаний для Добролюбова. Это значение заключалось в том, что Добролюбов

¹ Опубликовано в книге В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова», ГИПЛ, 1950, стр. 23.

Реестры — это списки, куда Добролюбов заносил названия прочитанных книг и краткие рецензии.

² Н. А. Добролюбов, «Дневники», 2 изд., М., 1932, стр. 269.

лучше, глубже понял стиль и манеру Кольцова. Об этом убедительно говорит выше приведенное письмо, а также все пронизательные замечания Добролюбова в его зрелых статьях о форме народного творчества.

3.

Добролюбова-семинариста интересовал еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к устному народному творчеству — вопрос о народном суеверии.

В детстве Добролюбова все было создано для того, чтобы сделать из мальчика правоверного христианина: отец — честно верующий священник, религиозная семья, более чем религиозная обстановка в семинарии. Все это не могло не повлиять на сознание Добролюбова. В первые годы учебы он искренне верил в догматы христианства. Об этом свидетельствуют все дошедшие до нас семинарские сочинения Добролюбова («Разбор 103 псалма», «Рассуждение о заслугах Св. Василия Великого для церкви», «Рассуждение о воскресении тел» и др.¹).

Но чтение естественно-научной литературы, статей Белинского начало постепенно колебать эти взгляды. Первые заметные признаки сомнения относятся к 1852 г. В этом году Добролюбов интенсивно изучает материалы о неблагоприятной исторической роли церкви, работает над исследованием о суевериях и т. п. Об этом времени он записал в дневнике: «Молиться — сердце мое черство и холодно к религии, а я тогда [осенью 1852 г. — Б. Е.] даже и не заботился согреть его теплотой молитвы».²

Но это был еще не окончательный разрыв с религиозностью, а своеобразный переходный период. К этому периоду и относятся занятия Добролюбова народными суевериями. Возможно, что именно начинающиеся сомнения и колебания и явились толчком к изучению вопроса о суеверии.

Главным источником фактических сведений о суевериях для Добролюбова служил семитомный труд А. Терещенко «Быт русского народа». Впервые эту книгу Добролюбов прочел в период с 28 мая по 4 июля 1851 г. Причем не просто прочел, а внимательно проштудировал, так как из этих 38 дней Добролюбов посвятил книге Терещенко — 27 дней.³

Добролюбов восхитился фактической стороной «Быта русского народа»: «Превосходная книга. Невероятный исполинский труд по количеству собранных сведений. Большая часть обычаев, поверий, песен, обрядов и пр. собрано или по крайней мере упомянуто здесь. Фактическая занимательность огромная».

Оценка Добролюбовым авторской точки зрения была, наоборот, резко отрицательной: он счел совершенно лишними «соб-

¹ Архив Добролюбова в ГПБ, №№ 66, 67, 68, 71, 72.

² Н. А. Добролюбов, 6, 386.

³ Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1952/VIIIс, л. 25 об.

ственные умствования и примечания автора и старания произвести все поверия откуда-нибудь и з ч у ж а». ¹

Замечательна эта фраза 15-летнего Добролюбова: задолго до появления компаративистской школы в фольклористике Добролюбов критиковал одного из «предшественников» этого реакционного течения.

Кроме того, был категоричен отзыв Добролюбова о языке работы: «Язык из рук вон плох, самый безграмотный». Но фактический материал у Терещенко Добролюбов использовал. Он сделал многочисленные выписки из книги, занимающие лл. 1—2 об. папки № 57 архива Добролюбова в ГПБ.

Более чем вероятно, что изучение книги Терещенко натолкнуло Добролюбова на мысль заняться самому собиранием народных поверий. Сохранилась одна такая тетрадка, в которой Добролюбовым записано 380 «предрассудков, поверий, примет и суеверий». ² Знаменательные выводы о народной жизни мог сделать Добролюбов на основе изучения этих примет. Если взять наугад первые 25 поверий и разделить их по характеру предсказаний, то получаются интересные цифры: только 3 (№№ 10, 16, 17) предсказывают благополучие, «счастье», 5 (№№ 5, 9, 14, 21, 22) — двойки (например, № 14 — если правая рука чешется, принимать деньги, левая — отдавать); остальные 17 — «к score», «к бедствию», «к войне или другому бедствию», «к покойнику», «к беде» и т. п.!

Если в категории двоек примет принять вероятность несчастных предсказаний за половину (т. е. за 2,5 из 5), то из 25 примет 19,5 (т. е. 78%) сулят бедственный исход. Этот пример ярко иллюстрирует марксистское положение о естественно-материалистическом происхождении суеверия: ужасные условия жизни народа создали такой большой процент «бедственных» примет.

Собранные Добролюбовым материалы о народных приметах послужили базой для его первой теоретической работы о суеверии и предрассудках. Сохранилась тетрадка с заголовком «Рассуждение о суеверии и предрассудках» (вероятно, название будущей работы) с 123 выписками из различных источников. ³

Добролюбов не датировал время работы над литературой вопроса, поэтому приходится обращаться к его реестрам, где можно почерпнуть сведения о сроках прочтения им некоторых источников, цитаты из которых он занес в свою тетрадку. Тогда сроки его работы над выписками для «Рассуждения» устанавливаются в пределах между началом 1851 г. и августом 1852 г., когда Добролюбов изучал источник, из которого он взял послед-

¹ Полностью этот отзыв см. в книге В. С. Кружкова «Мировоззрение Н. А. Добролюбова», ГИПЛ, 1950, стр. 27.

² Архив Добролюбова в ГПБ, № 52, лл. 1—11 об.

³ Там же, № 53, лл. 1—14.

ние цитаты (№№ 121—123). Выяснение этих сроков имеет важное значение: в литературе о Добролюбове иногда встречаются мнения, что якобы только смерть родителей зародила в Добролюбове сомнения в истинности религии. Оказывается, сомнения появились раньше, — это видно из разбора материалов для «Рассуждения». Как уже сказано, тетрадку с цитатами Добролюбов, вероятно, предполагал использовать в своей работе о суеверии. Но так как неизвестно, была ли написана сама работа, то эти цитаты являются единственным источником, по которому мы можем судить о содержании исследования Добролюбова. Поэтому попытаемся на этом основании воссоздать основные тезисы «Рассуждения о суеверии и предрассудках». Для этого выпишем наиболее существенные цитаты не в порядке их занесения в тетрадь, а в порядке логического развития предполагаемого плана Добролюбова.

Попутно будем кратко характеризовать некоторые источники, из которых взяты цитаты. Нумерацию сохраняем добролюбовскую. Для удобства большинство сокращений Добролюбова публикуется в полном виде без дополнительных примечаний.

«№ 43. С некоторого времени народные поверья и предрассудки сделались у нас предметом самых старательных исследований. Некоторые из наших ученых составили целые сборники поверий, сохранившихся в народе; другие приступили уже и к объяснению этих поверий. Но дело все еще недалеко подвинулось вперед. Собраны только факты, и то не все, а значение этих фактов до сих пор еще остается необъясненным. («Современник», 1851 г. № 3. Критика, стр. 23)».

Цитата взята из анонимной статьи «Обозрение русской литературы за 1850 г.», из той ее части, где рассматриваются «Воронежские губернские ведомости». Автор обзора хвалит газету за большое внимание к этнографии, считает поэтому ее лучшей в России. Эту цитату Добролюбов, по всей вероятности, собирался использовать во вступлении, где он сказал бы о наличии большого фактического материала по данной теме и об отсутствии теоретических исследований.

«№ 34. Обычаи, поверья, предания старины и поверья народа, верно замеченные во всех подробностях и рассказанные отчетливо, могут дать верное понятие о народном характере. («Библиотека для чтения», 1850, № 7, стр. 49—50)».

Эта цитата интересна материалистическим толкованием преданий и поверий, как отражения жизни данного народа. Это особенно импонировало Добролюбому, вся собирательская деятельность которого была как раз направлена на изучение народного быта и идеологии.

«№ 5. Жизнь древних и средневековых обществ была неразрывно связана с таинственными действиями и влияниями языческих жрецов, или с суевериями, поддерживаемыми невежеством

и личными выгодами людей, знавших некоторые физические законы, недоступные толпе. Все тайны магии заключались в немногих химических, физических и физиологических процессах. («Современник», 1850 г. № 9. Науки и художества. Стр. 11. М. С. Хотинский. «Волшебство и натуральная магия»).

Добролюбов в течение своей семинарской учебы не переставал интересоваться трудами, дающими естественно-научное объяснение всяким религиозным «чудесам». В середине 1852 г. Добролюбов изучал многотомный труд французских богословов XVIII века «Иудейские письма», защищавший библию от насмешек Вольтера. Добролюбова привлекло здесь следующее место. В ответ Вольтеру, отрицавшему реальность эпизода с золотым тельцом («И взял [Моисей] тельца, которого они [израильтяне] сделали, и сжег его в огне, и стер в пыль и рассыпал по воде, и напоил ею сынов Израилевых», — «Ветхий завет», 2-я книга Моисеева, гл. 32, § 20), богословы привели несколько выписок из курсов химии Штала и Сенака, где сообщались реакции, при помощи которых возможно соединение золота с другими химическими элементами и превращение в комплексную соль золота в виде порошка.

Добролюбов переписал к себе в тетрадь эти реакции.¹ Его, по видимому, очень заинтересовало естественно-научное толкование библейского «чуда». Ведь французские богословы сами себя высекли, — опровергнув Вольтера, они одновременно опровергли мистическую подкладку «чуда», объяснив его как результат не очень сложной химической реакции.

В другой раз Добролюбов выписал из анонимной статьи «Записки колдуна» («Библиотека для чтения», 1851, № 2, смесь, стр. 135—139) несколько химических рецептов, которые автор статьи приводит в опровержение сверхъестественности таких фокусов, как глотание горячей пакли, держание в руках раскаленного железа и т. п. (автор доказывает, что все «колдуны» были хорошими знатоками физики и химии и ловко околпачивали публику).²

Прочитав в журнале «Иллюстрация» анонимную статью «Оракулы и гадания в древности», где доказывается, что оракулы и гадалки — шарлатаны, пользовавшиеся темнотой народа, Добролюбов отметил: «... очень замечательная статья».³

Тема разоблачения церковного шарлатанства и наживы под видом религии, как видно, очень интересовала Добролюбова-семинариста.

«№ 8. ... суеверие ... причинило бедствия всему человечеству! Оно породило ереси, расколы, междуусобия, инквизицию. Оно возжигало везде и во всякое время неугасимые костры противу

¹ Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1885/VIIIс.

² Там же, 1877/VIIIс.

³ Там же, 1952/VIIIс, л. 14.

свободы мысли. («Взгляд на суеверия и предрассудки» П. Пузино)».

Здесь очень любопытно связывание суеверия с инквизицией. Из этой фразы следует вывод, что дело не столько в причинной связи (т. е. распространение суеверий заставило церковь принять репрессивные меры), сколько в отождествлении самой инквизиции с суеверием. Тогда фраза приобретает особенно острый смысл: церковь всегда являлась самой активной преградой на пути развития науки и прогресса.

«№ 45. В ту самую эпоху, когда появилась инквизиция, начались басни о колдунах и волшебниках... («Ист. пров. Попона», т. 2, гл. 62, стр. 352)».¹

Эта цитата еще более интересна: «суеверия» не причина, а следствие — сама инквизиция их выдумала для наведения страха на народ и для страховки себя от различных опасностей.

«№ 47. Духовенство, особенно в высших своих представителях, видело вред привязанности к древним преданиям и обычаям, и старалось ей противодействовать. Оно старалось искоренить суеверную народную доверенность к волхвам, колдунам и ведьмам, и преследовало эти лица, как скоро обнаруживались их зловерные действия. («Современник», 1851 г. № 4. Науки и художества. «Колдовство на Руси в старину» А. Афанасьева, стр. 50)».

В этой статье Афанасьев рассматривает суеверия с точки зрения представителя официальной церкви: источник суеверия — в язычестве, а христианская церковь боролась с язычеством (причем Афанасьев не смог скрыть методы «борьбы» — жестокие истязания неверующих).

«№ 108. Дельрио рассказывает, что в первой четверти 1515 г. в одной Женеве казнено слишком 500 лиц, уличенных в чародействе; Варфоломей да Спина говорит, что в одном Комском приходе казнено их в упомянутом году по несколько десятков в каждый месяц. Ремигий с самодовольством объявляет, что заведывая Лотарингией, он в течение 15 лет (1580—1595) сжег до 900 колдунов... Подобное безумие господствовало в Европе от крайних южных пределов Италии и Испании до берегов Балтики и пустынной Финляндии...»

Цитата взята из выше упомянутой статьи М. С. Хотинского. Хотинский приводит много материалов о нечеловеческих пытках, которым средневековая инквизиция подвергала еретиков.

Эти две цитаты характеризуют различное отношение их авторов к церковным зверствам: Хотинский осуждает «безумие» инквизиции, Афанасьев старается как можно меньше говорить о самих жестокостях и побольше привести аргументов в их защиту. Но сходство следствий обоих фактов не могло не натолкнуть Добролюбова на мысль о сходстве и причин, которыми руководствовались как католическая инквизиция, так и православная

¹ Заголовок книги не выяснен.

церковь. Добролюбов писал позднее в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы»: «Обличения пастырей против смешения языческих понятий с христианскими не прерывались до времен Тихона Воронежского, [которого поучения против Ярилы и т. п. отличаются жестокою нетерпимостью]». ¹

«№ 121. Обман и шарлатанство всегда найдут себе средства проникнуть в пределы высшего общества, и предположение, что развитие образования и открытия в области наук в XIX столетии совершенно искоренили всякую ложь и предрассудки, было бы весьма ошибочно ... («Магический кристалл и лондонские колдуны», «Современник», 1852 г., № 3, Смесь, стр. 18)».

Последняя цитата важна призывом к искоренению предрассудков и суеверий, тормозящих развитие науки.

Таким образом, по этим цитатам можно воссоздать в общих чертах предполагаемое содержание «Рассуждения».

1. Незаработанность темы.

2. Предания и поверья — отражение народной жизни.

3. Служители культа с древних времен пользуются народной темнотой в своих корыстных целях. Различные чудеса и «сверхъестественные» явления, используемые ими опять же для закабаления народа, объясняются материалистически.

4. Церковь всегда жестоко боролась с народными суевериями (может быть, Добролюбов дошел здесь до мысли, что если в период смены язычества христианством борьба последнего с суевериями явилась прогрессивным событием, то позднее христианство само стало реакционной силой, тормозящей общественное развитие; во всяком случае, из цитат такой вывод напрашивается сам собою).

5. Несмотря на прогресс науки, и в XIX веке еще не искоренены суеверия и предрассудки.

Таков план, вытекающий из анализа собрания цитат. Он говорит о быстром развитии мировоззрения Добролюбова. Впервые он выразил письменно свое «сомнение о святой церкви и ее постановлениях» ² только в марте 1853 г. Но созреть это сомнение начало еще, вероятно, в период работы над «Рассуждением».

4.

19-го января 1854 г., уже будучи студентом Педагогического института, Добролюбов писал родителям: «Нам предлагали сочинение: описать свою губернию, свой уезд или свой город в историческом, статистическом или этнографическом отношении. Мне сильно хотелось взяться за него, но я должен был отка-

¹ Н. А. Добролюбов, 1, 218—219. Помешенное в скобках было вычеркнуто цензурой в журнальном тексте.

² Н. А. Добролюбов, 6, 392.

заться по недостатку данных. Бог даст, в вакации я уже при-
смотрюсь к своей родине побольше». ¹

Добролюбов в этом письме преуменьшил свои знания. На самом деле он усиленно интересовался местным краеведением задолго до переезда в Петербург, так что его письмо характеризует благородную скромность, а не реальные сведения о Нижнем Новгороде. Еще к 1852 г. относится грандиозный замысел Добролюбова — «Материалы для описания Нижегородской губ. в отношении историческом, статистическом, нравственном и умственном». Сохранившиеся бумаги по данному вопросу занимают листы 1—30 папки № 59 архива Добролюбова в ГПБ. О гигантской широте задуманной работы говорит план, приложенный Добролюбовым к «Материалам»:

1. История Нижнего Новгорода.
2. История Нижегородского княжества.
3. История Нижегородской епархии.
4. История Минина и Пожарского.

1. Нижегородская ярмарка, история и статистика.
2. Ярмарки Нижегородской губернии.
3. Статистика городов Нижегородской губернии.
4. Заводы Нижегородской губернии.
5. География Нижегородской губернии.
6. Естественные произведения Нижегородской губернии.
7. Домоводство и хозяйство помещиков и крестьян Нижегородской губернии.

1. Обычай и нравы обитателей Нижегородской губернии.
2. Суеверия в Нижегородской губернии.
3. Духовенство Нижегородской губернии и отношение его к народу.

1. Степень грамотности обитателей Нижегородской губернии.
2. Народные училища Нижегородской губернии.
3. Губернская гимназия и уездные училища.
4. Духовная семинария и духовные уездные и приходские училища в губернии.
5. Библиотеки в Нижегородской губернии.

1. Состав народов, населяющих Нижегородскую губернию.
2. Одежда, пища, жилища жителей Нижегородской губернии.
3. Занятия и образ жизни обитателей Нижегородской губернии.

¹ «Материалы для биографии Добролюбова», М. 1890. Стр. 74.

1. Знаменитые люди из Нижегородской губернии.
2. Отзывы известных лиц касательно Нижнего и Нижегородской губернии.

1. История Нижегородской губернии.

1. Театр в Нижнем Новгороде.
2. Литература в Нижегородской губернии.

1. Число жителей и движение народонаселения Нижегородской губернии.

1. Метеорология Нижегородской губернии.

Материалы: в Нижегородских губернских ведомостях 1845—1852 г., в Отечественных записках Свинына, в Отечественных записках Краевского, в Москвитяине, Журнале МВД, Журнале Министерства народного просвещения, Географических известиях, Записках географического общества, Записках археологического общества, Нижегородском губернском правлении (в архиве), в Истории Карамзина, Устрялова, Полевого, Соловьева, в летописях, в статистике России, в Нижегородском летописце, в архивах монастырей Нижегородской губернии. Сочинения П. Мельникова, иер. Макария, С. Добротворского, П. Пискарева, П. Лебедева, Лаврского, Бессонова, Улыбышева».¹

В этом плане проявились ростки будущего материализма Добролюбова: изучение народной жизни он мыслил уже в семинарские годы очень широко, — сюда, по его плану, должно входить не только устное народное творчество, но и исторические условия, хозяйственная жизнь, просвещение и т. д. Интересовало Добролюбова героическое прошлое его родины («История Минина и Пожарского»). Причем характерно особое внимание Добролюбова именно к трудовому народу: в графе о духовенстве он добавляет «и отношение его к народу»; в разделе просвещения на первом месте стоят народные училища, а затем уже гимназия, семинария и другие учебные заведения.

Конечно, одному человеку почти невозможно было бы выполнить этот план. И между тем Добролюбов проделал самую трудоемкую часть работы — он составил по своему плану исключительно богатый библиографический список, насчитывающий в общей сложности 471 название.² Впоследствии Добролюбов рас-

¹ Архив Добролюбова в ГПБ, № 59, л. 1.

² Там же, лл. 15, 18—30. Список озаглавлен «Книги, листки и статьи разных журналов и газет, относящиеся к Нижегородской губернии и особенно Нижнему Новгороду».

положил источники по рубрикам, примерно соответствующим пунктам плана.¹

Из самих материалов о Нижегородской губернии в бумагах Добролюбова сохранились лишь некоторые статистические данные (сведения о населенности губернии, о количестве родившихся и умерших и т. п.)² да несколько фольклорных записей. Возможно, что на этом этапе и приостановилась работа Добролюбова. Но даже и этот материал показывает, что Добролюбов вовсе не был невеждой в вопросах статистики, истории и этнографии Нижегородской губернии.

К тому же составление библиографического списка — плод длительной работы. Датировать свои записи Добролюбов начал только с источника № 146 (26 января 1853 г.) и далее. Наиболее интенсивная работа приходится на январь—июль 1853 г. За данный период в список занесены №№ 146—411, т. е. 265 номеров, 56% от общего числа. По всей вероятности, работа над первой, недатированной группой источников в 145 №№ велась примерно с такой же интенсивностью. Тогда начало работы следует отнести к августу—сентябрю—октябрю 1852 года. Впрочем, возможно и более раннее начало. Среди бумаг с библиографическим списком имеется листок³ с перечнем чисел какого-то года: «Янв. 3, 9, 10, 11, 17, 19, Февр. 1, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 19, 20, 23, 24, 29...» и т. д. до декабря включительно, по несколько дней в каждом месяце, всего 154 дня. По 29 февраля заключаем, что год — високосный, следовательно 1852-й (1848 или 1856 — невозможны). Вероятно, это перечень дней работы над какой-либо темой, может быть, именно над библиографическим списком, раз перечень находится на листке с материалами, связанными с интересующей нас темой. Тогда начало работы нужно будет перенести с осени на январь 1852 г. Но это только предположительно. Впрочем, особая точность здесь и не нужна. Во всяком случае, начало работы датируется 1852 годом.

Вполне понятно, что переезд в Петербург и усиленные занятия в институте оставляли Добролюбову мало свободного времени. Поэтому за весь 1853/54 учебный год Добролюбов занес в список только 60 №№ источников и окончательно прекратил запись 10 июня 1854 г. Таким образом, Добролюбов проработал около двух лет над составлением библиографии к краеведческой теме. Благодаря этому он получил весьма основательные познания в литературе о жизни народа в родной губернии, что ему не могло не пригодиться впоследствии.

Как часть замысла в эту работу входила и запись произведений устного народного творчества, так или иначе характеризующих Нижегородскую губернию. Среди этих записей наиболее

¹ Архив Добролюбова в ГПБ, № 59, лл. 3—14 об.

² Там же, лл. 1 об. — 2 об.

³ Там же, л. 17.

многочисленная группа — предания и обряды. Все они сопровождаются датами записи и инициалами авторов. Этот факт, впервые встречающийся у Добролюбова, является важным этапом в его развитии.

Дело в том, что до Добролюбова собиратели народного творчества совершенно игнорировали личность сказителей. Это объясняется их теоретическими установками — ведь в известных трудах Бодянского, Костомарова, Шевырева и других представителей официальной науки устное народное творчество рассматривалось изолированно от современности, статически, как давно сформировавшийся вид литературы, в котором нашли отражение только события далекого прошлого. При таком подходе к фольклору все последующие изменения, вносимые сказителями в текст, расценивались как искажение народного творчества. Следовательно, к сказителям создавалось враждебное, недоверчивое отношение. Об этом откровенно заявил А. Пыпин в статье «Русские народные легенды»: «рассказчик, со слов которого пишется легенда, мог дать ей иной тон, чем следует». ¹ «Тон» рассказчика несколько не интересует Пыпина.

Совершенно иное отношение к народной поэзии у Добролюбова.

В студенческой работе «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии...» он подчеркнул, что в устном народном творчестве прежде всего следует искать отражения современных событий и современного мировоззрения народа: «песни наши не могут быть названы... древними, в том виде, как они существуют ныне, и следовательно в песне о временах Владимира мы столь же мало имеем права искать понятий X века, как и в песне о заложении Петербурга или о разорении Москвы». ² Отсюда возник самый кардинальный пункт революционно-демократической фольклорной методологии, сформулированный Добролюбовым в рецензии на «Сказки» А. Афанасьева: требование не только записи текстов, но и передачи внешней и внутренней обстановки, при которой записан текст. При этом фактом первостепенной важности становились данные о личности, характере, степени развития, взглядах народного сказителя.

Поэтому запись сведений о лицах, сообщивших предания, — первый шаг Добролюбова к выработке революционно-демократической методологии собирателя. Предания и обряды Нижегородской губернии Добролюбов записал в период 9 апреля — 26 мая 1853 г. от трех лиц: И. Д. К., И. С. С., В. В. Л.

Очень легко расширявается третье лицо. Это, конечно, Валериан Викторович Лаврский, однокашник Добролюбова по семинарии. От него Добролюбов записал обряд «Проводы весны» в селах Лукояновского уезда Нижегородской губернии.

¹ «Современник», 1860, № 3, стр. 82.

² Н. А. Добролюбов, 1, 523.

И. Д. К. — неизвестное лицо. Возможно, что это некий И. Д. Каствов, четыре раза встречающийся в «реестрах взятых книг» Добролюбова. Последний брал у Кастова несколько книг в 1852 и 1853 гг. Больше о нем нет никаких сведений. От него Добролюбов записал одну легенду о происхождении названия реки Самары.

Самое большое количество преданий (четыре) Добролюбов записал от И. С. С. К сожалению, об этом лице нет вообще данных. Ни в реестрах, ни в дневниках, ни в письмах, ни среди знакомых или родственников Добролюбова не встречается человек с такими инициалами. Из служащих лиц в Нижнем Новгороде в те годы этим инициалам соответствует только один человек — Иван Степанович Сперанский, директор Александровского дворянского института (см. «Памятную книжку Нижегородской губернии на 1855 г.», стр. 152). Но у нас не имеется ни одного доказательства в пользу близкого знакомства Добролюбова со Сперанским.

От И. С. С. Добролюбов записал важный материал, в том числе — два предания о Пугачеве.

Известно восторженное отношение революционных демократов к руководителям народных восстаний. Добролюбов, несмотря на всяческие цензурные рогатки, неоднократно упоминал в своих статьях 1856—1861 гг. имя Пугачева. В рецензии на «Историю» Устрялова Добролюбов прямо указал на социально-политическую сущность восстания Пугачева: причины, «которые увлекли народные массы за Разиным, Пугачевым... , зависели от недовольства обычным ходом жизни и существовавшими порядками». ¹ В статье о Пушкине у Добролюбова есть характерное замечание: «один из любопытнейших эпизодов русской истории — бунт Пугачева», ² как бы перекликающееся с известным высказыванием Пушкина о Степане Разине как самом поэтическом лице в русской истории.

Поэтому рассмотрение записей 17-летним Добролюбовым преданий о Пугачеве представляет большой интерес. Правда, анализ содержания преданий этот интерес значительно снижает.

В первом предании рассказывается о вступлении пугачевского войска в село Черновское, Нижегородской губернии. За активное вооруженное сопротивление Пугачев лично расстреливает местного попа. Сам по себе этот инцидент был типичен для Пугачевского восстания — народ не щадил своих заклятых врагов. Однако интерпретация предания рассказчиком выдает в нем отсутствие симпатии к повстанцам. Пугачевское войско названо «шайкой грабителей», поп именуется «спасителем» и т. д. А второе предание и по содержанию явно антинародное (с сочувствием излагается случай укрытия крепостными своей «добррой барыни»

¹ Н. А. Добролюбов, 4, 203.

² Н. А. Добролюбов, 1, 112.

при приходе в село Пугачева).¹ Рассказчик И. С. С., возможно, взял реальные предания о Пугачеве, но преподнес их в реакционной интерпретации.

Среди бумаг Добролюбова хранится еще один документ, имеющий отношение к Пугачевскому восстанию, — копия речи казанского сановника Ю. фон-Кауница к митрополиту казанскому и свияжскому Вениамину² (Вениамин был казанским архиепископом как раз во время наступления Пугачева на город. По доносу он был обвинен Екатериной II в измене, но оправдался и был произведен в митрополиты. Речь фон-Кауница относится к моменту возвращения оправданного Вениамина в Казань). Содержание речи: низкая лесть перед вновь обласканным Екатериной II-ой Вениамином, радость по поводу кровавого подавления народного восстания и т. п. Речь переписана неизвестным писцом, повидимому, в конце XVIII—начале XIX вв. Досталась она Добролюбову, по всей вероятности, от отца или кого-нибудь из знакомых священников.

Возможно, что Добролюбов-семинарист задался целью собирать сведения о «любопытнейшем эпизоде из русской истории» (вспомним, что в краеведческий план Добролюбова входила рубрика «История Нижегородской губернии»), и, может быть, два предания и речь фон-Кауница лишь небольшая часть имевшихся в его распоряжении материалов. Но как бы то ни было, сохранилось только три документа, причем они как раз наименее значительны в силу реакционности их авторов. Поэтому они интересны только как единственные дошедшие до нас факты, говорящие о раннем внимании Добролюбова к Пугачевской теме.

5.

Кроме обрядов и преданий Добролюбов собирал еще пословицы и поговорки, относящиеся к Нижегородской губернии. Сохранилось два таких списка: на л. 1 папки № 49 архива Добролюбова в ГПБ (12 пословиц и поговорок) и, более полный, на л. 6 об. папки № 48 того же архива (20 пословиц, среди которых повторяется 11 пословиц из первого списка). Следует оговориться, что последний список был составлен Добролюбовым уже в Петербурге, но он может быть использован при рассмотрении семинарского периода, так как, несомненно, пословицы эти Добролюбов знал еще в Нижнем Новгороде.

Первый список составлен не ранее января 1853 года. Это устанавливается следующим образом. На обороте листа Добролюбов заносил какие-то пункты с датами (или библиографический список, или нечто вроде дневника — когда чем занимался), всего

¹ Записи преданий хранятся в архиве Добролюбова в ГПБ. № 55, лл. 1 об. — 2.

² Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1918/VIIIс.

5 пунктов, потом все стер. Вероятно, этот листок Добролюбову был уже не нужен, и он использовал его для списка нижегородских пословиц (вряд ли Добролюбов писал эти 5 пунктов уже после составления списка пословиц — зачем тогда нужно было их стирать?). Стерто так сильно, что можно разобрать только небольшую часть записей по краям листа:

«3.	...	...	...	13 дек. 1852.
4.	...	...	...	27 дек. 1852.
5.	Св[нрзбр]Нижегородск. губернии.			10 янв. 1853.»

Эти числа и позволяют датировать список пословиц не ранее, чем январем 1853 г.

3—4 апреля Добролюбов написал статью «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии», для которой, пожалуй, и был составлен этот список (из 12 пословиц списка в статью включено 11; одна — «с попами знаться свято, с боярами честно, а с мордвой хоть грех, да лучше всех» — исключена, разумеется, по цензурным соображениям: Добролюбов ведь собирался эту статью опубликовать в официальном органе печати и не мог надеяться на пропуск такой антиклерикальной пословицы).

Несколько слов о датировке статьи о нижегородских пословицах. Дело в том, что начало статьи помечено «3 апр. 1853 г.», конец — «4 апр. 1852 г.». Редакторы этой статьи в 1-ом томе полного собрания сочинений Добролюбова под редакцией Лебедева-Полянского С. Рейсер и И. Ямпольский ошибочно соединили ее с заметкой об областных словах от 20 марта 1853 г. в единую работу, в то время как заметка от 20 марта совершенно самостоятельная статья (см. Н. А. Добролюбов, 1, 493). Таким образом, они получили три даты — две за 1853, одну за 1852 год. По количественному преимуществу редакторы склонились к датировке статьи 1853 годом. Но исправив их ошибку, т. е. отделив заметку от 20 марта, придется отбросить главный аргумент редакторов — 2 против 1, так как теперь остается один против одного.

В. Гусев, автор статьи «Добролюбов и проблемы фольклористики» («Советская этнография», 1950, № 4, стр. 181—193), оспаривает мнение редакторов (не обратив, правда, внимания на ошибочное присоединение заметки об областных словах), датируя статью 1852 годом. Аргументация В. Гусева сводится к следующему: а) статья была передана Добролюбовым в «Нижегородские губернские ведомости»; б) в дневниковой записи Добролюбова от 24 января 1853 г. сообщается о посылке трех статей для «Нижегородских ведомостей», так что возможно, что одна из этих статей и была исследуемой; в) если это так, то вряд ли Добролюбов стал бы посылать статью в апреле, а если и послал бы, то это событие должно было бы найти отклик в дневнике.

Ни одно из этих доказательств не подкреплено конкретным материалом и их легко опровергнуть: а) нет никаких сведений, что

Добролюбов послал или даже готовил статью для «Нижегородских ведомостей»; б) данная статья не имеет отношения к тем трем статьям, о которых Добролюбов говорил в дневнике (заглавия тех статей см. под № 55 описания архива Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, составленного В. Княжниним, в книге «Временник Пушкинского Дома, 1913», Спб, 1914, а также в прим. 31 на стр. 775 6-го тома Полного Собрания Сочинений Добролюбова); в) от дневника Добролюбова за март-апрель 1853 г. сохранилось всего три небольших отрывка, поэтому мы не можем судить о содержании утерянных страниц.

И наоборот, легко доказать, что статья относится именно к 1853 г. (в этом отношении С. Рейсер и И. Ямпольский правы). Во-первых, к ноябрю 1852—маю 1853 гг. относятся интенсивные старания Добролюбова опубликовать свои работы (три статьи для «Нижегородских ведомостей», статья о пожаре в Нижнем Новгороде 17 мая 1853 г. для неизвестного периодического издания, заметки в дневнике о жажде журнальной деятельности). Во-вторых, список пословиц для статьи был составлен, как уже говорилось, не ранее января 1853 г. В-третьих, никогда еще не было случая, чтобы какой-либо автор поставил по ошибке будущий год; наоборот, случаи ошибочного написания прошлого года довольно часты, особенно в первой половине текущего года.

Наконец, четвертое: содержание статьи доказывает, что ее мог написать Добролюбов только в последние месяцы пребывания в Нижнем Новгороде.

Статья характеризует отличное знакомство Добролюбова с употреблением данных пословиц: он подробно излагает их происхождение (где возможно), значение, со всеми оттенками и вариантами. Причем, оба эти момента (происхождение и значение) интересуют Добролюбова с точки зрения изучения народной жизни: различными бытовыми и историческими обстоятельствами Добролюбов объясняет происхождение пословиц; сообщением всех оттенков значения дает картину современного бытования пословиц в народе.

В статье ярко проявилась любовь Добролюбова к родному краю, его патриотизм:

«1. «Новгород Нижний — сосед Москве ближний». С гордостью доселе повторяют эту пословицу нижегородцы перед москвичами, и добрые москвичи с радушием отвечают на нее. Не нужно объяснений этой пословице: стоит только вспомнить о незабвенном Минине и о 1612-м годе, чтобы понять истинный смысл ее...»¹

Кроме того, эта статья важна появлением ноток, характеризующих политический рост Добролюбова. Ведь три статьи для «Нижегородских ведомостей», написанные Добролюбовым несколько месяцев назад, в ноябре 1852—январе 1853 гг., были невинными

¹ Н. А. Добролюбов, I, 494.

описаниями местных новостей. А теперь в статье о пословицах мы находим такие строки:

«11. «Город Арзамас, воевода не про нас». Не зная хорошо истории воевод арзамасских, не могу сказать, что это был за воевода, от которого повелась такая пословица... Но что был такой, в этом удостоверяет само слово — воевода: не для красоты же оно тут поставлено, тем более, что и склад пословицы этого не требует... Поныне употребляется это речение, когда хотят сделать втихомолку невыгодный отзыв о начальстве, не обращая, впрочем, внимания на то, будет ли это начальство арзамасское или какое-нибудь другое... Говорят еще, будто эта пословица намекает на всегдашнее недовольство древних арзамасцев своими начальниками: но, сколько мне известно, в истории подобной удали за гражданами Арзамаса незаметно.»¹

Этот иронический стиль, этот «невыгодный отзыв о начальстве», эти намеки невозможны были всего полгода назад. Статья говорит о том, что в последний год пребывания в Нижнем Новгороде Добролюбова начинает грызть червь сомнения не только относительно «святой церкви и ее постановлений», но и относительно «святой власти». Подготавливалась почва для становления революционно-демократического мировоззрения Добролюбова-студента. В этом отношении статья о нижегородских пословицах — своеобразный мост между детскими записями пословиц и этапной в истории русской фольклористики статьей о сборнике пословиц Буслаева.

Причем, даже этот «мост», этот образец переходного периода в развитии Добролюбова значительно отличается от обычных публикаций пословиц в 40—50-е гг. представителями дворянско-буржуазной фольклористики. Известные сборники пословиц Снегирева, Буслаева, Афанасьева содержали только статьи общего характера, с объяснением отдельных пословиц, основная же масса оставалась не прокомментированной.

В других случаях, как это имело место в некоторых мелких журнальных публикациях вроде статьи В. Борисова «Местные пословицы и поговорки в Шуе» в «Москвитянине», 1841, № 7, — авторы брали несколько отвлеченных пословиц (у В. Борисова — о дожде, о хвастунах, о нерадивости, о смелости, об обжорстве и т. д.) и снабжали их такими же отвлеченными внеисторическими комментариями. Эти пословицы с равным успехом могли употребляться и в Одессе, и в Верхоянске, и при Иване Грозном, и в XIX веке.

Правда, иногда публиковались действительно местные пословицы. Но самое большее, на что были способны комментаторы этих пословиц — это на исторический комментарий. И. Снегирев в статье «Местные пословицы русского мира» («Библиотека для чтения», 1834, т. 6) детально выясняет происхождение ряда по-

¹ Н. А. Добролюбов, I, 495.

словicc. Эту сторону труда Снегирева Добролюбов оценил, записав в реестре: «Хорошо объяснение разных пословиц»¹ (статью Снегирева Добролюбов читал еще в январе 1850 г.). Но в уяснении происхождения пословиц Снегирев и находит конечную цель исследования. В заключении статьи он пишет: «При дальнейшем изыскании, я уверен, найдутся в России пословицы и присловья, местные или областные, которые могут оказать значительную услугу историческим исследованиям.»² История — вот единственный предмет, для которого может пригодиться пословица. О том, какое конкретное значение приобрели эти исторические пословицы в современной жизни народа, Снегирев не упоминает ни слова.

Добролюбов же каждую пословицу снабжал и историческим, и бытовым комментарием. Его интересовало не только, даже не столько происхождение пословицы, как ее современное бытование, ее значение для народной жизни. При этом Добролюбов вплотную подошел к переводу исторического и бытового комментариев в политический план, как это было показано на примере пословицы № 11. Нужно думать, что в 1853 г. Добролюбов уже не дал бы положительный отзыв о статье Снегирева! Дальнейшее развитие комментарию фольклориста-демократа получили в статье Добролюбова о сборнике пословиц Буслаева. Но это уже предмет особого исследования.

Статья о местных пословицах — последнее сочинение Добролюбова-семинариста. На этом заканчивается первый этап его жизни и творчества. Подведем итоги.

В связи с тесным общением с народом у Добролюбова с ранних лет проявился большой интерес к жизни народа и его творчеству. Наряду с изучением печатных источников Добролюбов собирает фольклор непосредственно из уст народа. За годы жизни в Нижнем Новгороде Добролюбов записал более 1500 пословиц и поговорок, около 100 загадок, много преданий, поверий, песен.

Но Добролюбов не ограничивался перепиской произведений — он стремился к теоретическим обобщениям собранного материала, следствием чего явились его первые теоретические исследования.

В ранних записях и статьях Добролюбова заметна еще неясность политических взглядов, но уже видны те «рациональные зерна», которые разовьются в революционный демократизм зрелого Добролюбова: становление материалистических и атеистических взглядов, интерес к пугачевской теме, анализ народного творчества, как материала для изучения и характеристики современного положения народа, и т. д.

Фольклорные записи и статьи Нижегородского периода имели большое значение для Добролюбова, как богатый источник сведений о жизни и творчестве народа. К этому источнику Добролюбов неоднократно обращался впоследствии.

¹ Архив Добролюбова в ИРЛИ АН СССР, 1952/VIIIс, л. 6 об.

² «Библиотека для чтения», 1834, т. 6, стр. 109. Подчеркнуто мною — Б. Е.

NOOR DOBROLJUBOV KUI FOLKLORIST JA ETNOGRAAF

Filoloogiateaduste kand. B. Jegorov

Vene kirjanduse kateeder

Resümee

Vene folkloristika ajalugu on rahvaloomingu-teaduse üks kõige vähem uuritud harusid, eriti sellepärast, et siin mitte ainult ei ole puudus uurimustest, vaid ka olemasolevad tööd vajavad kriitilist läbivaatamist. Veerandsajandi jooksul väitsid kodanlikud õpetlased, et vene folkloristika ajalugu sai alguse F. Buslajevi ja A. Afanasjevi uurimustest, niisiis mütolooogilisest koolist, ja ignoreerisid eesrindlikku revolutsioonilis-demokraatlikku teadust rahvaloomingu kohta, millist teadust iseloomustavad Belinski, Herzeni, Tšernõševski ja Dobroljubovi nimed.

Alles Suur Oktoobrirevolutsioon tegi lõpu vene folkloristika ajaloo kõige eredamate lehekülgede mahavaikimisele. Nõukogude uurijad valgustasid esmakordselt Belinski, Herzeni, Tšernõševski, Dobroljubovi kui folkloristide tegevust.

Teiste revolutsionääride-demokraatide hulgas kuulub Dobroljubovile eriti austav osa kodumaa rahvaloomingu-teaduse loomises. Seepärast on loomulik suure tähelepanu osutamine Dobroljubovile kui folkloristile meie uurijate poolt. Kuid seni on tema elust seminari periood väga puudulikult valgustatud.

Antud artikkel ongi pühendatud Dobroljubovi elu ja tegevuse varajasema perioodi uurimisele, selle aluse uurimisele, millel hiljem arenes suure kriitiku revolutsioonilis-demokraatlik maailmavaade.

Dobroljubovi lapseiga ja noorusaastad möödusid Nižni-Novgorodis Nikolai reaktsiooni „sünge seitsmeaastaku” perioodil. Paljud tegurid arendasid siin tema huvi folkloori vastu: kirjandus (Belinski artiklid, Tereštšenko, Sahharovi, Snegirevi ja teiste tööd folkloristliku materjali avaldamine), side progressiivsete Nižni-Novgorodi tegelastega (A. Ulõbõšev, L. Sahharov) ja tihe läbikäimine rahvaga (Dobroljubov kirjutas päevikus, et on veetnud „elu esimesed aastad tihedas kokkupuutes ühiskonna lihtsa ja keskmise klassiga”).

Seepärast hakkas Dobroljubov juba 13-aastase poisikesena üles kirjutama rahvaloomingu teoseid. Seminaris õppimise ajal on tema

poolt korjatud ligi 1500 vanasõna ja kõnekäändu, ligi 60 mõistatust, 6 laulu (kõik nad avaldatakse minu dissertatsiooni lisas). Nende teoste hulgas leidub väga palju originaalseid, milliseid ei ole esinenud varem avaldatud folkloristlikes kogudes. Analüüs näitab, et Dobroljubov on need poeetilised mälestusmärgid üles kirjutanud vahetult rahvasuust.

Peale eespool märgitud liikide kogus Dobroljubov ka rahva ebausku ja ennustusi. Need materjalid olid aluseks tema esimesele teoreetilisele tööle „Arutlused ebausust ja eelarvamustest”. Töö ise pole meieni jõudnud, kuid müstandite põhjal võib umbkaudu taastada selle sisu. Põhilised seisukohad, mida Dobroljubov nähtavasti tähtsaks arendada, on järgmised:

Kultuse teenrid kasutavad muistsetest aegadest alates rahva ebausku omakasupüüdlikeks eesmärkideks. Kuid kiriku võitlus nõiduse vastu ainult toetas usku sellesse. Pärimused ja rahvausk on rahva elu peegeldus. Igasugused „imed” ja „üleloomulikud” nähtused, mida kultuse teenrid kasutavad rahva orjastamiseks, põhinevad füüsika- ja keemiaseaduste tundmisel. See töö pakub erakordset huvi Dobroljubovi tundmaõppimisel, kuna tema sisu kummutab liberaalse müüdi sellest, et Dobroljubov muutus ateistiks alles üliõpilaspõlves, pärast vanemate surma.

Dobroljubov töötas oma teose „Arutlused ebausust ja eelarvamustest” kallal aastail 1851—1852, seepärast tuleb tema materialistliku ja ateistliku maailmavaate kujunemise algetapiks pidada just neid aastaid. Dobroljubov tegeles intensiivselt kohaliku kodulooga. 1852. a. perioodi kuulub tema grandioosne kavatsus — „Materjalid Nižni-Novgorodi kubermangu kirjeldamiseks ajaloolisest, statistilisest, moraalsest ja intellektuaalsest seisukohast”. Dobroljubov töötas teema kallal kolm aastat, korjates laialdase kirjanduse selle küsimuse kohta (471 nimetust).

Töö osana oli mõeldud ka rahvaloomingu teoste üleskirjutused, mis iseloomustasid Nižni-Novgorodi kubermangu. Nende üleskirjutuste hulgas on arvukaimaks rühmaks pärimused ja kombetalitused.

On vajalik ära märkida Dobroljubovi-seminaristi tõsist tähelepanu Pugatšovi teema vastu (tema poolt on üles kirjutatud kaks jutustust Pugatšovist ning kogutud teisi materjale).

Dobroljubov kogus samuti vanasõnu ja kõnekäände, mis kuulusid Nižni-Novgorodi kubermangu alale.

Selle materjali alusel kirjutas ta esimese meieni jõudnud folkloristliku töö „Mõningatest Nižni-Novgorodi kubermangu kohalikest vanasõnadest ja kõnekäändudest”. See töö näitab, et Dobroljubov tundis väga hästi esitatud vanasõnade tarvitamist rahva poolt: ta esitab üksikasjaliselt nende päritolu (kus see võimalik), mõtte, mitmesuguse rakendamise — kõigi varjundite ja variantidega. Artikkel on samuti tähtis märkuste poolest, millised iseloomustavad Dobroljubovi poliitilist kasvu.

Dobroljubovi töö ületab tunduval määral tavalised 40—50-ndate aastate vanasõnade publikatsioonid (Snegirevi, Buslajevi ja Afanasjevi kogud), kus vanasõnade põhiline hulk jäi kommenteerimata (või äärmisel juhul mõnede abstraktsete vanasõnade kohta anti abstraktne kommentaar väljaspool ajalugu). Ainult I. Snegirev oma artiklis „Vene kogukonna kohalikud vanasõnad” andis ajaloolise seletuse mõningatele vanasõnadele, kuid piirdus ainult küsimusega nende tekkimisest. Dobroljubov aga varustas iga vanasõna ajaloolise ja elu-olustikulise kommentaariga, kusjuures hakkas küsimusi käsitlema ka poliitilisest seisukohast. Artikkel kohalikest vanasõnadest on Dobroljubovi kui seminaristi viimane kirjutis. Sellega lõpeb tema elu ja loomingu esimene etapp. Dobroljubovi varajastes märkmetes ja artiklites on veel näha ebaselgust poliitilistes vaadetes, kuid juba ilmnevad need „ratsionaalsed tuumad”, mis arenevad küpse Dobroljubovi revolutsiooniliseks demokraatismiks: materialistlike ja ateistlike vaadete kujunemine, huvi Pugatšovi teema vastu, suhtumine rahvaloomingusse kui materjalisse, mis on iseloomustuseks rahva kaasaegse olukorra tundmaõppimisel.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО А. С. ГРИБОЕДОВА К М. Н. ЗАГОСКИНУ

(архив Фундаментальной библиотеки ТГУ)

Студенты С. Исаков и В. Беззубов

Кафедра русской литературы

В архиве Фундаментальной библиотеки Тартуского Университета¹ хранится письмо А. С. Грибоедова к М. Н. Загоскину. Текст письма занимает одну страницу листа почтовой бумаги:

«Любезный Михайло Николаевич.

Мне в своих обстоятельствах совестно было тревожить тебя об ложе, но давича ты сам вызвался и я надеюсь на данное слово. Эти строчки на память.

Un bienfait n'est jamais perdu.

Будь здоров.

А. Г.»

На другой стороне листа адрес:

«Е(го) В(ысоко)бл(а)г(о)р(о)д(ию)
М(илостивому) Г(осударю) Михаилу Николаевичу
Загоскину» (рука Грибоедова). «Новосильцова дом
в Стар(ой) Кон(юшенной)» (почерк неизвестного лица).

Письмо не датировано. Для определения времени его написания рассмотрим вкратце взаимоотношения А. С. Грибоедова с М. Н. Загоскиным. Этот вопрос почти не разработан в научной литературе. Наиболее полно освещён эпизод написания Грибоедовым «Лубочного театра», в связи с заметкой Загоскина о «Молодых супругах» в «Северном Наблюдателе» (см. об этом ниже). Указания на этот счёт имеются в письме Грибоедова к Катенину от 19 октября 1817 года, в воспоминаниях современников и в биографии М. Н. Загоскина.² В научной литературе нет почти никаких указаний на личное знакомство Грибоедова с Загоскиным, хотя оно и не подлежит сомнению. Начало знакомства Грибое-

¹ Собрание Шардиуса, № 1141.

² М. Н. Загоскин, Сочинения, Спб., 1889, т. I.

дова с Загоскиным произошло, очевидно, в 1815 году, когда в кругу петербургских театралов, в котором постоянно вращался Грибоедов, можно было встретить и М. Н. Загоскина, сблизившегося в это время с А. А. Шаховским. Отрицательное отношение Грибоедова к Загоскину еще до появления заметки последнего

1147.

Милостивый Михаил Николаевич!

Мне бы хотелось видеть и почитать
 собрание Ваших переводов, но не
 знаю, по какой причине, не
 могу получить их. —
 Буду благодарен за ответ.

Ваш покорный слуга
 Грибоедов.

Письмо А. С. Грибоедова к М. Н. Загоскину.

в «Северном Наблюдателе» чувствуется в письме к С. Н. Бегичеву от 4 сентября 1817 г. («На днях ездил я к Киргофше гадать о том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий»).¹ Очевидно, отрицательное отношение Грибоедова к драматургии Загоскина связано

¹ А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, Спб., 1889, т. I, стр. 160. Ввиду отсутствия в книгохранилищах г. Тарту III тома «Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова», Петроград, 1917, письма цитируются по I тому «Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова», СПб, 1889.

здесь с различными позициями их в вопросе о задачах комедии. Впрочем, здесь мог быть замешан и какой-то личный элемент, ибо различные позиции в этом же вопросе не помешали Грибоедову сблизиться с Шаховским и даже написать совместно с ним и Н. И. Хмельницким в августе-сентябре 1817 года комедию «Своя семья, или замужняя невеста». Об отрицательном отношении Грибоедова к Загоскину говорит и написанная совместно с П. А. Катениным (до 5 августа 1817 г.) комедия «Студент». В пьесе выведен казанский студент Евлампий Аристархович Беневольский, говорящий постоянно о возвышенности своих чувств, о «таинственных далях» и о пути к бессмертию в духе Батюшкова и Жуковского. В его речь обильно вкраплены цитаты из Батюшкова, Жуковского и Карамзина. В то же время имя «Беневольский» взято Грибоедовым от псевдонима «Ювенал Беневольский», которым в «Северном Наблюдателе» подписывался Загоскин. Загоскин приехал из Пензы (как Беневольский из Казани), отличался малограмотностью и в то же время придирчивостью к словам и грамматическим формам.¹ Стремление Беневольского к тёпленькому местечку и к женитьбе на богатой невесте намекает на получение Загоскиным благодаря протекции Шаховского места в театральной дирекции и его женитьбе на дочери богатого Д. А. Новосильцова. Поэтому в образе Беневольского соединены черты романтика и сентименталиста, с одной стороны, и Загоскина, примыкавшего к противоположной литературной группе, с другой. Литературно-полемическая направленность комедии против романтизма и стилевые особенности ее согласуются с позицией Катенина в данном вопросе, которому, по всей вероятности, и принадлежит главная роль в сочинении комедии.

Элементы бытовой сатиры свидетельствуют об участии Грибоедова.² Скорей всего, Грибоедов и Катенин дали в Беневольском обобщенный сатирический образ своих политических и литературных врагов, как со стороны Арзамаса, так и со стороны Беседы. В том же 1817 году Загоскин в № 15 «Северного Наблюдателя» поместил небольшую статью о постановке пьесы Грибоедова «Молодые супруги». В заметке Загоскин в общем положительно оценивал пьесу, но заметил: «к сожалению, в сей комедии встречаются стихи дурные, шероховатые и выражения совершенно не приличные действующим лицам... Читая подобные стихи, поневоле вспомнишь слова Мизантропа:

... Такие, граф, стихи

Против поэзии суть тяжкие грехи».³

¹ См. примечания Н. К. Пиксанова к пьесе «Студент» в «Полном собрании сочинений» А. С. Грибоедова, Спб., 1911, т. I, стр. 291.

² См. В. Н. Орлов «Александр Сергеевич Грибоедов», М.-Л., «Искусство», 1949, стр. 34.

³ М. Н. Загоскин, Сочинения, Спб., 1889, т. VII, стр. 513—514.

Заметка Загоскина очень раздражала Грибоедова и он написал злую сатиру «Лубочный театр». В письме к Катенину от 19 октября 1817 года Грибоедов писал: «Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахиною. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва как прочёл рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву, — покажи кому хочешь впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества». ¹

В «Лубочном театре» Грибоедов зло осмеял комедии Загоскина и самого автора. Досталось и критикам «Сына Отечества» (В. И. Соцу или А. Измайлову):

«Вот вам Загоскин — Наблюдатель;
Вот Сын Отечества, с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.» ²

Грибоедов хотел напечатать эту сатиру, но издатели не решились из-за ее «чистых личностей». Грибоедов в том же письме Катенину соглашался даже переделать Загоскина на Михаила Моськина. «Лубочный театр», однако, при жизни Грибоедова в печати не появлялся. Впрочем, А. А. Жандр и И. И. Сосницкий уверяют, что стихотворение получило очень быстро большую популярность и разошлось чуть ли не в тысяче рукописных экземпляров. Жандр даже говорил Д. А. Смирнову о том, что сам Грибоедов нанял писцов для переписки стихотворения. ³ Таким образом, в эти годы отношения между Грибоедовым и Загоскиным носили далеко не дружественный характер. Дальнейшие отноше-

¹ А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, Спб., 1889, т. I, стр. 161.

² А. С. Грибоедов, Полное собрание сочинений, Спб., 1911, т. I, стр. 4. См. об этом также в дневнике В. К. Кюхельбекера: «О спорах Загоскина и Измайлова покойный Грибоедов очень хорошо сказал:

«Один напишет вздор,
Другой на вздор разбор;
А разобрать всего труднее,
Кто из обоих глупее».

Впрочем, это относится к Загоскину Наблюдателю и автору «Богатонова», но автору «Юрия Милославского» Грибоедов, который так живо чувствовал всё прекрасное, конечно, отдал бы полную справедливость». «Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., «Прибой», 1929, стр. 122.

³ См. Н. В. Шаломытов, «Из неизданных материалов Д. А. Смирнова к биографии А. С. Грибоедова», Спб., 1909, стр. 36—37, 63—64.

ния между ними неизвестны. Мы встретили лишь одно указание, которое проливает свет на характер их взаимоотношений в более поздние годы. В воспоминаниях сына М. Н. Загоскина, Сергея Михайловича (1833—1897), имеется следующее сообщение: «Все члены Арзамаса, за исключением Жуковского и Вигеля, сделались сильными порицателями драматического таланта отца, и в особенности ожесточался против него Грибоедов, который, однако, позднее, познакомившись с ним, полюбил его и остался в приятельских с ним отношениях вплоть до своей трагической кончины.

(В примечаниях). В Императорской Публичной библиотеке хранится переданное мною туда нижеследующее стихотворение Грибоедова, писанное им в форме письма к моему отцу, служившему в то время при Московском театре:

Бич пороков и блинов!
Ныне Щепкин угощает
И приятельский свой зов
Через меня он посылает.
Приезжай нас позабавить,
Аппетиту нам прибавить
И с'естного поубавить.»¹

Это ценное свидетельство, к сожалению, нельзя признать вполне достоверным. Написано оно было через много лет после описываемых событий и со слов других лиц, в С. М. Загоскине сильны были сыновние чувства, к тому же вышеприведенное стихотворение не было обнаружено Н. К. Пиксановым в Императорской Публичной библиотеке. Если оно, действительно, принадлежит Грибоедову, то время написания его определяется в связи с фразой: «Ныне Щепкин угощает». По свидетельству П. Арапова, Грибоедов в Москве в 1824 г. читал с Щепкиным роль Фамусова.² Загоскин тогда уже служил в дирекции Московских театров. Выражение: «Бич пороков и блинов» как будто намекает на масленицу.³

Публикуемая записка Грибоедова к Загоскину говорит, если не о дружественных, то во всяком случае не о враждебных отношениях между ними. Данная записка является пока единственным, дошедшим до нас письмом Грибоедова к Загоскину. Датировка его из-за слабой разработанности вопроса о взаимоотношениях Грибоедова с Загоскиным вызывает большие затруднения. С полной уверенностью можно считать установленным тот факт, что письмо относится к московскому периоду, ибо Загоскин жил в Москве именно в доме Новосильцова на Старой Конюшенной,

¹ «Исторический вестник», 1900, № 1, стр. 48.

² П. Арапов, *Летопись русского театра*, М., 1861, стр. 384.

³ См. об этом примечания Н. К. Пиксанова к «Полному собранию сочинений» А. С. Грибоедова, Спб., 1911, т. I, стр. 287.

как и указано в адресе.¹ Загоскин жил в Москве с 1820 г., в конторе московских театров он служил с 1823 г. Грибоедов за период с 1823 года до своей гибели был в Москве несколько раз (в 1823—1824, 1826 и 1828 гг.). Вероятнее всего, что письмо написано или в 1823—24 гг., или в 1826 году, когда Грибоедов находился в Москве довольно длительное время. В 1828 году он был в Москве проездом несколько дней, и мало вероятно, чтобы он стал просить о ложе. Кроме того, слова: «давиче ты сам вызвался», — предполагают определенный промежуток времени между встречей с Загоскиным и днем написания письма. Определить точное время написания письма очень трудно. Грибоедов приехал в Москву в конце марта 1823 г. и прожил здесь до конца мая 1824 г., с перерывом от 29 июля до 20 сентября 1823 г., когда он находился в тульском имении Бегичевых. В это время Грибоедов, несомненно, втянулся в московскую театральную жизнь. Об этом свидетельствует и тот факт, что в конце 1823 г. по предложению директора Императорского театра Ф. Ф. Кокошкина Грибоедов совместно с П. А. Вяземским пишет оперу-водевиль «Кто брат, кто сестра, или обман за обманом». Он близко сходится с А. Н. Верстовским, который написал музыку к этой опере-водевилю. Верстовский же был наряду с Загоскиным одним из помощников Кокошкина в дирекции Московских театров. П. А. Вяземский приводит интересное для нас свидетельство о посещении им и Грибоедовым театральной ложе (в Москве).² (Подчеркнуто нами. С. И., В. Б.)

Этот эпизод относится к январю 1824 г. Правда, возможно, что директорскую ложу Грибоедов (или Вяземский) мог получить непосредственно от Кокошкина, но у нас нет свидетельств, что Грибоедов был бы в хороших отношениях с ним, наоборот, он в письмах этого времени неоднократно иронически отзывался о нём. Против датировки письма 1823—24 годами говорит ряд фактов. Во-первых, неизвестно, о каких «своих обстоятельствах» говорит Грибоедов. Во-вторых, у Вяземского же имеются указания на то, что неуспех их оперы-водевиля «Кто брат, кто сестра, или обман за обманом» вызван интригами их литературных недоброжелателей, В. И. Писарева и М. Н. Загоскина.³ В-третьих, не согласуется с действительным положением обращение «Его Высокоблагородию». Титул Высокоблагородия применялся к чинам, начиная с коллежского асессора. Из биографии Загоскина, помещенной в I томе «Сочинений» М. Н. Загоскина (Спб., 1889 г.), из «Воспоминаний С. М. Загоскина» и из биографии М. Н. Загоскина, написанной С. Т. Аксаковым, не ясно, когда Загоскин получил этот

¹ См. «Воспоминания С. М. Загоскина», «Исторический вестник», 1900, № 1, стр. 52.

См. также письмо Гнедича к М. Н. Загоскину от 14 июля 1824 г. (Архив фундаментальной библиотеки ТГУ, собрания Шардиуса, № 1071).

² П. А. Вяземский, Сочинения, Спб., 1882, т. VII, стр. 338.

³ Там же.

чин. Экзамен, дававший ему право на получение чина коллежского асессора, он сдал в конце 1821 г.¹ Загоскин послал аттестат в Петербург Оленину, но еще в 1823 г. в письме к Гнедичу от 15 апреля он говорит, что чина не получил и просит возвратить аттестат, что и было сделано, судя по письму Гнедича от 11 марта 1824 г.² Таким образом, очередной чин он получил никак не раньше конца 1823 г., а скорее всего позже, в 1824 г. Во всяком случае Гнедич в письме от 14 июля 1824 именуется Загоскина «Его Благогородием».³ Если принять во внимание, что Гнедич был в курсе всего этого дела, то, очевидно, в это время Загоскин еще не получил очередного чина и, таким образом, обращение Грибоедова к Загоскину, как к Высокоблагородию, относится к более позднему времени. Но это, разумеется, не может являться решающим аргументом, так как Грибоедов мог не знать точно чина Загоскина.

В 1826 г. Грибоедов, освобожденный из-под ареста следственной комиссией по делу декабристов, следуя на Кавказ, остановился в Москве с конца июля до середины августа. За то, что письмо к Загоскину было написано именно в этот период, говорят следующие факты:

1) «Свои обстоятельства», о которых упоминает Грибоедов, могут быть объяснены нежеланием Грибоедова, только что освобожденного из-под следствия по делу декабристов, компрометировать своих знакомых. М. В. Нечкина указывает, как осторожно в это время вел себя Грибоедов по отношению к знакомым (он перестал переписываться с Жандром, почти не писал Бегичеву).⁴

2) Получает объяснение тот факт, что Грибоедов именуется Загоскина «Его Высокоблагородием», ибо к этому времени Загоскин наверняка должен был получить соответствующий чин.

3) Просьба о ложе находит объяснение в трудности получения места в театре в связи с приготовлениями к коронации Николая I. Двор и войска были уже в Москве и начались всякие «увеселения и торжества».⁵

4) Выражение: «Эти строчки на память», — могут быть объяснены тем, что Грибоедов в связи с поездкой на Кавказ надолго отлучался из Москвы.

Некоторые сомнения относительно датировки письма 1826 годом вызывает тот факт, что Грибоедов в этот приезд в Москву тяжело заболел, о чем свидетельствует барон Аш в письме к А. А. Ивановскому от 29 июля 1826 г.⁶ Но так как Грибоедов был в Москве до середины августа, то вполне вероятно, что он в тече-

¹ См. М. Н. Загоскин, Сочинения, Спб., 1889, т. I, стр. LIII—LIV, письмо к Гнедичу от 2 декабря.

² Там же, стр. LIX—LX.

³ Архив Фундаментальной библиотеки ТГУ, собрание Шардиуса, № 1071.

⁴ См. М. В. Нечкина, «Грибоедов и декабристы», М., изд-во Акад. Наук СССР, 1951, стр. 523—24.

⁵ А. С. Грибоедов, Полное собр. сочинений, Спб., 1911, т. I, стр. LXXIII (вступительная статья Н. К. Пиксанова).

⁶ Там же.

ние этого времени выздоровел настолько, что мог посетить театр. Суммируя всё вышесказанное, можно, несмотря на некоторые неясности, отнести время написания письма к первой половине августа 1826 г. Можно также отметить, что взаимоотношения А. С. Грибоедова с М. Н. Загоскиным в 20-е годы не носили уже ярко выраженного враждебного характера петербургского периода их знакомства,¹ хотя вряд ли можно говорить о «приятельских» отношениях, как утверждает С. М. Загоскин в своих воспоминаниях.

¹ В пользу этого говорит и письмо М. Н. Загоскина к М. Е. Лобанову от 22 января 1830 г. См. «Исторический вестник», Спб., 1880, т. II, стр. 698—699.

**A. S. GRIBOJEDOVI AVALDAMATA KIRI
M. N. ZAGOSKINILE**

(Tartu Riikliku Ülikooli pearaamatukogu arhiivist)

Üliõpilased S. Issakov ja V. Bezzubov

Vene kirjanduse kateeder

Resümee

Tartu Riikliku Ülikooli pearaamatukogu arhiivis hoitakse alles järgmine A. S. Gribojedovi kiri M. N. Zagoskinile:

„Armas Mihhailo Nikolajevitš.

Oma olukorras oli mul piinlik sind looži pärast tülitada, kuid hiljuti sa ise pakkusid ja mina loodan antud sõnale. Need read jäägu mälestuseks.

Un bienfait n'est jamais perdu. *

Ela hästi

A. G.”

Teisel küljel on aadress:

„T[ema] K[õrgeaususele]

A[ustatud] H[ärra] Mihhail Nikolajevitš Zagoskinile”

(Gribojedovi käekiri)

„Novosiltsovi maja Van[as] Kon[jušennajas]

(Tundmatu isiku käekiri)

Kiri ei ole dateeritud. Gribojedovi ja Zagoskini vahekorra küsimuste nõrga läbitöötamise tõttu on kirja dateerimine raskendatud. Hästi on valgustatud Gribojedovi 1817. a. kirjutatud satiiri „Laadateater” episood. On teada, et 1810-ndail aastail kandis Gribojedovi ja Zagoskini vahekord vaenulikku iseloomu. Edaspidistest omavahelistest suhetest ei ole teateid, välja arvatud Zagoskini poja Sergei Mihhailovitši väide „Mälestustes”, et hiljem Gribojedov

* Heategu ei kustu kunagi.

leppis ära Zagoskiniga. Siin avaldatav kiri räägib ka juba mitte enam vaenulikest suhetest nende vahel. Täie veendumusega võib ütelda, et kiri kuulub M. N. Zagoskini Moskva-elujärku, sest et kirjal on Zagoskinite Moskva aadress. Zagoskin elas Moskvas alates 1820. a. Gribojedov elas samast ajast alates Moskvas kolm korda: aastail 1823—1824, 1826 ja 1828. Tõenäolisem on, et kiri on kirjutatud aastail 1823—1824 või a. 1826, millal Gribojedov elas Moskvas kestvamalt. Aastaisse 1823—1824 dateerimise poolt räägib see tõsiasi, et tol ajal ta tõepoolest lähenes Moskva teatri-ringkondadele ja oli tihti teatris. Kuid on rida fakte säärase dateerimise vastu:

- 1) ei saa kuidagi seletada väljendit „oma olukorras“;
- 2) ei ole kooskõlas P. A. Vjazemski väitega, et tema poolt koos Gribojedoviga kirjutatud ooperil-vodevillil „Kes vend, kes õde“ ei olnud edu M. N. Zagoskini intriigide tõttu;
- 3) ei ole kooskõlas aadressis tarvitatud sõnadega „Tema Kõrgeaususele“, sest ametiastme, mis andis õiguse sääraseks pöördumiseks, sai Zagoskin hiljem.

Kirja dateerimise poolt 1826. aastasse, millal Gribojedov oli Moskvas juuli lõpust kuni augusti keskpaigani, räägivad järgmised tõsiasiad:

1) „oma olukorras“ seletub sellega, et Gribojedov, kes just äsja vabanes uurimise alt dekabristide asjas, ei tahtnud kompromiteerida oma tuttavaid;

2) ametiastme, mis andis õiguse pöördumise „Tema Kõrgeausus“ tarvitamiseks, oli Zagoskin selleks ajaks tõenäoliselt saanud;

3) palve saada looži seletub raskustega koha saamisel teatris ühenduses Nikolai I kroonimise ettevalmistamisega, millal õukond ja kaardivägi olid juba Moskvas;

4) sõnu „Need read jäägu mälestuseks“ võib seletada eesoleva pikemaajalise sõiduga Kaukaasiasse.

Mõningast ebaselgusest hoolimata võib väita, et kiri on kirjutatud augusti esimesel poolel 1826. a.

SISUKORD

ОГЛАВЛЕНИЕ

Э. Янсен. О революционном движении среди Тартуских студентов в конце XIX и начале XX веков	3
E. Jansen. Revolutsioonilisest liikumisest Tartu üliõpilaste hulgas XIX sajandi lõpul ja XX algul. <i>Resüme</i>	51
В. Грабарь. Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете	55
V. Grabar. Veerand sajandit Tartu ülikoolis. <i>Resüme</i>	73
P. Ariste. Eesti keele ja soome-ugri keelte õpetamisest ja uurimisest Tartu ülikoolis (1802—1952)	77
П. Аристе. О преподавании и исследовании эстонского и финноугорских языков в Тартуском университете (1802—1952). <i>Резюме</i>	106
E. Laugaste. Fr. R. Faehlmanni ja Fr. R. Kreutzwaldi sidemed Tartu ülikooliga	109
Э. Лаугасте. Связи Фр. Р. Фельмана и Фр. Р. Крейцвальда с Тартуским университетом. <i>Резюме</i>	126
Б. Правдин. Русская филология в Тартуском университете	130
V. Pravdin. Vene filoloogia Tartu ülikoolis. <i>Resüme</i>	165
K. Aben. Ladina tähestikuga keeltest pärinevate võõrpärisnimede transkribeerimisest eesti keeles	167
K. Aben. О правописании в эстонском языке иностранных имен собственных из языков с латинским алфавитом. <i>Резюме</i>	191
Б. Егоров. Молодой Добролюбов как фольклорист и этнограф	196
V. Jegorov. Noor Dobroľubov kui folklorist ja etnograaf. <i>Resüme</i>	220
С. Исаков и В. Беззубов. Неопубликованное письмо А. С. Грибоедова к М. Н. Загоскину	223
S. Issakov ja V. Bezzubov. A. S. Gribojedovi avaldamata kiri M. N. Zagoskinile. <i>Resüme</i>	231

Toimetaja E. Martinson
Tehniline toimetaja H. Kohu
Korrektorid H. Peel ja Ü. Rattur

Ladumisele antud 9. XI 1953. Trükkimisele antud 7. V 1954. Trükiarv 1000. Paber 60×92, ¹/₁₆. Trükipoognaid 14,75. Arvutuspoognaid 14,9. MB-07797. Hans Heidemanni nimeline trükikoda, Tartu, Vallikraavi 4. Tellimise nr. 4217.

На эстонском и русском языках.

Hind rbl. 10.95